

История магии

Элифас Леви

Histoire de la magie

Éliphas Lévi

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Gutenberg « » История магии

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История магии

Автор: Элифас Леви

Дата выпуска: 8 апреля 2007 г. [электронная книга № 21013]

Язык: французский

Благодарности: Произведено R. Cedron, Rénauld Lévesque и Online Distributed Proofreaders Europe на сайте <http://dp.rastko.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МАГИИ» ***

Медицинская библиотека GERMER BAILLIÈRE,
RUE DE L'ÉCOLE-DE-MÉDECINE, 17, В ПАРИЖЕ.

ДОГМЫ И РИТУАЛЫ

ВЫСОКОЙ МАГИИ.

Автор: М. ЭЛИФАС ЛЕВИ.

1856, 2 тома in-8, с 23 иллюстрациями. -- 28 франков.

Эта работа состоит из двух частей. В одной из них автор излагает каббалистическое и магическое догма в целом; другая посвящена культу, то есть церемониальной магии. Одна часть — это то, что древние мудрецы называли «ключицей», а другая — то, что сельские жители до сих пор называют «гримуаром». Количество и тема глав, которые соответствуют друг другу в обеих частях, не являются произвольными и находятся в большой всеобщей ключи, которую автор впервые дает полное и удовлетворительное объяснение.

Эта книга является католической, и если содержащиеся в ней откровения могут встревожить сознание простых людей, то утешительно думать, что они ее не будут читать. Она написана для людей без предрассудков, и автор не хотел льстить ни безбожию, ни фанатизму.

ИСТОРИЯ СОМНАМБУЛИЗМА, ИЗВЕСТНОГО ВСЕМ НАРОДАМ, ПОД РАЗЛИЧНЫМИ НАЗВАНИЯМИ ЭКСТАЗА, СНОВИДЕНИЙ, ОРАКУЛОВ, ВИДЕНИЙ, ИЗУЧЕНИЕ ДОКТРИН

ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ О ПРИЧИНАХ, ПОСЛЕДСТВИЯХ, ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ, ПРЕИМУЩЕСТВАХ И ПОЛЕЗНОСТИ ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА С МЕДИЦИНОЙ.

Автор: ОБЕН ГОТЬЕ.

1842 г. -- 2 тома in-8. -- 10 франков.

ГОТЬЕ (Обен). Практический трактат о магнетизме и сомнамбулизме. 1844, 1 т. in-8 (Исчерпано.) 10 франков.

GAUTHIER (Aubin). Магнитный журнал, журнал лечения и магнитных и сомнамбулических явлений. Декабрь 1844 г. – октябрь 1846 г. 2 тома in-8. 6 франков.

Номера за май, июнь, июль, август и сентябрь 1846 г. так и не были опубликованы и образуют в 2-м томе пробел на страницах 211–432.

ИСКУССТВО МАГНИТИЗИРОВАТЬ ИЛИ ЖИВОТНЫЙ МАГНИТИЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ, ПРАКТИКИ И ТЕРАПИИ,

Автор: Ш. ЛАФОНТЕН.

1852, 2-е дополненное издание. 1 том in-8 с иллюстрациями, 5 франков.

ЛАФОНТЕН, Разъяснение магнетизма. Магнитные лечения в Женеве. 1855, in-18, бр. 1 франк 50

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ЖИВОТНОМУ МАГНИТИЗМУ, С ПРЕДЫДУЩИМ ОПИСАНИЕМ ЖИЗНИ И РАБОТ АВТОРА И ПОСЛЕДУЮЩИМ ПИСЬМОМ ИНОСТРАННОГО ВРАЧА,

Автор: Ж.-П.-Ф. ДЕЛЕЗ.

1853. 1 том in-12, 440 страниц. Цена: 3 франка 50 центов.

ДЕЛЕЗ. Критическая история животного магнетизма. 2-е издание, 1819, 2 тома in-8. 9 франков.

ДЕЛЕЗ. Мемуары о способности предвидения, с примечаниями и подтверждающими документами, а также с рядом примеров предвидений, собранных у древних и современных авторов. 1836, in-8, br. 2 франка 50 центов

ПОРТРЕТ ДЕЛЕЗА, напечатанный на квадрате веленовой бумаги. 1 франк.

МГНЕТИЗМ И СОМНАБУЛИЗМ ПЕРЕД УЧЕНЫМИ АКАДЕМИЯМИ, РИМСКИМ ДВОРОМ И ТЕОЛОГАМИ,

Автор: аббат Ж.-Б. ЛУБЕР,

священника, бывшего студента медицинского факультета.

1844. 1 том, 706 страниц. Цена: 7 франков.

ТРАКТАТ О ЖИВОТНОМ МАГНИТИЗМЕ, СЛЕДУЮЩИЙ ЗА СЛОВАМИ СОННАБУЛА И
СБОРНИКОМ МАГНИТНЫХ ЛЕЧЕНИЙ,

Автор: Жозеф Оливье.

1854, 1 том in-8, 524 страницы. -- 6 франков.

РИКАР. Письма магнетизера, 1843, 1 том in-18. 2 франка.

РИКАР. Физиология и гигиена магнетизера, диета для магнетизированных. Мемуары и афоризмы Месмера. 1844, in-18. 3 франка 50

РИКАР. Магнетизм, представленный в суде присяжных. Оправдание. 1845. 1 том, in-8. 2 франка 50

ROUX. Взгляд на магнетизм и сомнамбулизм. 1846, in-8. 2 франка 50

ТЕСТЕ. Исповедь магнетизера, сопровождаемая медико-магнитной консультацией по поводу волос г-жи Лафарж. 1842, 2 тома. in-8. 6 франков.

ФИЗИОЛОГИЯ, МЕДИЦИНА И МЕТАФИЗИКА МАГНИТИЗМА, ДОКТОР ШАРПИГНОН.

1848. 1 т. in-8, 480 страниц. Цена: 6 франков.

ШАРПИГНОН. Взгляд на медицинские учения (классические системы), витализм, спиритуализм, гомеопатию, магнетизм, гидротерапию, 2-е изд. 1858, 1 т. in 8. 3 франка 50

ШАРПИГНОН. Физические исследования животного магнетизма, представленные Академии наук. 1843, in-8, br. 1 франк.

ЭФИР, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАТЕРИЯ, ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ QUÆRE ET INVENIES (ФИЗИКА,
ТЕОЛОГИЯ, ГОВОРЯЩИЕ СТОЛИКИ И РЕФОРМЫ), дополненное VOYANTE DE PREVORST.

1854. 1 том. in-8.--5 франков.

Опубликованная в 1854 году по случаю появления говорящих столов и под впечатлением надежд на социальное обновление, которые они все дали в Америке, эта книга представляет собой любопытное собрание космологических систем, противостоящих гипотезам Ньютона, и реформаторских идей в области образования и знаков обмена. *«Пророчество Преворста»*, отрывок из которого завершает книгу, практически неизвестно во Франции, хотя несколько лет назад оно произвело довольно большое впечатление в Германии. Его автор, Юстин Кернер, был одновременно приятным поэтом и умелым врачом. Все в этом рассказе о «», который испытал в течение семи лет такой бедный больной, является правдой. Поэтому философы могут с полной уверенностью рассуждать на основе этих фактов. Париж. Типография L. MARTINET, rue Mignon, 2.

ИСТОРИЯ МАГИИ

С ЧЕТКИМ И ТОЧНЫМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ЕГО ПРОЦЕДУР, ОБРЯДОВ И ТАЙН

ЭЛИФАСА ЛЕВИ

Автор «Догмы и ритуала высшей магии».

Opus hierarchicum et catholicum.

(Это иерархическое и католическое произведение.)

Определение великого дела, Х. КХУНБАТ

С 18 таблицами, представляющими 90 фигур.

ПАРИЖ

ГЕРМЕР БАЙЛЕР, КНИГОТОРГОВЕЦ-ИЗДАТЕЛЬ,
17, УЛИЦА МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ.

ЛОНДОН И НЬЮ-ЙОРК,
Н. BAILLIÈRE.

МАДРИД.
Ш. БАЙИ-БАЙЛЕР.

1860

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работы Элифаса Леви по науке древних магов составят полный курс, разделенный на три части:

Первая часть содержит *Догму и Ритуал высшей магии*; вторая — *Историю магии*; третья — *Ключ к великим тайнам*, который будет опубликован позднее.

Каждая из этих частей, изученная отдельно, дает полное представление и, кажется, содержит всю науку. Но для полного и всестороннего понимания одной из них необходимо тщательно изучить две другие.

Это тройное деление нашего труда было дано нам самой наукой, ибо наше открытие великих тайн этой науки полностью основано на значении, которое древние иерофанты придавали числам. Три было для них числом-генератором, и в обучении любой доктрине они сначала рассматривали теорию, затем реализацию, а затем адаптацию ко всем возможным применениям. Так формировались догмы, как философские, так и религиозные. Так догматический синтез христианства, унаследованного от магов, навязывает нашей вере три лица в Боге и три тайны в универсальной религии.

В разделении наших двух уже опубликованных работ мы следовали, и будем следовать в разделении третьей, плану, начертанному каббалой, то есть самой чистой традицией оккультизма.

Наше *Догма* и наш *Ритуал* разделены на двадцать две главы, обозначенные двадцатью двумя буквами еврейского алфавита. В начале каждой главы мы поместили соответствующую букву с латинскими словами, которые, по мнению лучших авторов, указывают на ее иероглифическое значение. Так, в начале первой главы, например, мы читаем:

1 x A

ПОЛУЧАТЕЛЬ,

Disciplina,

Ensoph,

Keter.

Это означает, что буква алеф, эквивалент которой в латыни и французском языке — A, с числовым значением 1, означает получателя, человека, призванного к посвящению, умелого индивидуума (жонглер в таро), а также догматическую силлепсу (disciplina), существо в его общем и первоначальном понимании (Ensoph); наконец, первоначальную и неясную идею божественности, выраженную *keter* (корона) в каббалистической теологии.

Глава является развитием названия, а название иероглифически содержит всю главу. Вся книга составлена в соответствии с этой комбинацией.

История магии, которая следует за этим и которая, после общей теории науки, данной *Догмой* и *Ритуалом*, рассказывает и объясняет достижения этой науки на протяжении веков, составлена в соответствии с семью числами, как мы объясняем в нашем Введении. Число семь — это число созидательной недели и божественного осуществления.

Ключ к великим тайнам будет основан на числе *четыре*, которое является числом загадочных форм сфинкса и элементарных проявлений. Это также число квадрата и силы, и в этой книге мы установим уверенность на незыблемых основах. Мы полностью объясним загадку сфинкса и дадим нашим читателям ключ к вещам, скрытым с начала мира, который ученый Постель () не осмелился изобразить в одной из своих самых непонятных книг, кроме как в загадочной форме и без удовлетворительного объяснения.

История магии объясняет утверждения, содержащиеся в «Догме и ритуале»; «Ключ к великим тайнам» дополнит и объяснит историю магии. Таким образом, внимательный читатель, как мы надеемся, не упустит ничего из нашего раскрытия тайн каббалы евреев и высшей магии, будь то Зороастра или Гермеса.

Автор этих книг с удовольствием дает уроки серьезным и образованным людям, которые об этом просят, но он должен сразу предупредить своих читателей, что он не гадает, не учит гаданию, не делает предсказаний, не изготавливает зелья, не занимается никакими заклинаниями и вызыванием духов. Он человек науки, а не человек престижа. Он решительно осуждает все, что осуждает религия, и поэтому его не следует путать с людьми, которых можно без опаски беспокоить, предлагая им использовать свои знания в опасных или незаконных целях.

Он ищет искренней критики, но не понимает некоторых проявлений враждебности.

Серьезное изучение и добросовестный труд выше всех нападок; и первые блага, которые они приносят тем, кто умеет их ценить, — это глубокий покой и всеобщая доброжелательность.

ЭЛИФАС ЛЕВИ.

1 сентября 1859 года.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ДАННОЙ КНИГИ.

Предисловие

ВВЕДЕНИЕ

Ложное определение магии. Ее нельзя определять наугад. Истинное определение,

Пылающая звезда, что это такое. Существование абсолюта,

Магия как абсолютная наука,

Ошибки Дюпюи,

Осквернение науки. Предсказание графа де Местра,

Масштабы и значение магической науки. Справедливость Бога,

Сила адепта,

Дьявол и наука,

Существование демонов,

Ложное представление о дьяволе,

Концепция манихеев.

Преступления колдунов,

Астральный свет. Его называют *воображением природы*. Что это такое,

Его воздействие,

Определение магнетизма,
Согласие разума с верой,
Джакин и Бобас,
Принцип иерархии,
Религия каббалистов,
Образы Бога,
Теория света,
Тайны сексуальной любви,
Антагонизм сил,
Предполагаемая папа Инна,
Каббала объясняет и примиряет все,
Почему Церковь осудила магию,
Догматическая магия объясняет философию истории,
Вредные любопытства, связанные с магией,
План этой книги,
Подчинение автора установленному порядку.

КНИГА ПЕРВАЯ — Магические истоки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. — Сказочные истоки

Книга Еноха и падение ангелов,
Смысл легенды,
Книга покаяния Адама,
Кто такой Енох.
Апокалипсис святого Мефодия.
Дети Сета и Каина.
Причина оккультизма.
Ошибка Руссо.

Иудейские традиции.

Слава христианства.

Сефер Джезира, Зоар и Апокалипсис,

Начало Зоара.

ГЛАВА II. Магия магов

Настоящий и ложный Заратустра,

Догматы истинного Зороастра.

Трансцендентальная пиротехника.

Электрические секреты Нумы.

Страница Зороастра о демонах и жертвоприношениях.

Важные откровения о магнетизме.

Посвящение в Ассирии,

Чудеса ассирийцев.

Дю Поте согласен с Зороастром.

Опасность, которой подвергаются неосторожные.

Власть человека над животными.

Падение священства в Ассирии.

Магическая смерть Сарданапала.

ГЛАВА III. Магия в Индии

Индийцы — потомки Каина. Индия — родина идолопоклонства. Учение гимнософистов,

Индийское происхождение гностицизма,

Ученые басни Индии,

Черная магия Уп нек хат. М. Рагон, цитируемый автор,

Великие индийские тайны,

Восставшие индейцы и англичане.

ГЛАВА IV. Герметическая магия

Изумрудная таблица,
Другие сочинения Гермеса,
Магический смысл древней географии Египта,
Министерство Иосифа,
Священный алфавит,
Исиадский стол Бембо,
Таро, объясненное Сефер Джезира,
Таро Карла VII,
Магическая наука Моисея.

ГЛАВА V. Магия в Греции

Сказки о Золотом руне,
Медея и Ясон,
Пять магических эпопей,
Эсхил, осквернивший тайны,
Орфей из легенды,
Орфические мистерии,
Гоетия,
Ведьмы Фессалии,
Медея и Цирцея,

ГЛАВА VI. Математическая магия Пифагора

Пифагор, наследник традиций Нумы,
Кем был Пифагор. Его учение о Боге,
Красивое высказывание против анархии. Золотые стихи,
Символы Пифагора. Его целомудрие,
Его гадание,
Как он объясняет свои чудеса,
Секрет толкования снов,
Верования Пифагора.

ГЛАВА VII. Священная каббала

Происхождение каббалы
Отвращение каббалистов к идолопоклонству
Их определение Бога
Принципы каббалы
Божественные имена и священный алфавит
Ключи Соломона
Могут ли духи возвращаться
Флюидные личинки
Свет, великий магический агент
Непристойное происхождение личинок

КНИГА II. Формирование и реализация догмы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. -- Первобытный символизм истории

Аллегория земного рая

Глупость великого ума

Тайны Бытия

Бельфегор

Его культ

Шаббат, подражание тем же обрядам

Упадок иерархии

Философия случайности

Учение Платона

Ответ Аполлона жителям Делоса

Кубический камень

Краткое изложение неоплатонизма

ГЛАВА II. Мистицизм

Неприкосновенность магической науки

Профанные и мистические школы

Вакханки

Материалистические реформаторы. Мистики-анархисты

Безумные провидцы. Их отвращение к мудрецам

Терпимость истинной Церкви

Аморальная тенденция ложных чудес

Ложные терафимы

Обряды черной магии

Причина видений

М. Бриер де Буамон и его «Трактат о галлюцинациях»

ГЛАВА III. Посвящения и испытания

Что такое великое дело

Четыре формы сфинкса, аллегорически воспроизведенные на щите Ахилла

Аллегии Геракла и Эдипа. Испытания

Традиция, на которую ссылается Платон

Платон-каббалист

Разница между Платоном и Св. Иоанном

Несчастные опыты

Гомеопатия, практикуемая греками

Пещера Трофония и пещера собаки. Наука египетских жрецов

Лактанций высмеивает антиподов

Аид у греков

Полезность боли

Картина Кебеса и поэма Данте

Учения Федона

ГЛАВА IV. Магия публичного культа

Суеверие, объясняемое необходимостью культа

Ортодоксальные традиции

Клевета непосвященных против посвященных

Аллегория о Вакхе

Тиресий и Калхас

Священство по Гомеру

Оракулы сивилл

ГЛАВА V. — Тайны девственности

Учреждение весталок

Традиционная добродетель девственной крови

Символизм священного огня

Честь у римских женщин

Иерофантия Нумы

Гениальные идеи Вольтера о гадании

Пророческий инстинкт масс

Ложные оценки оракулов Кирхером и Фонтенелем

Религиозный календарь Нумы

ГЛАВА VI. О суевериях

Прекрасная мысль святого Григория, папы римского

Соблюдение чисел и дней

Воздержание магов

Мнения Порфирия

Мифологические данные об инстинктах животных

Отрывок из Еврипида

Причина воздержания пифагорейцев

Уникальный отрывок из Гомера

Римские суеверия

Заклинания

Магические вихри

ГЛАВА VII. Магические памятники

Семь чудес света, представляющих семь магических планет

Философское резюме древних

КНИГА III. Синтез и божественное воплощение магии через христианское откровение.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Христос, обвиненный в магии

Глубинный смысл начала Евангелия от Иоанна Иезекииль-каббалист

Особый характер христианства

Обвинения иудеев против Спасителя

Прекрасная легенда из апокрифических Евангелий

Иоанниты

Магические книги, сожженные в Эфесе

Великий Пан умер!

ГЛАВА II. Истина христианства через магию

Абсолютное существование религии

Существенное различие между наукой и верой

Нелепые возражения

Реальность христианства, доказанная милосердием

Симон Волшебник

Его история

Его учение

Его беседа со святыми Петром и Павлом

Его падение

Его секта, продолженная Менандром

ГЛАВА III. О дьяволе

Сатана и Люцифер

Мудрость Церкви

Что такое дьявол по мнению посвященных в оккультные науки

Мнения Торребланка

Астральные извращения

Демоны, олицетворение пороков

ГЛАВА IV. Последние язычники

Вечное чудо Бога

Цивилизационное воздействие христианства

Аполлоний и Юлиан. Аллегорическая легенда об Аполлонии

Продолжение этой легенды

Суд над Юлианом и Аполлонием

ГЛАВА V. Легенды

Юстина и Киприана

Магическая молитва святого Киприана

Золотая легенда

Почему христиан обвиняли в поклонении ослиной голове

Золотой осел Апулея

Изошренность святого Августина

ГЛАВА VI. Каббалистические рисунки

Эмблемы катакомб

Настоящие и ложные гностики

Ересиарх Маркос

Вторжение женщин в священство

Дьявольские чудеса

Манихеи

Опасность заклинаний

Потеря каббалистических ключей

ГЛАВА VII. Александрийская школа

Аммоний Саккас, Плотин, Порфирий, Прокл, Гипатия

Неосторожные признания Синезия

Сочинения этого посвященного

Его трактат о снах комментирует Иероним Кардан

Книги святого Дионисия Ареопагита, приписываемые Синезию

КНИГА IV. Магия и цивилизация.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Магия у варваров

История Филинниума и Махатеса

Мифология германцев и друидов

Магия Эубагов

ГЛАВА II. Влияние женщин

Велледа, оклеветанная Шатобрианом

Кто такая Берта с длинными ногами

Мелузина

Святая Клотильда

Фредегонда

Легенда или история о Клодсвинте

Фредегонда спасает женщину от злобы

ГЛАВА III — Салический закон против колдунов

Салические законы

Необычный отрывок из Талмуда, объясненный раввином Йехиэлем королеве Бланш

Любители дьявола, осужденные Церковью

Карл Мартел

Каббалист Зедекия и элементарные духи

ГЛАВА IV. Легенды о Карле Великом

Карл Великий и Роланд

«Эухиридион» Леона III

Свободные судьи

Просветленные

Странствующие рыцари

ГЛАВА IV. Маги

Папа и император

Отлучения от церкви

Дьявольские легенды

Раввин Йехиэль и святой Людовик

Альберт Великий и его андроид

Святой Фома Аквинский

Что такое квинтэссенция

ГЛАВА VI. Известные судебные процессы

Власть религиозных орденов

Темплиеры

Светская легенда о жизни Иисуса Христа, написанная Джоннитами

Секретная доктрина тамплиеров

Их суд

Их кажущееся уничтожение

Святая и доблестная Жанна д'Арк

Жиль де Лаваль, сеньор де Раиз, прототип *Синей Бороды*

ГЛАВА VII. Суеверия, связанные с дьяволом

Как появляется дьявол

Ужасные галлюцинации

Причины появления

Что говорят вращающиеся столы

КНИГА V. -- Адепты и священство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Священники и папы, обвиняемые в магии

Неприкосновенность священства

Обвинения ложных адептов

Сильвестр II ложно обвинен

Легкомыслие Платина

Нелепая история о папке Жанне

Мнение Науде о Сильвере II

Гримуар Гонория,

--Ее предполагаемый автор

Любопытный и совершенно новый анализ этого гримуара

ГЛАВА II. Появление кочевых богемцев

Выдержка из старинной хроники

Цитата из «*Истинной истории истинных цыган*» М. Вайяна

Мнение автора о цыганах

ГЛАВА III. Легенда и история Раймунда Луллия

ГЛАВА IV. — Алхимики

Фламель и книга еврея Авраама,

--Загадочные персонажи этой книги,

--Традиция о Фламеле

Бернард Тревизан. Василий Валентин и Тритхем. Корнелий Агриппа,

--Пантакл Тритема

Гийом Постель. Его учение

--Мать Жанна

--Воскресший Постель

--Отец Десбийон оправдывает Постеля

Парацельс

--Оккультная медицина

--История, рассказанная Тавернье

--Секреты Парацельса

ГЛАВА V.--Известные колдуны и маги

Каббалистический анализ поэмы Данте

Роман о розе

Споры дьявола и Лютера

Сожаления Лютера о том, что он женился

Колдуны при Генрихе III

Видения Жака Клемана

Происхождение розенкрейцеров

--Генри Кунрат

--Освальд Кроллиус

Известные алхимики начала XVII века

Манифест розенкрейцеров

ГЛАВА VI. --Судебные процессы по делам о магии

Реальные преступления колдунов

Прискорбные приговоры

Судебный процесс над Луи Ганфриди

Судебный процесс над Урбаном Грандье

Мнение автора об этом процессе

Судебный процесс над монахинями из Лувье

--Судебный процесс над отцом Жираром

--Причины некоторых чудес

--История явления

ГЛАВА VII.--Магические истоки масонства

Что такое масонство

Легенда об Хираме

--Ее объяснение

КНИГА VI. -- Магия и революция

ГЛАВА ПЕРВАЯ. -- Выдающиеся авторы XVIII века

Открытия в Китае

И-цзинь и триграммы Фо-хи

Мнение Лейбница о и-цзине

Сведенборг

Месмер

Открытие магнетизма

ГЛАВА II. Чудесные личности XVIII века

Граф Сен-Жермен

Тайное общество Сен-Жакина

Алхимик Ласкарис

Граф Калиостро

Объяснение его печати и каббалистического имени

Секрет физического возрождения по Калиостро

ГЛАВА III. Пророчества Казотта

Школа мартинистов

Ужин Казотта

Тайны влюбленного дьявола

Лилит и Набема

Смерть Казотта

ГЛАВА IV. Французская революция

Бедствия, вызванные галлюцинациями Руссо

Ложь на улице Плятриер

Людовик XVI, преданный на милость тамплиеров

Иоанниты и Иаковцы

Странные предсказания

ГЛАВА V. Явления медиумизма

Рождение секты

Дом Жерле и Катрин Тео

Ночной визит Робеспьера

Спасители Людовика XVII

Наунддорф, Винтрас и г-н Мадроль

ГЛАВА VI. Просветленные Германии

Магия Эккартсхансена

Призывания Лаватера

Откровения духа Габлидоне

— Он предсказывает приход мага по имени *Осфал, Альфос, Маффон* или *Элифисма*

Стабс и Наполеон

Мопсы и их тайны

Драматическая эпопея Фауста

ГЛАВА VII. Империя и реставрация

Предсказания, касающиеся Наполеона

Мадемуазель Ленорман

Мадам Буш и мадам де Круденер рядом с императором Александром

Крестьянин Мартин видит ангела, одетого в лакея, и представляется королю Людовику XVIII

КНИГА VII. Магия в XIX веке.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Мистические магнетизеры и материалисты

Заразные безумия Шарля Фонье

Объяснение догмы об аде

Воспоминания г-на Оеггера, викария собора Нотр-Дам

Гротескные ложные боги. Генео, Шенео, Туррей, Огюст Конт и Вронский

ГЛАВА II. Галлюцинации

История галлюцинатора Эжена Винтраса

ГЛАВА III. -- Магнетизеры и сомнамбулы

Обоснованное недоверие Церкви к злоупотреблениям сомнамбулизмом

Замечательная работа барона Дю Поте

Вращающиеся столы, ставшие роковыми для Виктора Эннекена

Российская дама, посчитавшая свой столик еретическим, везет его в Рим и получает от Святого Отца разрешение сжечь его

Серьезные размышления о дьявольской и бурлескной мелодраме

ГЛАВА IV. Фантазеры в магии

Альфонс Эскирос изобретает романтическую и фантастическую магию

Анри Делаж становится продолжателем Альфонса Эскироса

Его научная и литературная наивность

Граф д'Урш и его чудеса

Барон Гульденстуббе и его чудесные писания

Человек, похороненный заживо

История о вампире

Картоман Эдмон

ГЛАВА V. — Личные воспоминания автора

Автор представлен волшебником Эскиросом *богу* Гауно

Эксцентричные учения Мапах

Неблагоприятные последствия

Неизвестная причина революции 1848 года

Посмертный волшебник

ГЛАВА VI. Оккультные науки

Краткое изложение принципов

ГЛАВА VII. -- Резюме и заключение

Загадка сфинкса и ее решение

Восемь парадоксальных вопросов с ответами

Заключение

Почему тот, кто знает, должен верить

Результаты открытий в области магии

Любопытный отрывок из Винсента из Лерина

Цитата графа Жозефа де Местра

Замечательный текст святого Фомы

Вероятное будущее науки

Цель книги

КОНЕЦ АНАЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ.

Примечание переписчика:

Иврит обычно пишется справа налево. Именно так ивритские цитаты были введены в исходный файл. Однако браузеры (IE, Firefox и Netscape) меняют порядок и пишут текст слева направо.

ИСТОРИЯ МАГИИ.

ВВЕДЕНИЕ.

Слишком долго магия путалась с фокусами шарлатанов, галлюцинациями больных и преступлениями некоторых исключительных злодеев. Многие люди, кстати, с удовольствием определили бы магию как *искусство производить эффекты без причин*. И согласно этому определению, толпа скажет, с присущим ей здравым смыслом, даже в своих самых больших несправедливостях, что магия — это абсурд.

Магия не может быть тем, чем ее делают те, кто ее не знает. Кроме того, никто не имеет права делать ее тем или иным; она есть то, что она есть, она существует сама по себе, как математика, потому что это точная и абсолютная наука о природе и ее законах.

Магия — это наука древних магов; и христианская религия, которая заставила замолчать лживых оракулов и положила конец всему очарованию ложных богов, сама почитает этих магов, которые пришли с Востока, ведомые звездой, чтобы поклониться Спасителю мира в его колыбели.

Традиция дает этим магам титул *королей*, потому что посвящение в магию представляет собой настоящее королевство, и потому что великое искусство магов называется всеми адептами: *королевское искусство* или святое царство, *sanctum regnum*.

Звезда, которая ведет их, — это та же самая пылающая звезда, изображение которой мы находим во всех посвящениях. Для алхимиков это знак квинтэссенции, для магов — великая тайна, для каббалистов — священный пентаграмма. Теперь мы докажем, что изучение этой

пентаграммы должно было привести магов к познанию нового имени, которое возвысится над всеми именами и заставит преклонить колени всех существ, способных поклоняться.

Таким образом, магия объединяет в одной науке то, что может быть наиболее достоверным в философии, и то, что является непогрешимым и вечным в религии. Она безупречно и бесспорно примиряет два понятия, которые на первый взгляд кажутся столь противоположными: вера и разум, наука и убеждение, авторитет и свобода.

Она дает человеческому разуму инструмент философской и религиозной уверенности, столь же точный, как математика, и объясняющий непогрешимость самой математики.

Таким образом, в сфере разума и веры существует абсолют. Высший разум не оставил на произвол случая проблески человеческого разумения; Существует неоспоримая истина, существует непогрешимый метод познания этой истины; и благодаря познанию этой истины люди, которые принимают ее за правило, могут наделять свою волю верховной властью, которая сделает их хозяевами всех низших существ и всех блуждающих умов, то есть арбитрами и царями мира!

Если это так, почему эта высокая наука до сих пор неизвестна? Как можно предположить существование такого великолепного солнца в небе, которое мы видим мрачным? Высокая наука всегда была известна, но только избранным умам, которые понимали необходимость молчать и ждать. Если бы умелый хирург смог посреди ночи открыть глаза слепорожденному, как он мог бы до утра объяснить ему существование и природу солнца?

У науки есть свои ночи и свои рассветы, потому что она дает интеллектуальному миру жизнь, которая имеет свои регулярные движения и постепенные фазы. Истины подобны лучам света: ничто из того, что скрыто, не теряется, но и ничто из того, что найдено, не является абсолютно новым. Бог захотел дать науке, которая является отражением Его славы, печать Его вечности.

Да, высшая наука, абсолютная наука, это магия, и это утверждение должно показаться весьма парадоксальным тем, кто еще не усомнился в непогрешимости Вольтера, этого чудесного невежды, который верил, что знает так много, потому что всегда находил способ посмеяться вместо того, чтобы учиться.

Магия была наукой Авраама и Орфея, Конфуция и Зороастра. Именно догмы магии были высечены на каменных скрижалях Енохом и Трисмегистом. Моисей очистил их и *вновь открыл*, в этом заключается смысл слова «открыть». Он наделил их новым покровом, когда сделал святую Каббалу исключительным наследием народа Израиля и нерушимой тайной его священников (). Мистерии Элевсина и Фив сохранили среди народов несколько уже измененных символов, таинственный ключ к которым был утрачен среди инструментов все растущего суеверия. Иерусалим, убивший своих пророков и столько раз предававшийся ложным богам сирийцев и вавилонян, наконец, в свою очередь, утратил святое слово, когда спаситель, объявленный волхвам священной звездой посвящения, пришел, чтобы разорвать изношенную завесу старого храма и дать Церкви новую ткань легенд и символов, которая всегда скрывает от непосвященных и сохраняет для избранных ту же самую истину.

Вот что наш ученый и несчастный Дюпюи должен был прочитать в индийских планисферах и на табличках из Дендера, и перед единодушным утверждением всей природы и памятников науки всех веков он не пришел бы к отрицанию подлинно католического, то есть всеобщего и вечного культа!

Это было воспоминание об этом научном и религиозном абсолюте, об этой доктрине, которая сводится к одному слову, об этом слове, наконец, попеременно утраченном и вновь обретенном, которое передавалось избранным всех древних посвящений; именно это воспоминание, сохраненное или, возможно, оскверненное в знаменитом ордене тамплиеров, стало для всех тайных обществ розенкрейцеров, иллюминатов и масонов причиной их странных обрядов, их более или менее условных знаков и, прежде всего, их взаимной преданности и могущества. Доктрины и тайны магии были осквернены, мы не хотим это отрицать, и это осквернение, повторявшееся из века в век, стало для неосторожных провозвестников () большим и страшным уроком. Гностики заставили христиан запретить гнозис, и официальное святилище закрылось для высшего посвящения. Таким образом, иерархия знания была скомпрометирована посягательствами узурпирующего невежества, и беспорядки в святилище повторились в государстве, потому что всегда, волей-неволей, король подчиняется священнику, и именно от вечного святилища божественного учения земные власти, чтобы обеспечить себе долговечность, всегда будут ждать своего освящения и своей силы.

Ключ к науке был передан детям, и, как и следовало ожидать, этот ключ в настоящее время утерян и, по-видимому, потерян. Однако человек с высокой интуицией и большим моральным мужеством, граф Жозеф де Местр, убежденный католик, признавая, что мир лишен религии и не может долго просуществовать в таком состоянии, невольно обратил свой взор к последним святилищам оккультизма и всем сердцем желал наступления того дня, когда естественное сходство между наукой и верой наконец объединит их в уме гениального человека. «Этот человек будет великим! — восклицал он, — и он положит конец XVIII веку, который все еще продолжается... Тогда о нашей нынешней глупости будут говорить так же, как мы говорим о варварстве средневековья!»

Предсказание графа де Местра сбылось; союз науки и веры, давно заключенный, наконец проявился, но не в гении, ведь не нужно быть гением, чтобы увидеть свет, да и гений никогда ничего не доказывал, кроме своего исключительного величия и недоступного для толпы просветления. Великая истина требует только того, чтобы ее нашли, и тогда даже самые простые из народа смогут ее понять и, при необходимости, доказать.

Однако она никогда не станет вульгарной, потому что она иерархична и потому что только анархия льстит предрассудкам толпы; массам не нужны абсолютные истины, иначе прогресс остановился бы, и жизнь человечества прекратилась бы, а для интеллектуального роста народов необходимы постоянная смена противоположных идей, столкновение мнений, страсти моды, всегда определяемые мечтами момента. Толпы хорошо это чувствуют, и поэтому они так охотно покидают кафедру докторов, чтобы бежать к трибуне шарлатана. Даже люди, которые считаются специалистами в области философии, почти всегда похожи на детей, которые играют в загадки и спешат вывести из игры того, кто знает ответ заранее, боясь, что он помешает им играть, лишив их интереса к затруднительным вопросам.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», — говорит вечная мудрость. Чистота сердца очищает разум, а прямота воли делает понимание точным. Тот, кто предпочитает правду и справедливость всему остальному, получит справедливость и правду в награду, ибо высшее Провидение дало нам свободу, чтобы мы могли завоевать жизнь; и сама правда, какой бы суровой она ни была, навязывается только мягко и никогда не насилует медлительность или заблуждения нашей воли, соблазненной привлекательностью лжи.

Однако, как говорит Боссюэ, «прежде чем что-либо может понравиться или не понравиться нашим чувствам, существует и , и только она должна регулировать наши действия, а не наше

удовольствие». Царство Божье не является империей произвола ни для людей, ни для самого Бога. «Вещь, — говорит святой Фома, — не является справедливой потому, что Бог ее хочет, но Бог ее хочет потому, что она справедлива». Божественные весы управляют и требуют вечной математики. «Бог сотворил все с помощью числа, веса и меры». Здесь говорит Библия. Измерьте угол творения и произведите пропорциональное умножение, и вся бесконечность умножит свои круги, наполненные вселенными, которые пройдут пропорциональными отрезками между идеальными и растущими лучами вашего циркуля; а теперь представьте, что в любой точке бесконечности над вами рука держит другой циркуль или угольник, линии небесного треугольника обязательно пересекутся с линиями циркуля науки, образуя таинственную звезду Соломона.

«Вы будете измерены, — говорит Евангелие, — той мерой, которой измеряете сами». Бог не вступает в борьбу с человеком, чтобы сокрушить его своим величием, и никогда не кладет на его весы неравные грузы. Когда он хочет испытать силы Иакова, он принимает облик человека, с которым патриарх сражается всю ночь, и в конце этой борьбы побежденный получает благословение и славу за то, что выдержал такое противостояние, а также национальное имя *Израиль*, то есть имя, которое означает «сильный против Бога».

Мы слышали, как христиане, более ревностные, чем образованные, странным образом объясняли догмат вечности наказаний. «Бог, говорили они, может бесконечно мстить за законченное преступление, потому что если природа преступника имеет пределы, то величие оскорбленного их не имеет». По этой причине и под этим предлогом земной император должен был бы казнить ребенка, который по неосторожности запачкал край его пурпурного плаща. Нет, это не прерогативы величия, и святой Августин лучше понимал это, когда писал: «Бог терпелив, потому что Он вечен!»

В Боге все справедливо, потому что все добро; Он никогда не прощает по-человечески, потому что не может разгневаться, как люди; но зло по своей природе несовместимо с добром, как ночь с днем, как диссонанс с гармонией, а человек, кроме того, неприкосновенен в своей свободе, всякая ошибка искупается, всякое зло наказывается соразмерным страданием: мы можем сколько угодно взывать к Юпитеру о помощи, когда наша колесница увязла в грязи, но если мы не возьмем лопату и кирку, как путник из басни, Небеса не вытащат нас из колеи. «Помоги себе сам, и Небеса помогут тебе!» Так объясняется, совершенно рационально и чисто философски, возможная и необходимая вечность наказания с узким путем, открытым для человека, чтобы избежать его, путем покаяния и труда!

Следуя правилам вечной силы, человек может уподобиться творческой силе и стать, как она, творцом и хранителем. Бог не ограничил восхождение Иакова к свету определенным количеством ступеней. Все, что природа создала ниже человека, она подчиняет ему, и ему предстоит расширять свою власть, постоянно поднимаясь вверх! Таким образом, длина и даже вечность жизни (), атмосфера и ее бури, земля и ее металлические жилы, свет и его удивительные миражи, ночь и ее сны, смерть и ее призраки — все это подчиняется королевскому скипетру мага, пастырскому посоху Иакова, молниеносному жезлу Моисея. Адепт становится царем стихий, преобразователем металлов, арбитром видений, руководителем оракулов, повелителем жизни, наконец, в математическом порядке природы и в соответствии с волей высшего разума. Вот магия во всей своей славе! Но кто в наше время осмелится поверить нашим словам? Те, кто захочет честно изучать и искренне познавать, потому что мы больше не скрываем истину под покровом притч или иероглифических знаков, настало время, когда все должно быть сказано, и мы намерены сказать все.

Мы раскроем не только эту всегда тайную науку, которая, как мы уже сказали, скрывалась в тени древних мистических таинств, которая была неправильно раскрыта, или, скорее, недостойно искажена гностиками, которую можно угадать под мраком, покрывающим мнимые преступления тамплиеров, и которую можно найти, окутанной теперь непостижимыми загадками, в обрядах высшего масонства. Но мы выведем на свет фантастического короля шабаша и покажем в самой черной магии, давно оставленной на посмешище внукам Вольтера, ужасающие реальности.

Для многих читателей магия — это наука дьявола. Без сомнения. Так же как наука света — это наука тени.

Сначала смело признаемся, что дьявол нас не пугает. «Я боюсь только тех, кто боится дьявола, — говорила святая Тереза». Но также заявляем, что он нас не смешит и что мы считаем весьма неуместными насмешки, которым он так часто подвергается.

Как бы то ни было, мы хотим представить его науке.

Дьявол и наука! Кажется, что, соединив два столь странно несочетаемых имени, автор этой книги с самого начала раскрыл всю свою мысль. Вывести на свет мистическое олицетворение тьмы — разве это не значит уничтожить перед лицом истины призрак лжи? Разве это не значит рассеять дневным светом бесформенные кошмары ночи? Мы не сомневаемся, что именно так подумают поверхностные читатели, и они осудят нас, не выслушав. Плохо образованные христиане будут считать, что мы подрываем фундаментальный догмат их морали, отрицая ад, а другие спросят, зачем бороться с заблуждениями, которые уже никого не обманывают; по крайней мере, так они себе представляют. Поэтому важно четко показать нашу цель и прочно утвердить наши принципы. Сначала мы говорим христианам:

Автор этой книги — христианин, как и вы. Его вера — вера глубоко убежденного католика: он не пришел, чтобы отрицать догмы, он пришел, чтобы бороться с безбожием в его самых опасных формах — ложных верованиях и суевериях; он приходит, чтобы вытащить из тьмы черного преемника Аримана, чтобы обнажить его гигантскую беспомощность и ужасное нищета; он приходит, чтобы подвергнуть научным решениям древнюю проблему зла; он хочет свергнуть короля преисподней и опустить его лоб под ногу креста! Не предначертано ли науке, деве и матери, науке, мягким и светлым образом которой является Мария, сокрушить голову древнего змея?

Предполагаемым философам автор скажет: почему вы отрицаете то, чего не можете понять? Разве не более опрометчиво и менее утешительно, чем вера, невежество, которое утверждается перед лицом неизвестного? Что, ужасная фигура олицетворенного зла заставляет вас улыбаться? Разве вы не слышите вечный плач человечества, которое борется и рыдает, раздавленное объятиями чудовища? Разве вы никогда не видели злобного смеха злодея, угнетающего праведника? Разве вы никогда не чувствовали, как в вас открываются те адские глубины, которые время от времени выкапывает в душах всех людей гений порочности? Моральное зло существует, это печальная правда; оно царит в некоторых умах, воплощается в некоторых людях; оно, таким образом, олицетворено, значит, существуют демоны, и самый злой из этих демонов — Сатана. Это все, что я прошу вас признать, и вам будет трудно не согласиться со мной.

Понятно, что наука и вера взаимодействуют друг с другом только в той мере, в какой их области являются неприкосновенными и разделенными. Во что мы верим? В то, чего мы не можем знать наверняка, хотя и стремимся к этому всеми силами. Объект веры для науки

является лишь необходимой гипотезой, и никогда не следует судить о вещах науки с помощью методов веры, и, наоборот, о вещах веры с помощью методов науки. Слово веры не подлежит научному обсуждению. «Я верю, потому что это абсурдно», — говорил Тертуллиан (), и эти слова, кажущиеся столь парадоксальными, являются высшим проявлением разума. Действительно, за пределами всего, что мы можем разумно предположить, существует бесконечность, к которой мы стремимся с безумной жадью и которая ускользает даже из наших снов. Но для конечного восприятия бесконечность — разве не абсурд? Однако мы чувствуем, что это так. Бесконечность захватывает нас, переполняет нас, заставляет нас кружиться головой своими безднами, давит на нас всей своей высотой. Все научно вероятные гипотезы — это последние сумерки или последние тени науки; вера начинается там, где иссякает разум... За пределами человеческого разума существует божественный разум, великий абсурд для моей слабости, бесконечный абсурд, который сбивает меня с толку и в который я верю!

Но только добро бесконечно; зло не бесконечно, и поэтому, если Бог является вечным объектом веры, то дьявол принадлежит науке. В каком католическом символе, действительно, говорится о дьяволе? Не было бы богохульством сказать: «Мы верим в него»? Он упоминается, но не определяется в Священном Писании; в Книге Бытия нигде не говорится о так называемом падении ангелов; она приписывает грех первого человека змею, самому хитрому и опасному из живых существ. Мы знаем, какова христианская традиция по этому вопросу; но если эта традиция объясняется одной из величайших и наиболее универсальных аллегорий науки, какое значение будет иметь это объяснение для веры, которая стремится только к Богу и презирает пышность и дела Люцифера?

Люцифер! Носитель света! Какое странное имя дано духу тьмы. Что же, это он несет свет и ослепляет слабые души? Да, не сомневайтесь, потому что традиции полны откровений и божественного вдохновения.

«Дьявол несет свет, и часто даже, как говорит святой Павел, он преображается в ангела великолепия». «Я видел, говорил Спаситель мира, я видел сатану, падающего с неба, как молния». — «Как ты упала с неба, восклицает пророк Исая, яркая звезда, ты, которая восходила утром?» Итак, Люцифер — это упавшая звезда; это метеор, который всегда горит и поджигает, когда перестает светить.

Но этот Люцифер — это личность или сила? Это ангел или заблудший гром? Традиция предполагает, что это ангел; но разве псалмопевец не говорит в псалме 103: «Ты делаешь ангелов своими бурями и слугами своими быстрыми огнями?» Слово «ангел» в Библии дается всем посланникам Бога: вестникам или новым творениям, откровителям или бедствиям, сияющим духам или ярким вещам. Огненные стрелы, которые Всевышний метает в облаках, — это ангелы его гнева, и этот образный язык знаком всем читателям восточной поэзии.

После того как в средние века дьявол был ужасом всего мира, он стал предметом насмешек. Наследуя чудовищные обличья всех ложных богов, которые были последовательно свергнуты, этот гротескный пугало стал смешным из-за своей уродливости и безобразия.

Однако заметим одно: смеяться над дьяволом осмеливаются только те, кто не боятся Бога. Был ли дьявол для многих больных воображений тенью самого Бога, или же он чаще всего был идолом низких душ, которые не понимают сверхъестественную силу иначе, как безнаказанное проявление жестокости?

Важно, наконец, знать, может ли идея этой злой силы быть совместима с идеей Бога. Одним словом, существует ли дьявол, и если да, то что он из себя представляет.

Речь здесь идет не о суеверии или смешном персонаже: речь идет о всей религии и, следовательно, обо всем будущем и всех интересах человечества.

Мы действительно странные мыслители! Мы считаем себя сильными, когда нам все равно на все, кроме материальных результатов, например, денег; и мы оставляем на волю случая идеи, лежащие в основе общественного мнения, которое своими переменами разрушает или может разрушить все состояния.

Достижение науки гораздо важнее, чем открытие золотой жилы. С помощью науки золото используется на благо жизни; с помощью невежества богатство дает только инструменты смерти.

Пусть будет ясно, что наши научные открытия не противоречат вере и что, как христиане и католики, мы подчиняем всю нашу работу высшему суду Церкви.

А теперь тем, кто сомневается в существовании дьявола, мы отвечаем:

Все, что имеет имя, существует; слово может быть произнесено напрасно, но само по себе оно не может быть напрасным и всегда имеет смысл.

Слово никогда не бывает пустым, и если написано, что оно есть в Боге и что оно есть Бог, то это потому, что оно является выражением и доказательством бытия и истины.

Дьявол назван и олицетворен в Евангелии, которое является Словом истины, поэтому он существует и может рассматриваться как личность. Но здесь христианин склоняется; давайте дадим слово науке или разуму, это одно и то же.

Зло существует, в этом невозможно сомневаться. Мы можем делать добро или зло.

Есть существа, которые сознательно и добровольно творят зло.

Дух, который одушевляет этих существ и побуждает их творить зло, сбив с пути, отклонен от правильного пути, брошен на пути добра как препятствие; и именно это означает греческое слово *diabolos*, которое мы переводим как «дьявол».

Духи, которые любят и творят зло, являются случайно злыми.

Таким образом, существует дьявол, который является духом заблуждения, умышленного невежества, головокружения; и есть существа, которые ему подчиняются, которые являются его посланниками, его эмиссарами, его *ангелами*, и именно поэтому в Евангелии говорится о вечном огне, который *подготовлен*, в некотором роде предопределен для дьявола и его ангелов. Эти слова являются целым откровением, и нам предстоит их углубить.

Сначала давайте четко определим, что такое зло; зло — это отсутствие праведности в существе.

Моральное зло — это ложь в действиях, так же как ложь — это преступление в словах.

Несправедливость — это сущность лжи; всякая ложь — это несправедливость.

Когда то, что мы говорим, является правдой, нет лжи. Когда мы поступаем справедливо и честно, нет греха.

Несправедливость — это смерть нравственного существа, как ложь — это яд для разума.

Дух лжи — это дух смерти.

Те, кто его слушают, отравлены им и являются его жертвами.

Но если бы нужно было воспринимать его абсолютное воплощение всерьез, он сам был бы абсолютно мертв и абсолютно обманут, то есть утверждение его существования влекло бы за собой очевидное противоречие.

Иисус сказал: «Дьявол лжец, как и его отец».

Кто такой отец дьявола?

Это тот, кто дает ему личное существование, живя по его вдохновению; человек, который делает себя дьяволом, является отцом воплощенного злого духа.

Но это опрометчивая, безбожная, чудовищная концепция.

Традиционная концепция, подобная гордости фарисеев.

Гибридное творение, которое дало кажущуюся причину против великолепия христианства мелочной философии XVIII века.

Это ложный Люцифер из еретической легенды; это ангел, достаточно гордый, чтобы считать себя Богом, достаточно смелый, чтобы купить независимость ценой вечных мучений, достаточно красивый, чтобы поклоняться себе в полном божественном свете; достаточно сильный, чтобы по-прежнему царствовать во тьме и боли и соорудить себе трон из своего неугасимого костра, это Сатана республиканца и еретика Миллона, это мнимый герой « » вечных мрачных вечностей, оклеветанный в уродстве, наряженный рогами и когтями, которые больше подходили бы его неумолимому мучителю.

Этот дьявол, король зла, как будто зло было царством!

Этот дьявол умнее гениев, которые боялись его обманов.

Этот черный свет, эта тьма, которая видит. Эта сила, которую Бог не захотел, и которую падшее существо не смогло создать.

Этот принц анархии, которому служит иерархия чистых духов.

Этот изгнанник Бога, который был бы везде, как Бог на земле, более видимый, более присутствующий для большинства, лучше обслуживаемый, чем сам Бог!

Этот побежденный, которому победитель отдал бы своих детей на съедение!

Этот творец грехов плоти, для которого плоть ничего не значит и который, следовательно, не может ничего значить для плоти, если только не считать его ее создателем и хозяином, как Бог!

Огромная ложь, воплощенная, олицетворенная, вечная!

Смерть, которая не может умереть!

Богохульство, которое слово Божье никогда не сможет заставить замолчать!

Отравитель душ, которого Бог терпит, противореча своей мощи, или сохраняет, как римские императоры сохраняли Локусту, среди инструментов своего правления!

Мученик, всегда живой, чтобы проклинать своего судью и быть правым против него, поскольку он никогда не покается!

Чудовище, принятое верховной властью в качестве палача и которое, по энергичному выражению одного древнего католического писателя, может называть Бога Богом дьявола, представляя себя дьяволом Бога!

Вот он, неверующий призрак, который клеветает на религию, избавьте нас от этого идола, который скрывает от нас нашего Спасителя. Долой тирана лжи! Долой черного бога манихеев! Долой Аримана древних идолопоклонников! Да здравствует один Бог и его воплощенное Слово, Иисус Христос, спаситель мира, который видел, как сатана пал с неба! И да здравствует Мария, божественная мать, которая раздавила голову адского змея!

Вот что единодушно *говорят* традиция святых и сердца всех истинных верующих: придавать какое-либо величие падшему духу — значит клеветать на божественность; приписывать какое-либо царствование мятежному духу — значит поощрять бунт, значит совершать, по крайней мере в мыслях, преступление тех, кого в средние века с ужасом называли *колдунами*.

Ибо все преступления, за которые в древности казнили старых колдунов, являются реальными и являются величайшими из всех преступлений.

Они похитили огонь с неба, как Прометей.

Они, как Медея, оседлали крылатых драконов и летающих змей.

Они отравили воздух, которым мы дышим, как тень мацениллиевого дерева.

Они оскверняли святыни и использовали тело самого Господа для дел разрушения и несчастья.

Как все это возможно? Дело в том, что существует смешанный агент, агент природный и божественный, телесный и духовный, универсальный пластический посредник- , общий приемник колебаний движения и образов формы, флюид и сила, которые можно было бы в некотором роде назвать *воображением природы*. Благодаря этой силе все нервные аппараты тайно взаимодействуют друг с другом; отсюда рождаются симпатия и антипатия; отсюда берут начало сны; благодаря этому возникают явления второго зрения и сверхъестественного видения. Этот универсальный агент творений природы — это *од евреев и рыцаря Рихембаха*, это астральный свет мартинистов, и мы предпочитаем, как более понятное, последнее название.

Существование и возможное использование этой силы являются великой тайной практической магии. Это жезл чудотворцев и ключ к черной магии.

Это эдемская змея, которая передала Еве соблазны падшего ангела.

Астральный свет любит, согревает, освещает, магнетизирует, притягивает, отталкивает, оживляет, разрушает, сворачивает, разделяет, разбивает, собирает все вещи под влиянием мощных воль.

Бог создал его в первый день, когда сказал: «FIAT LUX!»

Это слепая сила сама по себе, но она управляется *эгрегорами*, то есть вождями душ. Вожди душ — это духи энергии и действия.

Это уже объясняет всю теорию чудес и чудесных явлений. Как, в самом деле, добрые и злые люди могли бы заставить природу проявить исключительные силы? Как в этом случае могли бы существовать божественные чудеса и чудеса дьявольские? Как отверженный дух,

заблудший дух, сбившийся с пути дух мог бы иметь в некоторых случаях и в некоторых отношениях больше силы, чем праведный дух, столь могущественный своей простотой и мудростью, если не предположить существование инструмента, которым все могут пользоваться при определенных условиях, одни для величайшего блага, другие для величайшего зла?

Маги фараона сначала творили те же чудеса, что и Моисей. Инструмент, которым они пользовались, был таким же, отличалась только вдохновенность, и когда они признали свое поражение, они провозгласили, что, по их мнению, человеческие силы исчерпаны и что Моисей, должно быть, обладает чем-то сверхчеловеческим. Это происходило в Египте, родине магических посвящений, в этой стране, где все было оккультной наукой и иерархическим и священным учением. Было ли же труднее вызвать мух, чем лягушек? Нет, конечно; но маги знали, что флюидная проекция, с помощью которой очаровывают глаза, не может выходить за определенные пределы, и для них эти пределы уже были превышены Моисеем.

Когда мозг перегружается или перенасыщается астральным светом, происходит особое явление. Глаза, вместо того чтобы видеть снаружи, видят внутри; снаружи, в реальном мире, наступает ночь, а в мире грез сияет только фантастический свет. Глаз тогда кажется перевернутым и часто действительно слегка судорожно дергается и, как будто поворачиваясь, уходит под веко. Душа тогда видит в образах отражение своих впечатлений и мыслей, то есть, аналогия, существующая между такой идеей и такой формой, притягивает в астральный свет отражение, представляющее эту форму, потому что сущность живого света заключается в том, чтобы быть конфигуративным, это вселенское воображение, часть которого каждый из нас присваивает себе в большей или меньшей степени, в зависимости от степени своей чувствительности и памяти. В этом заключается источник всех явлений, всех необычайных видений и всех интуитивных явлений, свойственных безумию или экстазу.

Феномен присвоения и ассимиляции света чувствительностью, которая видит, является одним из величайших, которые дано изучать науке. Возможно, однажды будет обнаружено, что видеть — это уже говорить, и что сознание света — это сумерки вечной жизни в существе, слово Бога, которое создает свет, кажется произнесенным любым разумом, который может осознавать формы и хочет смотреть. — Да будет свет! Ведь свет существует в своем великолепии только для глаз, которые на него смотрят, и душа, влюбленная в зрелище вселенской красоты и обращающая свое внимание на эту светящуюся письменность бесконечной книги, которую мы называем видимыми вещами, кажется, восклицает, как Бог на рассвете первого дня, это возвышенное и созидательное слово: FIAT LUX!

Не все глаза видят одинаково, и творение не для всех, кто на него смотрит, имеет одинаковую форму и одинаковый цвет. Наш мозг — это книга, напечатанная внутри и снаружи, и стоит только немного возбудить внимание, как надписи смешиваются. Это постоянно происходит в состоянии опьянения и безумия. Тогда мечта торжествует над реальной жизнью и погружает разум в неизлечимый сон. Это состояние галлюцинации имеет свои степени, все страсти являются опьянением, все восторги являются относительным и градуированным безумием. Влюбленный видит только бесконечное совершенство в объекте, который его очаровывает и опьяняет. Бедный пьяница сладострастия! Завтра аромат вина, который его привлекает, станет для него отвратительным воспоминанием и причиной тысячи тошноты и тысячи отвращения!

Уметь пользоваться этой силой и никогда не позволять ей овладевать собой и побеждать, ходить по *голове змеи* — вот чему учит нас магия света: в этом аркане заключены все тайны

магнетизма, который уже может дать название всей практической части высшей магии древних.

Магнетизм — это палочка чудодейственная, но только для посвященных; для неосторожных, которые хотели бы сделать его игрушкой или инструментом на службе своих страстей, он становится страшным, как та ослепительная слава, которая, согласно аллегориям басни, пожрала слишком амбициозную Семелу в объятиях Юпитера.

Одно из великих благодеяний магнетизма заключается в том, что он с помощью неопровержимых фактов доказывает духовность, единство и бессмертие души. Как только духовность, единство и бессмертие доказаны, Бог явствует всем умам и сердцам. Затем вера в Бога и гармонию творения приводит нас к великой религиозной гармонии, которая не может существовать вне чудесной и законной иерархии католической церкви, единственной, сохранившей все традиции науки и веры.

Первоначальная традиция единственного откровения была сохранена под названием *каббала* священством Израиля. Каббалистическая доктрина, которая является догмой высшей магии, содержится в Сефер Йезира, Зоаре и Талмуде. Согласно этой доктрине, абсолют — это существо, в котором находится Слово, которое является выражением смысла бытия и жизни.

Существо есть существо, *אֵלֶּה הָאֱלֹהִים*. Вот принцип.

В начале было, то есть есть, было и будет Слово, то есть говорящий разум.

Εν αρχή λογος!

Слово является причиной веры, и в нем же заключается выражение веры, которая оживляет науку. Слово, *λογος*, является источником логики. Иисус является воплощенным Словом. Согласие разума с верой, науки с верой, власти со свободой стало в наше время настоящей загадкой сфинкса; и одновременно с этой большой проблемой была поднята проблема прав мужчин и женщин; так и должно было быть, потому что между всеми этими терминами большого и высшего вопроса аналогия постоянна, а трудности, как и отношения, неизменно одинаковы.

Что делает решение этого гордиевого узла современной философии и политики, казалось бы, парадоксальным, так это то, что для согласования терминов уравнивания, которое необходимо составить, всегда стремятся смешать или спутать их.

Если и существует высшая абсурдность, то это поиск того, как вера может быть разумом, разум — верой, свобода — властью; и наоборот, женщина — мужчиной, а мужчина — женщиной. Здесь сами определения противостоят путанице, и только четко разграничивая термины, можно прийти к их согласованию. Итак, четкое и вечное разграничение двух первоначальных терминов творческого силлогизма, чтобы прийти к доказательству их гармонии посредством аналогии противоположностей, это разграничение, как мы говорим, является вторым великим принципом этой оккультной философии, скрытой под именем *каббалы* и обозначенной всеми священными иероглифами древних святилищ и ритуалов, до сих пор малоизвестных древней и современной масонской ложе.

В Писании говорится, что Соломон поставил перед входом в храм две бронзовые колонны, одна из которых называлась Якин, а другая Боаз, что означает *сильный* и *слабый*. Эти две колонны олицетворяли мужчину и женщину, разум и веру, власть и свободу, Каина и Авеля, право и долг; это были колонны интеллектуального и нравственного мира, это был

монументальный иероглиф антиномии, необходимой для великого закона творения. Ведь всякая сила нуждается в сопротивлении для опоры, всякий свет — в тени для контраста, всякий выступ — в углублении, всякое излияние — в сосуде, всякое царство — в народе, всякий правитель — в народе, всякий труженик — в сырье, всякий завоеватель — в предмете завоевания. Утверждение возникает через отрицание, сильный торжествует только по сравнению со слабым, аристократия проявляет себя только поднимаясь над народом. Что слабый может стать сильным, что народ может завоевать аристократическое положение, это, , вопрос трансформации и прогресса, но то, что можно сказать об этом, произойдет только при подтверждении первоначальных истин: слабый всегда будет слабым, независимо от того, что это уже не тот же самый человек. Точно так же народ всегда будет народом, то есть управляемой массой, неспособной управлять. В большой армии низших любое личное освобождение является вынужденным дезертирством, к счастью, обезболенным вечной заменой; народ-царь или народ царей предполагал бы рабство мира и анархию в одном единственном и неуправляемом городе, как это было в Риме во времена его величайшей славы. Нация правителей была бы неизбежно столь же анархичной, как класс ученых или школьников, считающих себя хозяевами; никто не хотел бы слушать, и все одновременно догматизировали бы и командовали.

То же самое можно сказать и о радикальном освобождении женщин. Если женщина полностью и радикально переходит из пассивного состояния в активное, она отказывается от своего пола и становится мужчиной, или, скорее, поскольку такая трансформация физически невозможна, она достигает утверждения через двойное отрицание и ставит себя вне двух полов, как бесплодный и чудовищный андрогин. Таковы неизбежные последствия великого каббалистического догмата о различии противоположностей для достижения гармонии через аналогию их отношений.

Как только этот догмат признан, а его последствия универсально применяются законом аналогий, мы приходим к открытию величайших секретов симпатии и антипатии, естествен , науки управления, будь то в политике или в браке, оккультной медицины во всех ее отраслях, будь то магнетизм, гомеопатия или моральное влияние; и, кроме того, как мы объясним, закон равновесия в аналогии приводит к открытию универсального агента, который был великим секретом алхимиков и магов средневековья. Мы сказали, что этот агент является светом жизни, которым одушевленные существа притягиваются, и электричество является лишь случайностью и как бы временным возмущением. С познанием и использованием этого агента связано все, что имеет отношение к практике чудесной каббалы, которой мы скоро займемся, чтобы удовлетворить любопытство тех, кто ищет в тайных науках скорее эмоций, чем мудрых учений.

Религия каббалистов состоит одновременно из гипотез и из уверенности, поскольку она продвигается по аналогии от известного к неизвестному. Они признают религию как потребность человечества, как очевидный и необходимый факт, и только в этом для них заключается божественное откровение, постоянное и всеобъемлющее. Они не оспаривают ничего из того, что есть, но объясняют все вещи. Таким образом, их учение, четко обозначая границу, которая должна вечно существовать между наукой и верой, дает вере высшую основу, что гарантирует ей вечную и неоспоримую продолжительность; далее следуют популярные формулы догмата, которые могут варьироваться и уничтожать друг друга; каббалист не колеблется из-за таких мелочей и сначала находит обоснование для самых удивительных формул таинств. Поэтому его молитва может объединиться с молитвой всех людей (), чтобы направить ее, осветив наукой и разумом, и привести к православию. Если ему расскажут о Марии, он склонится перед этим воплощением всего божественного в

мечтах невинности и всего прекрасного в святом безумии сердца всех матерей. Он не откажется от цветов на алтарях матери Божьей, от белых лент в ее часовнях, даже от слез в ее наивных легендах! Он не будет смеяться над плачущим Богом в яслях и кровавой жертвой на Голгофе; он повторяет в глубине своего сердца вместе с мудрецами Израиля и истинными верующими Ислама: «Есть только один Бог, и это Бог», что для посвященного в истинные науки означает: «Есть только одно Существо, и это Существо!» Но все, что есть политического и трогательного в верованиях, все великолепие культов, вся пышность божественных творений, вся грация молитв, вся магия небесных надежд – разве все это не является сиянием нравственного существа во всей его молодости и красоте? Да, если что-то может отдалить истинного посвященного от публичных молитв и храмов, что-то может вызвать у него отвращение или возмущение какой-либо религиозной формой, так это видимое неверие священников или народа, это малое достоинство в обрядах культа, это, одним словом, осквернение святынь. Бог действительно присутствует, когда его поклоняются сосредоточенные души и тронутые сердца; он ощутимо и ужасно отсутствует, когда о нем говорят без огня и света, то есть без разума и любви.

Идею о том, каким должен быть Бог, согласно мудрой каббале, нам раскрывает сам святой Павел: «Чтобы достичь Бога, – говорит этот апостол, – нужно верить, что Он есть и что Он вознаграждает тех, кто Его ищет».

Таким образом, ничего, кроме идеи бытия, соединенной с понятием доброты и справедливости, потому что только эта идея является абсолютом. Сказать, что Бога нет, или определить, что Он есть, — это также богохульство. Любое определение Бога, рискованное для человеческого разума, является рецептом религиозного эмпиризма, с помощью которого суеверие впоследствии сможет создать дьявола.

В каббалистических символах Бог всегда представлен двойным образом, один прямой, другой перевернутый, один белый, другой черный. Мудрецы хотели таким образом выразить разумное и вульгарное представление об одной и той же идее, божестве света и божестве тьмы; именно к этому неправильно понятому символу следует отнести происхождение Аримана у персов, этого черного и божественного предка всех демонов; мечта адского царя, по сути, является лишь ложным представлением о Боге.

Один свет, без тени, был бы невидим для наших глаз и вызывал бы ослепление, равносильное самой глубокой тьме. В аналогиях этой физической истины, правильно понятой и обдуманной, можно найти решение самой страшной из проблем: происхождение зла. Но полное знание этого решения и всех его последствий не предназначено для широких масс, которые не должны так легко проникать в тайны вселенской гармонии. Поэтому, когда посвященный в тайны Элевсина торжественно прошел все испытания, когда он увидел и прикоснулся к святыням, если его считали достаточно сильным, чтобы вынести последнюю и самую страшную из всех тайн, к нему подбегал священник в покрывале и шептал ему на ухо загадочные слова: *Осирис — черный бог*. Таким образом, этот Осирис, оракулом которого является Тифон, это божественное религиозное солнце Египта, внезапно затмевался и становился лишь тенью великой и неопределимой Исиды, которая есть все, что было и все, что будет, но чью вечную завесу еще никто не поднял.

Свет для каббалистов представляет собой активный принцип, а тьма аналогична пассивному принципу; поэтому они сделали солнце и луну символами двух божественных полов и двух созидательных сил; поэтому они сначала приписали женщине искушение и грех, а затем и первую работу, материнскую работу искупления, поскольку именно из лона тьмы мы видим возрождение света. Пустота притягивает полноту, и так бездна бедности и нищеты, так

называемое зло, так называемое небытие, мимолетное восстание тварей вечно притягивают океан бытия, богатства, милосердия и любви. Так объясняется символ Христа, спускающегося в ад после того, как на кресте он исчерпал всю безграничность самого чудесного прощения.

С помощью этого закона гармонии в аналогии противоположностей каббалисты объясняли также все тайны сексуальной любви: почему эта страсть более долговечна между двумя неравными натурами и двумя противоположными характерами? Почему в любви всегда есть жертвователю и жертва, почему самые упорные страсти — это те, удовлетворение которых кажется невозможным. Этим законом они также навсегда урегулировали бы вопрос о преимуществе между полами, вопрос, который в наши дни серьезно поднял только сенсимонизм. Они бы обнаружили, что естественная сила женщины — это сила инерции или сопротивления, и что самым неотъемлемым из ее прав является право на скромность; и что, таким образом, она не должна делать и не должна стремиться к чему-либо, что требует какой-то мужской дерзости. Кроме того, природа хорошо позаботилась об этом, наделив ее мягким голосом, который не может быть услышан в больших собраниях, не переходя в смешные крикливые тона. Женщина, стремящаяся к функциям другого пола, тем самым утратила бы прерогативы своего пола. Мы не знаем, до какой степени ей удалось бы управлять мужчинами, но, несомненно, мужчины, и что было бы для нее еще более жестоким, даже дети перестали бы ее любить.

Закон супружества каббалистов дает аналогичное решение самой интересной и самой сложной проблемы современной философии. Окончательное и прочное согласие разума и веры, авторитета и свободы исследования, науки и веры. Если наука — это солнце, то вера — это луна: она отражает день в ночи. Вера является дополнением разума в темноте, которую оставляет наука, будь то перед ней или позади нее; она исходит из разума, но никогда не может ни смешиваться с ним, ни смешивать его. Посвяательства разума на веру или веры на разум — это затмения солнца или луны; когда они происходят, они делают бесполезными и источник света, и его отражатель.

Наука гибнет от систем, которые являются ничем иным, как систематизированными верованиями, а вера поддается рассуждениям. Чтобы две колонны храма поддерживали здание, они должны быть разделены и расположены параллельно. Как только кто-то пытается насильно сблизить их, как Самсон, они падают, и все здание рушится на голову опрометчивого слепца или революционера, которых личные или национальные обиды заранее обрекли на смерть.

Борьба духовной и светской власти всегда была для человечества предметом больших семейных ссор. Папство, завидующее светской власти, было похоже на мать, завидующую своему мужу: поэтому оно потеряло доверие своих детей. Своей очереди, светская власть, узурпируя священническую власть, выглядит так же смешно, как человек, утверждающий, что он лучше матери разбирается в домашнем хозяйстве и уходе за детьми. Так, например, англичане с моральной и религиозной точки зрения являются детьми, запеленатыми мужчинами; это хорошо видно по их печали и скуке.

Если религиозный догмат — это сказка няни, то, при условии, что он остроумен и несет в себе благотворную мораль, он совершенно верный для ребенка, и отец семьи был бы очень глуп, если бы ему противоречил. Итак, матери имеют монополию на чудесные рассказы, заботу и песни. Материнство является типом священства, и именно потому, что Церковь должна быть исключительно матерью, католический священник отказывается от своего мужского начала и заранее отрекается от своих прав на отцовство.

Никогда не следовало забывать: папство — это всеобщая мать, или оно ничто. Папа Иоанна, о которой протестантские « » сочинили скандальную историю, возможно, является лишь остроумной аллегорией, и когда понтифики жестоко обращались с императорами и королями, это была папа Иоанна, которая хотела избить своего мужа, вызвав большой скандал в христианском мире. Поэтому расколы и ереси были, в сущности, как мы уже повторяли, лишь супружескими ссорами; Церковь и протестантизм говорят друг о друге плохо и сожалеют друг о друге, делают вид, что избегают друг друга, и скучают друг по другу, как разведенные супруги.

Таким образом, благодаря каббале, и только ей одной, все объясняется и примиряется. Это учение оживляет и обогащает все другие, оно ничего не разрушает, а наоборот, дает смысл всему сущему. Поэтому все силы мира служат этой единственной и высшей науке, и истинный каббалист может по своему усмотрению, без лицемерия и лжи, распоряжаться знанием мудрецов и энтузиазмом верующих. Он более католик, чем де Местр, более протестант, чем Лютер, более иудей, чем великий раввин, более пророк, чем Магомет; разве он не стоит выше систем и страстей, которые затмевают истину, и разве он не может по своему желанию собрать все разрозненные и разнообразно отраженные лучи всех осколков этого разбитого зеркала, которое является всеобщей верой и которое люди принимают за столько противоположных и разных верований? Есть только одно существо, есть только одна истина, есть только одна любовь и одна вера, как есть только одно человечество в этом мире.

Достигнув таких интеллектуальных и моральных высот, можно понять, что человеческий разум и сердце наслаждаются глубоким миром; поэтому слова: «*Глубокий мир, братья мои!*» были словом мастера в высшем масонстве, то есть в обществе посвященных в каббалу.

Война, которую Церковь была вынуждена объявить магии, была вызвана осквернениями ложных гностиков, но истинная наука магов по сути своей католическая, потому что она основывает все свое осуществление на принципе иерархии. А серьезную и абсолютную иерархию можно найти только в католической церкви. Именно поэтому истинные адепты всегда испытывали к этой церкви глубочайшее уважение и абсолютное повиновение. Только Генри Кунрат был убежденным протестантом, но в этом он был скорее немцем своего времени, чем мистическим гражданином вечного царства.

Сущность антихристианства — это исключение и ересь, это разрыв тела Христова, согласно прекрасному выражению святого Иоанна: *Omnis spiritus qui solvit Christum hic Antechristus est.* Дело в том, что религия — это любовь. А в анархии нет любви.

Магия тоже имела своих ересиархов и сектантов, своих знаменитых людей и колдунов. Нам предстоит отстаивать легитимность науки, защитить ее от посягательств невежества, безумия и мошенничества, и именно в этом наша работа может быть полезной и будет совершенно новой.

До сих пор история магии рассматривалась лишь как летопись предрассудков или более или менее точные хроники ряда явлений; ведь никто больше не верил, что магия является наукой. Серьезная история этой вновь обретенной науки должна показать ее развитие и прогресс; таким образом, мы входим в самое святилище, а не обходим руины, и мы найдем это святилище, так долго погребенное под пеплом четырех цивилизаций, сохранившееся гораздо лучше, чем те города-мумии, недавно вынырнувшие из пепла Везувия, во всей своей мертвой красоте и опустошенном величии.

В своем великолепном произведении Боссюэ показал, что религия повсюду связана с историей: что бы он сказал, если бы знал, что наука, родившаяся, так сказать, вместе с миром, одновременно объясняет первобытные догмы единой и всеобщей религии, соединяя их с самыми неоспоримыми теоремами математики и разума?

Догматическая магия является ключом ко всем секретам, еще не исследованным философией истории; и только практическая магия открывает для всегда ограниченной, но всегда прогрессирующей силы человеческой воли тайный храм природы.

Мы не имеем нечестивого намерения объяснять магией тайны религии, но мы будем учить, как наука должна принимать и почитать эти тайны. Мы больше не будем говорить, что разум должен смиряться перед верой; напротив, он должен гордиться тем, что является верующим, потому что именно вера спасает разум от ужасов небытия на краю бездны, привязывая его к бесконечности.

Ортодоксия в религии — это уважение к иерархии, единственной хранительнице единства. И не боимся повторить, что магия — это, по сути, наука о иерархии. Прежде всего она запрещает, и об этом следует помнить, анархические учения и доказывает, опираясь на законы самой природы (), что гармония неотделима от власти и авторитета.

Для большинства любопытных главная привлекательность магии заключается в том, что они видят в ней необыкновенное средство удовлетворения своих страстей. Нет, говорят скупые, секрета Гермеса по превращению металлов не существует, иначе мы бы его купили и стали богатыми! Бедные глупцы, которые верят, что такая тайна может быть продана! И зачем нужны ваши деньги тому, кто умеет делать золото? — Это правда, ответит неверующий, но ты сам, Элифас Леви, если бы ты владел этой тайной, разве не был бы богаче нас? — Эй, кто сказал, что я беден? Разве я просил у вас что-нибудь? Какой правитель мира может похвастаться тем, что заплатил мне за секрет науки? Какой миллионер когда-либо давал мне повод полагать, что я хотел бы обменять свое состояние на его? Когда смотришь на богатства земли снизу, всегда стремишься к ним, как к высшему блаженству; но как презираешь их, когда паришь над ними, и как мало хочешь их возвращать, когда они выпадают из рук, как железо!

«О! — воскликнет молодой человек, — если бы секреты магии были правдой, я бы хотел их знать, чтобы все женщины меня любили». — Всех, только это. Бедное дитя, настанет день, когда будет слишком много иметь одну. Чувственная любовь — это оргия вдвоем, где опьянение быстро приводит к отвращению, и тогда вы расстаетесь, бросая друг другу в голову бокалы.

«Я, — сказал однажды старый идиот, — хотел бы быть волшебником, чтобы потрясти мир!» — «Добрый человек, если бы вы были волшебником, вы не были бы идиотом; и тогда ничто не дало бы вам, даже перед судом вашей совести, смягчающих обстоятельств, если бы вы стали злодеем».

Ну что ж, скажет эпикуреец, дайте мне рецепты магии, чтобы всегда наслаждаться и никогда не страдать...

Здесь ответит сама наука:

Религия уже сказала вам: счастливы те, кто страдает; но именно поэтому религия утратила ваше доверие.

Она сказала: «Блаженны плачущие», и именно за это вы посмеялись над ее учением.

А теперь послушайте, что говорят опыт и разум:

Страдания испытывают и создают великодушные чувства; удовольствия развивают и укрепляют слабые инстинкты.

Страдания делают сильным против удовольствий, удовольствия делают слабым против боли.

Удовольствие рассеивает;

боль собирает.

Тот, кто страдает, копит;

кто наслаждается, тратит.

Удовольствие — это сбор человека.

Материнская боль — это триумф женщины.

Удовольствие плодотворно, но боль зачинает и рождает.

Горе человеку, который не знает и не хочет страдать! Ибо он будет сокрушен болью.

Тех, кто не хочет идти, природа безжалостно тащит за собой.

Мы брошены в жизнь, как в открытое море: нужно плавать или погибнуть.

Таковы законы природы, которым учит высшая магия. Посмотрите теперь, можно ли стать волшебником, чтобы всегда наслаждаться и никогда не страдать!

Но тогда, с разочарованным видом скажут люди мира сего, для чего нужна магия? — Как вы думаете, что пророк Валаам ответил бы своей ослице, если бы она спросила его, для чего нужен разум?

Что ответил бы Геракл пигмею, который спросил бы его, для чего нужна сила?

Конечно, мы не сравниваем людей мира с пигмеями и тем более с ослицей Валаама; это было бы невежливо и невоспитанно. Поэтому мы ответим этим блестящим и милым людям как можно более любезно, что магия им абсолютно бесполезна, поскольку они никогда не будут серьезно ею заниматься.

Наша работа адресована работающим и думающим душам. В ней они найдут объяснение того, что оставалось неясным в *догмах* и *ритуалах высшей магии* ¹. По примеру великих мастеров, мы следовали в плане и делении наших книг рациональному порядку священных чисел. Мы разделили нашу историю магии на *семь книг*, и каждая книга содержит *семь глав*.

Примечание 1: ([назад](#)) Элифас Леви, «Догма и ритуал высшей магии», 1856, 2 тома in-8, с 23 иллюстрациями — 25 франков.

Первая книга посвящена *истокам магии*, это «Генезис науки», и мы дали ей в качестве ключа букву *алеф* *х*, которая в каббале выражает начальную и изначальную единство.

Вторая книга будет содержать *исторические и социальные формулы магического слова* в древности. Ее знаком является буква *бет* ב, символ двойственности, выражение слова-реализатора, особый характер гнозиса и оккультизма.

Третья книга будет *посвящена достижениям древней науки в христианском обществе*. В ней мы увидим, как слово воплотилось в самой науке. Число три — это число поколения, воплощения, и ключом к книге является буква *гимель* ג, иероглиф рождения.

В четвертой книге мы увидим *цивилизующую силу магии* у варваров и естественные плоды этой науки среди народов, еще находящихся в детском возрасте, тайны друидов, чудеса евбагов, легенды бардов и то, как все это способствует формированию современных обществ, подготавливая христианство к яркой и долговечной победе. Число четыре выражает природу и силу, а буква *далет* ד, которая представляет его в еврейском алфавите, изображается в иероглифическом алфавите каббалистов в виде императора на троне.

Пятая книга будет посвящена *священнической эпохе средневековья*. В ней мы увидим разногласия и борьбу науки, формирование тайных обществ, их неизвестные дела, тайные обряды гримуаров, тайны божественной комедии, разделения святилища, которые позже должны привести к славному единству. Число пять — это квинтэссенция, квинтэссенция религии, священства; его символом является буква ה, представленная в магическом алфавите фигурой первосвященника.

Наша шестая книга покажет *магию, смешанную с делом революции*. Число шесть — это число антагонизма и борьбы, которые готовят всеобщую синтезу. Его буква — *ваф* ו, фигура созидательного лингама, изогнутого железа, которое жнет.

Седьмая книга будет посвящена *синтезу* и будет содержать изложение современных работ и последних открытий, новые теории света и магнетизма, раскрытие великой тайны розенкрейцеров, объяснение таинственных алфавитов, науку, наконец, слова и магических дел, синтез науки и оценку работ всех современных мистиков. Эта книга будет дополнением и венцом всего труда, так как септенарная система является венцом чисел, поскольку она объединяет треугольник идеи с квадратом формы. Соответствующая ей буква — *дзайн* ז, а каббалистический иероглиф — триумфатор, восседающий на колеснице, запряженной двумя сфинксами. Мы привели эту фигуру в нашей предыдущей работе.

Далеки мы от смешного тщеславия представлять себя каббалистическим триумфатором, только наука должна торжествовать, и тот, кого мы хотим показать интеллигентному миру, восседающий на кубической колеснице, запряженной сфинксами, это слово света, это божественный реализатор каббалы Моисея, это человеческое солнце Евангелия, это человек-Бог, который уже пришел как Спаситель и который скоро проявится как Мессия, то есть как окончательный и абсолютный царь временных институтов. Именно эта мысль вдохновляет нас и поддерживает нашу надежду. И теперь нам остается подвергнуть все наши идеи, все наши открытия и всю нашу работу непогрешимому суду иерархии. Все, что касается науки, людей, признанных наукой, все, что касается религии, только Церкви и только иерархической и консервативной Церкви единства, католической, апостольской и римской, от Иисуса Христа до наших дней.

Ученым — наши открытия, епископам — наши стремления и верования! Горе тому ребенку, который считает себя мудрее своих отцов, тому человеку, который не признает учителей, тому мечтателю, который думает и молится только за себя! Жизнь — это всеобщее общение, и именно в этом общении мы находим бессмертие. Тот, кто изолирует себя, обрекает себя на смерть, а вечность изоляции — это вечная смерть!

Элифас ЛЕВИ.

Pl. 2

P. 41

LA TÊTE MAGIQUE
du Sohar.

КНИГА ПЕРВАЯ

МАГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

х Алеф.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БАСНЕВЫЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ.--Сказочные истоки.--Книга покаяния Адама. --Книга Еноха.--Легенда о падших ангелах.--Апокалипсис Мефодия.--Бытие по версии индейцев.--Магическое наследие Авраама по версии Талмуда.--Сефер Йезира и Зоар.

«Были, говорит апокрифическая книга Еноха, ангелы, которые спустились с небес, чтобы полюбить дочерей земли.

Ибо в те дни, когда сыны человеческие размножились, у них родились дочери великой красоты.

И когда ангелы, сыны небесные, увидели их, они полюбили их и сказали друг другу: «Пойдем, выберем себе жен из рода человеческого и зачнем детей».

Тогда их вождь Самияса сказал им: «Возможно, вы не найдете в себе мужества выполнить это решение, и я останусь единственным ответственным за ваше падение».

Но они ответили ему: «Мы клянемся, что не пожалеем и выполним все наше намерение».

И двести из них спустились на гору Армон.

И с тех пор эта гора называется Армон, что означает «гора Клятвы».

Вот имена вождей этих ангелов, которые спустились: Самияса, который был первым из всех, Урака-барамеэль, Азибеэль, Тамиэль, Рамуэль, Данель, Азкеэль, Саракуял, Асаэль, Армерс, Батраай, Анане, Завебе, Самсавеэль, Эртарел, Турел, Джомиаэль, Аразиал.

Они взяли себе жен, с которыми смешались, обучая их магии, чарам и разделению корней и деревьев.

Амазак научил всем секретам чародеев, Баркайал был учителем тех, кто наблюдает за звездами, Акибел раскрыл знаки, а Азарадель — движение луны».

Этот рассказ из каббалистической книги Еноха — рассказ о том же осквернении тайн науки, которое мы видим в другом образе в истории греха Адама.

Ангелы, сыны Бога, о которых говорит Енох, были посвященными в магию, поскольку после своего падения они научили ей простых людей через нескромных женщин. Их падением стала сладострастность: они полюбили женщин и позволили себе раскрыть секреты царства и священства.

Тогда первобытная цивилизация рухнула, гиганты, то есть представители грубой силы и безудержных страстей, разделили между собой мир, который смог спастись от их гнева только по , погрузившись под воды потопа, который стер все следы прошлого.

Этот потоп олицетворял всеобщее смятение, в которое неизбежно попадает человечество, когда оно нарушает и игнорирует гармонию природы.

Грех Самиясы и грех Адама похожи: оба они вызваны слабостью сердца, оба оскверняют дерево познания и отвергаются от дерева жизни.

Не будем обсуждать мнения или, скорее, наивность тех, кто хочет воспринимать все буквально и думает, что наука и жизнь когда-то могли расти в виде деревьев, но признаем глубокий смысл священных символов.

Дерево познания, действительно, приносит смерть, когда его плоды поглощаются, эти плоды являются украшением мира, эти золотые яблоки являются звездами земли.

В библиотеке Арсенала хранится очень любопытная рукопись под названием *«Книга покаяния Адама»*. В ней каббалистическая традиция представлена в форме легенды, и вот что в ней рассказывается:

«У Адама было два сына: Каин, олицетворяющий грубую силу, и Авель, олицетворяющий умную мягкость. Они не могли договориться и погибли друг от друга, поэтому их наследство было передано третьему сыну по имени Сет».

Вот и конфликт двух противоположных сил, приносящий пользу синтетической и объединенной силе.

«И Сет, который был праведным, смог войти в земной рай, и херувим не отразил его своим пламенным мечом». То есть Сет олицетворяет первоначальное посвящение.

«Тогда Сет увидел, что дерево познания и дерево жизни соединились и стали одним целым».

Согласие науки и религии в высшей каббале.

«И ангел дал ему три зерна, которые содержали в себе всю жизненную силу этого дерева».

Это каббалистическая троица.

«Когда Адам умер, Сет, следуя указаниям ангела, поместил три зерна в рот своего умершего отца как залог вечной жизни.

»Ветви, выросшие из этих трех зерен, образовали горящий куст, в котором Бог открыл Моисею свое вечное имя:

[Иврит, нечитаемо.]

Существо, которое есть, которое было и которое будет.

Моисей сорвал тройную ветвь со священного куста, и она стала для него жезлом чудес.

Этот жезл, хотя и отделенный от корня, не переставал жить и цвести, и таким образом был сохранен в ковчеге.

«Царь Давид пересадил эту живую ветвь на горе Сион, а позже Соломон взял дерево с тремя стволами, чтобы сделать из него две колонны, Якин и Бохас, которые стояли у входа в храм, обложил их бронзой и поместил третью часть мистического дерева на фронте главных ворот.

Это был талисман, который не позволял всему нечистому проникнуть в храм.

Но коррумпированные левиты ночью сорвали эту преграду от своих беззаконий и бросили ее на дно пробатического бассейна, нагрузив камнями.

С тех пор ангел Божий каждый год взбалтывал воды бассейна и наделял их чудодейственной силой, приглашая людей искать в них дерево Соломона.

Во времена Иисуса Христа бассейн был очищен, и евреи, посчитав эту балку бесполезной, вынесли ее за пределы города и бросили через ручей Кедрон.

Именно по этому мосту прошел Иисус после своего ночного ареста в Гефсиманском саду, именно с вершины этой доски его палачи сбросили его, чтобы утащить в ручей, и в своей спешке, чтобы заранее подготовить орудие пытки, они унесли с собой мост, который представлял собой бревно из трех частей, состоящее из трех разных пород дерева, и сделали из него крест».

Эта аллегория содержит в себе все высокие традиции каббалы и секреты христианства святого Иоанна, которые сегодня совершенно неизвестны.

Таким образом, Сет, Моисей, Давид, Соломон и Христос взяли из одного и того же каббалистического дерева свои царские скипетры и посохи великих священников.

Теперь мы должны понять, почему Спаситель в колыбели был почитаем волхвами.

Вернёмся к книге Еноха, поскольку она должна иметь большой догматический авторитет, чем неизвестный манускрипт. Книга Еноха, действительно, цитируется в Новом Завете апостолом Иудой.

Традиция приписывает Еноху изобретение букв. И, именно к нему восходят традиции, зафиксированные в Сефер Йезира, этой элементарной книге каббалы, которая, по мнению раввинов, была написана патриархом Авраамом, наследником тайн Еноха и отцом посвящения в Израиле.

Таким образом, Енох, по-видимому, является тем же персонажем, что и Гермес Трисмегист у египтян, а знаменитая книга Тота, написанная иероглифами и цифрами, является той самой оккультной и полной тайн Библией, предшествующая книгам Моисея, на которую посвященный Гийом Постель часто ссылается в своих трудах, называя ее «Бытием Еноха».

В Библии сказано, что Енох не умер, но что Бог *перенес его* из одной жизни в другую. Он должен вернуться, чтобы противостоять Антихристу в конце времен, и будет одним из последних мучеников или свидетелей истины, о которых говорится в Апокалипсисе святого Иоанна.

То, что говорят об Енохе, говорили обо всех великих инициаторах каббалы.

Сам святой Иоанн не должен был умереть, говорили первые христиане, и долгое время верили, что он дышит в своей могиле, потому что абсолютное знание жизни является защитой от смерти, и инстинкт народов всегда заставляет их это догадываться.

Как бы то ни было, от Еноха осталось две книги, одна иероглифическая, другая аллегорическая. Одна содержит иератические ключи посвящения, другая — историю великого осквернения, которое привело к разрушению мира и хаосу после правления гигантов.

Святой Методий, епископ первых веков христианства, чьи труды находятся в библиотеке Отцов Церкви, оставил нам пророческое откровение, в котором история мира разворачивается в серии видений. Эта книга не входит в сборник произведений святого Мефодия, но была сохранена гностиками, и мы находим ее в печатном виде в *liber mirabilis*

под измененным именем *Бермехобус*, которое невежественные печатники использовали вместо аббревиатуры *Bea-Méthodius* для *beatus Méthodius*.

Эта книга в нескольких пунктах совпадает с аллегорическим трактатом о покаянии Адама. В ней говорится, что Сет ушел со своей семьей на Восток, к горе, соседствующей с земным раем. Это была родина посвященных, в то время как потомки Каина изобрели ложную магию в Индии, стране братоубийства, и использовали колдовство для обеспечения безнаказанности.

Святой Мефодий затем предсказывает конфликты и последующее правление измаильтян, победителей римлян; французов, победителей измаильтян, а затем великого народа Севера, чье вторжение предшествует личному правлению Антихриста. Тогда сформируется всемирное царство, которое будет завоевано французским принцем, и справедливость будет царить в течение многих лет.

Нам не следует здесь заниматься пророчеством. Важно отметить различие между доброй и злой магией, между святилищем сынов Сета и осквернением наук потомками Каина.

Высшая наука, действительно, предназначена для людей, которые владеют своими страстями, и целомудренная природа не дает ключи от своей брачной комнаты прелюбодеям. Существует два класса людей: свободные люди и рабы; человек рождается рабом своих потребностей, но он может освободиться с помощью разума. Между теми, кто уже освободился, и теми, кто еще не освободился, равенство невозможно. Разум должен господствовать, а инстинкты подчиняться. Иначе, если вы дадите слепому вести слепых, они все упадут в пропасть. Не забывайте, что свобода — это не вседозволенность страстей, освобожденных от закона. Такая вседозволенность была бы самой чудовищной тиранией. Свобода — это добровольное подчинение закону; это право выполнять свой долг, и только разумные и справедливые люди являются свободными. Свободные люди должны управлять рабами, а рабы призваны освободиться не от власти свободных людей, а от рабства грубых страстей, которое обрекает их на несуществование без хозяев.

Признайте теперь вместе с нами истину высших наук, предположите на мгновение, что действительно существует сила, которую можно овладеть и которая подчиняет воле человека чудеса природы? Скажите нам теперь, можно ли доверить алчным грубиянам секреты симпатии и богатства; интриганам — искусство очарования, тем, кто не умеет вести себя, — власть над волей? Страшно подумать о беспорядках, к которым может привести такое осквернение. Потребуется катаклизм, чтобы смыть преступления с земли, когда все будет погружено в грязь и кровь. Вот что раскрывает нам аллегорическая история падения ангелов в книге Еноха, вот грех Адама и его роковые последствия. Вот потоп и его бури; а затем, позже, страшное проклятие Ханаана. Откровение оккультизма символизируется дерзостью этого сына, который показывает наготу своего отца. Пьянство Ноя — урок для священства всех времен. Горе тем, кто выставляет тайны божественного рода на нечистые взгляды толпы! Держите святилище закрытым, вы, кто не хотите выставлять своего спящего отца на посмешище подражателей Хама!

Такова традиция детей Сета в отношении законов человеческой иерархии; но таковы не были учения семьи Каина. Каинисты Индии придумали Книгу Бытия, чтобы освятить угнетение сильных и увековечить невежество слабых; посвящение стало исключительной привилегией высших каст, а расы людей были обречены на вечное рабство под предлогом низкого происхождения; говорили, что они вышли из ног или колен Брахмы!

Природа не рождает ни рабов, ни королей, все люди рождаются для труда.

Тот, кто утверждает, что человек рождается совершенным, а общество его развращает и разлагает, был бы самым диким из анархистов, если бы не был самым поэтичным из безумцев. Но как бы ни был Жан-Жак сентиментален и мечтателен, его мизантропия, развитая логикой его последователей, принесла плоды ненависти и разрушения. Сознательными реализаторами утопий нежного философа из Женевы стали Робеспьер и Марат.

Общество – это не абстрактное существо, которое можно сделать отдельно ответственным за порочность людей; общество – это объединение людей. Оно несовершенно из-за их пороков и возвышено из-за их добродетелей, но само по себе оно свято, как и религия, которая неразрывно с ним связана. Ведь религия — это общество самых высоких устремлений и самых благородных усилий, не так ли?

Так, на ложь привилегированных природой каст ответило богохульство антисоциального равенства и права, враждебного всякому долгу; только христианство решило этот вопрос, отдав верховенство преданности и провозгласив величайшим того, кто пожертвует своим гордостью ради общества и своими аппетитами ради закона.

Евреи, хранители традиции Сета, не сохранили ее в полной чистоте и поддались несправедливым амбициям потомков Каина. Они считали себя элитной расой и полагали, что Бог даровал им истину скорее как наследство, чем как доверительное имущество, принадлежащее всему человечеству. Действительно, в талмудистах, наряду с возвышенными традициями Сефер Джезира и Сонар, можно найти довольно странные откровения. Так, они не боятся приписывать самому патриарху Аврааму идолопоклонство народов, когда говорят, что Авраам передал израильтянам свое наследие, то есть знание истинных божественных имен; каббала, одним словом, была законной и наследственной собственностью Исаака; но патриарх, по их словам, дарил подарки детям своих наложниц; и под этими подарками они подразумевают завуалированные догмы и неясные имена, которые вскоре материализовались и превратились в идолов. Ложные религии и их абсурдные тайны, восточные суеверия и их ужасные жертвоприношения — какое же это был подарок отца своей пренебрегаемой семье! Разве не было достаточно изгнать Агарь с сыном в пустыню, разве нужно было, вместе с их единственным хлебом и кувшином с водой, дать им груз лжи, чтобы отчаять и отравить их изгнание?

Слава христианства в том, что оно призвало всех людей к истине, без различия народов и каст, но не без различия интеллекта и добродетелей.

«Не бросайте своих слов перед свиньями, — сказал божественный основатель христианства, — чтобы они не растоптали их и, обратившись против вас, не пожрали вас».

Апокалипсис, или Откровение святого Иоанна, содержащее все каббалистические тайны догмата Иисуса Христа, — книга не менее туманная, чем Зоар.

Она написана иероглифически с использованием чисел и образов, и апостол часто обращается к интеллекту посвященных. «Пусть тот, кто обладает знанием, понимает, пусть тот, кто понимает, рассчитывает», — говорит он несколько раз после аллегории или указания числа. Святой Иоанн, любимый апостол и хранитель всех тайн Спасителя, писал не для того, чтобы быть понятым множеством.

Сефер Джезира, Зоар и Апокалипсис являются шедеврами оккультизма; они содержат больше смысла, чем слов, их выражение образно, как поэзия, и точно, как числа.

Апокалипсис обобщает, дополняет и превосходит всю науку Авраама и Соломона, как мы докажем, объясняя ключи высшей каббалы.

Начало Зоара удивляет глубиной своих прозрений и грандиозной простотой образов. Вот что мы там читаем:

«Понимание оккультизма — это наука о равновесии.

Силы, которые возникают без уравнивания, гибнут в пустоте.

Так погибли цари древнего мира, князья гигантов. Они пали, как деревья без корней, и их место больше не было найдено.

Из-за конфликта неуравновешенных сил опустошенная земля была голой и бесформенной, когда дыхание Бога пробилось в небо и опустило массу вод.

Все стремления природы были тогда направлены к единству формы, к живому синтезу уравновешенных сил, и лоб Бога, увенчанный светом, поднялся над бескрайним морем и отразился в нижележащих водах.

Его два глаза сияли яркостью, испуская два луча пламени, которые пересекались с лучами отражения.

Лоб Бога и его два глаза образовывали треугольник в небе, а отражение образовывало треугольник в водах.

Так проявилось число шесть, которое было числом вселенского творения».

Мы переводим здесь, объясняя, текст, который невозможно сделать понятным, переведя его буквально.

другой поднимает континенты и горы. Оно растет, растет все выше и выше. Появляется его созидательная сила, и все существа начинают размножаться; наконец он встает, ставит одну ногу на землю, а другую на море и, отражаясь всем своим телом в океане творения, дует на свое отражение и призывает свое изображение к жизни. «Создадим человека», — сказал он, и человек был создан! Мы не знаем ничего более прекрасного в поэзии, чем это видение творения, осуществленного идеальным типом человечества. Человек, таким образом, является тенью тени! но он является воплощением божественной силы. Он тоже может простирает руки от Востока до Запада; земля дана ему во владение. Вот Адам Кадмон, первобытный Адам каббалистов; вот почему они представляют его гигантом; вот почему Сведенборг, преследуемый в своих снах воспоминаниями о каббале, говорит, что все творение — это лишь гигантский человек, и что мы созданы по образу вселенной.

Сохар — это генезис света, Сефер Йезира — лестница истин. Там объясняются тридцать два абсолютных знака слова, числа и буквы; каждая буква воспроизводит число, идею и форму, так что математика применяется к идеям и формам не менее строго, чем к числам, с помощью точной пропорции и совершенного соответствия. Благодаря науке Сефер Джезира, человеческий разум укореняется в истине и разуме и может осознать возможный прогресс интеллекта через эволюцию чисел. Таким образом, Сохар представляет собой абсолютную истину, а Сефер Джезира дает средства для ее понимания, усвоения и использования.

ГЛАВА II.

МАГИЯ МАГОВ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Тайны Зороастра или магия магов. — Наука об огне. — Символы и заклинания персов и ассирийцев. — Тайны Ниневии и Вавилона. — Сфера молнии. — Искусство очаровывать животных. — Костер Сарданапала.

Заратустра, скорее всего, является символическим именем, как и имена Тот или Гермес. Евдокс и Аристотель относят его к шести тысячам лет до рождения Платона; другие, напротив, считают, что он родился за пятьсот лет до Троянской войны. Одни делают его царем Бактрии, другие утверждают, что существовало два или три разных Заратустры. Только Евдокс и Аристотель, по-видимому, поняли магическую личность Зороастра, поместив каббалистический возраст мира между зарождением его догмы и теургическим царствованием философии Платона. Действительно, существует два Зороастра, то есть два пророка: один — сын Оромаса и отец просветленной мудрости, другой — сын Аримана и автор профанного откровения; Зороастр — воплощенное Слово халдеев, мидийцев и персов. Его легенда похожа на предсказание о Христе, и у него, согласно магическому закону вселенского равновесия, должен был быть и свой антихрист.

Именно ложному Зороастру следует приписать культ материального огня и безбожный догмат божественного дуализма, который позднее породил чудовищный гностицизм Манеса и ошибочные принципы ложного масонства (). Ложный Зороастр является отцом той материалистической магии, которая привела к массовому истреблению магов и привела к запрету и забвению истинного магизма. Церковь, всегда вдохновленная духом истины, была вынуждена запретить под названиями *магии*, *манихейства*, *иллюминизма* и *масонства* все,

что было связано прямо или косвенно с этим первобытным осквернением таинств. Ярким примером этого является до сих пор непонятая история тамплиеров.

Догматы истинного Зороастра такие же, как и догматы чистой каббалы, а его представления о божественности такие же, как и у Отцов Церкви. Различаются только названия: так, он называет *триадой* то, что мы называем *троицей*, и в каждом числе триады он находит всю тройку. Это то, что наши теологи называют «*окружающей сессией* божественных лиц». Зороастр заключает в этом умножении триады самой собой абсолютную причину числа девять и универсальный ключ ко всем числам и формам. То, что мы называем тремя божественными лицами, Зороастр называет тремя глубинами. Первая или отцовская глубина является источником веры; вторая или глубина Слова является источником истины; третья, или созидательная, является источником любви. Чтобы убедиться в правильности наших утверждений, можно обратиться к изложению Пселлуса о догматах древних ассирийцев в книге «*Философская магия*» Франсуа Патриция, страница 2, гамбургское издание, 1593 год.

На этой девятиступенчатой лестнице Зороастр устанавливает небесную иерархию и все гармонии природы. Он считает по три все вещи, которые исходят из идеи, по четыре все, что связано с формой, что дает ему число семь как тип творения. Здесь заканчивается первое посвящение и начинаются гипотезы школы; числа олицетворяются, идеи приобретают символы, которые позже станут идолами. Появляются Синохи, Телетарки и Отцы, слуги тройной Гекаты, затем три Амиликта и три лица Гипезокоса; затем ангелы, затем демоны, затем человеческие души. Звезды являются образами и отражениями интеллектуального великолепия, а наше солнце — символом солнца истины, самой тенью того первоисточника, из которого извирается все великолепие. Именно поэтому ученики Заратустры приветствовали восход солнца и считались среди варваров поклонниками солнца.

Таковы были догмы магов, но помимо этого они обладали секретами, которые делали их хозяевами оккультных сил природы. Эти секреты, которые в совокупности можно было бы назвать *трансцендентальной пиротехникой*, были связаны с глубокой наукой и управлением огнем. Несомненно, маги знали об электричестве и обладали способами его производства и управления, которые до сих пор остаются нам неизвестными.

Нума, который изучал их обряды и был посвящен в их тайны, по словам Луция Пизона, владел искусством формировать и направлять молнию. Эта священническая тайна, которую римский инициатор хотел сделать прерогативой правителей Рима, была утрачена Туллом Гостилием, который неправильно направил электрический разряд и был поражен молнией. Плиний сообщает ^{об} этих фактах как о древней традиции этрусской² и рассказывает, что Нума успешно использовал свою молниеносную батарею против чудовища по имени *Вольта*, которое опустошало окрестности Рима. Читая это откровение, не возникает ли мысль, что наш физик Вольта — это миф, а название «вольтовские батареи» восходит к веку Нумы?

Примечание 2: (возврат) Плиний, кн. II, гл. 53.

Все ассирийские символы относятся к науке об огне, которая была великим секретом магов; повсюду мы встречаем волшебника, пронзающего льва и управляющего змеями. Лев — это небесный огонь, змеи — электрические и магнитные токи земли. Именно к этой великой тайне магов следует отнести все чудеса герметической магии, о которой традиции до сих пор говорят, что секрет великого дела заключается в *управлении огнем*.

Ученый Франсуа Патриций опубликовал в своей «*Философской магии*» оракулы Зороастра, собранные в книгах платоников, в теургии Прокла, в комментариях к Пармениду, в комментариях Гермияса к Федру, в заметках Олимпиодора к «*Филебу*» и «*Федону*». Эти

оракулы сначала представляют собой четкую и точную формулировку догмата, который мы только что изложили, а затем следуют предписания магического ритуала, которые выражены в следующих терминах:

ДЕМОНЫ И ЖЕРТВЕННЫЕ ПОДАРКИ.

«Природа учит нас путем индукции, что существуют бесплотные демоны и что семена зла, существующие в материи, обращаются во благо и на общую пользу.

Но это тайны, которые нужно похоронить в самых потаенных уголках мысли.

Огонь, всегда бурлящий и прыгающий в атмосфере, может принимать форму, похожую на форму тел.

Лучше сказать, утверждаем существование огня, полного образов и отголосков.

Назовем, если хотите, этот огонь сверх изобильным светом, который сияет, говорит, извивается.

Это молниеносный всадник света, или, скорее, широкоплечий ребенок, который укрощает и подчиняет себе небесного всадника.

Оденьте его в пламя и золото или изобразите обнаженным, как Любовь, дав ему также стрелы.

Но если твоя медитация продлится, ты соединишь все эти символы в образе льва;

тогда не будет видно ни небесного свода, ни массива вселенной.

Звезды перестали сиять, а лунный светильник завешен.

Земля дрожит, и все вокруг озарено молниями.

Тогда не называй видимый образ души природой.

Ибо ты не должен видеть ее, пока твое тело не будет очищено святыми испытаниями.

Смягчая души и увлекая их все дальше от священных трудов, земные псы выходят из этого лимба, где заканчивается материя, и показывают смертным взглядам всегда обманчивые образы тел.

Работай вокруг кругов, описанных ромбом Гекаты.

Не меняй ничего в варварских именах призывания: ибо это пантеистические имена Бога; они притягивают поклонение множества и их сила невыразима.

«И когда после всех призраков ты увидишь сияние этого бесплотного огня, этого священного огня, стрелы которого пронзают все глубины мира;

»Послушай, что он тебе скажет!«

Эта удивительная страница, которую мы полностью переводим с латыни Патриция, содержит все секреты магнетизма с глубиной, о которой Ду Поте и Месмер даже не подозревали.

Мы видим здесь: 1° во-первых, астральный свет, прекрасно описанный с его конфигуративной силой и способностью отражать слово и передавать голос;

2° воля адепта, изображенная ребенком с *широкими плечами*, сидящим на белом коне; иероглиф, который мы нашли на старинном таро из Императорской библиотеки;

3° опасность галлюцинаций при неправильно направленных магических операциях;

4° Магнитный инструмент, который представляет собой ромб, своего рода детскую игрушку из полого дерева, которая вращается с постоянно нарастающим гудением;

5° Причина заклинаний с помощью слов и варварских имен;

6° Цель магического действия, которая заключается в успокоении воображения и чувств, состоянии полного сомнамбулизма и совершенной ясности ума.

Из этого откровения древнего мира следует, что экстаз *lucide* является добровольным и немедленным приложением души к вселенскому огню, или, скорее, к этому *свету, полному образов*, который *сияет, говорит* и окутывает все объекты и все сферы вселенной.

Применение, которое осуществляется благодаря настойчивости воли, освобожденной от чувств и укрепленной серией испытаний.

Это было началом магического посвящения.

Адепт, достигший способности немедленно читать в свете, становился провидцем или пророком; затем, соединив свою волю с этим светом, он учился направлять его, как направляют наконечник стрелы; он по своему желанию посылал смуту или мир в души, общался на расстоянии с другими адептами и, наконец, овладевал этой силой, представленной небесным львом.

Именно это означают большие ассирийские фигуры, держащие под мышками укрощенных львов.

Это астральный свет, который представлен этими гигантскими сфинксами с телами львов и головами магов.

Астральный свет, ставший инструментом могущественной магии, — это золотой меч Митры, который приносит в жертву священного быка.

Это стрела Феба, пронзающая змея Пифона.

Давайте теперь воссоздадим в воображении эти великие метрополии Ассирии, Вавилон и Ниневию, вернем на место эти гранитные колоссы, восстановим эти массивные храмы, поддерживаемые слонами или сфинксами, поднимем эти обелиски, над которыми парят драконы с блестящими глазами и распростертыми крыльями.

Храм и дворец возвышаются над этим скоплением чудес; там скрываются, но постоянно раскрываются чудесами, две видимые божества земли: священство и королевская власть.

Храм, по воле жрецов, окружают облака или сияет сверхчеловеческим светом; иногда днем наступает тьма, иногда ночь озаряется светом; лампы в храме зажигаются сами по себе, боги сияют, слышен раскат грома, и горе нечестивому, который навлек на свою голову проклятие посвященных! Храм защищает дворец, и слуги короля сражаются за религию магов; король священен, он бог земли, перед ним преклоняются, когда он проходит, и безумец, осмелившийся без приказа переступить порог его дворца, будет немедленно казнен!

Убит без дубины и меча, убит невидимой рукой, убит молнией, сражен огнем с неба! Какая религия и какая сила! Какие великие тени Немерона, Белуса и Семирамиды! Что же могли быть до появления почти сказочных городов, где когда-то правили эти огромные царства, столицы этих гигантов, этих волшебников, которых традиции смешивают с ангелами и до сих пор называют сыновьями Бога и князьями небесными! Какие тайны дремлют в гробницах народов! И разве мы не дети, когда, не утруждая себя воспоминаниями об этих страшных событиях, мы хвалим себя за наше просвещение и прогресс!

В своей *книге о магии* г-н Дю Поте с некоторым опасением высказывает предположение, что с помощью мощного излучения магнитного потока можно поразить живого человека³.

Примечание 3: ([назад](#)) Дю Поте, «*Магия раскрыта*, или Принципы оккультной науки», 1852, 1 том in-4.

Магическая сила простирается дальше, но речь идет не только о так называемой магнитной энергии. Это весь астральный свет, это элемент электричества и молнии, который может быть поставлен на службу человеческой воле; и что нужно сделать, чтобы обрести эту огромную силу? Зороастр только что сказал нам: нужно познать те таинственные законы равновесия, которые подчиняют империи добра даже силы зла; нужно очистить свое тело святыми испытаниями, бороться с призраками галлюцинаций и схватить свет в рукопашной схватке, как Иаков в своей борьбе с ангелом; нужно укротить тех фантастических собак, которые лают во сне; одним словом, чтобы воспользоваться столь энергичным выражением оракула, нужно услышать голос света. Тогда ты становишься хозяином, тогда ты можешь направить его, как Нума, против врагов святых таинств; но если ты не совершенно чист, если власть какой-то животной страсти все еще подчиняет тебя роковым бурям жизни, ты обожжешься огнем, который зажег, станешь добычей змеи, которую разбудил, и погибнешь, пораженный молнией, как Тулл Гостилий.

Не соответствует законам природы, чтобы человек мог быть пожран дикими зверями. Бог наделил его силой, чтобы противостоять им; он может очаровывать их взглядом, упрекать голосом, останавливать жестом... и мы действительно видим, что самые свирепые животные боятся неподвижного взгляда человека и, кажется, вздрагивают от его голоса. Проекция астрального света парализует их и поражает страхом. Когда Даниил был обвинен в ложной магии и обмане, царь Вавилона подверг его и его обвинителей испытанию львами. Животные нападают только на тех, кто их боится, или на тех, кого они сами боятся. Бесстрашный и безоружный человек, несомненно, отпугнул бы тигра магнетизмом своего взгляда.

Маги пользовались этой властью, и правители Ассирии держали в своих садах покорных тигров, послушных леопардов и ручных львов. Других животных кормили в подземельях храмов, чтобы использовать их для испытаний при посвящении. Об этом свидетельствуют символические барельефы: на них изображены только сражения людей и животных, и всегда можно увидеть, как адепт, одетый в священническое одеяние, доминирует над ними своим взглядом и останавливает их жестом руки. Многие из этих изображений, несомненно, являются символическими, когда животные воспроизводят некоторые формы сфинкса; но есть и другие, где животное изображено в естественном виде, и борьба кажется теорией настоящего заклинания.

Магия – это наука, которой нельзя злоупотреблять, не потеряв ее и не потеряв себя. Правители и жрецы Ассирии были слишком велики, чтобы не подвергнуться риску падения, если бы они когда-нибудь упали; они стали гордыми и пали. Великая эпоха магии в Халдее предшествовала правлению Семирамиды и Нина. Уже в то время религия материализовалась, и идолопоклонство начало торжествовать. Культ Астарты () сменил

культ небесной Венеры, монархия почиталась под именами Баал и Бел или Белус. Семирамида понизила религию ниже политики и завоеваний и заменила старые таинственные храмы роскошными и вызывающими памятниками; однако магическая идея все еще доминирует в науках и искусствах и придает чудесным сооружениям этой эпохи неповторимый характер силы и величия. Дворец Семирамиды был построенным и высеченным синтезом всего догмата Зороастра. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем объяснять символизм семи шедевров древности, которые называли чудесами света.

Священство стало меньше империи, стремясь материализовать свою собственную власть; падение империи должно было сокрушить его, и это произошло при изнеженном Сарданапале. Этот принц, влюбленный в роскошь и сладострастие, сделал науку магов одной из своих проституток. Какая польза от способности творить чудеса, если она не доставляет удовольствия? Волшебники, заставьте зиму дарить розы; усильте аромат вина; используйте свою власть над светом, чтобы заставить красоту женщин сиять, как красота божеств! Приказ выполняется, и царь опьяняется. Между тем объявляется война, враг наступает... Какое дело трусу, который наслаждается и спит, до врага? Но это гибель, это позор, это смерть!... Смерть! Сарданапал не боится ее, он верит, что это бесконечный сон; но он хорошо умеет уклоняться от трудов и унижений рабства... Наступила последняя ночь; победитель у ворот, город не может больше сопротивляться; завтра будет положен конец царству Ассирии... Дворец Сарданапала озаряется и сияет таким чудесным блеском, что освещает весь потрясенный город. На кучах драгоценных тканей, драгоценных камней и золотых ваз царь устраивает свою последнюю оргию. Его окружают его женщины, фавориты, сообщники, униженные жрецы; крики опьянения смешиваются с шумом тысячи инструментов, ругают прирученные львы, а дым от благовоний, поднимающийся из подземелий дворца, уже окутывает все здания густым облаком. Языки пламени уже пробивают кедровые панели;... пьяные песни сменяются криками ужаса и предсмертными стонами... Но магия, которая не смогла в руках своих развращенных последователей сохранить империю Нина, по крайней мере, смешает свои чудеса с ужасными воспоминаниями об этом гигантском самоубийстве. Огромный и злоеющий свет, какого еще не видели ночи Вавилона, кажется, внезапно отталкивает и расширяет свод неба... Шум, похожий на гром, раздающийся одновременно, сотрясает землю и сотрясает город, стены которого рушатся... Глубокая ночь снова опускается; дворец Сарданапала больше не существует, и завтра его победители не найдут ничего от его богатств, его трупа и его удовольствий.

Так закончилась первая империя Ассирии и цивилизация, созданная истинным Зороастром. Здесь заканчивается магия в собственном смысле этого слова и начинается царствование каббалы. Авраам, покидая Халдею, унес с собой ее тайны. Народ Божий рос в тишине, и вскоре мы встретим Даниила, борющегося с жалкими чародеями Навуходоносора и Валтасара⁴.

Примечание 4: ([назад](#)) Согласно Сулдасу, Кедрену и Александрийской хронике, это был сам Зороастр, который, посаженный в своем дворце, внезапно исчез со всеми своими секретами и богатствами в огромном раскате грома. В то время каждый царь, обладавший божественной властью, считался воплощением Зороастра, и Сарданапал сделал свое погребение апофеозом.

MYSTERE DE L'EQUILIBRE UNIVERSEL
 Suivant les Mythologies Indienne et Japonnaise

ГЛАВА III.

МАГИЯ В ИНДИИ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Догма гимнософистов. -- Тримурти и аватары. -- Своеобразное проявление пророческого духа. -- Влияние ложного Зороастра на индийский мистицизм. -- Религиозные древности Вед. -- Магия брахманов и факиров. -- Их книги и произведения.

Индия, которая, согласно каббалистической традиции, была заселена потомками Каина и куда позже удалились дети Авраама и Кетуры, является страной гоетии и магии. Черная магия сохранилась здесь вместе с первоначальными традициями братоубийства, отвергнутого сильными мира сего, продолженного угнетающими кастами и искупленного изгоями.

Можно сказать, что Индия является мудрой матерью всех идолопоклонств. Догмы ее гимнософистов были бы ключами к высшей мудрости, если бы они не открывали еще лучше двери к одурманенности и смерти. Удивительное богатство индийского символизма почти заставляет предположить, что оно предшествует всем другим, настолько много первобытной оригинальности в его поэтических концепциях; но это дерево, корни которого, кажется, укусила адская змея. Обоожествление дьявола, против которого мы уже энергично протестовали, проявляется здесь во всей своей бесстыдности. Ужасная тримурти брахманов состоит из создателя, разрушителя и восстановителя. Их Аддха-Нари, олицетворяющая богиню-мать или небесную природу, также называется *Боухани*, и тугги, или душители, приносят ей в жертву убитых. Вишну, восстановитель, воплощается лишь для того, чтобы убить подчиненного дьявола, который всегда возрождается, поскольку ему благоволит Рутрем или Шива, бог смерти. Чувствуется, что Шива является апофеозом Каина, но ничто во всей этой мифологии не напоминает о мягкости Авеля. Однако его тайны полны величественной поэзии, а аллегии необычайной глубины. Это оскверненная каббала; поэтому, вместо того чтобы укреплять душу, приближая ее к высшей мудрости, брахманизм толкает ее и с помощью научных теорий ввергает в бездну безумия.

Именно из ложной каббалы Индии гностики позаимствовали свои поочередно ужасные и непристойные мечты. Именно индийская магия, сначала представая со своими тысячами уродств на пороге оккультных наук, пугает разумные умы и вызывает анафему со стороны всех здравомыслящих церквей. Именно эта ложная и опасная наука, которую невежественные и полуученые слишком часто путают с истинной наукой, заставила их обернуть все, что носит название оккультизма, анафемой, которую энергично поддержал даже автор этих страниц, когда еще не нашел ключ к магическому святилищу. Для теологов Вед Бог проявляется только в силе. Любой прогресс и любое откровение определяются победой. Вишну воплощается в чудовищных левиафанах моря и в огромных кабахах, которые формируют первобытную землю ударами своих рогов.

Это чудесное происхождение пантеизма, и все же в авторах этих басен какое ясное сомнамбулическое состояние! Число десять аватаров соответствует числу сефирот каббалы. Вишну последовательно принимает три животных образа, три элементарных формы жизни, затем он становится сфинксом и, наконец, появляется в человеческом обличье; тогда он становится Брахмой и под видом притворной скромности захватывает всю землю; вскоре он становится ребенком, чтобы быть утешителем патриархов, становится воином, чтобы сражаться с угнетателями мира, затем воплощает политику, чтобы противостоять насилию, и, кажется, покидает человеческую форму, чтобы обрести ловкость обезьяны. Политика и насилие взаимно износили друг друга, мир ждет интеллектуального и нравственного искупителя. Вишну воплощается в Кришне; он появляется изгнанником в своей колыбели, у которой бодрствует символический осел; его уносят, чтобы спасти от убийц, он растет и проповедует учение милосердия и добрых дел. Затем он спускается в ад, сковывает адскую змею и восходит в славе на небеса; его ежегодный праздник отмечается в августе под знаком Девы. Какая удивительная интуиция тайн христианства! И насколько она должна казаться необыкновенной, если подумать, что священные книги Индии были написаны за несколько веков до нашей эры. За откровением Кришны следует откровение Будды, который

объединил в себе самую чистую религию и самую совершенную философию (). Тогда счастье мира будет полным, и людям останется ждать только десятое и последнее воплощение, когда Вишну вернется в своем собственном обличье, ведя лошадь последнего суда, эту страшную лошадь, передняя нога которой всегда поднята и которая разрушит мир, когда эта нога опустится.

Здесь мы должны признать священные числа и пророческие вычисления магов. Гимнософисты и посвященные Зороастра черпали из тех же источников... но именно ложный Зороастр, черный Зороастр, остался господином индийской теологии: последними секретами этой выродившейся доктрины являются пантеизм и, как следствие, абсолютный материализм под видом абсолютного отрицания материи. Но какая разница, материализуем ли мы дух или одухотворяем материю, если мы утверждаем равенство и даже тождество этих двух понятий? Следствием этого пантеизма является разрушение всякой морали: в мире, где все есть Бог, больше нет ни преступлений, ни добродетелей.

Из этих догм можно понять постепенное одурачивание брахманов фанатичным квиетизмом, но этого еще недостаточно; их великий магический ритуал, книга индийского оккультизма «Упнекхат», учит их физическим и моральным средствам довести до конца дело своего одурманенного состояния и постепенно достичь яростного безумия, которое их колдуны называют *божественным состоянием*. Эта книга Упнекхат является прародительницей всех гримуаров и самым любопытным памятником древностей гоетии.

Эта книга разделена на *пятьдесят разделов*: это тень, смешанная с молниями. В ней можно найти возвышенные высказывания и ложные оракулы. Иногда кажется, что читаешь Евангелие от Иоанна, когда, например, в одиннадцатом и сорок восьмом разделах находишь:

«Ангел созидательного огня — это слово Божье.

Слово Божье создало землю и растущие на ней растения, а также тепло, которое их созревает.

Слово Создателя само по себе является Создателем и его единственным сыном».

Иногда это мечтания, достойные самых экстравагантных ересиархов:

«Материя — лишь обманчивая видимость, солнце, звезды, сами стихии — это духи, животные — демоны, а человек — чистый дух, обманутый видимостью тел».

Но мы достаточно осведомлены о догме, перейдем к магическому ритуалу индийских чародеев.

«Чтобы стать Богом, нужно задержать дыхание.

То есть вдыхать его так долго, как только можно, и наполниться им полностью.

Во-вторых, задержать его так долго, как только можно, и в этом состоянии сорок раз произнести божественное имя АУМ.

В-третьих, выдохнуть как можно дольше, мысленно посылая свое дыхание через небеса, чтобы соединиться с вселенским эфиром.

»Во время этого упражнения нужно стать слепым и глухим, неподвижным, как кусок дерева.

Необходимо опереться на локти и колени, лицом обратившись к северу.

Одним пальцем закройте одно крыло носа, другим втяните воздух, затем закройте его пальцем, думая о том, что Бог является создателем, что он находится во всех животных, от муравья до слона: вы должны погрузиться в эти мысли.

Сначала произнесите «Аум» двенадцать раз; и во время каждого вдоха произносите «Аум» восемьдесят раз, а затем столько раз, сколько возможно...

Делайте все это в течение трех месяцев, без страха, без лени, мало едя и мало спя; на четвертый месяц девы покажутся вам; на пятый вы приобретете все качества деват; на шестой вы будете спасены, вы станете Богом».

Очевидно, что к шестому месяцу фанатик, достаточно глупый, чтобы упорствовать в подобной практике, будет мертв или сойдет с ума.

Если он выдержит это упражнение мистического дуновения, Упнекхат, не желая оставлять его на таком прекрасном пути, переведет его к другим упражнениям.

«Заткните анус пяткой, затем втяните воздух снизу вверх по правой стороне, три раза обойдите им вторую область тела; оттуда направьте его в пупок, который является третьей областью; затем в четвертую, которая находится в середине сердца; затем в пятую, которая находится в горле; затем в шестую, которая находится внутри носа, между двумя бровями; там задержите дыхание: оно стало дыханием вселенской души».

Нам это кажется просто методом самомагнетизации, который при этом вызывает некоторое застойное состояние мозга.

«Затем, продолжает автор Упнекхата, думайте о великом Аум, который является именем Создателя, вселенским голосом, чистым и неделимым голосом, наполняющим все; этот голос является самим Создателем; он слышен созерцателю десятью способами. Первый звук подобен голосу маленького воробья; второй — вдвое громче первого; третий — звуку цимбал; четвертый — шепоту большой раковины; пятый — пению вины (разновидности индийской лиры); шестой — звуку инструмента, называемого тал; седьмой похож на звук флейты бакабу, приложенной к уху; восьмой — на звук инструмента пакаудж, по которому ударяют рукой; девятый — на звук маленькой трубы, а десятый — на звук грохочущего облака, которое издаёт звуки *дда, дда, дда!*

При каждом из этих звуков созерцатель проходит через разные состояния, вплоть до десятого, когда он становится Богом.

При первом звуке волосы на всем его теле встают дыбом.

При втором его конечности онемели.

При третьем он чувствует во всех членах усталость, которая следует за любовными утехами.

При четвертом ему кружится голова, он как пьяный.

На пятом этапе *вода жизни* возвращается в его мозг.

»На шестом этапе эта вода спускается в него, и он питается ею.

»На седьмом этапе он становится хозяином видения, он видит в сердцах, слышит самые далекие голоса.

На девятом он чувствует себя достаточно тонким, чтобы переноситься, куда хочет, и, как ангелы, видеть все, не будучи увиденным.

На десятом уровне он становится вселенским и неделимым голосом, он является великим творцом, вечным существом, свободным от всего, и, став совершенным покоем, он дарует покой миру».

На этой столь любопытной странице следует отметить полное описание явлений осознанного сомнамбулизма в сочетании с полной теорией одиночного магнетизма. Это искусство впадать в экстаз посредством напряжения воли и утомления нервной системы.

Мы рекомендуем магнетистам углубленное изучение тайн Упнекхата.

Постепенное использование наркотиков и применение ряда цветных дисков дают эффекты, аналогичные тем, которые описывает индейский колдун, и г-н Рагон привел рецепт этого в своей книге «*Livre de la maçonnerie occulte*» (Книга о тайном масонстве), следуя масонской ортодоксии, на странице 499.

Упнекхат предлагает более простой способ потерять сознание и достичь экстаза: смотреть обоими глазами на кончик своего носа и оставаться в этой позе, или, скорее, в этой гримасе, до тех пор, пока не наступит судорога зрительного нерва.

Все эти практики болезненны, опасны и нелепы, и мы никому их не рекомендуем; но мы не сомневаемся, что в течение более или менее длительного времени, в зависимости от чувствительности субъектов, они действительно вызывают экстаз, каталепсию и даже летаргическое обморочное состояние.

Чтобы обрести видения, достичь явлений второго зрения, необходимо ввести себя в состояние, близкое ко сну, смерти и безумию. Именно в этом индейцы особенно искусны, и, возможно, именно их секретами объясняются странные способности некоторых американских медиумов.

Черную магию можно определить как искусство вызывать у себя и других искусственное безумие. Это также наука об отравлениях в совершенном виде. Но то, что не всем известно, и что первым открыл среди нас г-н Дюпоте, это то, что можно убить путем перегрузки или внезапного лишения астрального света, когда посредством серии почти невозможных упражнений, подобных тем, которые описывает индейский колдун, сделали свою нервную систему, приученную ко всем напряжениям и усталостям, своего рода живой гальванической батареей, способной конденсировать и с силой проецировать этот опьяняющий и поражающий свет.

Но на этом магические секреты Упнекхата не заканчиваются; есть еще один, который мрачный иерофант доверяет своим посвященным как великую и высшую тайну, и это, по сути, тень и противоположность этой великой тайны высшей магии.

Великая тайна истинных магов — это абсолют в морали и, следовательно, в направлении действий и в свободе.

Великая тайна Упнекхата — это абсолют в безнравственности, в фатализме и в смертельном квиетизме.

Вот как выражается автор индийской книги:

«Разрешается лгать, чтобы облегчить браки и возвеличить добродетели брамина или качества коровы.

Бог называется истиной, и в нем тень и свет составляют одно целое. Тот, кто знает это, никогда не лжет, потому что, если он хочет солгать, он превращает свою ложь в истину.

Какой бы грех он ни совершил, какое бы злое дело ни совершил, он никогда не будет виновен. Даже если он дважды убьет отца, даже если он убьет брахмана, посвященного в тайны Вед, что бы он ни совершил, его свет не померкнет, потому что, говорит Бог, я — вселенская душа, во мне есть добро и зло, которые исправляют друг друга. Тот, кто знает это, никогда не грешен; он вселенский, как и я.» (*Упнекхат*, наставление 108, страницы 35 и 92 тома I перевода Анкетиля.)

Подобные учения далеки от цивилизаторских, и, кроме того, Индия, закрепив свою социальную иерархию, удерживала анархию в кастах; общество живет только за счет обмена. Но обмен невозможен, когда все принадлежит одним, а другим ничего не принадлежит. Зачем нужны социальные ступени в так называемой цивилизации, где никто не может ни спуститься, ни подняться? Здесь, наконец, проявляется запоздалое наказание за братоубийство, наказание, которое охватывает весь его род и обрекает его на смерть. Придет другая гордая и эгоистичная нация и пожертвует Индией, как восточные легенды рассказывают, что Ламех убил Каина. Но горе самому убийце Каина! — говорят священные оракулы Библии.

YINX PANTOMORPHE.

Двадцать первый ключ Туола
Древнего Египта.

ГЛАВА IV.

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ МАГИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Догмат Гермеса Трисмегиста. -- Герметическая магия. -- Египет и его чудеса.--Патриарх Иосиф и его политика.--Книга Тота.--Магическая таблица Бембо.--Ключ к оракулам.--Воспитание Моисея.--Маги фараона.--Философский камень и великое дело.

Именно в Египте магия достигает совершенства как универсальная наука и формулируется в виде совершенного догмата. Ничто не превосходит и ничто не равняется по суммированию всех учений старого мира нескольким изречениям, высеченным Гермесом на драгоценном камне и известным под названием «*Изумрудная таблица*»: единство бытия и единство гармоний, как восходящих, так и нисходящих, прогрессивная и пропорциональная шкала Слова; неизменный закон равновесия и пропорциональный прогресс универсальных аналогий, соотношение идеи и Слова, дающее меру соотношения между создателем и созданным; необходимая математика бесконечности, доказанная измерениями одного угла конечного; все это выражено в этом единственном предложении великого египетского иерофанта:

«То, что выше, подобно тому, что ниже, и то, что внизу, подобно тому, что вверху, чтобы сформировать чудеса единого целого».

Затем следует откровение и научное описание творческого агента, пантоморфного огня, великого средства оккультной силы, астрального света, одним словом.

«Солнце — его отец, луна — его мать, ветер выносил его в своем чреве».

Таким образом, этот свет исходит от солнца, он получает свою форму и регулярное движение от влияния луны, он имеет атмосферу в качестве сосуда и тюрьмы.

«Земля — его кормилица».

То есть он уравновешен и приводится в движение центральным теплом земли.

«Это универсальный принцип, ТЕЛЕСМА мира».

Затем Гермес учит, как из этого света, который также является силой, можно сделать рычаг и универсальное растворяющее средство, а также формирующий и коагулирующий агент.

Как извлечь из тел, где он находится в латентном состоянии, этот свет в виде огня, движения, великолепия, светящегося газа, горячей воды и, наконец, огненной земли, чтобы с помощью этих различных веществ имитировать все творения природы.

Изумрудная таблица — это вся магия на одной странице.

Другие произведения, приписываемые Гермесу, такие как «*Пимандр*», «*Асклепий*», «*Минерва мира*» и т. д., обычно рассматриваются критиками как произведения Александрийской школы. Тем не менее, они содержат герметические традиции, сохраненные в святилищах теургии. Доктрины Гермеса не могут быть утрачены для тех, кто знает ключи к символизму. Руины Египта подобны разбросанным страницам, из которых, собрав их воедино, можно воссоздать всю книгу, удивительную книгу, в которой большие буквы — были храмами, а предложения — городами, усеянными обелисками и сфинксами!

Само деление Египта было магическим синтезом; названия его провинций соответствовали фигурам священных чисел: царство Сесостриса делилось на три части: Верхний Египет или Фивы, олицетворение небесного мира и родина экстаза; Нижний Египет, символ земли; и Средний или Центральный Египет, страна науки и высших посвящений. Каждая из этих трех частей была разделена на десять провинций, называемых номами, и находилась под особой защитой одного из богов. Эти боги, которых было тридцать, сгруппированные по три,

символически выражали все концепции тройки в десятке, то есть тройное естественное, философское и религиозное значение абсолютных идей, первоначально связанных с числами. Таким образом, тройная единица или первоначальная тройка, тройная двойка или мираж треугольника, образующего звезду Соломона; тройная тройка или идея в целом под каждым из ее трех терминов; тройная четверка, то есть циклическое число астральных революций и т. д. География Египта при Сесострисе является, таким образом, пантаклом, то есть символическим резюме всего магического догмата Зороастра, восстановленного и сформулированного более точно Гермесом.

Таким образом, египетская земля была большой книгой, и учения этой книги повторялись, воплощались в живописи, скульптуре, архитектуре во всех городах и храмах. Даже пустыня имела свои вечные учения, и ее каменное Слово прямо сидело на основании пирамид, этих пределов человеческого разума, перед которыми на протяжении стольких веков медитировал колоссальный сфинкс, медленно погружаясь в песок. Теперь его голова, изуродованная веками, все еще возвышается над его могилой, как будто она ждет, чтобы исчезнуть, пока человеческий голос не объяснит новому миру проблему пирамид.

Египет для нас является колыбелью наук и мудрости, поскольку он облек древний догмат первого Зороастра в образы, если не более богатые, то, по крайней мере, более точные и чистые, чем в Индии. Священническое и царское искусство формировало своих последователей через посвящение, и посвящение не ограничивалось эгоистическими рамками каст. Мы видели, как еврейский раб посвятил себя и достиг ранга премьер-министра и, возможно, великого иерофанта, поскольку он женился на дочери египетского жреца, а известно, что жречество никогда не вступало в межклассовые браки. Иосиф осуществил в Египте мечту о коммунизме; он сделал священство и государство единственными владельцами и, следовательно, арбитрами труда и богатства. Таким образом, он искоренил нищету и превратил весь Египет в патриархальную семью. Известно, что Иосиф обязан своим возвышением своему искусству толкования снов, искусству, в которое современные христиане, я бы даже сказал, верные христиане, отказываются верить, хотя и признают, что Библия, в которой рассказывается о чудесных предсказаниях Иосифа, является словом Святого Духа.

Искусство Иосифа было ничем иным, как пониманием естественных связей, существующих между идеями и образами, между Словом и его образами. Он знал, что во время сна, когда душа погружена в астральный свет (), она видит отражения своих самых сокровенных мыслей и даже предчувствий; он знал, что искусство переводить иероглифы сна является ключом к всеобщей ясности, поскольку все разумные существа получают откровения во сне.

Абсолютная иероглифическая наука основывалась на алфавите, в котором все боги были буквами, все буквы — идеями, все идеи — числами, все числа — совершенными знаками.

Этот иероглифический алфавит, который Моисей сделал великой тайной своей каббалы и который он позаимствовал у египтян, поскольку, согласно Сефер Джезира, он происходил от Авраама: этот алфавит, как мы говорим, является знаменитой книгой Таута, которая, по предположению Курта де Гебелина, сохранилась до наших дней в виде странной колоды карт, называемой *таро*; впоследствии она была неправильно истолкована Этейей, у которого тридцатилетнее упорство не смогло восполнить недостаток здравого смысла и начального образования; существующий до сих пор среди обломков египетских памятников, и наиболее любопытный и полный ключ к нему находится в великом труде отца Кирхера об Египте. Это копия исиадского стола, принадлежавшего знаменитому кардиналу Бембо. Этот стол был медным с эмалевыми фигурами; к сожалению, он был утерян, но Кирхер дает его

точную копию, и этот ученый-иезуит догадался, не имея, однако, возможности развить свое объяснение, что он содержал иероглифический ключ к священным алфавитам.

Этот стол разделен на три равных отсека: вверху, двенадцать небесных домов, внизу двенадцать трудовых сезонов года, в центре двадцать один священный знак, соответствующий буквам.

В центре центральной области находится изображение ИЙНХС, пантеморфного символа вселенского существа, соответствующего еврейской букве йод, единственной букве, из которой образуются все остальные. Вокруг ИЙНХС видна офионская триада, соответствующая трем материнским буквам египетского и еврейского алфавитов; справа — две триады, *ибиморфная* и *серапеанская*, слева — триада *нефтеанская* и триада *Гекаты*, фигуры активного и пассивного, изменчивого и постоянного, оплодотворяющего огня и порождающей воды. Каждая пара триад в сочетании с центром дает семёрку; сам центр содержит одну семёрку. Таким образом, три семёрки дают абсолютное число трёх миров и полное число первоначальных букв, к которым добавляется дополнительный знак, как к девяти цифрам добавляется ноль.

Десять чисел и двадцать две буквы являются тем, что в каббале называют тридцатью двумя путями науки, и их философское описание является предметом первоначальной и почитаемой книги, называемой *Сефер Джебзира*, которую можно найти в коллекции Писториуса и в других местах. Алфавит Таута является оригиналом нашего таро лишь косвенным образом. Таро, которое мы имеем, имеет еврейское происхождение, а типы фигур восходят не далее, чем до правления Карла VII. Карточная игра Жакмена Грингунера — первое таро, которое мы знаем, но символы, которые оно воспроизводит, имеют древнейшее происхождение. Эта колода была попыткой какого-то астролога того времени вернуть короля к разуму с помощью этого ключа, оракулов, ответы которых, полученные в результате различных комбинаций знаков, всегда точны, как математика, и выверены, как гармонии природы. Но нужно быть уже достаточно разумным, чтобы уметь пользоваться инструментом науки и разума; бедный король, впавший в детство, видел в картинах Грингунера только детские игрушки и сделал из таинственных алфавитов каббалы карточную игру.

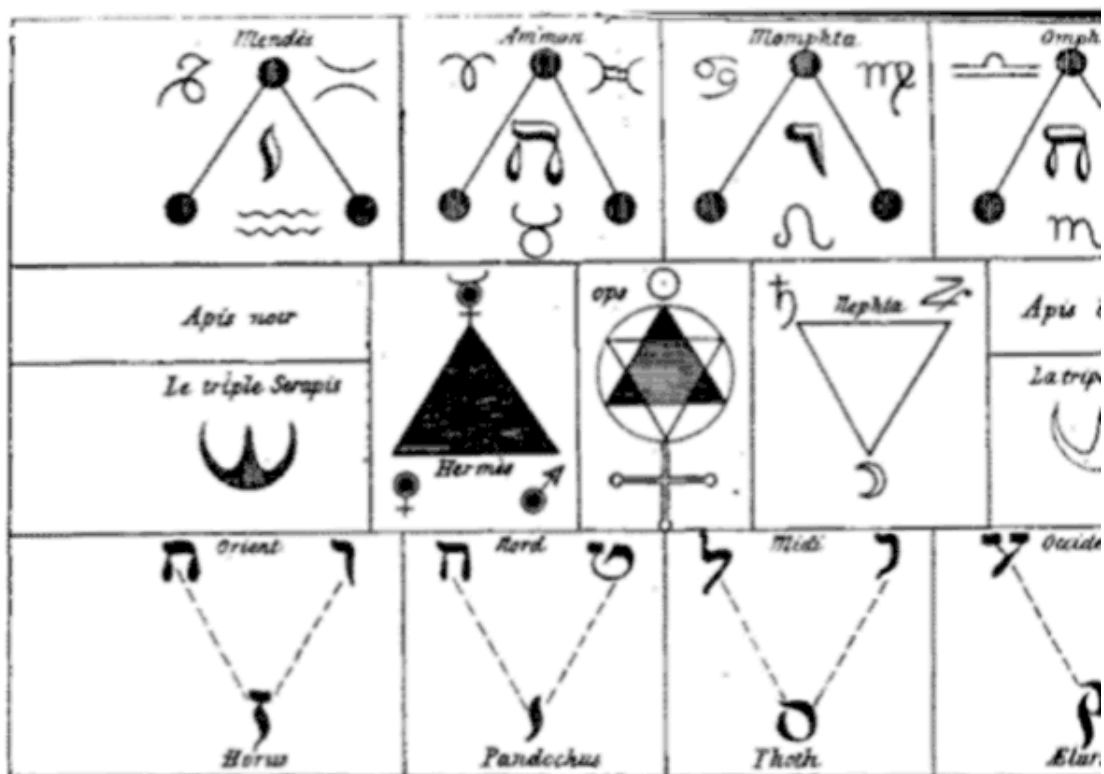

Tableau explicatif de la table astronomique
et alphabétique dite de Bembo.
(Voir L'Édipe de Kircher.)

Моисей рассказывает нам, что, выходя из Египта, израильтяне унесли с собой священные сосуды египтян. Эта история является аллегорической, и великий пророк не поощрял бы свой народ к воровству. Эти священные сосуды — это секреты египетской науки, которые Моисей узнал при дворе фараона. Мы далеки от мысли приписывать чудеса этого вдохновленного Богом человека магии, но сама Библия учит нас, что Яннес и Мамбрес, волшебники фараона, то есть великие иерофанты Египта, сначала совершали своим искусством чудеса, подобные его чудесам. Так, они превращали жезлы в змей, а змей в жезлы, что можно объяснить престижем или очарованием. Они превращали воду в кровь, мгновенно появляли большое количество лягушек, но не могли привести ни мух, ни других паразитических насекомых, мы уже сказали, почему, и как следует объяснить их признание, когда они объявили о своем поражении.

Моисей победил и вывел израильтян из земли рабства. В то время истинная наука терялась в Египте, потому что жрецы, злоупотребляя большим доверием народа, оставляли его гнить в одурманивающем идолопоклонстве; в этом заключалась большая опасность эзотеризма. Необходимо было скрывать от народа правду, не утаивая ее; необходимо было не допустить, чтобы символизм опустился до абсурда; необходимо было сохранить в полном достоинстве и первозданной красоте священную завесу Исида. Этого египетское священство не смогло сделать. Простой глупец принял иероглифические образы Осириса и Германиубиса за живые реальности. Осирис стал быком, а ученый Гермес — собакой. Осирис, ставший быком, вскоре стал ходить в одеждах быка Аписа, и священники не помешали народу поклоняться мясу, предназначенному для их кухни.

Настало время спасти святые традиции. Моисей создал новый народ и строго запретил ему поклонение изображениям. К сожалению, этот народ уже жил с идолопоклонниками, и

воспоминания о быке Аписе преследовали его в пустыне. Известна история золотого тельца, которому дети Израиля всегда немного поклонялись. Моисей, однако, не хотел предавать забвению священные иероглифы и освятил их, посвятив их очищенному культу истинного Бога. Мы увидим, как все предметы, служащие для поклонения Иегове, были символическими и напоминали почитаемые знаки первобытного откровения.

Но сначала нужно покончить с язычеством и проследить через языческие цивилизации историю материализованных иероглифов и древних оскверненных обрядов.

ГЛАВА V.

МАГИЯ В ГРЕЦИИ.

Содержание. -- Сказка о золотом руне. -- Орфей, Амфион и Кадм. -- Магический ключ к поэмам Гомера. -- Эсхил, раскрывающий тайны. -- Догмат Орфея, объясненный легендой. -- Оракулы и пифии. -- Черная магия Медеи и Цирцеи.

Мы приближаемся к эпохе, когда точные науки магии обретут свою естественную форму: красоту. В Сохаре мы видели, как прототип человека поднимается в небо, отражаясь в океане Бытия. Этот идеальный человек, эта тень многообразного Бога, этот мужественный призрак совершенной формы не останется в одиночестве. Под ласковым небом Эллады у него появится спутница. Небесная Венера, целомудренная и плодovitая Венера, тройная мать трех Граций, появляется в свою очередь, но уже не из спящих вод хаоса, а из живых и бурных волн этого шепчущего поэзией архипелага, где острова, усыпанные зелеными деревьями и цветами, кажутся кораблями богов.

Магическая семерка халдеев превращается в музыку на семи струнах лиры Орфея. Это гармония, которая расчищает леса и пустыни Греции. Под поэтические песни Орфея скалы размягчаются, дубы вырываются с корнями, а дикие звери подчиняются человеку. С помощью подобной магии Амфион построил стены Фив. Ученый Фивы Кадма, город, который является пантеоном, как семь чудес света, город посвящения. Именно Орфей дал жизнь числам, а Кадм привязал мысль к символам. Один сделал народ влюбленным во все красоты, другой дал этому народу родину, достойную его гения и любви.

В традициях Древней Греции мы видим Орфея среди героев Золотого руна, этих первобытных завоевателей великого дела. Золотой рун — это добыча солнца, это свет, пригодный для использования человеком; это великая тайна магических дел, это, наконец, посвящение, которое ищут в Азии аллегорические герои золотого руна. С другой стороны, Кадм — добровольный изгнанник из великого Фив в Египте. Он приносит в Грецию первобытные буквы и гармонию, которая их объединяет. Под влиянием этой гармонии типичный город, город ученых, новый Фивы строится сам собой, потому что вся наука заключена в гармонии иероглифических, фонетических и цифровых символов, которые движутся сами по себе в соответствии с законами вечной математики. Фивы имеют круглую форму, а их цитадель — квадратную, у них семь ворот, как у волшебного неба, и их легенда вскоре станет эпосом оккультизма и пророческой историей человеческого гения.

Все эти загадочные аллегории, все эти ученые традиции являются душой цивилизации Греции, но не следует искать реальную историю героев этих поэм где-либо, кроме преобразований восточного символизма, принесенного в Грецию неизвестными иерофантами. Великие люди того времени писали только историю идей и мало заботились о том, чтобы познакомить нас с человеческими страданиями, сопутствующими рождению империй. Гомер тоже пошел по этому пути; он использует богов, то есть бессмертные типы мысли, и если мир находится в смятении, то это неизбежное следствие хмурого взгляда Юпитера. Если Греция несет железо и огонь в Азию, то это для того, чтобы отомстить за оскорбления науки и добродетели, принесенные в жертву сладострастию. Это для того, чтобы вернуть империю мира Минерве и Юноне, несмотря на эту слабую Венеру, которая потеряла всех, кто слишком сильно ее любил.

Такова возвышенная миссия поэзии: она заменяет людей богами, то есть причины следствиями, а вечные концепции — ничтожными воплощениями величия на земле. Именно идеи возвышают или разрушают империи. В основе всякого величия лежит вера, и чтобы вера была поэтической, то есть созидательной, она должна основываться на истине. Настоящая история, достойная интереса мудрецов, — это история вечной победы света над тьмой. Великий день этого солнца называется цивилизацией.

Сказка о золотом руне связывает герметическую магию с посвящениями в Греции. Солнечный баран, у которого нужно отнять золотое руно, чтобы стать повелителем мира, является символом великого дела. Корабль аргонавтов, построенный из досок пророческих дубов Додоны, говорящий корабль, это лодка тайн Исиды, ковчег семян и обновления, сундук Осириса, яйцо божественного возрождения. Авантюрист Ясон — это посвящаемый; он герой только благодаря своей смелости, он обладает всеми человеческими переменчивостями и слабостями, но он ведет с собой олицетворения всех сил. Геркулес, символизирующий грубую силу, не должен участвовать в этом деле, он сбивается с пути в погоне за своими недостойными любовными увлечениями; остальные прибывают в страну посвящения, в Колхиду, где еще хранились некоторые секреты Зороастра; но как получить ключ к этим тайнам? Наука вновь предана женщиной. Медея открывает Ясону тайны великого дела, она предаёт царство и жизнь своего отца; ибо это роковой закон тайного святилища, что раскрытие секретов влечёт за собой смерть того, кто не смог их сохранить.

Медея рассказывает Ясону, с какими чудовищами ему предстоит сразиться и как он может одержать над ними победу. Прежде всего, нужно поймать и обезвредить крылатую земную змею, астральную энергию; нужно вырвать у нее зубы и посеять их на равнине, которую сначала нужно вспахать, запрягнув в плуг быков Марса. Зубы дракона — это кислоты, которые должны растворить металлическую землю, подготовленную двойным огнем и магнитными силами земли. Затем происходит брожение, и, как в великой битве, нечистое пожирается нечистым, и блестящий руно становится наградой адепта.

На этом заканчивается волшебный роман о Ясоне; далее следует роман о Медее, ибо в этой истории древнегреческая культура захотела заключить эпопею оккультных наук. За герметической магией следует гоетия, отцеубийство, братоубийство, детоубийство, жертвуя всем своим страстям и никогда не наслаждаясь плодами своих преступлений. Медея предала своего отца, как Хам; убивает своего брата, как Каин. Она убивает своих детей, отравляет свою соперницу, и получает в ответ только ненависть того, чью любовь она хотела завоевать. Можно удивиться, что Ясон, обладатель золотого руна, не стал мудрее, но давайте помнить, что он открыл свои секреты только благодаря предательству. Он не последователь, как Орфей, он похититель, как Прометей. Он ищет не знания, а власти и

богатства. Поэтому он, к сожалению, умрет, а вдохновляющие и властные свойства золотого руна будут поняты только последователями Орфея.

Прометей, золотой рун, Тебаида, Илиада и Одиссея, пять великих эпосов, полных великих тайн природы и человеческих судеб, составляют Библию древней Греции, огромный памятник, нагромождение гор на горах, шедевров на шедеврах, форм, прекрасных как свет, на вечных мыслях и великих как истина!

Кстати, иерофанты поэзии познакомили население Греции с этими чудесными вымыслами, хранящими истину, только на свой страх и риск. Эсхил, который осмелился поставить на сцене гигантские сражения, сверхчеловеческие жалобы и божественные надежды Прометея, страшный поэт из семьи Эдипа, был обвинен в предательстве и осквернении таинств и с трудом избежал сурового наказания. Сейчас мы не можем понять весь масштаб преступления поэта. Его драма была трилогией, в которой была представлена вся символическая история Прометея. Эсхил осмелился показать собравшемуся народу Прометея, освобожденного Алкидом и свергнувшего Юпитера с трона. Всемогущая гения, который страдал, и окончательная победа терпения над силой: это было, без сомнения, прекрасно. Но разве толпа не могла увидеть в этом будущее триумфы безбожия и анархии? Разве Победоносный Прометей не мог быть воспринят как народ, однажды освободившийся от своих священников и царей? И разве виновные надежды не сыграли большую роль в аплодисментах, которыми осыпали неосторожного провозвестника?

Мы обязаны шедеврами поэзии этим слабостям догмы, и мы не принадлежим к числу тех строгих посвященных, которые, как Платон, хотели бы изгнать поэтов, увенчав их венцом; истинные поэты — посланники Бога на земле, и те, кто отвергает их, не должны быть благословлены Небесами.

Великий инициатор Греции и ее первый цивилизатор был также ее первым поэтом; даже если предположить, что Орфей был лишь мистическим или сказочным персонажем, все равно пришлось бы верить в существование Музы и приписывать ей стихи, которые носят имя ее учителя. Кстати, нам неважно, был ли один из аргонатов по имени Орфей, поэтический персонаж сделал больше, чем просто жил; он живет вечно, он бессмертен! Легенда об Орфее — это целый догмат, это откровение священнического предназначения, это новый идеал, рожденный культом красоты. Это уже возрождение и искупление любви. Орфей спускается в подземный мир, чтобы найти Эвридику, и он должен вернуть ее, не глядя на нее. Так и чистый человек должен создать себе спутницу, он должен возвысить ее, посвятив себя ей и не желая ее. Отказавшись от объекта страсти, человек заслуживает обладать объектом истинной любви. Здесь уже предчувствуются целомудренные мечты христианского рыцарства. Чтобы вырвать свою Эвридику из ада, нельзя смотреть на нее! Но иерофант все еще человек, он слабеет, он сомневается, он смотрит.

Ах, несчастная Эвридика!

Она потеряна! Проступок совершен, искупление начинается; Орфей овдовел, он остается целомудренным. Он овдовел, не успев познать Эвридику, овдовел по деве и останется девственником, ибо поэт не имеет двух сердец, а дети божественного рода любят вечно. Вечные стремления, вздохи по идеалу, который найдется за пределами могилы, вдовство, посвященное священной музыке. Какое пророческое откровение грядущих вдохновений!

Орфей, несущий в сердце рану, которую может исцелить только смерть, становится врачом душ и тел; он умирает, наконец, жертвой своей целомудрия; он умирает смертью посвященных и пророков; он умирает, провозгласив единство Бога и единство любви, и таково было впоследствии содержание таинств в орфическом посвящении.

Проявив себя настолько выше своего времени, Орфей должен был оставить после себя репутацию чародея и волшебника. Ему, как и Соломону, приписывают знание трав и минералов, науку о небесной медицине и философском камне. Он, несомненно, знал все это, поскольку в своей легенде олицетворяет первобытное посвящение, падение и искупление, то есть три части великого дела человечества : вот как, по словам Балланша, можно резюмировать орфическое посвящение:

«Человек, подвергшись влиянию стихий, должен подвергнуть стихии своему собственному влиянию.

Творение — это акт непрерывного и вечного божественного магизма.

Для человека реальное бытие — это познание себя.

Ответственность — это завоевание человека, даже наказание за грех — это новый способ завоевания.

Вся жизнь основана на смерти.

Палингенезис — это закон восстановления.

Брак – это воспроизведение в человечестве великой космогонической тайны. Он должен быть единым, как едины Бог и природа.

Брак – это единство дерева жизни; разврат – это разделение и смерть.

Древо жизни един, и ветви, расцветающие в небе и цветущие звездами, соответствуют корням, скрытым в земле.

Астрология — это синтез.

Знание о лечебных или магических свойствах растений, металлов, тел, в которых в той или иной степени заключена жизнь, является синтезом.

Силы организации, в ее различных степенях, раскрываются через синтез.

Агрегаты и сродства металлов, как и вегетативная душа растений, как и все ассимилирующие силы, также раскрываются синтезом⁵».

Примечание 5: (возврат) Балланш, *Орфей*, кн. VIII, стр. 169, изд. 1833.

Говорят, что прекрасное — это великолепие истинного. Итак, именно этому великому свету Орфея следует приписать красоту формы, впервые проявленной в Греции. Именно к Орфею () восходит школа божественного Платона, этого светского отца высокой христианской философии. Именно у него Пифагор и просветленные Александрии позаимствовали свои тайны. Посвящение не меняется; мы находим его неизменным на протяжении веков. Последние ученики Паскалиса Мартинеса все еще являются детьми Орфея, но они поклоняются создателю античной философии, воплощению слова христиан.

Мы сказали, что первая часть басни о золотом руне содержит секреты орфической магии, а вторая часть посвящена мудрым предупреждениям против злоупотреблений гоетией или темной магией.

Геотия или ложная магия, известная в наши дни под названием колдовство, не может быть наукой; это эмпиризм рока. Любая чрезмерная страсть порождает искусственную силу, которой воля не может управлять, но которая подчиняется деспотизму страсти. Именно поэтому Альберт Великий говорил: «Не проклинаяте никого, когда вы злитесь». Это история проклятия Гипполита Тесеем. Чрезмерная страсть — это настоящее безумие. А безумие — это опьянение или перенасыщение астральным светом. Вот почему безумие заразно, а страсти в целом несут с собой настоящее проклятие. Женщины, более подверженные страстному опьянению, обычно являются лучшими колдуньями, чем мужчины могут быть колдунами. Слово, обозначающее «колдун», достаточно точно описывает жертв судьбы и, так сказать, ядовитые грибы рока.

Ведьмы у греков, и особенно в Фессалии, практиковали ужасные учения и предавались отвратительным обрядам. Как правило, это были женщины, потерянные из-за желаний, которые они больше не могли удовлетворить, стареющие куртизанки, чудовища безнравственности и уродства. Завидуя любви и жизни, эти несчастные женщины имели любовников только в могилах, или, вернее, они насиловали могилы, чтобы пожирать ужасными ласками ледяную плоть молодых мужчин. Они похищали детей, заглушая их крики, прижимая их к своим свисающим грудям. Их называли *ламиями*, *стригами*, *эмпусами*; детей, объекты их зависти и, следовательно, их ненависти, они приносили в жертву; одни, как Канидия, о которой говорит Гораций, закапывали их по шею и оставляли умирать от голода, окружая их едой, до которой они не могли дотянуться; другие отрезали им головы, ноги и руки и вываривали их жир и плоть в медных чашах до состояния мази, которую смешивали с соками белена, белладонны и черного мака. Они наполняли этой мазью орган, постоянно раздражаемый их отвратительными желаниями; они натирали ею виски и подмышки, а затем погружались в летаргию, полную безудержных и похотливых снов. Надо смело сказать: вот истоки и традиции черной магии; вот секреты, которые сохранились до нашего средневековья; вот, наконец, какие якобы невинные жертвы общественное осуждение, гораздо больше, чем приговор инквизиторов, обрекало на смерть в огне. Именно в Испании и, прежде всего, в Италии еще процветала раса стриг, ламий и эмпуз; и те, кто в этом сомневаются, могут обратиться к самым ученым криминалистам этих стран, чьи выводы обобщил Франсуа Торребланка, королевский адвокат канцелярии Гранады, в своем *Epitome delictorum*.

Медия и Цирцея — два типа злобной магии у греков. Цирцея — порочная женщина, которая очаровывает и развращает своих любовников; Медия — смелая отравительница, которая не боится ничего и использует саму природу для своих преступлений. Действительно, есть существа, которые очаровывают, как Цирцея, и рядом с которыми человек унижается; есть женщины, любовь которых развращает души; они умеют вдохновлять только на грубые страсти; они раздражают вас, а потом презирают. Этих женщин, как Одиссей, нужно заставить подчиняться и подчинить себе страхом, а потом уметь покинуть без сожаления. Они — чудовища красоты; они бездушны; их живет только тщеславие. В древности их еще изображали в образе сирен.

Что же касается Меди, то она — порочное существо, которое желает зла и творит его. Она способна любить и не подчиняется страху, но ее любовь еще страшнее ненависти. Она — плохая мать и убийца маленьких детей. Она любит ночь и собирает при лунном свете вредные травы, чтобы изготавливать яды. Она магнетизирует воздух, приносит несчастье

земле, заражает воду, отравляет огонь. Рептилии дают ей свою слюну: она шепчет ужасные слова; за ней тянутся следы крови, из ее рук падают отрезанные конечности. Ее советы сводят с ума, ее ласки вызывают ужас.

Вот женщина, которая захотела подняться над обязанностями своего пола, посвятив себя запретным наукам. Мужчины отворачиваются, а дети прячутся, когда она проходит мимо. Она лишена разума и любви, и разочарования природы, восставшей против нее, являются вечно возрождающимся мучением ее гордости.

ГЛАВА VI.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МАГИЯ ПИФАГОРА.

СОДЕРЖАНИЕ. — Золотые стихи и символы этого мастера. — Тайны, скрытые в жизни и инстинктах животных. — Закон ассимиляции. — Секрет метаморфоз, или как можно превратиться в волка. — Вечность жизни в непрерывности памяти. — Река забвения.

Нума, о магических знаниях которого мы уже упоминали, был посвящен в тайны неким Тархоном, учеником халдея по имени Тагес. В то время наука имела своих апостолов, которые путешествовали по миру, чтобы сеять священников и царей. Часто даже преследования способствовали осуществлению замыслов Провидения, и так, около шестидесяти второй Олимпиады, через четыре поколения после правления Нумы, Пифагор из Самоса прибыл в Италию, спасаясь от тирании Поликрата.

Великий популяризатор философии чисел посетил тогда все святилища мира; он прибыл в Иудею, где подвергся обрезанию, чтобы быть посвященным в тайны каббалы, которые ему с некоторой осторожностью сообщили пророки Иезекииль и Даниил. Затем, не без труда, он был допущен к египетскому посвящению по рекомендации царя Амасиса. Сила его гения восполнила несовершенство сообщений иерофантов, и он сам стал учителем и провозвестником.

Пифагор определял Бога как живую и абсолютную истину, облеченную светом.

Он говорил, что слово — это число, проявленное формой.

Он все сводил к *тетрактису*, то есть к четверке.

Бог, говорил он еще, — это высшая музыка, природа которой — гармония.

По его мнению, высшим проявлением справедливости является культ; самым совершенным применением науки является медицина; красота — это гармония, сила — это разум, счастье — это совершенство, практическая истина — это то, что нужно опасаться слабости и порочности людей.

Когда он поселился в Кротоне, магистраты этого города, видя, какое влияние он оказывает на умы и сердца, сначала боялись его, а затем стали обращаться к нему за советом. Пифагор посоветовал им приносить жертвы музам и сохранять между собой совершенную гармонию,

потому что, как он им сказал, именно конфликты между господами () вызывают восстания слуг; затем он дал им великое религиозное, политическое и социальное наставление:

«Нет зла, которое было бы предпочтительнее анархии».

Это высказывание имеет универсальное применение и почти бесконечную глубину, но даже наш век еще не достаточно просвещен, чтобы понять его до конца.

От Пифагора нам остались, помимо преданий о его жизни, его золотые стихи и символы; его золотые стихи стали общими местами вульгарной морали, настолько они были успешны на протяжении веков. Вот их перевод:

Εκητα χρυσα.

Богам, следуя законам, воздавайте справедливую дань;

Уважай клятву, героев и мудрецов;

Почитай своих родителей, своих царей, своих благодетелей;

Выбирай в друзья лучших людей.

Будь любезен и мягок, будь сговорчив в делах.

Не ненавидь своего друга за незначительные проступки;

Служи всем своим могуществом делу справедливости:

Тот, кто делает все, что может, всегда делает то, что должен.

Но умей сдерживать, как строгий учитель,

аппетит, сон, Венеру и гнев.

Не поступайся честью ни вблизи, ни вдали,

И будь для себя единственным строгим свидетелем.

Будь справедлив в поступках, а не в словах;

Не давай злу поводов для легкомысленных оправданий.

Судьба обогащает нас, она может обеднять нас;

Но слабые или сильные, все мы должны умереть.

Не сопротивляйся своей доле страданий;

Прими полезное и спасительное лекарство,

И знай, что всегда добродетельные люди,

Скорбящие смертные менее несчастны.

Прими несправедливые слова, которые высказывает твое сердце;

Пусть мир говорит, а ты всегда следуй своему пути.

Но главное, не делай ничего под влиянием порыва,
Что не является праведным и полезным.
Следуй совету, который просвещает тебя,
Чтобы за тобой не следовала нелепость.
Глупость всегда является величайшим несчастьем,
И человек без совета отвечает за свои ошибки.
Не действуй без знания, будь усерден в учении:
Удели время учебе, которое счастье обязательно вернет.
Не пренебрегай заботой о своем здоровье;
Но принимай необходимое с умеренностью.
Все, что не может навредить, разрешено в жизни;
Будь элегантен и чист, не вызывая зависти.
Избегай и небрежности, и наглого роскошества:
Самая простая роскошь — самая прекрасная.
Не действуй, не обдумывая свои поступки,
И вечером размышляй о своем дне.

Что я сделал? Что я услышал? О чем я должен сожалеть?

Так ты сможешь подняться к божественной добродетели.

До сих пор золотые стихи кажутся лишь уроками педагога. Однако они имеют совсем другое значение. Это предварительные законы магического посвящения, это первая часть великого дела, то есть создание совершенного адепта. Продолжение показывает и доказывает это:

Я беру тебя в свидетели, невыразимый Тетраксис,
Неиссякаемый источник форм и времени;
И ты, кто умеешь молиться, когда боги на твоей стороне,
Заверши их дело и трудись с верой.

Ты скоро и без труда познаешь
Откуда происходит, где заканчивается, куда возвращается твое существо;
Без страха и желаний ты узнаешь секреты,
Которые природа скрывает от любопытных смертных.
Ты попрашь ногами эту человеческую слабость,
Которую случайность и бесцельность ведет судьба.

Ты узнаешь, кто ведет неопределенное будущее,
И какой скрытый демон дергает нити судьбы.

Тогда ты взойдешь на колесницу света,
Победоносный дух и царь материи.

Ты поймешь отцовское царствование Бога,
И сможешь сесть в вечном покое.

Пифагор говорил: «Так же как существуют три божественных понятия и три области разума, существует и тройное слово, ибо иерархический порядок всегда проявляется в тройке. Есть простое слово, иероглифическое слово и символическое слово; другими словами, есть слово, которое выражает, слово, которое скрывает, и слово, которое означает; весь иератический разум заключается в совершенном знании этих трех степеней».

Таким образом, он облакал учение символами, но тщательно избегал персонификаций и образов, которые, по его мнению, рано или поздно порождают идолопоклонство. Его даже обвиняли в ненависти к поэтам, но Пифагор запрещал искусство стихосложения только плохим поэтам.

Не пой стихов, если у тебя нет лиры,

говорил он в своих символах. Этот великий человек не мог не знать о точной связи, которая существует между возвышенными мыслями и красивыми образными выражениями, его собственные символы полны поэзии.

Не срывай цветы, из которых плетут венки.

Так он рекомендует своим ученикам никогда не умалять славу и не портить то, что, по-видимому, мир должен почитать.

Пифагор был целомудрен, но, далекий от того, чтобы советовать своим ученикам безбрачие, он сам женился и имел детей. Приводятся прекрасные слова жены Пифагора; ее спросили, не нуждается ли женщина, которая только что вступила в отношения с мужчиной, в каком-то искуплении, и через сколько времени она может считать себя достаточно чистой, чтобы приблизиться к святым вещам. — Сразу же, — ответила она, — если это был ее муж; если это был другой мужчина, то никогда!

Именно благодаря этой строгости принципов, этой чистоте нравов в школе Пифагора посвящали в тайны природы и приобретали достаточное самообладание, чтобы управлять стихиями. Пифагор обладал способностью, которую у нас называют вторым зрением, а тогда называли пророчествованием. Однажды он был со своими учениками на берегу моря. На горизонте появился корабль: «Учитель, — сказал один из учеников, — как вы думаете, я стал бы богатым, если бы мне дали груз этого корабля? — Он был бы вам совершенно бесполезен, — ответил Пифагор. — Ну, я бы оставил его своим наследникам. — Ты хотел бы оставить им два трупа?»

Через мгновение корабль вошел в порт; он вез тело человека, который хотел быть похороненным на родине.

Говорят, что животные слушались Пифагора. Однажды, во время Олимпийских игр, он позвал орла, пролетевшего по небу; орел снизился, кружа, и продолжил свой полет, когда

учитель дал ему знак улететь. Огромная медведица опустошала Апулию, Пифагор призвал ее к своим ногам и приказал ей покинуть страну; с тех пор она больше не появлялась; и когда его спросили, какой науке он обязан такой чудесной силой, он ответил:

— Науке света, — ответил он.

Одушевленные существа, действительно, являются воплощениями света; формы выходят из полумрака уродства, чтобы постепенно достичь великолепия красоты, инстинкты пропорциональны формам, и человек, который является синтезом этого света, а животные — его анализом, создан, чтобы управлять ими; но поскольку вместо того, чтобы быть их хозяином, он стал их преследователем и палачом, они боятся его и восстают против него. Однако они должны чувствовать силу исключительной воли, которая проявляет к ним доброжелательность и направляет их, и тогда они непобедимо магнетизируются, и множество современных явлений может и должно помочь нам понять возможность чудес Пифагора.

Физиономисты заметили, что большинство людей по некоторым чертам лица напоминают какое-то животное. Это сходство может быть лишь мнимым и возникать из-за впечатления, которое производят на нас различные физиономии, раскрывая перед нами яркие черты характера людей. Так, мы обнаружим, что угрюмый человек похож на медведя, лицемерный человек — на кошку, и так далее. Такие суждения преувеличиваются в воображении и дополняются в снах, где часто люди, которые произвели на нас неприятное впечатление в бодрствовании, превращаются в животных и заставляют нас испытывать все муки кошмара. Животные похожи на нас и даже более подвержены влиянию воображения, чем мы, поскольку у них нет суждения, которое могло бы исправить его отклонения. Поэтому они относятся к нам в соответствии со своими симпатиями или антипатиями, которые усиливаются под влиянием нашего магнетизма. Кроме того, они не имеют представления о том, что составляет человеческую форму, и видят в нас лишь других животных, которые доминируют над ними. Так, собака считает своего хозяина собакой, более совершенной, чем она сама. В этом инстинкте и заключается секрет власти над животными. Мы видели, как знаменитый укротитель диких зверей очаровывал своих львов, показывая им страшное лицо и гримируя себя под разъяренного льва; здесь буквально применима народная пословица: «Надо выть с волками и блеять с ягнятами». Кроме того, каждая форма животного представляет собой особый инстинкт, способность или порок. Если мы позволяем в себе преобладать характеру животного, мы все больше и больше принимаем его внешнюю форму, до такой степени, что отпечатываем его совершенный образ в астральном свете и видим себя в состоянии сна или экстаза такими, какими нас видят сомнамбулы или экстатические люди, и какими мы, без сомнения, видимся животным. Пусть тогда разум угаснет, пусть упорный сон превратится в безумие, и мы превратимся в зверей, как Навуходоносор. Так объясняются истории о оборотнях, некоторые из которых были юридически подтверждены. Факты были постоянными, подтвержденными, но неизвестно было, что свидетели были не менее галлюцинированы, чем сами оборотни.

Случаи совпадений и соответствий в снах не являются ни редкими, ни необычными. Экстатические люди видят друг друга и общаются из одного конца света в другой в состоянии экстаза. Мы видим человека впервые, но нам кажется, что мы знаем его давно, потому что мы часто встречали его во сне. Жизнь полна таких странностей, а что касается превращения людей в животных, то мы сталкиваемся с примерами этого на каждом шагу. Сколько бывших кокет и сладкоежек, доведенных до идиотизма после того, как они прошли через все низы жизни, теперь являются лишь старыми кошками, влюбленными только в своего кота!

Пифагор верил прежде всего в бессмертие души и вечность жизни. Непрерывная смена лета и зимы, дня и ночи, сна и бодрствования вполне объясняла ему феномен смерти. Особое бессмертие человеческой души, по его мнению, заключалось в продлении памяти. Говорят, что он утверждал, будто помнит свои предыдущие жизни, и если это правда, то он действительно находил что-то подобное в своих воспоминаниях, потому что такой человек не мог быть ни шарлатаном, ни сумасшедшим. Но, вероятно, он верил, что находит эти древние воспоминания в своих снах, и то, что было для него лишь поиском и гипотезой, было принято за утвердительное утверждение; как бы то ни было, его мысль была велика, а реальная жизнь нашей индивидуальности состоит только в памяти. Река забвения древних была истинным философским образом смерти. Библия, кажется, дает этой идее божественное одобрение, когда в книге Псалмов говорится: «Жизнь праведника будет в вечности памяти ⁶».

Imp. Caron-Delamarre, Quai de Gds. Augustins, 17, Paris.

Примечание 6: [\(назад\)](#) *In memoria æterna erit justus.*

LE SEPHER JEZIRAH

E. Forchet del.

Pantacle des lettres Kabbalistiques Clé du Tarot,
du Sepher Jezirah et du Sohar.

ГЛАВА VII.

СВЯЩЕННАЯ КАББЕЛА.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Божественные имена. -- Тетраграмма и ее четыре формы. -- Единственное слово, которое осуществляет все преобразования. -- Потерянные и найденные ключи Соломона. -- Цепь духов. -- Скиния и храм. -- Древний змей. -- Мир духов согласно Сохару. -- Какие духи появляются. -- Как можно заставить элементарных духов служить себе.

Вернёмся теперь к истокам истинной науки и обратимся к святой каббале, или традиции детей Сета, унесённой из Халдеи Авраамом, преподанную египетскому священству Иосифом, собранную и очищенную Моисеем, скрытую под символами в Библии, открытую Спасителем святому Иоанну и все еще содержащуюся в полном объеме под иератическими образами, аналогичными тем, что были во всей древности, в Апокалипсисе этого апостола.

Каббалисты ненавидят все, что похоже на идолопоклонство; они придают Богу человеческий облик, но это чисто иероглифический образ.

Они считают Бога бесконечным, разумным, любящим и живым. Для них это не совокупность существ, не абстракция Бытия и не философски определяемое существо. Он во всем, отделен от всего и больше всего. Само его имя невыразимо: и даже это имя выражает только человеческий идеал его божественности. Человеку не дано понять, чем является Бог сам по себе.

Бог — это абсолют веры, но абсолют разума — это БЫТИЕ.

Бытие существует само по себе и потому, что оно есть. Смысл бытия — это само бытие. Можно спросить: «Почему что-то существует, то есть почему существует то или иное?» Но нельзя без абсурда спросить: «Почему Существо существует?» Это означало бы предположить Существо до Существа.

Разум и наука показывают нам, что способы существования Бытия уравниваются в соответствии с гармоничными и иерархическими законами. Иерархия синтезируется по мере восхождения и становится все более и более монархической. Однако разум не может остановиться на единственном лидере, не испугавшись бездны, которую он, кажется, оставляет над этим верховным монархом, поэтому он молчит и уступает место вере, которая поклоняется.

То, что является несомненным даже для науки и разума, это то, что идея Бога является величайшей, святейшей и полезнейшей из всех стремлений человека; что на этой вере основана мораль с ее вечным наказанием. Эта вера является, таким образом, в человечестве самым реальным из явлений Бытия, и если бы она была ложной, то природа утверждала бы абсурд, небытие формулировало бы жизнь, Бог был бы одновременно и не был бы.

Именно этой философской и неоспоримой реальности, которую называют идеей Бога, каббалисты дают имя; в этом имени содержатся все остальные. Цифры этого имени производят все числа, иероглифы букв этого имени выражают все законы и все вещи природы.

Мы не будем здесь повторять то, что мы сказали в нашем догмате высокой магии « » о божественном тетраграмме, добавим только, что каббалисты пишут его четырьмя основными способами:

יהוה

JHVH,

которое они не произносят, а произносят по буквам: *Йод, хе вау хе*, а мы произносим *Иегова*, что противоречит любой аналогии, поскольку так искаженная тетраграмма будет состоять из шести букв.

יְהוָה

ADNI,

которое мы произносим как *Адонай*, это имя означает Господь.

הוּא

AHIH,

которое мы произносим как *Эйеи*, это имя означает «Бытие».

אלה

AGLA,

которое произносится так, как пишется, и которое иероглифически содержит в себе все тайны каббалы.

Действительно, буква Алеф א является первой в еврейском алфавите; она выражает единство, иероглифически представляет догму Гермеса: «То, что выше, аналогично тому, что ниже». Эта буква, действительно, имеет два плеча, одно из которых указывает на землю, а другое на небо с аналогичным движением.

Буква Гимэль ג является третьей в алфавите; она выражает числовое значение тройки и иероглифически означает рождение, плодородие.

Буква Ламед ל является двенадцатой; она является выражением идеального цикла. Как иероглифический знак, она представляет собой движение вечного круговорота и соотношение радиуса к окружности.

Повторяющаяся буква Алеф является выражением синтеза.

Имя АГЛА означает:

Единство, которое через тройку завершает цикл чисел, чтобы вернуться к единству;

Плодотворный принцип природы, который является единым с ним;

Первоначальная истина, которая плодотворна для науки и возвращает ее к единству;

Силлепса, анализ, наука и синтез;

Три божественные личности, которые являются единым Богом. Секрет великого дела, то есть фиксация астрального света посредством высшей воли, которую адепты изображали в виде змеи, пронзенной стрелой, образующей вместе с ней букву Алеф $\aleph$.

Затем три операции: растворение, сублимация, фиксация, соответствующие трем необходимым веществам: соли, серы и ртути, все это выражается буквой Гимэль $\aleph$.

Затем двенадцать ключей Василия (Валентина), выраженных буквой Ламед $\daleth$.

Наконец, произведение, выполненное в соответствии с его принципом и воспроизводящее сам принцип.

Таково происхождение этой каббалистической традиции, которая включает всю магию в одном слове. Уметь читать это слово и произносить его, то есть понимать его тайны и воплощать эти абсолютные знания в действия, значит обладать ключом к чудесам. Чтобы произнести имя АГЛА, нужно повернуться лицом к востоку, то есть объединить свои намерения и знания с восточной традицией « $\gg$ ». Не забываем, что согласно каббале, совершенное Слово — это слово, воплощенное в действиях. Отсюда происходит выражение, которое несколько раз встречается в Библии: «Сделать слово» (*facere verbum*) в смысле совершить действие.

Произнести каббалистически имя АГЛА — значит пройти все испытания посвящения и завершить все дела.

В нашем догмате высшей магии мы говорили о том, как имя Иегова разлагается на шестьдесят два объяснительных имени, которые называются *Шемхамфорас*. Искусство использовать эти шестьдесят два имени и находить в них ключи к всеобщей науке каббалисты называли *ключами Соломона*. Действительно, в сборниках заклинаний и молитв, носящих это название, обычно можно найти семьдесят два магических круга, образующих тридцать шесть талисманов. Это четыре раза по девять, то есть абсолютное число, умноженное на четверку. Каждый из этих талисманов несет два из шестидесяти двух имен с символическим знаком их числа и четырех букв имени Иеговы, которым они соответствуют. Это дало начало четырем символическим декадам таро: жезл, представляющий Йод; чаша, представляющая Хе; меч, представляющий Ваф; и монета, представляющая конечный Хе. В таро было добавлено дополнение к десятке, которое синтетически повторяет характер единства.

Народные традиции магии гласили, что обладатель ключиц Соломона может общаться с духами всех порядков и заставлять повиноваться себя все природные силы. Однако эти ключи, несколько раз утерянные, а затем найденные, являются ни чем иным, как талисманами шестидесяти двух имен и тайнами тридцати двух путей, воспроизведенных в таро в виде иероглифов. С помощью этих знаков и их бесконечных комбинаций, подобных комбинациям чисел и букв, можно действительно достичь естественного и математического раскрытия всех тайн природы и, следовательно, вступить в общение со всей иерархией интеллектов и гениев.

Мудрые каббалисты остерегаются грез воображения и галлюцинаций бодрствования. Поэтому они избегают всех этих вредных вызовов, которые подрывают нервную систему и опьяняют разум. Любопытные экспериментаторы, занимающиеся явлениями сверхъестественного видения, не более разумны, чем потребители опиума и гашиша. Они подобны детям, которые с удовольствием причиняют себе боль. Можно поддаться опьянению; можно даже добровольно забыть себя до такой степени, что захочется испытать

головокружение; но человеку, уважающему себя, достаточно одного опыта; и честные люди не опьяняются дважды.

Граф Жозеф де Местр говорит, что однажды будут смеяться над нашей нынешней глупостью, как мы смеемся над варварством средневековья. Что бы он подумал, если бы увидел наших спиритуалистов? И если бы услышал наших теоретиков о мистическом мире духов? Бедные мы люди! Мы избегаем абсурда только с помощью противоположного абсурда. XVIII век верил, что протестует против суеверий, отрицая религию, а мы протестуем против безбожия XVIII века, возвращаясь к старым бабушкиным сказкам; разве нельзя быть более христианином, чем Вольтер, и не верить в призраков?

Мертвые не могут вернуться на землю, которую они покинули, так же как ребенок не может вернуться в лоно своей матери.

То, что мы называем *смертью*, является рождением в новой жизни. Природа не разрушает то, что она создала в порядке необходимого развития существования, и она не может опровергнуть свои фундаментальные законы.

Человеческая душа, обслуживаемая и ограниченная органами, может вступать в контакт с вещами видимого мира только с помощью этих самых органов. Тело — это оболочка, соразмерная материальной среде, в которой душа должна жить здесь, на земле. Ограничивая действие души, оно концентрирует ее и делает ее действие возможным. Действительно, душа без тела была бы везде, но везде в таком незначительном количестве, что не могла бы действовать нигде; она была бы потеряна в бесконечности, поглощена и как бы уничтожена в Боге.

Представьте себе каплю пресной воды, заключенную в шарике и брошенную в море: пока шарик не разбит, капля воды сохраняет свою природу, но если шарик разбивается, ищите каплю воды в море.

Создавая духи, Бог мог дать им сознательную личность, только надев на них оболочку, которая централизует их действие и не дает ему потеряться, ограничивая его.

Когда душа отделяется от тела, она неизбежно меняет среду, поскольку меняет оболочку. Она уходит, облаченная только в свою астральную форму, в свою оболочку света, и поднимается сама по себе над атмосферой, как воздух поднимается над водой, вырываясь из разбитого сосуда.

Мы говорим, что душа поднимается, потому что поднимается ее оболочка, а ее действие и сознание, как мы уже сказали, привязаны к ее оболочке.

Атмосферный воздух становится твердым для этих световых тел, которые бесконечно легче его и которые могли бы спуститься вниз, только надев более тяжелую одежду, но где они могли бы взять эту одежду над нашей атмосферой? Таким образом, они могли бы вернуться на землю только вновь воплотившись в ней, их возвращение было бы падением, они утонули бы как свободные духи и начали бы свое ученичество заново. Но католическая религия не допускает, что такое возвращение возможно.

Каббалисты формулируют всю доктрину, которую мы здесь излагаем, в одной аксиоме:

«Дух, говорят они, одевается, чтобы спуститься, и раздевается, чтобы подняться».

Жизнь интеллекта — это сплошной подъем; ребенок в утробе матери живет вегетативной жизнью и получает питание через связь, которая привязывает его, как дерево привязано к земле и одновременно питается своими корнями.

Когда ребенок переходит от вегетативной жизни к инстинктивной и животной, его пуповина разрывается, и он может ходить.

Когда ребенок становится мужчиной, он освобождается от оков инстинкта и может действовать как разумное существо.

Когда человек умирает, он освобождается от законов тяжести, которые всегда заставляли его возвращаться на землю.

Когда душа искупила свои грехи, она становится достаточно сильной, чтобы покинуть внешнюю тьму земной атмосферы и подняться к солнцу.

Тогда начинается вечное восхождение по святой лестнице, ибо вечность избранных не может быть праздностью; они переходят от добродетели к добродетели, от блаженства к блаженству, от триумфа к триумфу, от великолепия к великолепию.

Однако цепь не может быть прервана, и те, кто находится на самых высоких ступенях, все еще могут оказывать влияние на тех, кто находится ниже, но в соответствии с иерархическим порядком и так же, как мудрый царь, правящий мудро, делает добро последнему из своих подданных.

Ступень за ступенью молитвы поднимаются, а благодать нисходит, никогда не сбиваясь с пути.

Но духи, однажды поднявшись, больше не спускаются, потому что по мере их подъема ступени упрочняются под их ногами.

Великий хаос укрепился, говорит Авраам в притче о богатом человеке; и те, кто здесь, не могут больше спуститься туда.

Экстаз может возвысить силы звездного тела до такой степени, что оно увлечет за собой материальное тело, что доказывает, что судьба души — подниматься.

Случаи парения в воздухе возможны, но нет примеров того, чтобы человек мог жить под землей или в воде.

Также невозможно, чтобы душа, отделенная от тела, могла жить, даже на мгновение, в плотной атмосфере нашей планеты. Поэтому души умерших не находятся вокруг нас, как полагают спиритуалисты. Те, кого мы любим, могут по-прежнему видеть нас и появляться перед нами, но только в виде миража и отражения в общем зеркале, которым является свет. Кроме того, они больше не могут интересоваться земными делами и привязаны к нам только теми нашими чувствами, которые достаточно возвышенны, чтобы иметь что-то общее или аналогичное их жизни в вечности.

Таковы откровения высшей каббалы, содержащиеся и скрытые в таинственной книге Зоар. Откровения, безусловно, гипотетические для науки, но основанные на ряде строгих умозаключений, исходящих из тех самых фактов, которые наука оспаривает меньше всего; однако здесь необходимо затронуть одну из самых опасных тайн магии. Это более чем вероятная гипотеза о существовании флюидических личинок, известных в древней теургии под названием элементарных духов. Мы сказали об этом несколько слов в нашей [книге](#) «Догма

*и ритуал высшей магии*⁷, и несчастный аббат де Виллар, который насмехался над этими страшными откровениями, поплатился за свою неосторожность жизнью. Эта тайна опасна тем, что она тесно связана с великим магическим арканом. Действительно, вызывать элементарных духов — значит обладать способностью коагулировать флюиды посредством проекции астрального света. Однако такая сила, направленная таким образом, может привести только к беспорядкам и несчастьям, как мы докажем позже. А теперь перейдем к теории гипотезы с доказательствами ее вероятности:

Дух вездесущ, он оживляет материю; он освобождается от тяжести, совершенствуя свою оболочку, которая является его формой. Мы видим, как форма развивается вместе с инстинктами до уровня интеллекта и красоты; это усилия света, притягиваемого духом, это тайна постепенного и всеобщего развития.

Примечание 7: ([назад](#)) *Догма и ритуал высшей магии*, 1856, 2 тома in-8 с 23 иллюстрациями.

Свет является эффективным агентом форм и жизни, потому что он одновременно является движением и теплом. Когда он достигает стабильности и поляризуется вокруг центра, он производит живое существо, а затем притягивает всю необходимую пластическую субстанцию, чтобы усовершенствовать и сохранить его. Эта пластическая субстанция, в конечном счете состоящая из земли и воды, была справедливо названа в Библии «глиной земной».

Но свет не является духом, как полагают индийские иерофанты и все школы гоетии; он является лишь инструментом духа. Он не является телом *пропласта*, как полагали теурги из Александрийской школы; он является первым физическим проявлением божественного дыхания. Бог создает его вечно, а человек, по образу Бога, изменяет его и, кажется, умножает.

Прометей, как гласит миф, украв огонь с небес, оживил образы, созданные из земли и воды, и за это преступление был закован в цепи и поражен молнией Юпитера.

Элементарные духи, как говорят каббалисты в своих самых секретных книгах, являются детьми одиночества Адама; они родились из его снов, когда он жаждал женщины, которую Бог еще не дал ему.

Парацельс говорит, что кровь, теряемая регулярно или во сне незамужними людьми обоих полов, наполняет воздух призраками.

Мы полагаем, что достаточно ясно указали здесь, согласно учителям, предполагаемое происхождение этих ларв, без необходимости давать дополнительные объяснения.

Эти ларвы имеют воздушное тело, образованное парами крови. Именно поэтому они ищут пролитую кровь и в древности питались дымом жертвоприношений.

Это чудовищные дети нечистых кошмаров, которых в прошлом называли инкубами и суккубами.

Когда они достаточно сгущаются, чтобы их можно было увидеть, это всего лишь пар, окрашенный отражением образа; у них нет собственной жизни, но они имитируют жизнь того, кто их вызывает, как тень имитирует тело.

Они появляются в основном вокруг идиотов и безнравственных существ, которых их изоляция обрекает на разгульный образ жизни.

Связь между частями их призрачного тела очень слабая, поэтому они боятся открытого воздуха, большого огня и, прежде всего, острия мечей.

Они становятся своего рода призрачными придатками реального тела своих родителей, поскольку живут только жизнью тех, кто их создал или кто присваивает их, вызывая их. Так что, если ранить их телесные образы, отец может быть реально ранен, так же как еще нерожденный ребенок реально ранен или обезображен воображением своей матери.

Весь мир полон явлений, которые оправдывают эти необычные откровения и могут быть объяснены только ими.

Эти личинки притягивают к себе жизненное тепло здоровых людей и быстро истощают слабых.

Отсюда и произошли истории о вампирах, ужасно реальные и периодически подтверждаемые, как всем известно.

Именно поэтому при приближении *медиумов*, то есть людей, одержимых личинками, в атмосфере ощущается похолодание.

Эти ларвы, существующие только благодаря лжи воображения и расстройству чувств, никогда не появляются в присутствии человека, который знает и может раскрыть тайну их чудовищного происхождения.

КНИГА II

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДОГМЫ.

1, Бет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРИМИТИВНЫЙ СИМВОЛИЗМ ИСТОРИИ.

СОДЕРЖАНИЕ.--Эдемский пентакль.--Херувим.--Дети Каина.--Магические тайны Вавилонской башни.--Проклятие потомков Ханаана.--Анафема, наложенная на колдунов.- Величие и упадок догмы в Египте, Греции и Риме. -- Зарождение скептической философии. -- Война эмпиризма против магии. -- Умеренный скептицизм Сократа. -- Попытка синтеза Платона. -- Рационализм Аристотеля. -- Священство и наука.

Мы не вправе объяснять Священное Писание с религиозной и догматической точки зрения. Подчиняясь прежде всего иерархическому порядку, мы оставляем теологию докторам Церкви и отдаем человеческой науке все, что относится к сфере опыта и разума. Поэтому, когда мы, казалось бы, рискуем предложить новое толкование отрывка из Библии или Евангелия, мы всегда уважаем решения церковных властей. Мы не догматизируем, мы представляем наши наблюдения и исследования законным властям.

Что сразу бросается в глаза при чтении священной книги Моисея, рассказывающей о происхождении человечества, так это описание земного рая, которое можно обобщить фигурой идеального пентаграмма. Он имеет форму круга или квадрата, поскольку его орошают четыре реки, расположенные в виде креста, а в центре находятся два дерева, символизирующие науку и жизнь, стабильный разум и прогрессивное движение, мудрость и творение. Вокруг дерева науки обвивается змей Асклепия и Гермеса: у подножия дерева находятся мужчина и женщина, активное и пассивное начало, интеллект и любовь. Змей, символ первозданного влечения и центрального огня земли, искушает женщину, которая слабее, а она поддается мужчине; но она поддается змею только для того, чтобы покорить его позже, и однажды она раздавит ему голову, дав миру спасителя.

Вся наука отражена в этой замечательной картине. Человек отказывается от сферы интеллекта, поддаваясь побуждениям чувственной стороны; он оскверняет плод науки, который должен питать душу, используя его для несправедливого и материального удовлетворения, и тем самым теряет чувство гармонии и истины. Он облечен в шкуру зверя, потому что физическая форма рано или поздно всегда соответствует моральным наклонностям; он изгнан из круга, орошаемого четырьмя реками жизни, и херувим, вооруженный пламенным мечом, который он постоянно взмахивает, не дает ему вернуться в царство единства.

Как мы уже отмечали в нашем догмате, Вольтер, обнаружив, что в иврите херувим означает бык, очень посмеялся над этой историей. Он бы меньше смеялся, если бы увидел в ангеле с головой быка образ мрачной символики, а в пламенном и движущемся мече — вспышки плохо понятой и обманчивой истины, которые после первородного грехопадения придали такой вес идолопоклонству народов.

Пламенный меч также олицетворял тот свет, которым человек больше не умел управлять и от которого он страдал, вместо того чтобы управлять его силой.

Великое магическое дело, рассматриваемое в абсолютном смысле, — это завоевание и управление пламенным мечом херувима.

Херувим — это ангел или душа земли, всегда изображаемая в древних мистериях в образе быка.

Именно поэтому в митраистских символах мы видим повелителя света, укрощающего земного быка и вонзающего в его бок меч, из которого вытекает жизнь, олицетворяемая каплями крови.

Первым следствием греха Евы стала смерть Авеля. Отделив любовь от разума, Ева отделила ее от силы; сила, ослепшая и поработенная земными страстями, становится ревнивой к любви и убивает ее. Затем дети Каина продолжают преступление своего отца. Они рожают на свет роковые красавицы, девушек без любви, рожденных для проклятия ангелов и для скандала потомков Сета.

После потопа и вследствие этого прегрешения Хама, тайну которого мы уже раскрыли, дети человеческие хотят осуществить безумный замысел: они хотят построить пантакль и вселенский дворец. Это гигантская попытка эгалитарного социализма, и фаланстер Фурье – весьма скромная концепция по сравнению с Вавилонской башней. Это была попытка протеста против иерархии науки, цитадель «», воздвигнутая против наводнений и молний, утес, с вершины которого голова обожествленного народа парила бы над атмосферой и бурями. Но к науке не поднимаются по каменным лестницам; иерархические ступени духа не строятся из раствора, как этажи башни. Анархия протестовала против этой материализованной иерархии. Люди перестали понимать друг друга, и это стало роковым уроком, который так плохо поняли те, кто в наши дни мечтал о другой Вавилонской башне. На жестокие и материально иерархические доктрины отвечают эгалитарные отрицания: всякий раз, когда человечество будет строить башню, оно будет спорить о ее вершине, и толпы будут стремиться покинуть ее основание. Чтобы удовлетворить все амбиции, сделав вершину шире основания, пришлось бы построить башню, которая будет шататься на ветру и рухнет при малейшем ударе.

Рассеяние людей было первым следствием проклятия, наложенного на осквернителей, детей Хама. Но род Ханаана в особенности нес бремя этого проклятия, которое позже обрело их потомство на анафему.

Консервативная целомудренность семьи является отличительной чертой иерархических посвящений; осквернение и бунт всегда являются непристойными и ведут к проституции и детоубийству. Осквернение тайн рождения, покушение на детей были основой культов древней Палестины, преданной ужасным обрядам черной магии. Черный бог Индии, чудовищный Рутрем с приапическими формами, царил там под именем *Бельфегор*.

Талмудисты и платонический еврей Филон рассказывают о столь постыдных вещах, связанных с культом этого идола, что они показались невероятными ученому юрисконсульту Сельденусу. По их словам, это был бородатый идол с раскрытым ртом, языком которого был гигантский фаллос; перед этим лицом без стеснения обнажались и приносили ему в жертву экскременты. Идолы Молоха и Хамоса были смертоносными машинами, которые то раздавливали несчастных маленьких детей о свою бронзовую грудь, то сжигали их в своих раскаленных огнем руках. Люди танцевали под звуки труб и бубнов, чтобы не слышать криков жертв, и матери вели танец. Инцест, содомия и скотоложество были обычным явлением среди этих гнусных народов и даже входили в состав священных обрядов.

Фатальное следствие вселенской гармонии! Нельзя безнаказанно преступать истину. Человек, восставший против Бога, вопреки своей воле подталкивается к оскорблению природы. Поскольку одни и те же причины всегда приводят к одним и тем же последствиям, шабаш колдунов в средневековье был лишь повторением праздников Чамоса и Бельфегора. Именно за эти преступления сама природа выносит вечный смертный приговор. Поклонники черных богов, апостолы разврата, теоретики публичной развратной жизни, враги семьи и иерархии, анархисты в религии и политике являются врагами Бога и человечества; не отделять их от мира означает соглашаться с отравлением мира: так рассуждали инквизиторы. Мы далеки от того, чтобы сожалеть о жестоких казнях средневековья и желать их возвращения. По мере того как общество будет становиться более христианским, оно будет все лучше понимать, что больных нужно лечить, а не убивать. Разве преступные инстинкты не являются самыми ужасными из всех психических заболеваний?

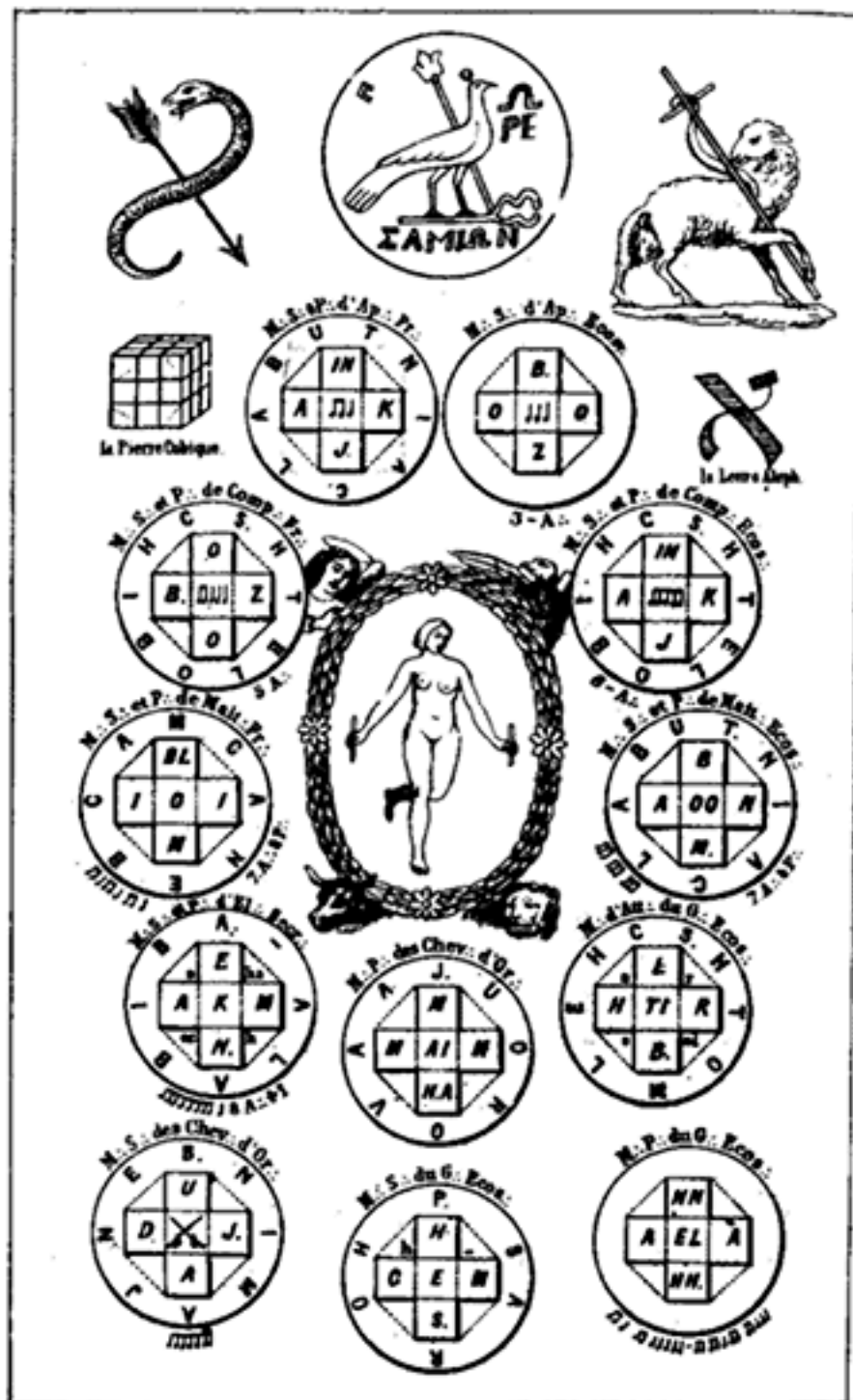
Не забываем, что высшая магия называется *священническим* и *царским искусством*; в Египте, Греции и Риме она должна была разделить величие и упадок священства и царской

власти. Любая философия, враждебная культу и его тайнам, неизбежно враждебна великим политическим силам, которые теряют свое величие, если в глазах народа перестают быть образами божественной власти. Любая корона разбивается, когда сталкивается с тиарой.

Украсть огонь с неба и свергнуть богов — это вечная мечта Прометея; и народный Прометей, сброшенный с Кавказа Гераклом, символизирующим труд, всегда будет носить с собой свои гвозди и цепи; он всегда будет тащить за собой своего бессмертного стервятника, висящего на его зияющей ране, пока не научится послушанию и смирению у ног того, кто, будучи рожденным царем царей и богом богов, захотел, в свою очередь, быть пригвожденным к кресту и распятым на кресте для обращения всех мятежных душ.

Республиканские институты, открыв интригам путь к власти, сильно пошатнули принципы иерархии. Задача воспитания королей больше не поручалась священнослужителям, и ее заменяли либо наследственность, которая отдавала трон на произвол неравных шансов рождения, либо народные выборы, которые оставляли вне влияния религию, чтобы создать монархию по республиканским принципам. Так сформировались правительства, которые поочередно руководили триумфами и падениями государств Греции и Рима (). Наука, заключенная в святилищах, была тогда заброшена, и смелые или гениальные люди, которых не принимали посвященные, изобрели науку, которую они противопоставили науке жрецов, или противопоставили тайнам храма сомнение и отрицание. Эти философы, следуя своему приключенческому воображению, быстро дошли до абсурда и обрушились на природу недостатков своих собственных систем. Гераклит начал плакать; Демокрит решил смеяться, и они были одинаково безумны. Пиррон в конце концов перестал верить во что-либо, что не могло компенсировать его незнание. В этом философском хаосе Сократ привнес немного света и здравого смысла, утверждая чистое и простое существование морали. Но что такое мораль без религии? Абстрактный деизм Сократа для народа означал атеизм; Сократу совершенно не хватало догмы, и его ученик Платон попытался дать ему такую, о которой Сократ, по его собственному признанию, никогда не задумывался.

Учение Платона стало эпохальным событием в истории человеческого гения, но этот философ не был его изобретателем, и, понимая, что истины вне религии не существует, он обратился за советом к жрецам Мемфиса и посвятил себя в их тайны. Считается даже, что он знал священные книги евреев. Однако в Египте он мог получить только неполное посвящение, поскольку сами жрецы к тому времени уже забыли значение древних иероглифов. Доказательством этому служит история священника, который три дня расшифровывал иератическую надпись, найденную в гробнице Алкмены, и, присланную Агесиласом, царем Спарты. Корнуфис, который, без сомнения, был самым ученым из иерофантов, проконсультировался со всеми старыми сборниками знаков и символов и наконец обнаружил, что эта надпись была сделана символами *протей*; а протей было названием, которое в Греции давали книге Тота, чьи подвижные иероглифы могли принимать столько форм, сколько существует возможных комбинаций с помощью символов, чисел и элементарных фигур. Но поскольку книга Тота была ключом к оракулам и элементарной книгой науки, как Корнуфис, если он действительно был обучен священническому искусству, мог так долго искать, прежде чем распознать знаки? Еще одним доказательством затуманивания первоначальных истин науки в то время является то, что оракулы жаловались на это в стиле, который уже не был понятен.

Le Sceau de Cagliostro, le Sceau de la Junon Samienne,
le Sceau Apocalypstique et les douze Sceaux de la pierre cubique.

Когда Платон, вернувшись из Египта, путешествовал с Симмиасом поблизости от границ Карики, он встретил людей из Делоса, которые попросили его объяснить им оракул Аполлона. Этот оракул гласил, что для прекращения бедствий в Греции необходимо удвоить

кубический камень. Делосцы попытались удвоить кубический камень, который находился в храме Аполлона. Но, удвоив его со всех сторон, они смогли создать только многогранник с двадцатью пятью гранями, и чтобы вернуться к кубической форме, им пришлось увеличить первоначальный объем камня в двадцать шесть раз, продолжая его удваивать. Платон отправил делегацию делийцев к математику Евдоксу и сказал им, что оракул советует им изучать геометрию. Не понял ли он сам глубокий смысл этой фигуры или не удосужился объяснить его этим невеждам, мы не можем сказать. Но несомненно то, что кубический камень и его умножение объясняют все тайны священных чисел, и прежде всего тайну вечного движения, скрываемую адептами и искомую глупцами под названием «квадратура круга». С помощью этого кубического скопления из двадцати шести кубов вокруг центрального куба оракул помог делийцам найти не только элементы геометрии, но и ключ к гармонии творения, объясняемой последовательностью форм и чисел. План всех великих аллегорических храмов древности отражен в этом умножении куба сначала крестом, вокруг которого можно описать круг, а затем кубическим крестом, который может двигаться в шаре. Все эти понятия, которые лучше понять с помощью рисунка, сохранились до наших дней в масонских посвящениях и полностью оправдывают название, данное современным ассоциациям, поскольку они также являются фундаментальными принципами архитектуры и строительной науки.

Делийцы полагали, что решили геометрическую задачу, уменьшив в два раза свое умножение, но они все равно получили восемь раз объем своего кубического камня. Кстати, можно сколько угодно увеличивать количество их попыток, поскольку эта история, возможно, является не чем иным, как задачей, поставленной самим Платоном перед своими учениками. Если принять ответ оракула как факт, мы найдем в нем еще более широкий смысл, поскольку удвоить кубический камень — значит вывести из единства двойственность, форму идеи, действие мысли. Это значит реализовать в мире точность вечной математики, это значит установить политику на основе точных наук, это значит привести религиозный догмат в соответствие с философией чисел.

Платон менее глубок, но более красноречив, чем Пифагор. Он пытается примирить философию мыслителей с неизменными догмами провидцев; он не хочет популяризировать, он хочет воссоздать науку. Поэтому его философия должна была позже предоставить зарождающемуся христианству готовые теории и догмы, которые нужно было оживить.

Однако, хотя он основывал свои теоремы на математике, Платон, изобилующий гармоничными формами и щедрый на чудесные гипотезы, был скорее поэтом, чем геометром. Аристотель, исключительно вычислительный гений, должен был все поставить под сомнение в школах и подвергнуть испытаниям числовых эволюций и логики вычислений. Аристотель, исключая платоническую веру, хочет все доказать и все заключить в своих категориях; он переводит триаду в силлогизм, а бинарную систему — в энтимему. Цепочка существ для него становится соритом. Он хочет все абстрагировать, все обосновать; само Существо становится для него абстракцией, потерянной в гипотезах онтологии. Платон вдохновит отцов Церкви, Аристотель станет учителем схоластов средневековья, и Бог знает, сколько мрака накопится вокруг этой логики, которая ни во что не верит и претендует на то, чтобы все объяснить. Готовится второй Вавилон, и смешение языков не за горами.

Бытие есть Бытие, причина Бытия заключается в Бытии. В начале было Слово, и Слово (λογος) есть логика, сформулированная в слове, разум, выраженный в слове; Слово есть в Боге, и Слово есть сам Бог, явленный разуму. Вот что является [128] выше всех философий. Вот во что нужно верить, чтобы никогда ничего не знать и не впасть в абсурдные сомнения

Пиррона. Священство, хранитель веры, полностью опирается на эту основу науки, и именно в его учении нужно приветствовать божественный принцип вечного Слова.

ГЛАВА II

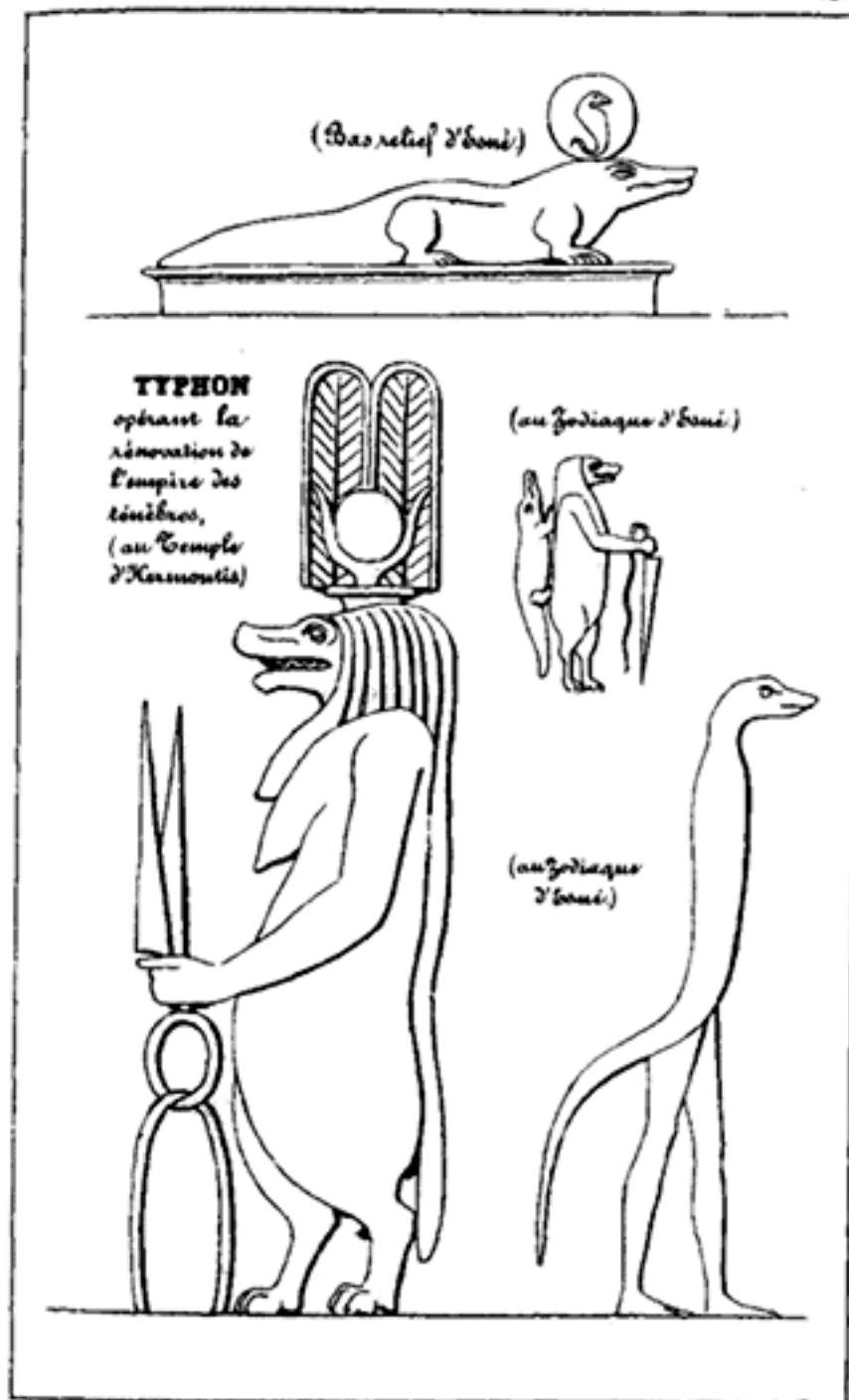
МИСТИЦИЗМ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Происхождение и последствия мистицизма. -- Он материализует знаки под предлогом одухотворения материи. -- Он примиряется со всеми пороками; он преследует мудрецов; он заразен. -- Явления, адские чудеса. -- Фанатизм сектантов. -- Черная магия с помощью неизвестных слов и знаков. -- Явления истерических заболеваний. -- Теория галлюцинаций.

Божественное право на власть настолько присуще священству, что без него истинное священство не существует. Посвящение и рукоположение имеют подлинную наследственность.

Таким образом, святилище неприкосновенно для непосвященных и не может быть захвачено сектантами.

Таким образом, свет божественного откровения распределяется с высшей мудростью, потому что он нисходит с порядком и гармонией. Бог не освещает мир метеорами и молниями, но заставляет вселенные мирно вращаться вокруг своих солнц.

SYMBOLES TYPHONIENS

Египетские типы коэтии и некромантии.

Эта гармония мучает некоторые души, нетерпеливые в выполнении своего долга, и появляются люди, которые, не могучи заставить откровение согласовываться с их пороками, выставляют себя реформаторами морали. «Если Бог говорил, — говорят они, как Руссо, — почему я ничего не слышал?» — Вскоре они добавляют: «Он говорил, но это ко мне»; они это придумали и в конце концов поверили в это. Так начинают сектанты, эти разжигатели

религиозной анархии, которых мы не хотели бы видеть сожженными на костре, но которых следовало бы запереть как заразных сумасшедших.

Так образовались мистические школы, оскверняющие науку. Мы видели, какими методами факиры Индии достигали посредством нервного возбуждения и церебрального перенапряжения того, что они называли *несотворенным светом*. Египет тоже имел своих колдунов и чародеев, а Фессалия в Греции была полна заклинаний и чар. Вступать в прямую связь с демонами и богами — значит упразднить священство, опрокинуть основание трона; анархический инстинкт мнимых просветленных хорошо это понимал. Поэтому, привлекая людей обещанием вседозволенности, они надеялись привлечь последователей и заранее давали отпущение всех нравственных скандалов, довольствуясь жесткостью в восстании и энергией в протесте против законности священства.

Вакханки, разорвавшие Орфея, считали себя вдохновленными богом и принесли великого иерофанта в жертву своему обожествленному опьянению. Оргии Бахуса были мистическими возбуждениями, и сектанты безумия всегда действовали беспорядочными движениями, неистовыми возбуждениями и отвратительными судорогами; от женоподобных жрецов Бахуса до гностиков; от кружащихся дервишей до эпилептиков, от могилы диакона Париса — характер суеверного и фанатичного возбуждения всегда одинаков.

Всегда под предлогом очищения догмы, во имя чрезмерного спиритуализма мистики всех времен материализовывали символы культа. То же самое касается и осквернителей науки магов, потому что высокая магия, не забываем, это примитивное священническое искусство. Она осуждает все, что делается вне законной иерархии, и приветствует не пытки, а осуждение сектантов и колдунов.

Мы намеренно сопоставляем эти два определения, поскольку все сектанты были вызывателями духов и призраков, которых они представляли миру как богов; все они льстили себе, что совершают чудеса в поддержку своих лжи. По этим признакам все они были гоетами, то есть настоящими практиками черной магии.

Поскольку анархия является отправной точкой и отличительной чертой диссидентского мистицизма, религиозное согласие между сектантами невозможно, но в одном они прекрасно ладят: это ненависть к иерархической и законной власти. В этом и заключается их религия, поскольку это единственная связь, которая их объединяет. Это все еще преступление Хама; это презрение к принципу семьи и оскорбление отца, о котором все диссиденты громко заявляют, с кощунственным смехом обнажая его наготу и сон.

Мистические анархисты все путают интеллектуальный свет с астральным светом; они поклоняются змею в место того, чтобы почитать послушную и чистую мудрость, которая ставит ему ногу на голову. Поэтому они опьяняются головокружением и вскоре падают в бездну безумия.

Все сумасшедшие являются провидцами и часто могут считать себя чудотворцами, поскольку галлюцинации заразительны, и вокруг сумасшедших часто происходят или кажутся происходящими необъяснимые вещи. Кроме того, явления астрального света, притягиваемого или проецируемого в избытке, сами по себе способны сбить с толку полуученых. Накапливаясь в телах, он придает им, благодаря сильному растяжению молекул, такую эластичность, что кости могут сгибаться, а мышцы чрезмерно удлиняться. Образуются вихри и как бы воронки этого света, которые поднимают самые тяжелые тела и могут удерживать их в воздухе в течение времени, пропорционального силе проекции. Больные тогда чувствуют себя так, как будто они готовы взорваться, и просят помощи в виде

сдавливания и постукивания. Самые сильные удары и самое сильное сдавливание, уравновешенные флюидным напряжением, не вызывают ушибов и ран, а облегчают состояние пациента, вместо того чтобы душировать его.

Сумасшедшие испытывают отвращение к врачам, а галлюцинирующие мистики ненавидят мудрецов, сначала они бегут от них, а затем неизбежно и вопреки своей воле преследуют их; если они и проявляют мягкость и снисходительность, то только по отношению к порокам; разум, подчиненный власти, считает их неумолимыми: даже самые мягкие на вид сектанты охватываются яростью и ненавистью, когда им говорят о подчинении и иерархии. Ереси всегда вызвали беспорядки. Если ложный пророк не развращает, он должен убивать. Они громко требуют терпимости по отношению к себе, но тщательно избегают проявлять ее по отношению к другим. Протестантские «» (свободомыслящие) выступали против костров Рима в то самое время, когда Жан Кальвин, используя свою частную власть, сжег Мишеля Серве.

Именно преступления донатистов, циркунчеллионов и многих других заставили католических князей принять жесткие меры, а саму Церковь — отказаться от виновных. Слушая стоны безбожия, не скажешь ли, что вальденсы, альбигойцы и гуситы были агнцами? Были ли невинными эти мрачные пуритане Шотландии и Англии, которые держали кинжал в одной руке и Библию в другой, проповедуя истребление католиков? Единственная церковь среди стольких репрессий и ужасов всегда отстаивала и поддерживала принцип своего отвращения к кровопролитию: это иерархическая и законная церковь.

Признавая возможность и существование дьявольских чудес, Церковь признает существование естественной силы, которую можно использовать как во благо, так и во зло. Поэтому она мудро решила, что если святость учения может узаконить чудо, то одно только чудо никогда не может узаконить нововведения в учении.

Сказать, что Бог, чьи законы совершенны и никогда не опровергаются, использует естественные средства для совершения того, что нам кажется сверхъестественным, значит утверждать высший разум и неизменную власть Бога, значит расширять наше представление о Его провидении; это не означает отрицание Его вмешательства в чудеса, которые совершаются во имя истины, что искренние католики хорошо понимают.

Ложные чудеса, вызванные астральными скоплениями, всегда имеют анархическую и аморальную тенденцию (), потому что беспорядок порождает беспорядок. Поэтому боги и духи сектантов жаждут крови и обычно обещают свою защиту в обмен на убийство. Идолопоклонники Сирии и Иудеи делали оракулы из голов детей, которые они насильно отрывали от тел этих бедных маленьких существ. Они сушили эти головы, а затем, положив им под язык золотую пластинку с неизвестными символами, помещали их в углубления в стене, делали им тела из волшебных растений, обвязанных лентами, зажигали лампу перед этими ужасными идолами, приносили им в жертву ладан и приходили к ним, чтобы религиозно советоваться с ними; они верили, что слышат голос этой головы, последние крики которой, несомненно, потрясли их воображение. Кроме того, мы уже говорили, что кровь привлекает личинок. При проведении адских жертвоприношений древние выкапывали яму и наполняли ее теплой, дымящейся кровью; затем они видели, как из недр земли, из всех глубин ночи, ползли, поднимались, спускались, прибежали слабые и бледные тени. Они чертили острием окровавленного меча круг призывов, зажигали костры из лавра, ольхи и кипариса на алтарях, увенчанных асфоделем и вербеной, ночь казалась еще более холодной и мрачной, луна скрывалась за облаками, и слышалось слабое шуршание призраков, толпившихся вокруг круга, в то время как собаки жалобно выли по всей округе.

Чтобы обрести всю полноту власти, нужно быть готовым на все – таков был принцип черных чар и их ужасов. Лжемаги объединялись преступным союзом и считали себя способными напугать других, когда самим удавалось напугать себя. Обряды черной магии остались такими же ужасными, как и нечестивые культы, которые она породила, будь то в преступных сообществах, замышлявших заговор против древних цивилизаций, или среди варварских племен. Это все та же любовь к тьме, все те же осквернения, все те же кровавые предписания. Анархическая магия — это культ смерти. Колдун предается судьбе, отрекается от разума, отказывается от надежды на бессмертие и приносит в жертву детей. Он отказывается от честного брака и дает обет бесплодного разврата. При таких условиях он наслаждается полнотой своего безумия, опьяняется своей злобой до такой степени, что верит в ее всемогущество, и, превращая свои галлюцинации в реальность, считает себя хозяином, способным по своему желанию вызывать все могилы и весь ад.

В черной магии лучше всего подходят варварские слова и неизвестные или даже абсолютно бессмысленные знаки. Лучше всего галлюцинировать с помощью нелепых практик и глупых заклинаний, чем с помощью ритуалов или формул, способных держать ум в бодрствовании. Г-н Дю Поте утверждает, что испытал силу некоторых знаков на кризических, и знаки, которые он осторожно и таинственно рисует рукой в своей оккультной книге, аналогичны, если не абсолютно похожи, на так называемые дьявольские подписи, которые встречаются в старых изданиях великого гримуара. Одни и те же причины всегда должны производить одни и те же следствия, и нет ничего нового ни под луной колдунов, ни под солнцем мудрецов.

Состояние постоянной галлюцинации — это смерть или отказ от сознания; тогда человек отдается на произвол судьбы снов. Каждое воспоминание приносит свое отражение, каждое плохое желание создает образ, каждое раскаяние рождает кошмар. Жизнь становится жизнью животного, но животного мнительного и мучимого. Человек больше не осознает ни морали, ни времени. Реальность больше не существует, все кружится в вихре самых бессмысленных форм. Иногда час кажется вечностью, а годы пролетают с быстротой часа.

Наш мозг, светящийся астральным светом, полон бесчисленных отражений и образов. Когда мы закрываем глаза, нам часто кажется, что под нашими веками разворачивается то яркая, то мрачная и ужасная панорама. Больной, страдающий лихорадкой, едва закрывает глаза ночью, как его часто ослепляет невыносимый свет. Наша нервная система, которая представляет собой полноценный электрический аппарат, концентрирует свет в мозге, который является отрицательным полюсом аппарата, или проецирует его через конечности, которые являются точками, предназначенными для восстановления циркуляции нашей жизненной энергии. Когда мозг насильственно притягивает серию образов, аналогичных страсти, которая нарушила равновесие машины, обмен светом прекращается, астральное дыхание останавливается, и извращенный свет как бы коагулируется в мозге. Поэтому галлюцинаторы испытывают самые ложные и извращенные ощущения. Некоторые из них находят удовольствие в том, чтобы разрезать кожу на полоски и медленно сдирать с себя кожу, другие едят и наслаждаются веществами, которые меньше всего подходят для пищи. Доктор Бриер де Буамон в своем научном *трактате* «⁽⁸⁾» собрал несколько серий чрезвычайно любопытных наблюдений; все излишества в жизни, будь то неправильно понятые или не преодоленные, могут возбуждать мозг и вызывать в нем застой света. Чрезмерная амбиция, гордые притязания на святость, воздержание, полное угрызений совести и желаний, постыдные страсти, удовлетворяемые вопреки неоднократным

предупреждениям угрызений совести: все это ведет к потере разума, болезненному экстазу, истерии, галлюцинациям, безумию. Человек не сумасшедший, замечает ученый доктор, потому что у него есть видения, а потому, что он верит в свои видения больше, чем в здравый смысл. Поэтому только послушание и авторитет могут спасти мистиков; если они упорно верят в себя, то лекарства уже нет, они уже отлучены от разума и веры: они — отверженные всеобщей любви. Они считают себя мудрее общества; они верят, что создают религию, и они одиноки; они думают, что украли для личного пользования секретные ключи к жизни, и их разум уже погрузился в смерть.

Примечание 8: (возврат) Brierre de Boismont, *Des hallucinations, ou histoire raisonnée des apparitions, des visions, des songes, de l'extase, du magnétisme et du somnambulisme*, 2-е издание, 1852, 1 т. in-8.

ГЛАВА III.

ПОСВЯЩЕНИЯ И ИСПЫТАНИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Тайная доктрина Платона. — Теософия и теургия. — Пещера Трофония. — Происхождение мифов об Ахероне и Тенаре. — Символическая картина Кебеса. — Учения Федона о загробном мире. — Погребение мертвых. — Жертвоприношения для умиловления манов.

То, что адепты называют *великим делом*, — это не только трансмутация металлов, но и, прежде всего, всеобщая медицина, то есть лекарство от всех болезней, включая смерть.

Дело, которое создает универсальное лекарство, — это нравственное возрождение человека. Это то второе рождение, о котором говорил Спаситель доктору закона Никодиму, который не понимал его, и Иисус сказал ему: «Как же так, ты учитель в Израиле и не знаешь этой тайны!», как будто он хотел дать ему понять, что речь идет об основополагающих принципах религиозной науки, и что учителю не позволено их не знать.

Великая тайна жизни и ее испытаний представлена в небесной сфере и в цикле года. Четыре формы сфинкса соответствуют четырем стихиям и четырем временам года. Символические фигуры на щите Ахилла у Гомера имеют значение, аналогичное двенадцати подвигам Геракла. Ахилл должен умереть, как Геракл, после того как победит стихии и сразится с богами. Геракл, победивший все пороки, олицетворяемые чудовищами, с которыми он должен сражаться, на мгновение поддается самому опасному из них — любви; но в конце концов он вырывает из своей груди, вместе с клочками своей плоти, горящую туннику Деяниры; он оставляет ее виновной и побежденной; он умирает освобожденным и бессмертным.

Каждый думающий человек — это Эдип, призванный разгадать загадку сфинкса или умереть. Каждый посвященный должен быть Гераклом, проходящим цикл великого года трудов и заслуживающим, благодаря жертвам сердца и жизни, триумфы апофеоза.

Орфей становится царем лиры и жертвоприношений только после того, как поочередно завоевал и потерял Эвридику. Омфала и Деянира завидуют Гераклу: одна хочет унижить его, другая поддается советам трусливой соперницы, которая подталкивает ее отравить освободителя мира; но она излечит его от гораздо более пагубного отравления — отравления его недостойной любовью. Пламя костра очистит это слишком слабое сердце; Геракл умирает во всей своей силе и может сидеть победоносным рядом с тронном Юпитера!

Иаков, прежде чем стать великим патриархом Израиля, всю долгую ночь сражался с ангелом.

ИСПЫТАНИЕ — вот великое слово жизни: жизнь — это змея, которая рождает и пожирает себя без конца; нужно вырваться из ее объятий и поставить ногу ей на голову. Гермес, умножая ее, противопоставляет ее самой себе и в вечном равновесии делает ее талисманом своей власти и славой своего кадуцея.

Великие испытания в Мемфисе и Элевсине имели целью подготовить царей и жрецов, доверив науку мужественным и сильным людям. Чтобы быть допущенным к этим испытаниям, нужно было отдать себя душой и телом священничеству и отказаться от своей жизни. Затем спускались в темные подземелья, где нужно было поочередно проходить через горящие костры, глубокие и быстрые водные потоки, подвижные мосты, наброшенные через бездны, и все это без того, чтобы погасить или уронить лампу, которую держали в руке. Тот, кто колебался или испугался, никогда не должен был увидеть свет; тот, кто бесстрашно преодолевал все препятствия, принимался в *число мистов*, то есть посвящался в малые тайны. Но еще предстояло испытать его верность и молчание, и только через несколько лет он становился *эполтом*, титул, соответствующий титулу адепта.

Философия, соперничавшая со священством, подражала этим практикам и подвергала своих учеников испытаниям. Пифагор требовал молчания и воздержания в течение пяти лет: Платон принимал в свою школу только геометров и музыкантов, кроме того, он оставлял часть своего учения для посвященных, и его философия имела свои тайны. Так, он создал мир с помощью демонов и вывел всех животных из человека. Демоны Платона — это не что иное, как *Элоим* Моисея, то есть силы, благодаря содействию и гармонии которых высшее начало сотворило мир. Говоря, что животные происходят от человека, он имеет в виду, что животные — это анализ живой формы, синтезом которой является человек. Платон был первым, кто провозгласил божественность слова, то есть речи, и, кажется, он предчувствовал скорое воплощение этого созидательного слова на земле; он предсказывает страдания и мучения праведника, отвергнутого неправдой мира.

Эта возвышенная философия слова принадлежит чистой каббале, и Платон ее не изобрел. Он, кстати, не скрывает этого и громко заявляет, *что в любой науке следует принимать только то, что согласуется с вечными истинами и оракулами Бога*. Дасье, у которого мы заимствуем эту цитату, добавляет, что «под этими вечными истинами Платон понимает древнюю традицию, которую, по его утверждению, первые люди получили от Бога и передали своим потомкам». Конечно, если не назвать каббалу прямо, то яснее и быть не может. Это определение вместо названия: в некотором смысле оно даже более точное, чем само название.

«Не книги, — говорит еще Платон, — дают эти высокие знания; их нужно черпать из себя через глубокое размышление и искать священный огонь в своем собственном источнике... Поэтому я никогда ничего не писал об этих откровениях и никогда не буду о них говорить.

Любой человек, который предпримет попытку сделать их доступными для широкой публики, предпримет ее напрасно, и весь плод его труда будет заключаться в том, что, за исключением небольшого числа людей, которым Бог дал достаточно ума, чтобы увидеть в себе эти небесные истины, он вызовет у одних презрение к ним, а других наполнит тщетной и опрометчивой уверенностью, как будто они знают чудесные вещи, которых на самом деле не знают ⁽⁹⁾».

Примечание 9: (возврат) Дасье, «Учение Платона» (Библиотека древних философов), т. III, с. 81.

Он пишет Дионисию Младшему:

«Я должен сообщить Архедему о том, что гораздо ценнее и божественнее и что вы очень хотите знать, поскольку вы специально послали меня к нему; ибо, по его словам, вы не верите, что я достаточно объяснил вам, что я думаю о природе первого принципа; нужно написать вам это загадками, чтобы, если мое письмо будет перехвачено на земле или на море, тот, кто его прочитает, ничего не смог понять.

«Все вещи окружают своего царя, они существуют благодаря ему, и он один является причиной всех благ; второй для второстепенных вещей и третий для третьестепенных ¹⁰».

Примечание 10: (возврат) Dacier, *loco citato*.t. III, стр. 194.

В этих нескольких словах содержится полное резюме теологии сефирот. Царь — это Энсоф, высшее и абсолютное существо. Все излучает этот центр, который находится повсюду, но который мы воспринимаем главным образом тремя способами и в трех разных сферах. В божественном мире, который является миром первой причины, он единственный и первый. В мире науки, который является миром вторичных причин, влияние первого принципа ощущается, но мы воспринимаем его только как первую из вторичных причин; он проявляется в нем через двойственность, это пассивный творческий принцип. Наконец, в третьем мире, мире форм, он проявляется как совершенная форма, воплощенное слово, высшая красота и доброта, сотворенное совершенство; таким образом, он одновременно является первым, вторым и третьим, « », поскольку он есть все во всем, центр и причина всего. Не будем здесь восхищаться гением Платона, просто признаем точную науку посвященного.

Пусть нам больше не говорят, что наш великий апостол Иоанн позаимствовал начало своего Евангелия из философии Платона. Напротив, именно Платон черпал из тех же источников, что и Иоанн, но он не получил оживляющего духа. Философия величайшего из человеческих пророков могла стремиться к слову, ставшему человеком: только Евангелие могло дать его миру.

Каббала, преподанная грекам Платоном, позже получила название *теософия* и впоследствии охватила всю магическую догматику. Именно к этому комплексу оккультных учений последовательно присоединились все открытия исследователей. Хотели перейти от теории к практике и воплотить слово в дела; опасные эксперименты по гаданию научили науку, как можно обойтись без священства, святилище было предано, и люди без миссии осмеливались заставлять богов говорить. Именно поэтому теургия разделила анафемы черной магии и была заподозрена в подражании ее преступлениям, потому что не могла защитить себя от обвинений в безбожности. Нельзя безнаказанно поднимать завесу Исиды, а любопытство — это богохульство против веры, когда речь идет о божественных вещах. «Блаженны те, кто уверуют, не видя», — сказал нам великий провозвестник.

Опыты теургии и некромантии всегда губительны для тех, кто им предается. Когда человек однажды переступает порог другого мира, он должен умереть, и почти всегда странным и ужасным образом. Начинается головокружение, каталепсия и безумие. Несомненно, в присутствии определенных людей и после ряда опьяняющих действий в атмосфере возникает возмущение, скрипят деревянные конструкции, дрожат и стонут двери. Странные и иногда кровавые знаки как будто сами отпечатываются на чистом пергамене или на полотнах. Эти знаки всегда одинаковы, и маги классифицируют их под названием «*дьявольские письма*». Один только вид этих знаков приводит кризиков в судороги или экстаз; они верят, что видят духов, и Сатана, то есть гений заблуждения, преображается для них в ангела света. Эти мнимые духи требуют, чтобы для их проявления были вызваны симпатические возбуждения, вызванные сближением полов: нужно сложить руки в ладони, поставить ноги на ноги, нужно дышать в лицо, и часто за этим следуют непристойные экстазы. Посвященные увлекаются этим видом опьянения, они считают себя избранными Богом и толкователями неба, они называют фанатизмом послушание иерархии. Это преемники каинического рода Индии. Это *хатхичимы* и факиры. Предупреждения не просветят их, и они погибнут, потому что захотели погибнуть.

Священники Греции, чтобы исцелить подобных больных, применяли своего рода *гомеопатию*; они пугали их, преувеличивая зло даже в одном приступе, и заставляли их спать в пещере Трофония. К этому сну готовились постом, омовениями и бдением, затем спускались в подземелье, где их оставляли и запирали без света. В этой пещере испарялись опьяняющие газы, очень похожие на те, что в пещере Пса, которую можно увидеть недалеко от Неаполя, и они быстро одолевали визионера; тогда он видел ужасные сны, вызванные началом удушья; его вовремя спасали и уносили, еще дрожащего, бледного и с взъерошенными волосами, на треногу, где он пророчествовал, прежде чем полностью проснуться. Такие испытания вызывали такое потрясение нервной системы, что кризисы не могли вспоминать о них без дрожи и больше не смели говорить о призывах и призраках. Некоторые из них с тех пор не могли ни веселиться, ни улыбаться; и общее впечатление было настолько печальным, что оно вошло в пословицу, и о человеке, чей лоб не разглаживался, говорили: «Он спал в пещере Трофония».

Следы науки и ее тайны нужно искать не в книгах философов, а в религиозной символике древних. Жрецы Египта знали законы движения и жизни лучше нас. Они умели уравнивать или укреплять действие противодействием и легко предвидели последствия, причину которых они сами создали. Колонны Сета, Гермеса, Соломона, Геракла символизировали в магических традициях этот универсальный закон равновесия; и наука о равновесии привела посвященных к науке о всемирном тяготении вокруг центров жизни, тепла и света. Также в священных календарях египтян, каждый месяц которых, как известно, находился под покровительством трех деканов или гениев десятидневных периодов, первый декана знака Льва представлен человеческой головой с семью лучами, большим хвостом скорпиона и знаком Стрельца под подбородком. Под этой головой находится имя ИАО; эту фигуру называли *кнубис*, что в переводе с египетского означает «золото и свет». Фалес и Пифагор узнали в святилищах Египта, что Земля вращается вокруг Солнца, но они не пытались распространять это знание, потому что для этого пришлось бы раскрыть одну из великих тайн храма, двойной закон притяжения и излучения неподвижности и движения, который является принципом творения и вечной причиной жизни. Поэтому христианский писатель Лактанций, который слышал об этой магической традиции и о следствии без причины, сильно насмехается над этими мечтательными теургами, которые заставляют Землю вращаться и дают нам антиподы, которые, по его мнению, должны были бы, пока мы ходим с высоко поднятой головой, стоять ногами вверх и

головой вниз. Кроме того, наивно добавляет Лактанс со всей логикой невежественных и детей, такие люди не удержались бы на земле и упали бы головой вниз в нижнее небо. Так рассуждали философы, в то время как священники, не отвечая им и даже не улыбаясь над их ошибками, записывали иероглифами, создающими все догмы и всю поэзию, секреты истины.

В своем аллегорическом описании подземного мира греческие иерофанты скрыли великие секреты магии. Там есть четыре реки, как в земном раю, плюс пятая, которая семь раз извивается между другими. Река боли и стонов, Коцит, и река забвения, Летэ (), а затем река быстрой, неудержимой воды, которая уносит все и течет в противоположном направлении с рекой огня. Эти две таинственные реки, Ахерон и Флегетон, вода одной из которых представляет собой отрицательную энергию, а другая — положительную, вечно возвращаются друг в друга. Флегетон нагревает и заставляет дымиться холодные и черные воды Ахерона, а Ахерон покрывает густым паром жидкие пламени Флегетона. Из этих паров выходят тысячи личинок и лемунов, тщетные образы тел, которые жили и тех, которые еще не живут; но независимо от того, пили ли они из реки боли или нет, все они стремятся к реке забвения, чья усыпляющая вода вернет им молодость и покой. Только мудрецы не хотят забывать, потому что их воспоминания уже являются их наградой. Поэтому только они действительно бессмертны, поскольку только они осознают свою бессмертность.

Мучения в Тенаре — это поистине божественные изображения пороков и их вечного наказания. Жадность Тантала, амбиции Сизифа никогда не будут искуплены, потому что они никогда не могут быть удовлетворены. Тантал жаждет воды, Сизиф катит на вершину горы пьедестал, на который он хочет сесть, но который всегда падает на него, увлекая его на дно бездны. Иксион, безудержный любовник, который хотел изнасиловать королеву неба, подвергается бичеванию адских фурий. Однако он не насладился своим преступлением и смог поцеловать только призрак. Возможно, этот призрак казался снисходительным к его ярости и любил его, но когда он пренебрегает долгом, когда он удовлетворяется святотатством, любовь превращается в цветущую ненависть!

Не за пределами могилы, а в самой жизни нужно искать тайны смерти. Спасение или осуждение начинаются здесь, на земле, и земной мир тоже имеет свой рай и свой ад. Всегда здесь, на земле, добродетель вознаграждается, всегда здесь, на земле, порок наказывается; и то, что заставляет нас иногда верить в безнаказанность злых людей, — это то, что богатство, этот инструмент добра и зла, иногда, кажется, дается им случайно. Но горе несправедливым людям, когда они обладают золотым ключом, он открывает для них только дверь могилы и ада.

Все истинные посвященные признавали огромную полезность труда и страдания. Страдание, как сказал один немецкий поэт, — это пес неизвестного пастуха, который ведет стадо людей. Научиться страдать, научиться умирать — это гимнастика Вечности, это бессмертное послушничество.

Таков моральный смысл божественной комедии Данте, набросанной еще во времена Платона в аллегорической картине Кебеса. Эта картина, описание которой сохранилось до наших дней и которую несколько художников средневековья перерисовали по этому описанию, является одновременно философским и магическим памятником. Это очень полный моральный синтез и в то же время самая смелая демонстрация великой тайны, секрета, раскрытие которого потрясло бы землю и небо. Наши читатели, несомненно, не ждут от нас объяснения. Тот, кто находит эту тайну, понимает, что она по своей природе необъяснима и что она приносит смерть тем, кто ее раскрывает, как и тому, кто ее раскрыл.

Эта тайна — это царство мудреца, это корона посвященного, которого мы видим спускающимся победителем с вершины испытаний в прекрасной аллегории Кебеса. Великая тайна делает его хозяином золота и света, которые в сущности являются одним и тем же, он решил проблему квадратуры круга, он управляет вечным движением и обладает философским камнем. Здесь адепты поймут меня. В работе природы нет ни прерываний, ни пробелов. Гармонии неба соответствуют гармониям земли, и вечная жизнь развивается по тем же законам, что и жизнь одного дня. Бог все расположил с весом, числом и мерой, говорит Библия, и эта светлая доктрина была также доктриной Платона. В «Федоне» он заставляет Сократа говорить о судьбах души в полном соответствии с каббалистическими традициями. Души, очищенные испытаниями, освобождаются от законов тяжести и, прежде всего, от атмосферы слез; другие ползут в темноте, и именно они появляются перед слабыми или преступными людьми. Те, кто освободился от страданий материальной жизни, больше не возвращаются, чтобы созерцать преступления и разделять ошибки: одного раза действительно достаточно.

Тщательность, с которой древние хоронили умерших, была ярким протестом против некромантии, и тех, кто нарушал покой могил, всегда считали нечестивцами. Возвращать мертвых на землю означало бы обрекать их на вторую смерть; и что больше всего пугало благочестивых людей древних культов, так это опасение, что их тела после смерти будут осквернены стригами и использованы для колдовства. После смерти душа принадлежит Богу, а тело — общей матери, которой является земля. Горе тем, кто осмеливается посягать на эти убежища! Когда святилище могилы было осквернено, старейшины приносили жертвы разгневанным манам; и в основе этого обычая лежала святая мысль. Ведь если бы человеку было позволено притягивать к себе цепью заклинаний души, плывущие во тьме и стремящиеся к свету, он обрел бы себе ретроградных и посмертных детей, которых должен был бы кормить своей кровью и душой. Некроманты — родоначальники вампиров, поэтому не стоит жалеть их, если они умирают, пожираемые мертвыми!

ГЛАВА IV.

МАГИЯ ПУБЛИЧНОГО КУЛЬТА.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Что такое суеверие. -- Магическая ортодоксия. -- Раскол среди не посвященных. -- Явления и воплощения богов. -- Тиресий и Калхас. -- Маги Гомера. -- Сивиллы и их стихи, написанные на листьях, брошенных на ветер. -- Происхождение геомантии и картомантии.

Идеи порождают формы, а формы, в свою очередь, отражают и воспроизводят идеи. Что касается чувств, то ассоциация умножает их в собрании тех, кто их разделяет, так что все заражаются энтузиазмом всех. Вот почему, если тот или иной человек из народа легко заблуждается в отношении справедливости и прекрасного, народ в массе своей всегда будет приветствовать то, что возвышенно, с не менее возвышенным энтузиазмом.

Эти два великих закона природы, наблюдаемые древними магами, заставили их понять необходимость общественного культа, единого, обязательного, иерархического и символического, как и вся религия, великолепного, как истина, богатого и разнообразного, как природа, звездного, как небо, полного ароматов, как земля, культа, который позже должен был создать Моисей, который Соломон должен был воплотить во всем его великолепии и который, преобразившись еще раз, сегодня находится в великой столице Святого Петра в Риме.

Человечество никогда не имело по-настоящему только одной религии и одного культа. Этот всеобщий свет имел свои неопределенные миражи, обманчивые отражения и тени, но всегда после ночей заблуждений мы видим, как он вновь появляется, единственный и чистый, как солнце.

Великолепие культа — это жизнь религии, и если Христос хочет бедных священников, то его верховная божественность не хочет бедных алтарей. Протестанты не поняли, что культ — это учение, и что в воображении толпы не следует создавать мелкого или жалкого бога. Посмотрите на эти молельни, похожие на ратуши, и на этих честных священников, похожих на судебных приставов или комиссаров: разве они не заставляют считать религию формальностью, а Бога — мировым судьей? Англичане, которые тратят столько золота на свои частные дома и притворяются, что так любят Библию, разве не должны они вспомнить о невиданной роскоши храма Соломона и признать, что их церкви слишком холодны и пусты? Но то, что высушивает их культ, — это сухость их сердец, и как вы хотите, чтобы с этим культом без магии, без ослепления и без слез эти сердца когда-нибудь ожили?

Ортодоксия — это абсолютный характер высшей магии. Когда истина приходит в мир, звезда науки предупреждает об этом магов, и они приходят поклониться ребенку, создателю будущего. Инициация достигается через понимание иерархии и практику послушания, и истинный посвященный никогда не будет сектантом.

Ортодоксальные традиции были вывезены из Халдеи Авраамом, они царили в Египте во времена Иосифа вместе с познанием истинного Бога. Конфуций хотел установить их в Китае, но глупый мистицизм Индии в форме идолопоклоннического культа Фо должен был возобладать в этой великой империи. Моисей унес православие из Египта, как Авраам из Халдеи, и в тайных традициях каббалы мы находим цельную, совершенную, уникальную теологию, подобную той, что есть у нас, в ее величайшем проявлении и лучшем объяснении отцами и учителями, и все это с целостностью и просветлением, которые мир еще не в состоянии понять. Сохар, который является ключом к священным книгам, также открывает все глубины и проливает свет на все неясности древних мифологий и наук, изначально скрытых в святилище. Правда, чтобы воспользоваться этим ключом, нужно знать его секрет, и даже для самых проникательных умов, но не посвященных в этот секрет, Сохар абсолютно непонятен и даже нечитаем.

Мы надеемся, что внимательные читатели наших сочинений о магии сами найдут эту тайну и смогут сначала расшифровать, а затем прочитать эту книгу, содержащую объяснение стольких тайн.

Поскольку посвящение является необходимым следствием иерархии, фундаментального принципа магических достижений, непосвященные, тщетно пытаясь взломать двери святилища, решили воздвигнуть алтарь против алтаря и противопоставить невежественные откровения раскола уклончивости ортодоксии. О магах ходили ужасные истории: колдуны и стриги возлагали на них ответственность за свои преступления; они были пьющими человеческую кровь, поедающими маленьких детей. Эта месть самонадеянного невежества

против сдержанной науки всегда имела успех, что привело к ее постоянному использованию. Разве не напечатал какой-то несчастный в какой-то брошюре, что он сам слышал в клубе, как автор этой книги просил, чтобы кровь богатых была собрана в мешки для кормления голодающего народа? Чем громче клевета, тем большее впечатление она производит на глупцов.

Обвинители магов сами совершали преступления, в которых обвиняли их, и предавались всем безумствам развратной колдовской магии. Все говорили только о привидениях и чудесах. Сами боги спускались в видимых образах, чтобы санкционировать оргии. Яростные круги так называемых просветленных восходят к вакханкам, убившим Орфея. Мистический и сладострастный пантеизм умножал с , всегда исходя из этих фанатичных и тайных кругов, где смешались промескуитет и убийства с экстазом и молитвами. Но роковая судьба этого поглощающего и разрушительного догмата описана в одной из самых красивых басен греческой мифологии. Тирренские пираты застали спящего Гиакоса и унесли его на свой корабль. Они считают, что бог вдохновения является их рабом, но внезапно в открытом море их корабль преображается, мачты становятся виноградными лозами, канаты — виноградными кустами, повсюду появляются сатиры, танцующие с рысями и пантерами, экипаж охватывает головокружение, все они видят, что превратились в козлов, и бросаются в море. Тогда Гиакос пристает к берегу в Беотии и отправляется в Фивы, город посвящения, где он обнаруживает, что Панфей узурпировал власть. Панфей, в свою очередь, хочет заключить бога в тюрьму, но тюрьма открывается сама собой, пленник сияет, победитель в центре Фив. Панфей приходит в ярость, и дочери Кадма, ставшие вакхантками, разрывают его на куски, полагая, что приносят в жертву молодого быка.

Пантеизм, по сути, не может представлять собой синтез и должен погибнуть, раздробленный науками, дочерьми Кадма.

После Орфея, Кадма, Эдипа и Амфиарая великими сказочными типами магического священства в Греции являются Тиресий и Калхас, но Тиресий — неразумный или неверный иерофант. Однажды он находит двух переплетенных змей, думает, что они дерутся, и разъединяет их, ударяя по ним палкой: он не понял символа кадуцея, он хочет разделить силы природы, он хочет разделить науку и веру, разум и любовь , мужчину и женщину; он видит их соединенными, как борцов, и думает, что они сражаются, он ранит их, разъединяя, и вот он сам теряет равновесие; он будет поочередно мужчиной и женщиной, но никогда полностью, потому что ему запрещено вступать в брак. Здесь раскрываются все тайны вселенского равновесия и творческого закона. Ведь рождает именно человеческий андрогин; мужчина и женщина, пока они разделены, остаются бесплодными, как религия без науки и наоборот, как интеллект без любви, как мягкость без силы и сила без мягкости, как справедливость без милосердия и милосердие без справедливости. Гармония является результатом аналогии противоположностей, их нужно различать, чтобы объединить, а не разделять, чтобы выбирать между ними. Говорят, что человек в своих мнениях постоянно переходит от белого к черному и всегда ошибается. Так и должно быть, потому что видимая форма, реальная форма белая и черная, она возникает, соединяя тень и свет, не смешивая их. Так соединяются все противоположности в природе, и тот, кто хочет их разделить, подвергает себя наказанию Тиресия. Другие говорят, что он ослеп за то, что застал Минерву обнаженной, то есть за то, что осквернил тайны: это другая аллегория, но все тот же символ.

Несомненно, именно из-за осквернения тайн Гомер заставляет тень Тиресия блуждать в киммерийских мраках и показывает нам его возвращающимся вместе с призраками и несчастными тенями, жаждущими крови, когда Одиссей обращается к духам с помощью

церемонии, гораздо более магической и грозной, чем гримасы наших *медиумов* и невинные бумажки современных некромантов.

Священство почти безмолвно у Гомера, прорицатель Калхас не является ни верховным жрецом, ни великим иерофантом. Он, кажется, служит царям, чьего гнева он боится, и не смеет говорить Агамемнону неприятную правду, пока не умоляет Ахилла о защите. Таким образом, он сеет раздор между этими вождями и становится причиной бедствий армии. Гомер, все рассказы которого являются важными и глубокими уроками, также хочет этим примером показать Греции, насколько важно, чтобы божественное служение было независимым от мирских влияний. Священническое племя должно подчиняться только верховному понтификату, а первосвященник лишен власти; если в его тиаре не хватает одной короны, он должен быть светским царем, чтобы быть равным правителям земли, царем по уму и знанию, царем, наконец, по своей божественной миссии. Пока не будет такого священства, кажется, говорит мудрый Гомер, в равновесии империй будет чего-то не хватать.

Прорицатель Теоклимен в «Одиссее» играет роль почти паразита: он оплачивает преследователям Пенелопы за их не слишком радушное гостеприимство бесполезным предупреждением, а затем осторожно уходит, предвидя скандал.

Роль этих предсказателей счастливой или несчастливой судьбы далека от роли сивилл, которые жили в святилищах, где они становились невидимыми и к которым подходили только с трепетом. Однако эти новые Цирцеи поддавались только смелости: нужно было ловкостью или силой проникнуть в их убежище, схватить их за волосы, угрожать мечом и тащить к роковому треножнику. Тогда они то краснели, то бледнели, дрожали, с взъерошенными волосами, произносили бессвязные слова, затем убегали в ярости, писали на листьях деревьев слова, которые, соединенные вместе, должны были образовывать пророческие стихи, и бросали эти листья на ветер, затем закрывались в своем убежище и не отвечали, если кто-то пытался их позвать.

Оракул имел столько различных значений, сколько можно было найти, комбинируя листья всеми возможными способами. Если бы вместо слов на листьях были иероглифические знаки, количество интерпретаций еще увеличилось бы, и можно было бы гадать, складывая их наугад; это и делали геоманты, которые гадали по числам и геометрическим фигурам, брошенным наугад. Это и сегодня делают поклонники картомантии, используя большие магические алфавиты таро, значение которых они, как правило, не знают. В этих операциях судьба выбирает только те знаки, которые должны вдохновлять толкователя, и без особой интуиции и дара предвидения фразы, указанные соединением священных букв, и откровения, указанные соединением фигур, будут предсказывать случайным образом. Недостаточно просто соединить буквы, нужно уметь читать. Правильно понятая картомантия — это настоящее обращение к духам без некромантии и жертвоприношений, поэтому она требует помощи хорошего *медиума*, а ее практика, к тому же, опасна, и мы никому ее не рекомендуем. Разве не достаточно воспоминаний о наших бедствиях, чтобы усугубить наши страдания в настоящем, разве нужно еще и перегружать их тревогой о будущем и каждый день заранее страдать от катастроф, которые нам невозможно избежать?

ГЛАВА V.

ТАЙНЫ ДЕВСТВЕННОСТИ.

СОДЕРЖАНИЕ. Эллинизм в Риме. Учреждения Нумы. Весталки. Аллегии священного огня. Религиозное значение истории Лукреции. Тайны доброй богини. Культ домашнего очага и родины. Коллегии фламингов и авгуров. Оракулы. Ошибочные мнения Фонтенеля и Кирхера. Обзор магического календаря у римлян.

Римская империя была лишь преображением греческой. Италия была Великой Грецией, и когда эллинизм усовершенствовал свои догмы и тайны, пришло время начать образование детей волчицы: Рим уже существовал.

Особый факт характеризует посвящение, данное римлянам Нумой, это типичное значение, придаваемое женщине, по примеру египтян, которые поклонялись верховному божееству под именем Исиды.

У греков богом посвящения является Иакхос, победитель Индии, сияющий андрогин с рогами Аммона, Панфей, который держит чашу жертвоприношений и наполняет ее вином вселенской жизни, Иакхос, сын молнии и укротитель тигров и львов, но именно осквернив тайны Иакхоса, вакханки разорвали Орфея; Иакхос, под римским именем Бахус, станет лишь богом опьянения, а Нума будет искать вдохновения у мудрой и сдержанной Эгерии, богини тайны и уединения. Необходимо дать мать этим диким найденным, которые могли стать мужьями только похищая женщин внезапно и предательски. Будущее Рима должно быть обеспечено культом родины и семьи. Нума понял это и узнал от Эгерии, как почитают мать богов. Он воздвиг ей сферический храм, под куполом которого горит огонь, который никогда не должен погаснуть. Этот огонь поддерживают четыре девы, которых называют *весталками* и которые будут окружены необычайными почестями, если они будут верны, и наказаны с исключительной строгостью, если они утратят свое достоинство. Честь девы — это честь матери, и семья может быть святой только в той мере, в какой девственная чистота будет признана возможной и славной. Здесь женщина уже выходит из древнего рабства, она больше не восточная рабыня, она — домашняя богиня, хранительница очага, честь отца и мужа. Рим стал святилищем нравов, и за эту цену он станет повелителем народов и метрополией мира.

Магическая традиция всех веков придает девственности нечто сверхъестественное и божественное. Пророческие вдохновения ищут дев, и именно из ненависти к невинности и девственности гоетия приносит в жертву детей, в крови которых она, однако, признает священную и искупительную силу. Борьба с влечением к деторождению — это упражнение в победе над смертью, и высшая целомудренность была самой славной короной, предлагаемой иерофантам. Распространять свою жизнь в человеческих объятиях — значит пускать корни в могиле. Целомудрие — это цветок, у которого больше нет стебля на земле и который, ласкаемый солнцем, приглашающим его подняться к себе, может без усилий оторваться и улететь, как птица.

Священный огонь весталок был символом веры и целомудренной любви. Он был также эмблемой того вселенского агента, электрическую и молниеносную форму которого умел производить и направлять Нума. Действительно, чтобы зажечь огонь весталок, если по очень наказуемой небрежности они позволили ему погаснуть, требовалось солнце или молния. Его

обновляли и освящали в начале каждого года, и эта традиция сохранилась у нас и соблюдается в канун Пасхи.

Неправильно обвинять христианство в том, что оно позаимствовало самое прекрасное из древних культов. Христианство, эта последняя форма всеобщей правоверности, сохранило все, что ему принадлежало, и отвергло только опасные обычаи и тщетные суеверия.

Священный огонь также олицетворял любовь к родине и религию домашнего очага. Именно этой религии, неприкосновенности семейного святилища, пожертвовала себя Лукреция. Лукреция олицетворяет все величие древнего Рима; она, несомненно, могла бы избежать оскорбления, предав свою память клевете, но высокая репутация — это благородство, которое обязывает. В вопросах чести скандал более прискорбен, чем проступок. Лукреция возвысила свое достоинство честной женщины до уровня священства, подвергнувшись покушению, чтобы затем искупить его и наказать.

В память об этой прославленной римлянке высокое посвящение в культ родины и дома было доверено женщинам, исключая мужчин. Там они должны были научиться, что настоящая любовь — это та, которая вдохновляет на самые героические поступки. Им говорили, что истинная красота мужчины — это героизм и величие; что женщина, способная предать или бросить своего мужа, одновременно портит свое будущее и прошлое и накладывает на себя неизгладимое клеймо проституции, усугубляемое еще и клятвопреступлением. Перестать любить того, кому ты отдала цветок своей молодости, — это самое большое несчастье, которое может постигнуть сердце честной женщины; но заявить об этом вслух — значит отречься от своей прошлой невинности, отказаться от честности сердца и целостности чести, это последнее и самое непоправимое из всех позоров.

Такова была религия Рима: именно магии подобной морали он обязан всем своим величием, и когда брак перестал быть для него священным, упадок был не за горами.

Если верно, что во времена Ювенала мистерии доброй богини были мистериями нечистоты, в чем, возможно, можно немного усомниться, поскольку женщины, единственные допущенные к этим так называемым оргиям, тем самым бы сами себя выдали? Допустим, что это было так, ведь после правления Нерона и Домициана все было возможно, но что мы можем из этого заключить, кроме того, что моральное господство матери богов прошло и должно было уступить место более всеобщему и чистому культу Марии, матери Бога?

Нума, посвященный в магические законы и знающий о магнетическом влиянии совместной жизни, учредил коллегии жрецов и авгуров и подчинил их правилам; это была первая идея монастырей, одной из великих сил религии. Уже давно в Иудее пророки собирались в кружки единомышленников и объединяли вдохновение и молитву. Похоже, что Нума знал традиции Иудеи, его фламины и салиенты воодушевлялись танцами и движениями, напоминающими танцы Давида перед ковчегом. Нума не учредил новых оракулов, способных соперничать с Дельфийским, но он обучил своих жрецов искусству предсказаний, то есть открыл им некую теорию предчувствий и второго зрения, определяемых тайными законами природы. Сейчас мы презираем искусство гадания по внутренностям и предсказания, потому что утратили глубокую науку о свете и универсальных аналогиях его отражений. Вольтер в своей очаровательной сказке «Задиг» игриво набросал науку гадания, вполне естественную, но от этого не менее удивительную, потому что она предполагает исключительную тонкость наблюдения и ряд выводов, которые обычно ускользают от ограниченной логики простолудинов. Рассказывают, что Парменид, учитель Пифагора, попробовав воду из источника, предсказал приближающееся землетрясение: в этом нет ничего странного, поскольку битуминозный и сернистый привкус воды мог предупредить философа о

внутренней активности соседних земель. Возможно, вода была просто необычно мутной. Как бы то ни было, мы по-прежнему предсказываем суровые зимы по полету птиц и можем предсказывать некоторые атмосферные явления, осматривая пищеварительные и дыхательные органы животных. Однако физические возмущения атмосферы часто имеют моральные причины. Революции отражаются в воздухе сильными грозами, дыхание народов возмущает небо. Успех идет рука об руку с электрическими токами, а цвета живого света отражают движения молнии. «Что-то витает в воздухе», — говорит народ, следуя своему пророческому инстинкту. Аруспики и авгуры учились читать знаки, которые оставляет повсюду свет, и распознавать следы астральных течений и революций. Они знали, почему птицы летают поодиночке или собираются в стаи, какие влияния заставляют их лететь на север или на юг, на восток или на запад, а мы, которые смеемся над авгурами, этого уже не знаем. Так легко насмехаться и так трудно хорошо учиться.

Именно из-за этой предвзятости, заключающейся в том, чтобы принижать и отрицать все, чего мы не понимаем, такие умные люди, как Фонтенель, и такие ученые, как Кирхер, писали столь опрометчивые вещи о древних оракулах. В глазах этих сильных умов все сводится к манипуляциям и обману. Они придумывают ухищренные статуи, скрытые рупоры, эхо в подземельях храмов. Зачем же всегда клеветать на святилище? Неужели среди священников были только мошенники? Неужели среди жрецов Цереры или Аполлона не было честных и убежденных людей? Значит, их обманывали так же, как и всех остальных? Но кто же их обманывал, не выдавая себя на протяжении целых веков, ведь обманщики не бессмертны. Недавние эксперименты доказывают, что мысли могут передаваться, переводиться в письменную форму и печататься с помощью одной только силы астрального света. Таинственные руки по-прежнему пишут на наших стенах, как на пиру Валтасара. Вспомним мудрые слова ученого, которого точно не обвинят ни в фанатизме, ни в легковёрности: Араго говорил, что за пределами чистой математики тот, кто произносит слово «невозможно», проявляет неосторожность.

Религиозный календарь Нумы копирует календарь магов: это серия праздников и мистерий, напоминающих всю тайную доктрину посвященных и идеально согласующих публичные обряды культа с универсальными законами природы. Расположение месяцев и дней осталось прежним под консервативным влиянием христианского возрождения. Как и римляне Нумы, мы по-прежнему освящаем воздержанием дни, посвященные памяти о рождении и смерти; но для нас день Венеры освящен искуплением на Голгофе. Мрачный день Сатурна — это день, когда наш воплощенный бог спит в своей гробнице, но он воскреснет, и жизнь, которую он нам обещает, притупит косу Хроноса. Месяц, который римляне посвящали Майе, нимфе молодости и цветов, молодой матери, улыбающейся первым плодам года, мы посвящаем Марии, мистической розе, лилии чистоты, небесной матери Спасителя. Таким образом, наши религиозные обычаи древны, как мир, наши праздники похожи на праздники наших отцов, и Спаситель христиан не пришел, чтобы что-то убрать из символической и религиозной красоты древнего посвящения; он пришел, как он сам говорил о фигуративном законе израильтян, чтобы все осуществить и все исполнить.

ГЛАВА VI.

О СУЕВЕРИЯХ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Их происхождение; их продолжительность. -- Колдовство — это суеверие магии. -- Греческие и римские суеверия. -- Предзнаменования, сны, заклинания, очарования. -- Сглаз. -- Заклятия. -- Заклинания.

Суеверия — это религиозные формы, которые выживают после утраты идей. Все они имели своим основанием истину, о которой больше не знают или которая преобразилась. Их название, от латинского *superstes*, означает «то, что выживает»: это материальные остатки древних наук или мнений.

Множество людей, всегда скорее инстинктивных, чем мыслящих, привязывается к идеям через формы и с трудом меняет свои привычки. Когда кто-то хочет бороться с суевериями, народу всегда кажется, что это нападение на саму религию; поэтому святой Григорий, один из величайших пап христианства, не хотел, чтобы эти обычаи были отменены. Очищайте храмы, писал он своим миссионерам, но не разрушайте их, «потому что, пока народ будет видеть, что его старые места молитвы сохраняются, он будет ходить туда по привычке, и вам будет легче привлечь его к поклонению истинному Богу».

«Бретонцы, — говорил еще этот святой папа, — в определенные дни приносят жертвы и устраивают пиры, оставьте им пиры, отмените только жертвы; оставьте им радость их праздников, но из языческой сделайте ее постепенно христианской».

Религия сохранила почти те же названия благочестивых обычаев, которые она заменила святыми таинствами. Так, древние ежегодно устраивали банкет под названием «харистии»; они приглашали на него души своих предков и тем самым выражали свою веру в вечную и бессмертную жизнь. Евхаристия, то есть харистия по преимуществу, заменила харистии, и мы причащаемся на Пасху со всеми нашими друзьями на земле и на небесах. Далеко не поощряя подобными достижениями древние суеверия, христианство возвращало душу и жизнь сохранившимся знакам всеобщих верований.

Магия, эта наука о природе, которая так тесно связана с религией, поскольку она посвящает людей в тайны божественности, магия, эта забытая наука, все еще жива в иероглифических знаках и частично в живых традициях или суевериях, которые она оставила после себя.

Так, например, соблюдение чисел и дней является слепым воспоминанием о первобытном магическом догмате. Пятница, день, посвященный Венере, рассматривалась древними как несчастливый день, потому что он напоминает о тайнах рождения и смерти. В этот день евреи ничего не начинали, но заканчивали всю работу недели, потому что он предшествовал дню субботы или обязательного отдыха. Число тринадцать, которое следует за совершенным циклом двенадцати, также олицетворяет смерть после трудов жизни. Статья израильского символа, относящаяся к смерти, является тринадцатой. В результате разделения семьи Иосифа на два племени, на первую пасху Израиля в земле обетованной было тринадцать гостей, то есть тринадцать племен, разделявших урожай Ханаана. Одно из этих колен было истреблено, и это было колено Вениамина, самого младшего из детей Иакова. Отсюда произошла традиция, что когда за столом сидит тринадцать человек, самый младший из них скоро умрет.

Маги воздерживались от мяса некоторых животных и не ели кровь. Моисей превратил их практику в заповедь и сказал, что в крови соединяется душа животных и что нельзя питаться душами животных. Эти души животных, которые остаются в крови, подобны коагулированному и разложившемуся астральному свету, который может стать источником множества болезней; кровь задушенных животных плохо переваривается и предрасполагает к апоплексическим ударам и кошмарам. Мясо плотоядных животных также вредно для здоровья из-за жестоких инстинктов, которыми оно было одушевлено, и из-за того, что оно уже впитало в себя разложение и смерть.

«Когда душа животного насильственно отделяется от его тела, говорит Порфирий, она не удаляется от него, а, подобно душам людей, погибших насильственной смертью, остается рядом с его телом. Поэтому, когда убивают животных, их души наслаждаются пребыванием рядом с телами, которые их заставили покинуть. Ничто не может отдалить их оттуда: они удерживаются там симпатией. Многие видели, как они стонали рядом со своими телами. Так же души людей, чьи тела не похоронены, остаются рядом со своими трупами (); именно ими злоупотребляют маги для своих операций, заставляя их подчиняться себе, когда они владеют мертвым телом целиком или частично. Теософы, которые знают эти тайны и знают, какую симпатию испытывают души животных к телам, от которых они отделены, и с каким удовольствием они приближаются к ним, по праву запретили употребление в пищу некоторых видов мяса, чтобы мы не были заражены чужими душами».

Порфирий добавляет, что можно стать пророком, питаясь сердцами воронов, кротов и ястребов. Здесь александрийский теург впадает в рецепты маленького Альберта; но если он так быстро приходит к суеверию, то это потому, что он быстро сбился с пути, поскольку его отправной точкой была наука.

Древние, чтобы обозначить тайные свойства животных, говорили, что во времена войны гигантов боги принимали различные формы, чтобы скрыться, и что им иногда нравилось возвращаться к ним. Так Диана превращается в волчицу; солнце — в быка, льва, дракона и ястреба; Геката — в лошадь, львицу, собаку. По мнению многих теософов, имя Феребата было дано Прозерпине, потому что она питается голубками. Голуби — обычное подношение, которое жрицы Майи приносят этой богине, которая является Прозерпиной земли, дочерью светловолосой Цереры, кормилицы человеческого рода. Посвященные в Элевсине должны воздерживаться от домашних птиц, рыбы, бобов, персиков и яблок; они никогда не прикасаются к роженице или женщине во время месячных. Порфирий, от которого мы снова заимствуем все эти подробности, добавляет следующую фразу:

«Любой, кто изучал науку видений, знает, что нужно воздерживаться от всех видов птиц, если хочешь освободиться от бремени земных вещей и найти место среди богов на небесах». Но он не объясняет причину.

Согласно Еврипиду, посвященные в тайный культ Юпитера на Крите воздерживались от мяса животных. Вот как он заставляет говорить этих жрецов; это хор обращается к царю Миносу:

«Сын тирийки из Финикии, потомок Европы и великого Юпитера, царь острова Крит, прославленного сотнями городов; мы приходим к тебе, покинув храмы богов, построенные из дуба и кипариса, обработанного железом, мы ведем чистую жизнь. С тех пор, как я стал жрецом Идейского Юпитера, я больше не участвую в ночных пирах вакханок и не ем сырое мясо, но приношу факелы матери богов: я жрец среди одетых в белое куретов; я удаляюсь от колыбели людей, избегаю их могил и не ем ничего, что было одухотворено дыханием жизни».

Мясо рыбы светится в темноте и, следовательно, является афродизиак. Бобы согревают и вызывают сны. Несомненно, можно найти глубокую причину для всех воздержаний, даже самых необычных, помимо всех суеверий. Существуют определенные комбинации продуктов, которые противоречат гармонии природы. «Не варите козленка в молоке его матери», — говорил Моисей; это предписание трогательно как аллегория и мудро с точки зрения гигиены.

Греки, как и римляне, но в меньшей степени, верили в предзнаменования; они считали змей хорошим предзнаменованием, когда те пробовали священные жертвы. Если гром гремел справа или слева, предзнаменование было благоприятным или несчастливым. Чихание считалось предзнаменованием, и они также наблюдали за некоторыми другими столь же шумными, но менее приличными, чем чихание, природными явлениями. В гимне Меркурию Гомер рассказывает, что Аполлон, которому бог воров, еще находясь в колыбели, украл его быков, берет ребенка и трясет его, чтобы заставить его признаться в краже:

Меркурий, заметив странное чудо,
Из своих разгневанных боков дал услышать оракул;
Пары поднялись до великого Аполлона,
И, ругая ребенка, он бросил его на землю,
Хотя он очень хотел завершить свое путешествие,
Бог отвернулся и сказал ему следующее:

Мужайся, от Майи, прекрасной по красоте,
И великого Юпитера, прекрасный сын в пеленках,
Несомненно, я мог бы найти по счастливой случайности
След моих быков, ведомый этим предзнаменованием,
Но пока ты будешь вести меня.

(Гимны Гомера, перевод Соломона Сертона, стр. 59.)

У римлян все было предзнаменованием. Камень, о который споткнулась нога, крик совы, лай собаки, разбитая ваза, старуха, которая первая посмотрела на тебя, встреченное животное. Эти напрасные страхи основывались на великой магической науке гадания, которая не упускает ни одной детали и, начиная с незаметного для простолюдинов явления, восходит к целой серии причин, которые она связывает между собой. Она знает, например, что атмосферные явления, заставляющие собаку выть, смертельны для некоторых больных; что присутствие и кружение воронов предвещают брошенные трупы, что всегда является зловещим предзнаменованием. Вороны чаще всего посещают места убийств и казней. Пролет некоторых птиц предвещает суровую зиму, другие своими жалобными криками над морем сигнализируют о приближении шторма. То, что наука различает, невежество

замечает и обобщает. Первая находит повсюду полезные предупреждения, вторая беспокоится обо всем и сама себя пугает.

Римляне были также великими наблюдателями снов; искусство их толкования связано с наукой о жизненном свете и пониманием его направления и отражений. Люди, сведущие в трансцендентальной математике, хорошо знают, что нет изображения без света, будь то прямого, отраженного или преломленного, и по направлению луча, которое они смогут распознать по его возврату под углом преломления, они всегда с помощью точного расчета достигнут светового очага, универсальную или относительную силу которого они смогут оценить. Они также будут учитывать здоровое или болезненное состояние зрительного аппарата, как внешнего, так и внутреннего, которому они будут приписывать уродство или видимую правильность изображений. Сны для них будут настоящим откровением. Сон — это подобие бессмертия в этой смерти каждой ночи, которую мы называем сном. Во сне мы живем вселенской жизнью, не осознавая добра и зла, времени и пространства. Мы порхаем по деревьям, танцуем на воде, дуем на тюрьмы, и они рушатся, или же мы тяжелые, грустные, преследуемые, скованные, в зависимости от состояния нашего здоровья, а часто и нашего сознания. Все это, без сомнения, полезно наблюдать, но что могут из этого заключить те, кто не знает и не хочет ничего узнавать?

Всемогущее действие гармонии, возвышающее душу и делающее ее повелительницей чувств, было хорошо известно древним мудрецам, но то, что они использовали для успокоения, чародеи использовали для возбуждения и опьянения. Ведьмы Фессалии и Рима были убеждены в том, что луна была вырвана из неба варварскими заклинаниями, которые они произносили, и упала на землю бледная и окровавленная. Монотонность их заклинаний, движения их волшебных палочек, их кружения вокруг кругов магнетизировали их, возбуждали, постепенно доводили до ярости, до экстаза, до каталепсии. Тогда они видели сны наяву и видели, как открываются гробницы, как воздух наполняется облаками демонов, а луна падает с неба.

Астральный свет — это живая душа Земли, материальная и роковая душа, необходимая в своих проявлениях и движениях по вечным законам равновесия. Этот свет, окружающий и проникающий во все тела, может нейтрализовать их тяжесть и заставить их вращаться вокруг мощного поглощающего центра. Недостаточно изученные явления, которые повторяются и в наши дни, доказали истинность этой теории. Именно этому естественному закону следует приписывать магические вихри, в центре которых размещались чародеи. В этом заключается секрет очарования, которое некоторые рептилии оказывают на птиц, а отрицательные и поглощающие натуры — на чувствительные натуры; *медиумы*, как правило, являются больными людьми, в которых образуется пустота, и которые затем притягивают свет, как бездны притягивают воду водоворотов. Самые тяжелые тела могут тогда подниматься, как соломинки, и уноситься течением. Эти отрицательные и неуравновешенные натуры, в которых флюидное тело бесформенно, проецируют на расстояние свою силу притяжения, и в воздухе появляются дополнительные, фантастические конечности. Когда знаменитый *медиум* Хоум вызывает вокруг себя руки без тел, у него самого руки мертвые и ледяные. Можно сказать, что *медиумы* — это феноменальные существа, в которых смерть явно борется с жизнью. То же самое можно сказать о чародеях, колдунах, людях с косым взглядом и заклинателях. Они являются вампирами, добровольными или недобровольными; они притягивают жизнь, которой им не хватает, и тем самым нарушают равновесие света. Если они делают это добровольно, то они являются преступниками, которых нужно наказывать; если они делают это недобровольно,

то они являются очень опасными больными, с которыми деликатные и нервные люди должны тщательно избегать контактов.

Вот что рассказывает Порфирий в жизни Плотина:

«Среди тех, кто называл себя философами, был один по имени Олимпий, он был из Александрии; некоторое время он был учеником Аммония, он с презрением относился к Плотину, потому что хотел иметь большую репутацию, чем он. Он использовал магические обряды, чтобы навредить ему, но, заметив, что его замысел обращается против него самого, он согласился с Плотинем перед своими друзьями, что душа Плотина, должно быть, очень сильна, раз она отражает злые замыслы его врагов. Плотин чувствовал враждебные действия Олимпия и иногда говорил: «Вот Олимпий теперь страдает судорогами». Попробовав на себе несколько раз те страдания, которые он хотел причинить Плотину, Олимпий наконец перестал его преследовать.

Равновесие — это великий закон жизненного света: если мы проецируем его с силой, и он отталкивается природой, более уравновешенной, чем наша, он возвращается к нам с такой же силой. Горе же тем, кто хочет использовать силы природы во имя несправедливости, ибо природа справедлива, и ее реакции ужасны.

LES SEPT MERVEILLES DU MONDE

ГЛАВА VII.

МАГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Пирамиды. — Семь чудес света. — Фивы и их семь ворот. — Щит Ахилла. — Геркулесовы столбы.

Мы сказали, что древний Египет был пантеком, и то же самое можно сказать о всем древнем мире. Чем больше великие иерофанты старались скрыть свою абсолютную науку, тем больше они стремились расширить и умножить ее символы. Треугольные и квадратные пирамиды представляли их метафизику, основанную на науке о природе. Символическим ключом к этой науке о природе была гигантская форма великого сфинкса (), который вырыл себе глубокое ложе в песке, сторожа подножие пирамид. Семь великих памятников, называемых чудесами света, были великолепными комментариями к семи линиям, из которых состояли пирамиды, и к семи таинственным воротам Фив. На Родосе находился пантакл солнца. Бог света и истины появлялся там в человеческом облике, одетый в золото, он поднимал в правой руке факел разума, а в левой держал стрелу движения и действия. Его ноги покоились справа и слева на молах, которые олицетворяли вечно уравновешенные силы природы, необходимость и свободу, пассивное и активное, неподвижное и изменчивое, колонны Геркулеса.

В Эфесе находился пентакль Луны: это был храм Дианы Пантеи. Этот храм был построен по образу вселенной: это был купол на кресте с квадратной галереей и круглым ограждением, как щит Ахилла.

Гробница Мавзола была пантаклом скромной или супружеской Венеры: она имела форму лингама. Ее ограда была круглой, а возвышение квадратным. В центре квадрата возвышалась пирамида с усеченной вершиной, на которой стояла колесница, запряженная четырьмя лошадьми, расположенными в форме креста.

Пирамиды были пантеком Гермеса или Меркурия.

Олимпийский Юпитер был пантеоном Юпитера; стены Вавилона и крепость Семирамиды были пантеоном Марса.

Наконец, храм Соломона, этот всеобщий и абсолютный пантакл, который должен был поглотить все остальные, был для язычников страшным пантаклом Сатурна.

Септенарную философию посвящения у древних можно было бы резюмировать так:

Три абсолютных принципа, которые являются одним целым; четыре элементарные формы, которые являются одной, образуя единое целое, состоящее из идеи и формы.

Этими тремя принципами были:

1° БЫТИЕ ЕСТЬ БЫТИЕ.

В философии — тождество идеи и Существа или истины; в религии — первый принцип, Отец.

2° БЫТИЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕАЛЬНЫМ.

В философии — тождество знания и Бытия или реальность; в религии — ЛОГОС Платона, *Демург*, Слово.

3° БЫТИЕ ЛОГИЧНО.

В философии — тождество разума и реальности; в религии — Провидение, божественное действие, которое осуществляет добро; взаимная любовь к истине и добру, то, что в христианстве мы называем Святым Духом.

Четыре элементарные формы были выражением двух фундаментальных законов: сопротивления и движения; инерции, которая сопротивляется или фиксирует, жизни,

которая действует или испаряется; другими словами, материи и духа: материя была небытием, сформулированным в пассивном утверждении; дух был принципом абсолютной необходимости в истине. Отрицательное воздействие материального небытия на дух называлось злым началом; положительное воздействие духа, на небытие, чтобы наполнить его творением и светом, называлось добрым началом. Этим двум концепциям соответствовали, с одной стороны, человечество, а с другой — разумная искупительная жизнь человечества, зачатого в грехе, то есть в небытии, из-за своего материального происхождения.

Такова была доктрина тайного посвящения. Таков тот замечательный синтез, который христианство оживило своим дыханием, осветило своим великолепием, божественно утвердило своим догматом, реализовало своими таинствами.

Синтез, который исчез под завесой, которая его сохраняет, но который человечество найдет, когда придет время, во всей его первозданной красоте и материнской плодотворности!

КНИГА III.

СИНТЕЗ И БОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МАГИИ ЧЕРЕЗ ХРИСТИАНСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ.

а. Гхимель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ХРИСТОС, ОБВИНЕННЫЙ ИУДЕЯМИ В МАГИИ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Неизвестная сторона христианства. -- Притчи Талмуда и Сефер Толдос-Йешут. -- Евангелие и Апокалипсис святого Иоанна. -- Иоанниты. -Книги о магии, сожженные святым Павлом.--Прекращение оракулов.--Превращение природного чуда в чудо и гадания в пророчество.

В первых строках Евангелия от Иоанна есть слова, которые католическая церковь никогда не произносит, не преклонив колен. Эти слова таковы: СЛОВО СТАЛО ПЛОТЬЮ.

В этом слове заключено все христианское откровение. Поэтому святой Иоанн дает в качестве критерия православия исповедание Иисуса Христа *во плоти*, то есть в видимой и человеческой реальности.

Иезекииль, самый глубокий каббалист из древних пророков, после того как в своих видениях ярко раскрасил пантаклы и иероглифы науки; после того как он заставил колеса вращаться в колесах, зажег живые глаза вокруг сфер, заставил ходить по земле, махая крыльями, четырех

таинственных животных, Иезекииль видит только равнину, покрытую иссохшими костями; он говорит, и формы возвращаются, плоть покрывает кости. Печальная красота распространяется на останки смерти, но это холодная и безжизненная красота. Таковы были учения и мифологии старого мира, когда с неба спустился дух милосердия. Тогда мертвые формы поднялись, философские мечты уступили место по-настоящему мудрым людям; слово воплотилось и ожило; не было больше абстракций, все стало реальным. Вера, подтверждаемая делами, заменила гипотезы, которые приводили только к басням. Магия превратилась в святость, чудеса стали чудесами, и толпы, отвергнутые древним посвящением, были призваны к царству и священству добродетели.

Таким образом, реализация является сущностью христианской религии. Поэтому ее догма придает форму даже самым очевидным аллегориям. В Иерусалиме до сих пор показывают дом злого богача, и, возможно, при хорошем поиске можно было бы найти даже лампу, принадлежавшую глупым девам. Эта наивная доверчивость в сущности не представляет большой опасности и лишь доказывает реализующий потенциал христианской веры.

Евреи обвиняют его в том, что он материализовал верования и идеализировал земные вещи. В нашей книге *«Догма и ритуал высшей магии»* мы привели довольно остроумную притчу из Сефер Толдос-Йешут, которая подтверждает это обвинение. В Талмуде рассказывается, что Иисус Бен-Сабта, или *сын Отделенной*, изучив в Египте мирские тайны, воздвиг в Израиле ложный краеугольный камень и ввел народ в идолопоклонничество (). Однако они признают, что израильское священство поступило неправильно, проклиная его обеими руками, и именно по этому поводу в Талмуде можно найти прекрасную заповедь, которая однажды сблизит Израиль с христианством: «Никогда не проклинаяте обеими руками, чтобы у вас всегда оставалась одна рука для прощения и благословения».

Еврейское священство действительно поступило несправедливо по отношению к этому мирному учителю, который приказывал своим ученикам подчиняться существующей иерархии. «Они сидят на кафедре Моисея, — говорил Спаситель, — делайте же то, что они вам говорят, но не делайте того, что они делают». В другой день Учитель приказал десяти прокаженным пойти показаться священникам, и пока они шли, они исцелились. Трогательное самоотречение божественного чудотворца, который отдает даже честь своих чудес своим смертельным врагам!

Кроме того, обвиняя Христа в том, что он положил ложный краеугольный камень, знали ли они сами, где тогда был настоящий? *Краеугольный* камень, *кубический* камень, *философский* камень, ибо все эти символические названия означают одно и то же, этот фундаментальный камень каббалистического храма, квадратный в основании и треугольный на вершине, как пирамиды, разве евреи времен фарисеев не утратили знание о нем? Обвиняя Иисуса в новаторстве, не осуждали ли они свое забвение древности? Не погас ли тот свет, который Авраам видел с трепетом радости, для неверных детей Моисея, когда Иисус нашел его и заставил сиять новым блеском? Чтобы убедиться в этом, нужно сравнить Евангелие и Апокалипсис святого Иоанна с таинственными учениями Сефер Йезира и Зоара. Тогда станет понятно, что христианство, далеко не будучи еврейской ересью, было истинной ортодоксальной традицией иудаизма, а книжники и фарисеи были единственными сектантами.

Кроме того, православность христианства подтверждается присоединением к нему всего мира и прекращением у евреев верховного священства и вечных жертвоприношений, двух верных признаков истинной религии. Иудаизм без храма, без первосвященника и без

жертвоприношений существует теперь только как противоречивое мнение. Некоторые люди остались евреями; храм и алтарь стали христианскими.

В апокрифических Евангелиях можно найти прекрасную аллегорическую иллюстрацию этого критерия достоверности христианства, который заключается в очевидности его осуществления. Несколько детей развлекались, лепя птиц из глины, и младенец Иисус играл с ними. Каждый из маленьких художников хвастался исключительно своим произведением. Иисус ничего не говорил, но когда он закончил своих птиц, он хлопнул в ладоши, сказал им: «Летите!» — и они улетели. Вот как христианские институты продемонстрировали свое превосходство над институтами древнего мира. Те умерли, а христианство осталось.

Считающееся совершенным, воплощенным и живым выражением каббалы, то есть первобытной традиции, христианство до сих пор остается неизвестным, и именно поэтому каббалистическая и пророческая книга Откровение до сих пор остается необъясненной.

Без ключей к каббале она действительно совершенно необъяснима, поскольку непостижима.

Иоанниты, или ученики святого Иоанна, долгое время хранили традиционное объяснение этой пророческой эпопеи, но гностики все запутали и все потеряли, как мы объясним позже.

В Деяниях апостолов мы читаем, что святой Павел собрал в Эфесе все книги, посвященные *странным вещам*, и публично сжег их. Несомненно, речь здесь идет о книгах по магии и некромантии древних. Эта утрата, безусловно, достойна сожаления, поскольку даже из памятников заблуждений могут возникнуть проблески истины и ценная для науки информация.

Всем известно, что с приходом Иисуса Христа оракулы во всем мире перестали существовать, и голос воскликнул над морем: «Великий Пан умер!» Один языческий писатель возмущается этими утверждениями и заявляет, что оракулы не исчезли, но вскоре не осталось никого, кто бы к ним обращался. Исправление ценно, и мы находим такое оправдание более убедительным, чем предполагаемая клевета.

То же самое можно сказать и о престиже, который был пренебрежен, когда произошли настоящие чудеса; и действительно, если высшие законы природы подчиняются истинному моральному превосходству, чудеса становятся сверхъестественными, как и добродетели, которые их производят. Наша теория несколько не умаляет могущества Бога, и астральный свет, подчиняющийся высшему свету благодати, действительно представляет для нас аллегорического змея, который склоняет свою побежденную голову под ногу Царицы небес.

ГЛАВА II.

ИСТИНА ХРИСТИАНСТВА ЧЕРЕЗ МАГИЮ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Как магия свидетельствует об истинности христианства. — Дух милосердия, разум и вера. — Тщетность и нелепость возражений. — Почему христианское духовенство было вынуждено осудить магию. — Симон Волхв.

Магия, будучи наукой о вселенском равновесии и имея в качестве абсолютного принципа *истину-реальность-разум* бытия, объясняет все антиномии и примиряет все противоположные реальности с помощью этого принципа, порождающего все синтезы: *гармония является результатом аналогии противоположностей*.

Для посвященного в эту науку религия не может быть поставлена под сомнение, поскольку она существует: нельзя оспаривать то, что есть.

БЫТИЕ ЕСТЬ БЫТИЕ, אֱלֹהִים הוּא אֱלֹהִים.

Кажущееся противостояние религии и разума укрепляет силу и того, и другого, устанавливая их в своих отдельных и раздельных сферах и обогащая отрицательную сторону каждого из них утвердительной стороной другого: это, как мы только что сказали, гармония через аналогию противоположностей. Причиной всех религиозных заблуждений и путаницы стало то, что из-за незнания этого великого закона люди хотели сделать религию философией, а философию — религией; они хотели подчинить вещи веры научным методам, что столь же нелепо, как подчинить науку слепому повиновению вере: теолог не вправе утверждать математическую абсурдность или отрицать доказательство теоремы, равно как и ученый не вправе от имени науки спорить за или против тайн догмата.

Спросите *Академию наук*, является ли математически верным, что в Боге три лица, и можно ли с помощью науки установить, что Мария, мать Бога, была зачата без греха? Академия наук откажется отвечать, и она будет права: ученые не имеют к этому никакого отношения, это область веры.

О вере не спорят, в нее либо верят, либо не верят; но она и является верой именно потому, что не поддается научному исследованию.

Когда граф де Местр уверяет, что однажды люди будут с удивлением говорить о нашей нынешней глупости, он, несомненно, имеет в виду этих мнимых умников, которые каждый день говорят вам:

Я поверю, когда истинность догмата будет научно доказана.

То есть я поверю, когда мне нечего будет верить, и догмат будет разрушен как догмат, став научной теоремой.

Другими словами: я приму бесконечность только тогда, когда она будет для меня объяснена, определена, ограничена, определена; одним словом, конечна.

Таким образом, я поверю в бесконечность, когда буду уверен, что бесконечности не существует.

Я поверю в безграничность океана, когда увижу его в бутылках.

Но, добрые люди, вы больше не верите в то, что вам ясно доказали и объяснили, вы это знаете.

С другой стороны, если бы вам сказали, что папа решил, что два плюс два не равно четыре, и что квадрат гипотенузы не равен квадратам, начерченным на двух других сторонах прямоугольного треугольника, вы бы справедливо сказали: папа не решил этого, потому что он не может этого решить. Это не его дело, и он не будет в это вмешиваться.

Все прекрасно, воскликнет ученик Руссо, Церковь велит нам верить в вещи, формально противоречащие математике.

Математика говорит нам, что целое больше части. Но когда Иисус Христос причащался со своими учениками, он должен был держать все свое тело в руке, а *голову положить в рот*. (Эта неудачная шутка буквально встречается у Руссо.)

На это легко ответить, что софист путает здесь науку с верой, а естественный порядок с сверхъестественным или божественным.

Если бы религия утверждала, что во время причастия наш Спаситель имел два естественных тела одинаковой формы и одинакового размера и что одно съело другое, наука имела бы право возмущаться.

Но религия говорит, что тело Учителя было божественно и сакраментально заключено под знаком или естественным обликом куска хлеба. Опять же, это нужно либо верить, либо не верить; но тот, кто будет рассуждать об этом и захочет обсудить это с научной точки зрения, заслужит, чтобы его считали глупцом.

Истина в науке доказывается точными доказательствами; истина в религии доказывается единодушием веры и святостью дел.

Тот, кто может сказать парализованному: «Встань и иди», имеет право прощать грехи, говорит Евангелие.

Религия истинна, если она реализует наиболее совершенную мораль.

Доказательством веры являются дела.

Создало ли христианство огромное общество людей, основанное на иерархии, послушании и милосердии? Вот что можно спросить у науки.

Если наука отвечает на основе исторических документов: «Да, но они не проявили милосердия»,

Я беру вас на слово, можем ли мы ответить толкователям науки. Вы признаете, что милосердие существует, раз можно его не проявлять?

Милосердие! Великое слово и великая вещь, слово, которое не существовало до христианства, вещь, которая является всей истинной религией!

Разве дух милосердия не является божественным духом, проявившимся на земле?

Разве этот дух не сделал свое существование ощутимым через деяния, учреждения, памятники, бессмертные творения?

По правде говоря, мы не понимаем, как добросовестный неверующий может увидеть дочь Святого Викентия де Поля и не захотеть преклонить колени и помолиться!

Дух милосердия — это Бог, это бессмертие души, это иерархия, это послушание, это прощение обид, это простота и целостность веры.

Отдельные секты обречены на гибель в своем принципе, потому что они нарушили любовь, отделившись, и здравый смысл, пытаясь рассуждать о вере.

Именно в этих сектах догма абсурдна, потому что она якобы разумна. Тогда она должна быть научной теоремой, или она ничто. В религии мы знаем, что буква убивает, а только дух оживляет; но о каком духе может быть речь здесь, если не о духе любви?

Вера, которая перемещает горы и заставляет терпеть мучения, щедрость, которая дает, красноречие, которое говорит на языке людей и ангелов, — все это ничто без любви, говорит святой Павел.

Наука может исчезнуть, добавляет тот же апостол, пророчество может прекратиться, но любовь вечна.

Милосердие и его дела – вот реальность в религии: а истинный разум никогда не отвергает реальность, ибо реальность – это проявление бытия, которое есть истина.

Так философия идет рука об руку с религией, никогда не желая узурпировать ее сферу; и именно при этом условии религия благословляет, поощряет и озаряет философию своим милосердным великолепием.

Милосердие — это таинственная связь, о которой мечтали посвященные Эллады, чтобы примирить Эроса и Антероса. Именно эта корона над входом в храм Соломона должна была соединить две колонны Якин и Боаз; это взаимная гарантия прав и обязанностей, власти и свободы, сильных и слабых, народа и правительства, мужчин и женщин; это божественное чувство, которое должно оживить человеческую науку; это абсолют добра, как принцип БЫТИЕ-РЕАЛЬНОСТЬ-РАЗУМ является абсолют истины. Эти пояснения были необходимы, чтобы правильно понять этот прекрасный символ волхвов, поклоняющихся Спасителю в колыбели. Их трое: белый, меднокожий и черный, и они приносят в дар золото, ладан и смирну. Примирение противоположностей выражается этой двойной тройкой, и это именно то, что мы только что объяснили.

Христианство, которого ждали волхвы, было действительно следствием их тайного учения; но, родившись, этот Бенджамин древнего Израиля должен был убить свою мать.

Магия света, магия истинного Зороастра, Мелхиседека и Авраама должна была прекратиться с приходом великого исполнителя. В мире чудес чудеса должны были стать лишь скандалом, магическая ортодоксия преобразилась в религиозную ортодоксию; инакомыслящие могли быть лишь просветленными и колдунами; само название магии должно было восприниматься только в плохом смысле, и именно под этим проклятием мы будем отныне следить за магическими проявлениями на протяжении веков.

Первым еретиком, упоминаемым в церковных традициях, был чудотворец, о котором легенда рассказывает множество чудес: это был Симон Волхв; его история принадлежит нам по праву, и мы попробуем найти ее среди народных сказок.

Симон был евреем по происхождению, считается, что он родился в деревне Гиттон, в стране Самарии. Его учителем магии был сектант по имени Досифей, который называл себя посланником Бога и Мессией, предсказанным пророками. Симон научился у этого учителя не только искусству фокусов, но и некоторым естественным секретам, которые действительно принадлежат тайной традиции магов: он владел наукой астрального огня и притягивал его к себе большими потоками, что делало его внешне невозмутимым и несгораемым; он также обладал способностью подниматься и удерживаться в воздухе, все

это было сделано без какой-либо науки, а благодаря естественному случаю, благодаря энтузиастам, опьяненным астральным светом, таким как конвульсивные экстазы Сен-Медарда, явления, которые повторяются в наши дни в экстазе *медиумов*. Он магнетизировал на расстоянии тех, кто верил в него, и появлялся перед ними в различных образах. Он создавал изображения и отражения, настолько видимые, что в открытой местности появлялись фантастические и воображаемые деревья, которые все считали реальными. Естественно неодушевленные предметы двигались вокруг него, как мебель вокруг американца Хоума, и часто, когда он хотел войти в дом или выйти из него, двери скрипели, дрожали и в конце концов открывались сами по себе.

Симон творил эти чудеса перед знатными людьми и народом Самарии; их еще больше преувеличивали, и чудотворец считался божественным существом. Однако, поскольку он смог обрести эту силу только благодаря возбуждениям, которые нарушили его разум, он считал себя настолько необыкновенной личностью, что без церемоний присвоил себе божественные почести и скромно подумывал о том, чтобы узурпировать поклонение всего мира.

Его кризисы или экстазы производили на его тело необычайные эффекты. То он выглядел бледным, увядшим, сломленным, подобным старику, который умирает; то светящаяся жидкость оживляла его кровь, заставляла блестеть его глаза, подтягивала и смягчала кожу его лица, так что он казался внезапно обновленным и омоложенным. Восточные люди, большие любители преувеличивать чудеса, утверждали, что видели, как он перешел от детства к старости и вернулся, по своему желанию, от старости к детству. В конце концов, повсюду ходили слухи о его чудесах, и он стал кумиром иудеев из Самарии и окрестных стран.

Но поклонники чудес обычно жаждут новых эмоций и быстро устают от того, что сначала их удивляло. Когда апостол Филипп пришел проповедовать Евангелие в Самарию, возник новый поток энтузиазма, который лишил Симона всего его престижа. Он сам почувствовал себя покинутым своей болезнью, которую считал своей силой; он посчитал, что его превзошли маги, более знающие, чем он, и решил примкнуть к апостолам, чтобы изучить, угадать или купить их секрет.

Симон, безусловно, не был посвящен в высшую магию, ибо она научила бы его, что для того, чтобы распоряжаться тайными силами природы, направляя их, не поддаваясь их воздействию, нужно быть мудрецом и святым; что для того, чтобы играть с этими страшными оружиями, не зная их, нужно быть сумасшедшим, и что быстрая и ужасная смерть ждет осквернителей святилища природы.

Симон был поглощен неумолимой жадной жаждой: лишенный своего опьянения, он считал, что потерял свое счастье; страдая от прошлых похмелий, он надеялся вылечиться, снова опьяняясь. Нелегко снова стать простым смертным, когда ты считал себя богом. Поэтому Симон, чтобы вернуть то, что потерял, подчинился всем строгостям апостольской аскезы; он бодрствовал, молился, постился, но чудеса не возвращались.

В конце концов, сказал он себе однажды, между евреями должно быть возможно договориться, и предложил святому Петру деньги. Глава апостолов с негодованием прогнал его. Симон, который так охотно принимал пожертвования от своих учеников, ничего не понимал; он поспешно покинул общество этих бескорыстных людей и на деньги, которые святой Петр не захотел принять, купил рабыню по имени Елена.

Мистические бредни всегда соседствуют с развратом. Симон безумно влюбился в свою служанку; страсть, ослабляя и возбуждая его, вернула ему каталепсию и болезненные явления, которые он называл своей силой и чудесами. Из его мозга вышла целая мифология, полная магических воспоминаний, смешанных с эротическими снами; тогда он начал путешествовать, как апостолы, таская за собой свою Елену, проповедуя и показываясь тем, кто хотел поклоняться ему и, без сомнения, платить ему.

По словам Симона, первое проявление Бога было совершенным великолепием, которое сразу же произвело свое отражение. Это солнце душ был он сам, а его отражением была Элен, которую он называл Селеной, что по-гречески означает «луна».

И вот, в начале веков луна Симона спустилась на землю, которую Симон начертил в своих вечных снах; там она стала матерью, ибо мысль о его солнце оплодотворила ее, и она родила ангелов, которых воспитала для себя одной, не говоря им об их отце.

Ангелы восстали против нее и заточили ее в смертное тело.

Тогда великолепие Бога было вынуждено спуститься в свою очередь, чтобы искупить свою Елену, и еврей Симон пришел на землю.

Он должен был победить смерть и унести свою Елену живой через воздух, в сопровождении торжествующего хора своих избранников. Остальные люди были бы оставлены на земле под вечной тиранией ангелов.

Таким образом, этот еретик, плагиатор христианства, но в обратном смысле, утверждал вечное царствование бунта и зла, заставлял демонов создать или, по крайней мере, завершить мир, разрушал порядок и иерархию, чтобы вместе со своей наложницей представить себя единственным путем, истиной и жизнью. Это было догмой Антихриста; и она не должна была умереть вместе с Симоном, она сохранилась до наших дней; и пророческие традиции христианства даже утверждают, что он должен иметь свое кратковременное царствование и свой триумф, предвещающий самые страшные бедствия.

Симон называл себя святым, и, по странному стечению обстоятельств, лидер современной гностической секты, напоминающей всю чувственную мистику первого ересиарха, изобретателя *свободной женщины*, также назывался Сен-Симоном. *Каинизм*, как и — это название, которое можно дать всем ложным откровениям, исходящим из этого нечистого источника. Это догмы проклятия и ненависти против вселенской гармонии и социального порядка; это безудержные страсти, утверждающие право вместо долга; страстная любовь вместо целомудренной и преданной любви; проститутка вместо матери; Елена, наложница Симона, вместо Марии, матери Спасителя.

Симон стал известной личностью и отправился в Рим, где император, любопытный ко всем необычным зрелищам, был готов принять его: этим императором был Нерон.

Озаренный еврей поразил коронованного сумасшедшего трюком, который стал обычным явлением в наших театрах фокусников. Он отрезал себе голову, а затем подошел поздороваться с императором с головой на плечах; он заставлял мебель бегать, открывал двери; в конце концов, он вел себя как настоящий *медиум* и стал обычным колдуном на оргиях Нерона и пирах Тримальциона.

Согласно легендам, святой Петр отправился в эту столицу мира, чтобы уберечь римских евреев от учения Симона. Нерон вскоре узнал от своих низкопоставленных шпионов, что новый израильский чудотворец прибыл, чтобы сразиться с его чародем. Он решил свести

их вместе и поразвлечься, наблюдая за их конфликтом. Петрон и Тигеллин, возможно, были на празднике.

«Мир вам! — сказал при входе князь апостолов.

— Нам не нужен твой мир, — ответил Симон, — истина открывается через войну. Мир между противниками — это триумф одного и поражение другого».

DISPUTE PUBLIQUE

entre St Pierre et St Paul d'une part et Simon le Magicien de l'autre,
Ascension et chute de Simon.
d'après une gravure du 15e Siècle.

Святой Петр ответил:

«Почему ты отвергаешь мир? Войну породили пороки людей; мир всегда сопутствует добродетели.

— Добродетель — это сила и умение, — сказал Симон. Я противостояю огню, поднимаюсь в воздух, воскрешаю растения, превращаю камень в хлеб; а ты что делаешь?

— Я молюсь за тебя, — сказал святой Петр, — чтобы ты не погиб, став жертвой своих чар.

— Оставь свои молитвы: они не поднимутся в небо так же быстро, как я.

И вот волшебник выпрыгивает из окна и поднимается в воздух. Было ли у него под длинной одеждой какое-то аэростатическое устройство или он поднимался, как экстазисты диакона Париса, под воздействием астрального света, мы не можем сказать. Тем временем святой Петр стоял на коленях и молился; вдруг Симон громко закричал и упал: его подняли с разбитыми бедрами. А Нерон заключил в тюрьму святого Петра, который казался ему менее забавным волшебником, чем Симон; последний умер от падения. Вся эта история, восходящая к народным слухам того времени, теперь, возможно, ошибочно отнесена к апокрифическим легендам. Тем не менее она остается примечательной и достойной сохранения.

Секта Симона не исчезла вместе с ним, его преемником стал один из его учеников по имени Менандр. Он не называл себя богом, довольствуясь ролью пророка; когда он крестил своих прозелитов, на воду спускался видимый огонь; он обещал им бессмертие души и тела посредством этого волшебного омовения, и еще во времена святого Иустина были менандрийцы, которые твердо верили в свое бессмертие. Смерть одних не разочаровывала других, поскольку умерший немедленно отлучался от церкви и считался ложным братом. Менандрийцы рассматривали смерть как настоящее вероотступничество и пополняли свою бессмертную фалангу, вербуя новых прозелитов. Те, кто знают, до чего может дойти человеческое безумие, не удивятся, если мы сообщим им, что в этом же 1858 году в Америке и Франции все еще существуют фанатичные последователи секты менандрийцев.

Добавление к имени Симона слова «волшебник» вызвало у христиан отвращение к магии, но тем не менее они продолжали почитать память волхвов, поклонившихся Спасителю в его колыбели.

ГЛАВА III.

О ДЬЯВОЛЕ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Его происхождение; что он собой представляет согласно вере и науке. -- Сатана, его величие и дела. -- Одержимые из Евангелия. - Истинное имя дьявола согласно каббале и исповеданиям одержимых. -- Адская генеалогия. -- Козел шаббата. -- Древний змей и ложный Люцифер.

Христианство, четко формулируя божественное понятие, помогает нам понять Бога как самую чистую и абсолютную любовь и четко определяет дух, противоположный Богу. Это дух противостояния и ненависти, это Сатана. Но этот дух не является персонажем, и его не

следует понимать как своего рода черного бога; это извращенность, общая для всех заблудших умов. «Имя мне *Легион*, — говорит он в Евангелии, — потому что нас много».

Зарождающийся разум можно сравнить с утренней звездой, и если он добровольно погружается во тьму после того, как на мгновение засиял, к нему можно применить эту апострофу Исаии, обращенную к царю Вавилона: «Как ты упал с неба, прекрасный Люцифер, яркая утренняя звезда!» Но означает ли это, что небесный Люцифер, утренняя звезда божественного разума, стал факелом ада? Правильно ли имя *светоносного ангела* дано ангелу заблуждений и тьмы? Мы так не думаем, если только под адом, олицетворенным Сатаной и изображенным древней змеей, мы не понимаем, как и в магических традициях, тот центральный огонь, который обвивает землю, пожирая все, что она производит, и кусая себя за хвост, как змея Кроноса, тот астральный свет, о котором говорил Господь, когда сказал Каину: «Если ты совершишь зло, грех сразу же будет у твоих ворот, то есть беспорядок овладеет всеми твоими чувствами; но я подчинил тебе вождение смерти, и тебе надлежит им управлять».

Королевская и почти божественная персонификация Сатаны — это заблуждение, которое восходит к ложному Зороастру, то есть к измененному догмату вторых магов, материалистических магов Персии; они превратили в богов два полюса интеллектуального мира и из пассивной силы сделали божество, противоположное активной силе. Мы указали на ту же чудовищную ошибку в мифологии Индии.

Ариман или Шива — это отец демона, как понимают суеверные легенды, и именно поэтому Спаситель говорил: «Дьявол лжец, как и его отец».

Церковь в этом вопросе опирается на тексты Евангелия и никогда не принимала догматических решений, касающихся определения дьявола. Добрые христиане даже избегают называть его, а религиозные моралисты рекомендуют своим верующим не обращать на него внимания, а сопротивляться ему, думая только о Боге.

Мы не можем не восхищаться этой мудрой сдержанностью священнического учения. Почему же, в самом деле, следует проливать свет догмы на того, кто является интеллектуальной тьмой и самой мрачной ночью сердца? Пусть остается неизвестным этот дух, который хочет отвлечь нас от познания Бога!

Мы не претендуем здесь на то, чего не сделала Церковь, мы лишь констатируем, каким было тайное учение посвященных в оккультные науки.

Они говорили, что великий магический агент, справедливо названный *Люцифером*, потому что он является носителем света и сосудом всех форм, является промежуточной силой, распространенной во всем творении; что она служит для созидания и разрушения, и что грехопадение Адама было эротическим опьянением, которое сделало его поколением рабом этого рокового света; что всякая любовная страсть, захватывающая чувства, является вихрем этого света, который хочет увлечь нас в бездну смерти; что безумие, галлюцинации, видения, экстазы являются очень опасным возбуждением этого внутреннего фосфора; что этот свет, наконец, по своей природе подобен огню, который при разумном использовании согревает и оживляет, а при чрезмерном использовании, напротив, сжигает, растворяет и уничтожает.

Человек призван обрести полную власть над этим светом и с его помощью завоевать бессмертие, но в то же время он подвергается опасности быть опьяненным, поглощенным и уничтоженным им навечно.

Этот свет, как пожирающий, мстительный и роковой, был бы огнем ада, змеем из легенды; а мучительная ошибка, которой он тогда был бы полон, плач и скрежет зубов погубленных им существ, призрак жизни, который ускользает от них и, кажется, оскорбляет их мучения, — все это было бы дьяволом или сатаной.

Действия, неправильно направленные головокружением астрального света, обманчивые миражи удовольствий, богатства и славы, которыми полны галлюцинации, были бы пышностью и делами ада.

Отец Иларион Тиссо считает, что все нервные заболевания, сопровождающиеся галлюцинациями и бредом, являются одержимостью дьявола, и, понимая вещи в смысле каббалистов, он был бы совершенно прав.

Все, что подвергает нашу душу роковому головокружению, действительно адское, поскольку небо — это вечное царство порядка, разума и свободы.

Одержимые из Евангелия бежали от Иисуса Христа, оракулы молчали перед апостолами, а больные галлюцинациями всегда проявляли непреодолимое отвращение к посвященным и мудрецам.

Прекращение оракулов и одержимости было доказательством триумфа человеческой свободы над судьбой. Когда астральные болезни () появляются снова, это зловещий знак, предвещающий ослабление душ. За этими проявлениями всегда следуют роковые потрясения. Судороги продолжались до Французской революции, и фанатики Сен-Медар предсказывали кровавые бедствия.

Известный криминалист Торребланка, который тщательно изучал вопросы дьявольской магии, описывая действия демона, точно описывает все явления астрального возмущения. Вот несколько пунктов из содержания его главы XV книги «*Оперативная магия*»:

1. Демон постоянно стремится ввести нас в заблуждение.
2. Демон обманывает чувства, смущая воображение, хотя и не может изменить его природу.
3. Из явлений, поражающих взор человека, в уме немедленно формируется воображаемое тело, и пока длится призрак, явления сопровождают его.
4. Демон разрушает равновесие воображения, нарушая жизненные функции, будь то болезнь или нерегулярность здоровья.
- 5 и 6. Когда равновесие воображения и разума нарушается по какой-либо болезненной причине, человек видит сны наяву и может видеть в реальном виде то, чего на самом деле не существует.
7. Зрение перестает быть точным, когда нарушается равновесие в умственном восприятии образов.
- 8 и 9. Примеры заболеваний, при которых люди видят двойные объекты и т. д.
10. Видения исходят из нас и являются отражением нашего собственного образа.
11. Древние знали две болезни, которые они называли: одна — *френизия* (φρενίτις), другая — *корибантизм* (κοριβαντίσμος), причем одна из них заставляет видеть воображаемые образы, а другая — слышать голоса и звуки, которых не существует, и т. д.

Из этих, кстати, весьма примечательных утверждений следует, что Торребланка приписывает болезни демону, а под демоном он понимает саму болезнь; с чем мы с удовольствием согласились бы, если бы это позволяла догматическая власть.

Непрерывные попытки астрального света растворить и поглотить существа принадлежат к его самой природе; он разъедает, как вода, из-за своих непрерывных потоков; он пожирает, как огонь, потому что он является самой сущностью огня и его растворяющей силой.

Дух извращенности и любовь к разрушению у существ, которыми он владеет, являются лишь инстинктом этой силы. Это также результат страдания души, которая живет неполноценной жизнью и чувствует себя разрываемой противоречивыми чувствами. Она стремится покончить с собой, но боится умереть в одиночестве, поэтому хочет уничтожить вместе с собой все творение.

Эта астральная извращенность обычно проявляется в ненависти к детям. Неизвестная сила побуждает некоторых больных убивать их, властные голоса требуют их смерти. Доктор Бриер де Буамон приводит ужасающие примеры этой мании, которые напоминают нам о преступлениях Папавуана и Анриетты Корнье¹¹.

Примечание 11: (назад) *Histoire des hallucinations*, 2-е издание, 1853.

Больные астральной перверсией злобны и огорчаются радостью других. Они не хотят, чтобы кто-то надеялся; они умеют находить самые печальные и отчаянные слова, даже когда пытаются утешить, потому что жизнь для них — страдание и потому что их манит смерть.

Именно астральная извращенность и любовь к смерти заставляют злоупотреблять плодами поколений, приводят к извращению их использования или к их осквернению кощунственными насмешками и постыдными шутками. Непристойность — это богохульство против жизни.

Каждый из этих пороков олицетворяется черным идолом или демоном, который является отрицательным и обезображенным образом божества, дающего жизнь; это идола смерти.

Молох — это роковая судьба, пожирающая детей.

Сатана и Нисрох — боги ненависти, рока и отчаяния.

Астарта, Лилит, Нахема, Астарот — это идола разврата и абортов.

Адрамелех — бог убийства.

Белиал, тот, кто вечно бунтует и сеет анархию. Мрачные представления угасающего разума, который трусливо поклоняется своему палачу, чтобы тот прекратил его мучения, покончив с ним раз и навсегда!

Каббалисты говорят, что настоящее имя Сатаны — это перевернутое имя Иеговы, потому что Сатана — это не черный бог, а отрицание Бога. Дьявол — это олицетворение атеизма или идолопоклонства.

Для посвященных он не является личностью, а силой, созданной для добра, которая может служить злу; он является инструментом свободы. Они изображали эту силу, которая управляет физическим поколением (), в мифологическом образе рогатого бога Пана; отсюда появился козел шаббата, брат древнего змея, и носитель света или фосфор, которого поэты превратили в ложного Люцифера из легенды.

ГЛАВА IV.

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ.

СОДЕРЖАНИЕ. Аполлоний Тианский; его жизнь и чудеса. Попытки Юлиана возродить древний культ. Его заклинания. Ямблик и Максим Тирский. Начало тайных обществ и запрещенных практик магии.

Вечное чудо Бога — это неизменный порядок Его провидения в гармонии природы; чудеса — это беспорядки и должны приписываться только недостаткам творения. Божественное чудо — это провиденциальная реакция, направленная на восстановление нарушенного порядка. Когда Иисус исцелял одержимых, он успокаивал их и прекращал их чудесные действия; когда апостолы умиротворяли возбуждение пифий, они прекращали гадания. Дух заблуждения — это дух возбуждения и подрыва; дух истины несет с собой повсюду спокойствие и мир.

Таково было цивилизующее воздействие зарождающегося христианства; но страсти, склонные к беспорядкам, не могли оставить его без борьбы за легкую победу. Умиравшее многобожие обратилось за силой к магии древних святилищ; тайнам Евангелия по-прежнему противостояли тайны Элевсина. Аполлоний Тианский был поставлен в один ряд со Спасителем мира; Филострат взял на себя создание легенды об этом новом боге, затем пришел император Юлиан, который был бы почитаем, если бы копье, убившее его, не нанесло одновременно последний удар по цезарианскому идолопоклонству; насильственное и устаревшее возрождение религии, умершей в своих формах, было настоящим выкидышем, и Юлиан должен был погибнуть вместе с дряхлым ребенком, которого он пытался вернуть в мир.

Тем не менее, Аполлоний и Юлиан были двумя великими и любопытными личностями, и их история стала эпохальной в анналах магии.

В то время были в моде аллегорические легенды; учителя воплощали свою доктрину в своей личности, а посвященные ученики писали басни, содержавшие секреты посвящения. История Аполлония, написанная Филостратом, абсурдна, если воспринимать ее буквально, но очень любопытна, если исследовать ее символы с точки зрения науки. Это своего рода языческое евангелие, противоположное евангелиям христианства; это целая тайная доктрина, которую нам дано объяснить и воссоздать.

Так, первая глава третьей книги Филострата посвящена описанию Гифасиса, чудесного реки, которая берет свое начало на равнине и теряется в недоступных местах. Гифасис олицетворяет магическую науку, первые принципы которой просты, а последствия очень трудно правильно вывести. Брак бесплоден, говорит Филострат, если он не освящен бальзамом деревьев, растущих на берегах Гифасиса.

Рыбы этой реки посвящены Венере; у них есть синий гребень (), чешуя разных цветов и золотистый хвост; они поднимают этот хвост, когда хотят. В этой реке также обитает

животное, похожее на белого червя; это насекомое выделяет горячее масло, которое можно хранить только в стекле. Это животное ловят только для царя, потому что оно обладает силой, способной разрушить стены; его жир, вынесенный на воздух, воспламеняется, и ничто в мире не способно потушить этот огонь.

Под рыбами реки Гифасис Аполлоний понимает вселенскую конфигурацию, синюю с одной стороны, разноцветную в центре и золотистую с другой, как недавно показали нам магнитные эксперименты. Белый червь Гифасиса — это астральный свет, который, сгустившись под действием тройного огня, превращается в масло, являющееся вселенским лекарством. Это масло можно хранить только в стекле, потому что стекло не проводит астральный свет, имея низкую пористость; этот секрет хранится для короля, то есть для посвященного первого порядка, поскольку речь идет о силе, способной разрушить города. Великие секреты изложены здесь с максимальной ясностью.

В следующей главе Филострат говорит об единорогах. Он говорит, что из их рогов делают кубки, из которых нужно пить, чтобы защититься от всех ядов. Единственный рог единорога символизирует иерархическое единство: поэтому, по словам Филострата, согласно Дамису, эти кубки предназначены только для королей. Счастлив, говорит Аполлоний, тот, кто никогда не опьянеет, пья только из такого кубка!

Дамис также говорит, что Аполлоний нашел женщину, белую до груди и черную от груди и выше. Его ученики были напуганы этим чудом, но Аполлоний, зная, кто она такая, протянул ей руку. Это, говорит он, индийская Венера, и ее два цвета — это цвета быка Аписа, почитаемого египтянами. Эта черно-белая женщина — это магическая наука, чьи белые части, то есть созданные формы, раскрывают черную голову, то есть высшую причину, неизвестную людям. Филострат и Дамис хорошо это знали и под этими символами осторожно излагали учение Аполлония. Главы V, VI, VII, VIII, IX и X третьей книги «Жизни Аполлония» Филострата содержат секрет великого дела. Речь идет о драконах, которые защищают подступы к дворцу мудрецов. Есть три вида драконов: болотные, равнинные и горные. Горные драконы олицетворяют серу, болотные — ртуть, а равнинные — соль философов. Равнинные драконы имеют на спине пилообразные шипы, олицетворяющие кислотную силу соли. Драконы гор имеют золотистые чешуйки, золотую бороду и, ползая, издают звук, похожий на звон меди; в их головах находится камень, который творит все чудеса; они обитают на берегу Красного моря, и их ловят с помощью красной ткани, на которой вышиты золотые буквы; они кладут голову на эти зачарованные буквы и засыпают, после чего им отрубает голову топором. Кто не узнает здесь камень философов, красный магистр и знаменитый *regimen ignis*, или управление огнем, выраженное золотыми буквами? Под названием *цитадели* мудрецов- Филострат затем описывает Атанор. Это холм, всегда окруженный туманом, открытый с южной стороны; на нем находится колодец шириной в четыре шага, из которого поднимается голубой пар, который под воздействием солнечного тепла расцветает всеми цветами радуги; дно колодца покрыто красным мышьяком; рядом с колодцем находится бассейн, полный огня, из которого поднимается свинцовое пламя, без запаха и дыма, которое никогда не поднимается выше и не опускается ниже краев бассейна; там же находятся два черных каменных сосуда, один из которых содержит дождь, а другой — ветер. Когда засуха становится чрезмерной, открывают бочку с дождем, и из нее выходят облака, которые увлажняют всю страну. Невозможно более точно описать тайный огонь философов и то, что они называют своей водяной баней. Из этого отрывка видно, что древние алхимики в своем великом деле использовали электричество, магнетизм и пар.

Затем Филострат говорит о философском камне, который он называет то *камнем*, то *светом*. «Ни один непосвященный не имеет права искать его, потому что он исчезает, если не уметь

добывать его с помощью искусства. Только мудрецы, с помощью определенных слов и обрядов, могут найти *пантербу*, так называется этот камень, который ночью выглядит как огонь, будучи зажженным и сверкающим; а если смотреть на него днем, он ослепляет. Этот свет — тонкая материя с удивительной силой, поскольку он притягивает все, что находится поблизости». (Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», книга III, глава XLVI.)

Это откровение тайных учений Аполлония доказывает, что философский камень — не что иное, как универсальный магнит, образованный из сгущенного астрального света и закрепленный вокруг центра. Это искусственный фосфор, существование которого не вызывает сомнений благодаря множеству аллегорий и преданий, и в котором сосредоточены все добродетели порождающего тепло мира.

Вся жизнь Аполлония, описанная Филостратом по рассказу Дамиса Ассирийского, представляет собой сотканную из апологов и притч ткань; в то время было модно так описывать скрытую доктрину великих посвященных. Поэтому не следует удивляться тому, что этот рассказ содержит басни, но под аллегорией этих басен нужно найти и понять оккультную науку иерофантов.

Несмотря на свою великую науку и блестящие добродетели, Аполлоний не был продолжателем иерархической школы магов. Его посвящение происходило из Индии, и он предавал себя изнурительным практикам брахманов, чтобы черпать вдохновение; он открыто проповедовал восстание и цареубийство: он был великим заблудшимся человеком.

Фигура императора Юлиана кажется нам более поэтичной и прекрасной, чем фигура Аполлония. Юлиан принес на престол мира всю строгость мудреца; он хотел перелить молодой сок христианства в тело состарившегося эллинизма. Благородный безумец, виновный лишь в том, что слишком любил воспоминания о родине и образы богов своих отцов. Юлиан, чтобы уравновесить реализующую силу христианского догмата, прибег к помощи черной магии и, следуя за Ямбликом и Максимом Эфесским, погрузился в мрачные заклинания; его боги, красоту и молодость которых он хотел воскресить, явились ему старыми и дряхлыми, опасавшимися жизни и света и готовыми бежать при виде креста!

Эллинизм был навсегда уничтожен, галилеянин победил. Юлиан умер героем, не богохульствуя над своим победителем, как ложно утверждали. Его последние минуты, о которых достаточно подробно рассказывает нам Аммиан Марцеллин, были минутами воина и философа; проклятия христианского духовенства долго звучали над его могилой, и все же Спаситель, который так любит благородные души, разве не простил менее интересных и менее великодушных противников, чем Юлиан?

После смерти этого императора идолопоклонство и магия были охвачены всеобщим осуждением. Именно тогда возникли тайные общества адептов, к которым позже присоединились гностики и манихеи; общества, хранители традиции, смешанной из истин и заблуждений, но которые передавали под печатью страшной клятвы великую тайну древнего всемогущества и вечно обманутые надежды угасших культов и падших священников.

ГЛАВА V.

ЛЕГЕНДЫ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Легенда о святом Киприане и святой Юстине. — Молитва святого Киприана. — Золотой осел Апулея. — Басня о Психее. — Процессия Исиды. — Странное предположение святого Августина. — Философия отцов Церкви.

Странные рассказы, содержащиеся в Золотой легенде, какими бы сказочными они ни бы, тем не менее восходят к самой древней христианской истории. Это скорее притчи, чем истории; их стиль прост и восточен, как стиль Евангелий, и их традиционное существование доказывает, что была придумана своего рода мифология, чтобы скрыть каббалистические тайны иоаннитского посвящения. Золотая легенда — это христианский Талмуд, написанный в виде аллегорий и басен. Изучаемая с этой новой точки зрения, которая является новой только потому, что она старая, Золотая легенда становится книгой величайшей важности и интереса.

Один из рассказов этой полной тайн легенды характеризует конфликт магии и зарождающегося христианства совершенно драматичным и захватывающим образом. Это как заранее набросанный эскиз *«Мучеников»* Шатобриана и *«Фауста»* Гете, слитых воедино.

Жюстин была молодой и красивой языческой девственницей, дочерью жреца идолов, типа Кимодокея. Ее окно выходило на двор, соседствующий с христианской церковью; каждый день она слышала чистый и сосредоточенный голос диакона, читающего вслух Святое Евангелие. Эти незнакомые слова тронули и взволновали ее сердце, так что однажды вечером, когда мать, видя ее задумчивой, настаивала, чтобы она поделилась с ней своими переживаниями, Жюстин бросилась к ее ногам и сказала: «Мать, благослови меня или прости меня, я христианка».

Мать заплакала, обняв дочь, и пошла к мужу, которому рассказала о том, что только что узнала.

Затем они заснули и оба увидели один и тот же сон. Божественный свет спустился на них, и нежный голос призвал их, говоря: «Придите ко мне, вы, кто скорбите, и я утешу вас; придите, возлюбленные моего отца, и я дам вам царство, которое приготовлено вам с начала мира».

Утром отец и мать благословили свою дочь. Все трое записались в число катехуменов и, пройдя обычные испытания, были приняты в святое крещение.

Жюстин возвращалась из церкви белоснежная и сияющая, между матерью и старым отцом, когда два мрачных человека, закутанные в плащи, прошли мимо Маргариты, как Фауст и Мефистофель: это были волшебник Киприан и его ученик Акладий. Оба мужчины остановились, ослепленные этим явлением, а Юстина прошла мимо, не заметив их, и вернулась домой со своей семьей.

Сцена меняется, мы находимся в лаборатории Киприана, на полу начерчены круги, рядом с дымящимся печкой бьется сердце забитой жертвы; перед волшебником появляется дух тьмы.

— Я здесь, потому что ты меня вызвал, говори! Что ты хочешь от меня?

— Я люблю девственницу.

— Соблазни ее.

— Она христианка.

— Осуди ее.

--Я хочу обладать ею, а не потерять; можешь ли ты что-нибудь для меня сделать?

--Я соблазнил Еву, которая была невинна и каждый день общалась с самим Богом. Если твоя девственница христианка, знай, что именно я распял Иисуса Христа.

--Значит, ты отдашь ее мне?

--Возьми эту волшебную мазь, смажь ею порог ее дома, а остальное оставь мне.

Вот теперь Юстина спит в своей маленькой целомудренной и строгой комнате, Киприан стоит у двери, шепча кощунственные слова и совершая ужасные обряды; Сатана подкрадывается к постели девушки и внушает ей сладострастные сны, полные образа Киприана, которого она, как ей кажется, встречает снова, выходя из церкви; но на этот раз она смотрит на него, слушает его, и он говорит ей вещи, которые смущают ее сердце; вдруг она зашевелилась, проснулась и перекрестилась; демон исчез, а соблазнитель, стоявший на страже у двери, всю ночь тщетно ждал.

На следующий день он возобновляет свои заклинания и горько упрекает своего адского сообщника; тот признается в своей беспомощности. Киприан с позором прогоняет его и вызывает демона более высокого ранга. Новоприбывший поочередно превращается в девушку и в красивого юношу, чтобы искушать Жюстин советами и ласками. Дева почти поддается, но ее добрый ангел приходит ей на помощь; она соединяет дыхание со знаком креста и изгоняет злого духа. Тогда Киприан призывает царя ада. Сатана приходит лично. Он насылает на Жюстин все страдания Иова и распространяет ужасную чуму в Антиохии, заставляя оракулов пророчествовать, что чума прекратится, когда Жюстин умилюет оскорбленных Венеру и Любовь. Жюстин публично молится за народ, и чума прекращается. Сатана, в свою очередь, побежден, Киприан заставляет его признать всемогущество знака креста и бросает ему вызов, сделав на себе этот знак. Он отрекается от магии, становится христианином, епископом и воссоединяется с Жюстин в монастыре девственниц; они любят друг друга чистой и вечной любовью небесной милосердия, но их постигает гонение; их арестовывают вместе, казнят в один день, и они совершают в лоне Бога свой мистический и вечный брак.

Легенда делает святого Киприана епископом Антиохии, в то время как церковная история делает его епископом Карфагена. Впрочем, неважно, один и тот же это человек или нет. Один — поэтический персонаж, другой — отец Церкви и мученик.

В старинных гримуарах можно найти молитву, приписываемую святому Киприану из легенды и, возможно, принадлежащую святому епископу Карфагена. Неясные и образные выражения, которыми она наполнена, возможно, дали повод предположить, что до того, как стать епископом и христианином, Киприан занимался зловещими практиками черной магии.

Вот его перевод:

«Я, Киприан, слуга Господа нашего Иисуса Христа, молил Бога Отца Всемогущего и сказал: Ты Бог сильный, мой Бог Всемогущий, обитающий в великом свете! Ты святой и

достопочтенный, и с давних времен Ты видел злобу своего слуги и беззакония, в которые я погрузился по злобе демона. Тогда я не знал Твоего истинного имени, я ходил среди овец, и они были без пастыря. Облака не могли дать росу земле, деревья оставались без плодов, а рожаящие женщины не могли родить; я связывал и не развязывал, я связывал рыб в море, и они не были свободны, я связывал морские пути и удерживал вместе много зла. Но теперь, Господи Иисусе Христе, Боже мой, я познал Твое святое имя и полюбил его, и обратился всем сердцем, всей душой и всеми внутренностями, отвернувшись от множества своих грехов, чтобы ходить в Твоей любви и следовать Твоим заповедям, которые являются моей верой и молитвой. Ты есть слово истины, единственное слово Отца, и я умоляю Тебя теперь разорвать цепь облаков и ниспослать на Твоих детей Твой благотворный дождь, как молоко, и развязать реки и освободить плавающих и летающих тварей; я умоляю Тебя разорвать все цепи и все оковы силой Твоего святого имени!

Эта молитва, очевидно, очень древняя и содержит в себе замечательные воспоминания о первобытных образах христианского эзотеризма первых веков.

Описание «ауреа» или «золотой», данное легендарным аллегорическим святым, достаточно хорошо отражает их характер. Золото в глазах посвященных — это сконденсированный свет, они называют золотыми числами священные числа каббалы, золотыми стихами Пифагора — нравственные учения этого философа, и по той же причине таинственная книга Апулея, в которой осёл играет важную роль, была названа «Золотой осёл».

Язычники обвиняли христиан в поклонении ослу, и они не придумали это оскорбление, оно пришло от иудеев из Самарии, которые, изображая данные каббалы о божественности египетскими символами, также представляли интеллект фигурой волшебной звезды, почитаемой под именем *Ремфам*, науку — эмблемой Анубиса, имя которого они изменили на *Ниббас*, а простонародную веру или легковёрность () — фигурой *Тартака*, бога, которого изображали с книгой, плащом и головой осла; по мнению самаритянских учителей, христианство было царством *Тартака*; это была слепая вера и простодушная легковёрность, возведенные в ранг всеобщего оракула и предпочитаемые разуму и науке. Поэтому в своих отношениях с язычниками, когда те путали их с христианами, они протестовали и просили не путать их с поклонниками исключительно головы осла.

Это так называемое откровение очень рассмешило философов, и Тертуллиан говорит о римской карикатуре, выставленной в его время, на которой был изображен Тартак во всей своей славе с надписью, которая рассмешила самого Тертуллиана, автора, как известно, знаменитого *credo quia absurdum: голова осла, Бог христиан*.

Золотой осёл Апулея — это оккультная легенда о Тартаке. Это магическая эпопея и сатира на христианство, которое автор, без сомнения, исповедовал в течение некоторого времени. По крайней мере, это то, что он, по-видимому, хочет сказать в аллегории о своем превращении в осла.

Вот сюжет книги Апулея: он путешествует по Фессалии, стране чар; его принимает человек, жена которого является ведьмой; он соблазняет служанку этой женщины и думает, что таким образом сможет узнать секреты хозяйки. Служанка действительно хочет передать своему любовнику смесь, с помощью которой ведьма превращается в птицу, но она ошибается коробкой, и Апулей оказывается превращенным в осла.

Неуклюжая любовница утешает его, говоря, что для возвращения к прежней форме () достаточно съесть розы, ведь роза — это цветок посвящения. Но где найти розы ночью? Придется подождать до утра. Служанка ведет осла в конюшню, появляются воры, осла

забирают и увозят. С тех пор нет возможности приблизиться к розам, розы не для ослов, и садовники гонят его палками.

Во время своего долгого и печального плена он слышит рассказ о Психее, эту чудесную и символическую историю, которая похожа на его собственную душу и поэзию. Психея хотела раскрыть секреты любви, как Апулей — секреты магии, она потеряла любовь, а он — человеческий облик; она блуждает, изгнанная, подверженная гневу Венеры, он — раб воров. Но Психея должна вернуться на небо после того, как пройдет через ад, и боги сжалятся над Луцием. Исида явится ему во сне и пообещает, что ее жрец, предупрежденный откровением, даст ему розы во время торжеств по случаю ее предстоящего праздника. Этот праздник наступает, и Апулей подробно описывает процессию Исиды, что является ценным для науки, поскольку в ней находится ключ к египетским тайнам; первыми идут переодетые мужчины, несущие гротескных животных; это вульгарные басни; за ними идут женщины, сеющие цветы, с зеркалами на плечах, которые отражают образ великой богини. Таким образом, мужчины идут впереди и формулируют догмы, а женщины, не зная того, украшают и отражают своим материнским инстинктом более высокие истины; за ними следуют мужчины и женщины, несущие свет: это союз двух терминов, активного и пассивного, порождающих науку и жизнь.

После света приходит гармония, представленная молодыми музыкантами. И, наконец, три образа богов, за которыми следует великий иерофант, несущий не образ, а символ великой Исиды — золотой шар с кадуцеем на вершине.

Луций Апулей видит в руке великого жреца венец из роз; он подходит, и его не отталкивают; он ест розы и снова становится человеком.

Все это искусно написано и перемежается эпизодами, то героическими, то непристойными, как и подобает двойственной природе Луция и осла. Апулей был одновременно Рабле и Сведенборгом древнего мира, готового к концу.

Великие деятели христианства не поняли или сделали вид, что не понимают мистицизм Апулея. Святой Августин в «Городе Бога» с самым серьезным видом задается вопросом, следует ли верить, что Апулей действительно превратился в осла. Этот отец церкви даже был готов признать это, но только как исключительное явление, не имеющее никаких последствий. Если это ирония со стороны святого Августина, то следует признать, что она жестока; если это наивность... Но святой Августин, изящный оратор из Мадауры, не был склонен к наивности.

Действительно, слепы и несчастны были те посвященные в древние тайны, которые смеялись над ослом из Вифлеема, не замечая Бога-ребенка, сияющего над мирными животными в яслях, на чело которого опустилась звезда, примиряющая прошлое и будущее!

В то время как философия, убежденная в своей беспомощности, оскорбляла торжествующее христианство, отцы Церкви захватили все величие Платона и создали новую философию, основанную на живой реальности Божественного Слова, всегда присутствующего в своей церкви, возрождающегося в каждом из своих членов, бессмертного в человечестве; это была мечта о гордости, превосходящей гордость Прометея, если бы она не была одновременно учением о самоотречении и преданности, человеческим, потому что божественным, и божественным, потому что человеческим!

ГЛАВА VI.

КАББАЛИСТИЧЕСКИЕ РИСУНКИ И СВЯЩЕННЫЕ ЭМБЛЕМЫ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Эзотеризм ранней Церкви. -- Каббалистические картины и священные эмблемы первых веков. -- Истинные и ложные гностики. -- Осквернение гнозиса. -- Нечистые и кощунственные обряды. Черная магия, возведенная в культ сектантами. Монтан и его пророчицы. Маркос и его магнетизм. Догмы ложного Зороастра, воспроизведенные в арианстве. Утрата истинных каббалистических традиций.

Первоначальная Церковь, следуя строгому предписанию Спасителя, не подвергала свои святейшие таинства осквернению со стороны толпы. К крещению и причастию допускались только после постепенного посвящения. Священные книги, чтение и, прежде всего, толкование которых было зарезервировано для священников, хранились в тайне. Изображения были тогда менее многочисленны и, главное, менее явны. Люди воздерживались от воспроизведения образа самого Спасителя; настенные росписи в катакомбах в основном представляют собой каббалистические символы: это райский крест с четырьмя реками- , из которых пьют олени; это таинственная рыба Ионы, часто заменяемая двуглавой змеей; это человек, выходящий из сундука, напоминающий Осириса. Гностицизм позже запретил все эти аллегии, которыми он злоупотреблял, чтобы материализовать и осквернить святыне традиции каббалы пророков.

Название «*гностик*» не всегда было запрещенным в Церкви. Отцы Церкви, чье учение было связано с традициями святого Иоанна, часто использовали это название для обозначения совершенного христианина; оно встречается у святого Иринея и святого Климента Александрийского. Мы не говорим здесь о великом Синесии, который был совершенным каббалистом, но сомнительным православным.

Ложные гностики были все мятежниками против иерархического порядка, которые хотели уравнивать науку, популяризируя ее, заменить интеллект видениями, личный фанатизм иерархической религией и, прежде всего, мистическую свободу чувственных страстей мудрой христианской трезвостью и послушанием законам, матерью целомудренных браков и консервативной воздержанности.

Вызывать экстаз физическими средствами и заменять святость сомнамбулизмом — такова была всегда тенденция этих каинистских сект, продолжателей черной магии Индии. Церковь должна была энергично осуждать их, и она не подвела свою миссию: жаль только, что хорошее научное зерно часто страдало, когда огонь и меч проносились по полям, заросшим плевелами.

Враги поколения и семьи, ложные гностики стремились к бесплодию, умножая разврат ; они хотели, как они говорили, одухотворить материю, и материализовывали дух самым отвратительным образом. В их теологии были только сокопления эонов и похотливые объятия. Они поклонялись, как брахмы, смерти в образе лингама, их творение было бесконечным онанизмом, а их искупление — вечным абортom!

Надеясь избежать иерархии с помощью чуда, как будто чудо вне иерархии доказывало что-то другое, кроме беспорядка или обмана, гностики, начиная с Симона-волшебника, были великими чудотворцами; заменяя регулярный культ нечистыми обрядами черной магии, они

вызывали кровь вместо евхаристического вина и заменяли мирный и чистый банкет небесного агнца причастием людоедов. Ересиарх Маркос, ученик Валентина, служил мессу с двумя чашами; в меньший он наливал вино, затем произносил магическую формулу, и в большом появлялся кровавый напиток, который бурлил. Маркос, который не был священником, хотел тем самым доказать, что Бог наделил его чудотворным священством. Он приглашал всех своих учеников совершить на его глазах то же чудо. Особенно женщины добивались такого же успеха, как и он, а затем впадали в судороги и экстаз. Маркос дул на них и передавал им свое безумие до такой степени, что они забывали о всякой сдержанности и скромности ради него и из религиозного духа.

Это вторжение женщин в священство всегда было мечтой ложных гностиков, поскольку, уравнивая таким образом полы, они вносили анархию в семью и создавали препятствие для общества. Настоящее священство женщины — это материнство, а культ этой религии домашнего очага — это скромность. Гностики этого не понимали, или, вернее, понимали слишком хорошо, и, сбивая с пути религиозные инстинкты матери, они разрушали священную преграду, противостоявшую разгулу их желаний.

Однако не все из них обладали печальной откровенностью бесстыдства. Некоторые, как монтанисты, напротив, преувеличивали мораль, чтобы сделать ее неприменимой. Монтан, чьи суровые доктрины привлекали экстремальный и парадоксальный гений Тертуллиана, вместе со своими пророчицами Присциллой и Максимилией, которых сегодня можно было бы назвать сомнамбулами, предавались всевозможным развратным безумиям и экстазу. Естественное наказание за эти излишества не заставило себя ждать: их авторы закончили жизнь безумием и самоубийством.

Учение маркозианцев было *оскверненной и материализованной каббалой*; они утверждали, что Бог сотворил все с помощью букв алфавита; что эти буквы были божественными эманациями, обладающими само по себе способностью порождать существ; что слова были всемогущими и творили чудеса как виртуально, так и реально. Все это в некотором смысле верно, но не в том смысле, в котором это понимали последователи Маркоса. Они заменяли реальность галлюцинациями и верили, что могут стать невидимыми, потому что в состоянии сомнамбулизма они мысленно переносились туда, куда хотели. Для ложных мистиков жизнь должна часто смешиваться со сном, пока, наконец, торжествующий сон не переполнит и не поглотит реальность: тогда наступает полное царство безумия.

Воображение, естественная функция которого заключается в вызывании образов форм, может также, в состоянии чрезвычайного возбуждения, производить сами формы; об этом свидетельствуют явления чудовищных беременностей и множество аналогичных фактов, которые официальная наука лучше бы изучила, чем упорно отрицала.

Именно эти беспорядочные творения религия по праву осуждает как *дьявольские чудеса*, и таковыми были чудеса Симона, Менандриев и Маркоса.

В наше время еще один ложный гностик по имени Винтрас, в настоящее время находящийся в Лондоне, вызывает появление крови в пустых чашах и на оскверненных хостиях.

Этот несчастный впадает в экстаз, как Маркос, и пророчествует о свержении иерархии и грядущем триумфе так называемого священства, основанного на видениях, свободном расширении сознания и любви. Нет ничего нового под солнцем.

После многообразного пантеизма гностиков пришел *дуализм* Манеса. Так ложное посвящение псевдомагов Персии было сформулировано в виде религиозного догмата.

Олицетворение зла стало Богом, соперничающим с самим Богом. Был царь света и царь тьмы, и именно к этому времени следует отнести эту роковую идею, против которой мы протестуем со всей силой, о верховенстве и вездесущности сатаны. Мы не претендуем здесь ни отрицать, ни утверждать традицию о падении ангелов, полагаясь, как всегда в вопросах веры, на высшие и непогрешимые решения святой католической, апостольской и римской Церкви. Но если падшие ангелы имели предводителя до своего падения, то это падение должно было ввергнуть их в полную анархию, сдерживаемую только неукоснительным правосудием Бога; отделенный от божественности, которая является источником силы, и более виновный, чем другие, князь мятежных ангелов не может быть ничем иным, как последним и самым бессильным из отверженных.

Если же в природе существует сила, которая притягивает забывших Бога существ к греху и смерти, то эта сила, которую мы не отказываемся признать способной служить орудием падших духов, была бы астральным светом; мы возвращаемся к этой идее и хотим объяснить ее полностью, чтобы ее значение и ортодоксальность были хорошо поняты.

Это откровение одного из великих секретов оккультизма поможет понять всю опасность вызывания духов, любопытных экспериментов, злоупотребления магнетизмом, вращающихся столов и всего, что связано с чудесами и галлюцинациями.

Арий подготовил почву для успеха *манихейства*, создав гибридное понятие сына Бога, отличного от самого Бога: это означало предположить дуализм в Боге, признать неравенство в абсолюте, неполноценность в высшей силе. Возможность конфликта, его необходимость между отцом и сыном, поскольку неравенство между терминами божественного силлогизма неизбежно приводило к отрицательному выводу. Должно ли было слово Божье быть добром или злом? Самим Богом или дьяволом? Таково было огромное значение дифтонга, добавленного к греческому слову *ομοιος*, чтобы получить *ομοιουσιος*! Объявив сына *единосущным* отцу, Никейский собор спас мир, и этого не могут понять те, кто не знает, что принципы действительно составляют равновесие вселенной.

Гностицизм, арианство, манихейство возникли из неправильного понимания каббалы. Церковь была вынуждена запретить верующим изучение этой опасной науки, ключи от которой должны были оставаться исключительно в руках высшего духовенства. Каббалистическая традиция, по-видимому, сохранялась папами по крайней мере до Леона III, которому приписывают оккультный ритуал, якобы переданный этим понтификом императору Карлу Великому и воспроизводящий все, даже самые тайные, символы ключей Соломона. Эта маленькая книжка, которая должна была оставаться в тайне, но позже была обнародована, была осуждена Церковью и отнесена к области черной магии. Она до сих пор известна под названием «*Энхиридион* Леона III», и у нас есть очень редкий и интересный старинный экземпляр этой книги.

Потеря каббалистических ключей не могла привести к потере непогрешимости Церкви, всегда поддерживаемой Святым Духом, но она внесла большую неясность в экзегетику и сделала совершенно непонятными великие образы пророчества Иезекииля и Апокалипсиса святого Иоанна.

Пусть законные преемники святого Петра примут дар этой книги и благословят труды самого скромного из своих детей, который верит, что нашел один из ключей к науке, и приносит его к ногам того, кому одному принадлежит право открывать и закрывать сокровища разума и веры!

ГЛАВА VII.

ФИЛОСОФЫ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Последние борьбы и окончательные союзы древнего посвящения и торжествующего христианства — Гипатия и Синезий — Святой Дионисий Ареопагит.

Школа Платона, готовая к исчезновению, пролила в Александрии яркий свет; но христианство, торжествующее после трех веков борьбы, уже усвоило все, что было истинного и прочного в учениях древности. Последние противники новой религии верили, что могут остановить ход живых людей, оживляя мумии. Борьба уже не могла быть серьезной, и язычники из александрийской школы против своей воли и без своего ведома работали над священным памятником, который воздвигали, чтобы господствовать над всеми веками, ученики Иисуса из Назарета.

Аммоний Саккас, Плотин, Порфирий, Прокл — великие имена в науке и добродетели. Их теология была возвышенной, их учение нравственным, их нравы строгими. Но самой великой и трогательной фигурой той эпохи, самой яркой звездой этой плеяды, была Гипатия, дочь Теона, эта целомудренная и ученые девушка, которую ее ум и добродетели должны были привести к крещению, но которая умерла мученицей за свободу совести, когда ее попытались принудить к крещению.

В школе Гипатии учился Синезий из Кирены, который позже стал епископом Птолемаиды, одним из самых ученых философов и величайшим поэтом христианства первых веков; именно он написал:

«Народ всегда будет смеяться над вещами, которые легко понять, ему нужны обманы».

Когда его хотели возвысить до епископского сана, он писал в письме одному из своих друзей:

«Ум, дружественный мудрости и внимательно созерцающий истину, вынужден маскировать ее, чтобы она была принята множеством. Действительно, между светом и истиной существует большая аналогия, как между нашими глазами и обычным разумом. Если бы глаз внезапно получил слишком сильный свет, он был бы ослеплен, а умеренное освещение с тенями более полезно для тех, чье зрение еще слабо; поэтому, по моему мнению, вымыслы необходимы народу, а истина становится губительной для тех, кто не имеет силы созерцать ее во всем ее блеске. Итак, если священные законы допускают сдержанность в суждениях и аллегоричность в словах, я смогу принять предлагаемую мне должность при условии, что мне будет позволено быть философом дома и рассказчиком басен и притч вне дома... Что общего может быть между низкой толпой и возвышенной мудростью? Истина должна храниться в тайне, а толпа нуждается в обучении, соразмерном ее несовершенному разуму».

Синезий был неправ, когда писал такие вещи. Что может быть более неуместным, чем показывать свои скрытые мотивы, когда ты занимаешься публичным обучением? Именно из-

за таких неосторожностей многие люди и по сей день повторяют: народу нужна религия! Но что такое народ? Никто не хочет быть его частью, когда речь заходит об интеллекте и морали.

Самая замечательная книга Синезия — это «Трактат о снах». В ней он развивает чистые каббалистические доктрины и поднимается как теософ на такую высоту, что его стиль становится непонятным, а его самого подозревают в ереси; но в нем не было ни упрямства, ни фанатизма сектанта. Он жил и умер в мире с Церковью, откровенно выражая свои сомнения, но подчиняясь иерархической власти: его духовенство и народ не требовали от него ничего большего.

Согласно Синезию, состояние сна доказывает особенность и нематериальность души, которая создает себе небо, поля, залитые светом дворцы или темные пещеры в соответствии со своими привязанностями и желаниями. Моральный прогресс можно оценить по привычкам снов, поскольку в этом состоянии свобода воли приостанавливается, а воображение полностью подчиняется доминирующим инстинктам. Образы возникают тогда либо как отражение, либо как тень мысли. Предчувствия обретают форму, воспоминания смешиваются с надеждами. Книга снов пишется то великолепными, то неясными буквами, но можно найти определенные правила, чтобы расшифровать и прочесть ее.

Иероним Кардан написал длинный комментарий к «Трактату о снах» Синезия и в некотором роде дополнил его словарем всех снов с их объяснением. Эта работа не имеет ничего общего с нелепыми книжками, которые можно найти в дешевых книжных лавках, и действительно принадлежит к серьезной библиотеке оккультных наук.

Некоторые критики приписывают Синезию чрезвычайно замечательные книги, которые носят имя святого Дениса Ареопагита; сейчас общепризнанно, что они являются апокрифическими и относятся к прекрасной эпохе Александрийской школы. Эти книги, всю величественность которых невозможно понять, не будучи посвященным в тайны высшей каббалы, являются настоящим памятником завоевания этой науки христианством. Основные трактаты посвящены божественным именам, иерархии на небесах и иерархии в Церкви. Трактат о божественных именах объясняет, упрощая их, все тайны раввинской теологии. Бог, говорит автор, является бесконечным и неопределимым принципом, совершенным единством и невыразимым, но мы даем ему имена, которые выражают наши стремления к этому божественному совершенству; совокупность этих имен, их отношения с числами составляют высшее в человеческой мысли, и теология является не столько наукой о Боге, сколько наукой о наших самых возвышенных стремлениях. Затем автор устанавливает на первобытной шкале чисел все степени духовной иерархии, всегда управляемой триадой. Существует три ангельских чина, и каждый чин состоит из трех хоров. Именно по этой модели должна быть построена иерархия на земле. Церковь представляет собой наиболее совершенный тип такой иерархии: есть князья Церкви, епископы и простые священники. Среди князей есть кардиналы-епископы, кардиналы-священники и кардиналы-диаконы; среди епископов есть архиепископы, епископы и прелаты-коадьюторы; среди священников есть настоятели, простые священники и диаконы. В эту святую иерархию возносятся через три подготовительных ступени: поддиаконат, низшие чины и клирикат. Функции всех этих чинов соответствуют функциям ангелов и святых и должны прославлять тройные божественные имена для каждой из трех лиц, поскольку в каждой из божественных ипостасей поклоняются всей троице. Эта трансцендентальная теология была теологией ранней Церкви, и, возможно, она была приписана святому Дионисию Ареопагиту только в результате традиции, восходящей к временам апостолов и святого Дионисия, так же как раввины, составители Сефер Йезира, приписали эту книгу патриарху Аврааму, потому что

она содержит принципы традиции, передаваемой от отца к сыну в семье этого патриарха. Как бы то ни было, книги святого Дениса Ареопагита ценны для науки; они закрепляют союз посвящений древнего мира с откровением христианства, соединяя совершенное понимание высшей философии с самой полной и безупречной ортодоксией.

КНИГА IV.

МАГИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

т, Далет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МАГИЯ У ВАРВАРОВ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Фантастический мир колдунов. -- Чудеса и победы над чудовищами в первые века нашей эры. -- Магическая Галлия. -- Тайная философия друидов. -- Их теогония, их обряды. -- Призывания и жертвоприношения. -- Миссия и влияние евбагов. -- Происхождение французского патриотизма. -- Оккультная медицина.

Черная магия отступала перед светом христианства, Рим был завоеван крестом, и чудеса укрывались в том круге тени, который варварские провинции образовывали вокруг нового римского великолепия. Среди множества странных явлений, вот одно, которое было зафиксировано во время правления императора Адриана:

В Траллах в Азии молодая девушка из знатной семьи по имени *Филинниум*, уроженка Коринфа, дочь Демострата и Харито, влюбилась в молодого человека низкого происхождения по имени *Махат*. Брак был невозможен, поскольку Филинниум, как мы уже сказали, была из знатной семьи, к тому же она была единственной дочерью и [229] богатой наследницей. Махат был простолюдином и держал гостиницу « » ⁽¹²⁾. Страсть Филинии усилилась из-за препятствий; она сбежала из отцовского дома и пришла к Махату. Между ними завязались незаконные отношения, которые длились шесть месяцев, после чего девушка была обнаружена родителями, возвращена ими и строго заключена под стражу. Были даже приняты меры, чтобы покинуть страну и увезти Филиннию в Коринф; но тогда девушка, которая заметно похудела с тех пор, как была разлучена со своим возлюбленным,

заболела тоской, перестала улыбаться, не спала, отказывалась от еды и в конце концов умерла.

Примечание 12: [\(назад\)](#) Это обстоятельство, которого нет у Флегона, было добавлено французскими демонографами.

LA MAGIE HERMÉTIQUE
tirée d'un ancien manuscrit.

Изд. Caron-Delamarre, Quai des Gds Augustins, 17, Париж

Родители отказались от своего решения уехать и купили склеп, где девочка была похоронена, одетая в самые богатые одежды. Это захоронение находилось в огороженном

участке, принадлежащем семье, куда больше никто не входил, так как язычники не имели обычая молиться у могил умерших.

Махатс не знал, что стало с его возлюбленной: все произошло в тайне, так как эта знатная семья боялась скандала. В ночь после похорон Филинниума молодой человек уже собирался лечь спать, когда его дверь медленно открылась. Он подошел, держа в руке лампу, и узнал Филинниум, великолепно наряженную, но бледную, холодную и смотрящую на него с пугающим неподвижным взглядом.

Махатс подбежал к ней, обнял ее, задал ей тысячу вопросов и тысячу раз поцеловал ее. В конце концов они провели ночь вместе, но перед рассветом Филинниум встала и исчезла, пока ее возлюбленный еще был погружен в глубокий сон.

У девушки была старая кормилица, которая оплакивала ее и которую она нежно любила. Возможно, эта женщина была соучастницей заблуждений бедной умершей, и с тех пор, как похоронили ее возлюбленную, она не спала и часто просыпалась ночью в каком-то бреду, чтобы бродить вокруг дома Махатеса. Через несколько дней после того, что мы только что рассказали, кормилица, проходя вечером довольно поздно мимо дома молодого человека, увидела свет в его комнате. Она подошла ближе и, заглянув в щель двери, узнала Филинниум, которая сидела рядом со своим возлюбленным, молча глядя на него и отдаваясь его ласкам.

Бедная женщина в панике побежала к своим хозяевам, разбудила мать и рассказала ей о том, что только что видела; мать сначала назвала ее фантазеркой и сумасшедшей, но в конце концов, уступив ее настойчивым просьбам, встала и пошла в дом Махатеса. Все уже спали, она постучала, но никто не ответил; она заглянула в щель двери, лампа была погашена, но лунный луч все еще освещал комнату. На стуле Шарито узнала одежду своей дочери, а в постели, несмотря на тень алькова, она разглядела силуэты двух спящих людей.

Мать охватил ужас, она пошатываясь вернулась домой, не имея мужества посетить могилу дочери, и провела остаток ночи в волнении и слезах.

На следующий день она вернулась в дом Махатеса и ласково расспросила его. Молодой человек признался, что Филинниум приходила к нему каждую ночь. «Почему ты отказываешь мне в этом, — сказал он матери, — мы обручены перед богами», — и, открыв сундук, он показал Шарито кольцо и пояс своей дочери. «Она дала их мне прошлой ночью, — добавил он, — поклявшись, что будет принадлежать только мне; не пытайтесь больше разлучить нас, ведь нас связывает взаимное обещание.

— Так ты тоже пойдешь к ней в могилу? — спросила мать. Филинниум умерла четыре дня назад, и, без сомнения, это ведьма или стригель приняла ее облик, чтобы обмануть тебя; ты обручен со смертью, завтра твои волосы поседеют, послезавтра тебя тоже можно будет похоронить, и именно таким образом боги мстят за оскорбленную честь семьи».

Махатэс побледнел и задрожал, услышав эти слова, он боялся, что стал игрушкой в руках адских сил; он сказал Шарито, чтобы она привела своего мужа в тот же вечер, он спрячет их рядом со своей комнатой, и в тот час, когда появится призрак, он даст сигнал, чтобы предупредить их.

Они действительно пришли, и в обычное время Филиний вошел в комнату Махатеса, который лежал в одежде и притворялся спящим.

Девушка разделась и легла рядом с ним, Махатэс дал сигнал, Демострат и Харито вошли с факелами в руках и громко закричали, узнав свою дочь.

Филлиниум поднимает бледную голову, затем поднимается на кровати и говорит глухим, страшным голосом: «О, отец мой и мать моя, почему вы завидовали моему счастью, и почему вы преследуете меня даже за пределами могилы? Моя любовь победила подземных богов, сила смерти была приостановлена, еще три дня, и я вернулась бы к жизни! Но ваше жестокое любопытство уничтожило чудо природы: вы убиваете меня во второй раз...»

Закончив эти слова, она упала на кровать как безжизненный груз. Ее черты внезапно иссохли, запах трупа наполнил комнату, и остались только обезображенные останки девушки, умершей пять дней назад.

На следующий день весь город был потрясен новостью об этом чуде. Все побежали в цирк, где вся история была публично рассказана, а затем толпа направилась к склепу Филинниума. Девушки там уже не было, но на ее месте нашли железное кольцо и золотой кубок, которые она получила в подарок от Махатеса. Тело было найдено в комнате гостиницы; Махатес исчез.

Были приглашены гадалы, которые приказали похоронить останки Филинниума за пределами города. Были принесены жертвы фуриям и земному Меркурию, заклинали манов и принесли жертвы гостеприимному Юпитеру.

Флегон, вольноотпущенник Адриана, который был очевидцем этих событий и рассказывает о них в частном письме, добавляет, что ему пришлось использовать свое влияние, чтобы успокоить город, взбудораженный столь необычным событием, и заканчивает свой рассказ следующими словами: «Если вы сочтете целесообразным сообщить об этом императору, дайте мне знать, чтобы я послал вам нескольких свидетелей всех этих событий».

Таким образом, история Филлиниума является достоверной. Великий немецкий поэт сделал ее темой баллады, которую все знают наизусть и которая называется *«Невеста из Коринфа»*. Он предполагает, что родители девушки были христианами, что дает ему возможность провести очень поэтическое противопоставление человеческих страстей и религиозных обязанностей. Демонологи средневековья не преминули бы объяснить воскресение или, возможно, кажущуюся смерть молодой гречанки одержимостью дьяволом. Мы же видим в этом истерическую летаргию, сопровождающуюся ясным сомнамбулизмом; отец и мать Филинии убили ее, разбудив, а общественное воображение преувеличило все обстоятельства этой истории.

Земной Меркурий, которому гадалы предписывали приносить жертвы, не что иное, как олицетворение астрального света. Это флюидный гений земли, роковой для людей, которые возбуждают его, не зная, как им управлять; это очаг физической жизни и магнитный приемник смерти.

Эта слепая сила, которую мощь христианства собиралась сковать и отбросить в колодец бездны, то есть в центр земли, проявила свои последние судороги и последние усилия у варваров в виде чудовищных рождений. Едва ли найдется регион, где проповедники Евангелия не приходилось сражаться с отвратительными животными, воплощениями умирающего идолопоклонства. Вуивры, грауглы, горгульи, тараски — это не только

аллегории. Несомненно, что моральные расстройства порождают физическую уродливость и в некотором роде воплощают ужасающие образы, которые традиция приписывает демонам. Окаменелые кости, с помощью которых наука Кювье воссоздала гигантских монстров, действительно ли все принадлежат эпохам, предшествовавшим нашему сотворению? Является ли аллегорией тот огромный дракон, на которого Регул должен был напасть с помощью военных машин и который, по словам Тита Ливия и Плиния, был найден на берегу реки Баграда? Его кожа, длина которой составляла сто двадцать футов, была отправлена в Рим и хранилась там до времени войны с Нуманцией. У древних существовала традиция, согласно которой боги, разгневанные чрезвычайными преступлениями, посылали на землю чудовищ, и эта традиция слишком универсальна, чтобы не быть основанной на реальных фактах, поскольку связанные с ней рассказы чаще относятся к истории, чем к мифологии.

Во всех воспоминаниях, которые остались у нас о варварских народах в эпоху, когда христианство принесло им цивилизацию, мы находим, наряду с последними следами высокого магического посвящения, когда-то распространенного по всему миру, свидетельства затмения, которому подверглось это первобытное откровение, и идолопоклоннического разложения, в которое впала символика древнего мира; везде вместо учеников магов царили гадалки, колдуны и чародеи. Был забыт верховный Бог, чтобы обожествить людей. Рим подал этот пример своим провинциям, и апофеоз цезарей научил мир религии кровавых богов. Германцы под именем Ирминсул поклонялись Арминию, или Герману, который заставил плакать легионы Варуса, и приносили ему в жертву людей. Галлы наделяли Бреннуса атрибутами Тараниса и Теутатеса и сжигали в его честь колоссы из лозы, наполненные римлянами. Везде царил материализм, ибо идолопоклонство — не что иное, как материализм, а суеверие всегда жестоко, потому что оно трусливо.

Провидение, предопределившее Галлии стать очень христианской Францией, все же пролило на нее свет вечных истин. Первые друиды были истинными детьми магов, и их посвящение происходило из Египта и Халдеи, то есть из чистых истоков первобытной каббалы: они поклонялись троице под именами *Исиды* или *Илеса*, высшей гармонии; *Белена* или *Бела*, что на ассирийском языке означает «Господь», имя, соответствующее имени Адонай; и *Камула* или *Камаэля*, имя, которое в каббале олицетворяет божественную справедливость. Под этим треугольником света они предполагали божественное отражение, также состоящее из трех олицетворенных лучей: сначала Теутатес или Теут, тот же, что и египетский Тот, слово или сформулированный разум, затем сила и красота, имена которых варьировались, как и эмблемы. Наконец, они дополняли священную семерку таинственным образом, который олицетворял прогресс догмы и ее будущие достижения: это была завуалированная девушка, держащая ребенка на руках, и они *посвящали* этот образ *деве, которая станет матерью*¹³.

Примечание 13: (назад)

В Шартре была найдена друидская статуя с такой формой и надписью:

VIRGINI PARITURAE.

Древние друиды жили в строгом воздержании, хранили в глубокой тайне свои мистерии, изучали естественные науки и принимали в свои ряды новых последователей только после длительного посвящения. В Отене у них был знаменитый колледж, герб которого, по словам Сен-Фуа, до сих пор сохранился в этом городе: он представляет собой лазурный фон с лежащими серебряными змеями, увенчанный дубовым омелью с зелеными желудями; чтобы отличить его от других видов омелы, на гербе изображены желуди дубовой омелы, но желуди

есть только на ветке дуба. Омела — это паразитическая листва, которая не плодоносит, как дерево, на котором она растет.

Друиды не строили храмов, они совершали обряды своей религии на дольменах и в лесах. До сих пор остается загадкой, с помощью каких машин они поднимали колоссальные камни, из которых были построены их алтари и которые до сих пор возвышаются мрачные и таинственные под облачным небом Арморики. Древние святилища хранили свои секреты, которые не дошли до нас.

Друиды учили, что души предков привязаны к детям, что они радуются их славе или мучаются их позором, что защитные духи привязаны к деревьям и камням родины, что воин, погибший за свою страну, искупил все свои грехи и достойно выполнил свою задачу, после чего он становится духом и отныне обладает божественной силой. Поэтому у галлов патриотизм был религией: даже женщины и дети брали в руки оружие, если это было необходимо, чтобы отразить вторжение, а Жанна д'Арк и Жанна Ашетт из Бове просто продолжили традиции этих благородных дочерей Галлии.

То, что привязывает к земле родины, — это магия воспоминаний.

Друиды были жрецами и врачами; они лечили с помощью магнетизма и придавали своим амулетам флюидное влияние. Овсяная и яйцо змеи были их универсальными панацеями, потому что эти вещества особым образом притягивают астральный свет. Торжественность, с которой собирали омелу, привлекала к этой листве доверие народа и магнетизировала ее сильными потоками. Поэтому она творила чудесные исцеления, особенно когда ее применяли жрецы с заклинаниями и чарами. Не обвиняем наших предков в чрезмерной легковёрности, возможно, они знали то, чего мы уже не знаем.

Прогресс в области магнетизма однажды позволит открыть поглощающие свойства дубового омелы. Тогда станет известен секрет этих губчатых наростов, которые притягивают ненужную роскошь растений и перенасыщаются цветом и ароматом: грибы, трюфели, древесные галлы, различные виды омелы будут с умом использоваться новой медициной, которая будет старой по своей сути. Тогда уже не будут смеяться над Парацельсом, который собирал *уснею* с черепов повешенных; но не следует опережать науку, она отступает только для того, чтобы лучше продвинуться вперед.

ГЛАВА II

ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН.

СОДЕРЖАНИЕ. Влияние женщин у галлов. Девы острова Сейн. Волшебница Велледа. Берта, прядильщица. Мелюзина. Эльфы и феи. Святая Клотильда и святая Женевьева. Ведьма Фредегонда.

Провидение, наложив на женщину столь суровые и столь сладкие обязанности материнства, дало ей право на защиту и уважение со стороны мужчины. Подчиненная самой природой последствиям тех чувств, которые составляют ее жизнь, она ведет своих хозяев с помощью

цепей, которые ей дает любовь (); чем больше она подчиняется законам, которые составляют и защищают ее честь, тем более она могущественна и уважаема в святилище семьи. Для нее восстание означает отречение, а проповедовать ей мнимую эмансипацию — значит советовать ей развод, заранее обрекая ее на бесплодие и презрение.

Только христианство смогло законно эмансипировать женщину, призвав ее к девственности во славу жертвы. Нума предчувствовал эту тайну, когда учреждал весталок; но друиды опередили христианство, прислушиваясь к вдохновению дев и воздавая почти божественные почести жрицам острова Сайне.

В Галлии женщины не правили своим кокетством и пороками, но управляли своими советами. Ни мир, ни война не заключались без их консультации; таким образом, матери отстаивали интересы дома и семьи, а национальная гордость становилась справедливой, когда она смягчалась материнской любовью к родине.

Шатобриан оклеветал *Велледу*, заставив ее поддаться любви Эудора. Велледа жила и умерла девственницей. Она была уже старой, когда римляне вторглись в Галлию: она была своего рода пифией, которая пророчествовала на больших торжествах, и ее оракулы принимали с почтением; она была одета в длинное черное платье без рукавов, голова была покрыта белым покрывалом, спускавшимся до ног; она носила венец из вербены и имела на поясе золотую серп; ее скипетр имел форму веретена, на правой ноге она носила сандалию, а на левой — своего рода башмак с заостренным носком. Позже статуи Велледы приняли за статуи *Берты* Длинноногой. Великая жрица действительно носила знаки божества, покровителя друидесс; это была *Герта* или *Верта*, молодая галльская Исида, королева неба, дева, которая должна была родить ребенка. Ее изображали с одной ногой на земле, а другой на воде, потому что она была королевой посвящения и председательствовала над всеобщей наукой о вещах. Нога, которую она ставила на воду, обычно опиралась на лодку, похожую на лодку или раковину древней Исиды. Она держала веретено Парк, на которое была намотана шерсть, наполовину белая, наполовину черная, потому что она председательствовала над всеми формами и символами и ткала одежду идей. Ей также придавали аллегорическую форму сирен, наполовину женщин, наполовину рыб, или торс красивой девушки и две ноги, сделанные из змее, чтобы обозначить постоянную перемену и подвижность вещей, а также аналогичный союз противоположностей в проявлении всех оккультных сил природы. В последней форме Герта принимала имя *Мелузина* или *Мелозина* (*музыкант, певица*), то есть *сирена*, раскрывающая гармонию. Таково происхождение образов и легенд о королеве Берте и фее Мелузине. Последнюю, как говорят, в XI веке увидел один сеньор из Лузиньяна; она полюбила его и согласилась сделать его счастливым при условии, что он не будет пытаться разгадать тайны ее существования; сеньор пообещал, но ревность сделала его любопытным и вероломным; он подсмотрел за Мелузиной и застал ее в процессе метаморфозы, поскольку раз в неделю фея возвращалась к своим змеиным ногам. Он вскрикнул, на что ответил еще более отчаянный и ужасный крик. Мелузина исчезла, но она возвращается, издавая жалобные вопли, каждый раз, когда кто-то из рода Лузиньянов находится на грани смерти.

Эта легенда заимствована из мифа о Психее и, как и этот миф, относится к опасности кощунственных посвящений или осквернения тайн религии и любви; рассказ заимствован из традиций древних бардов и, очевидно, происходит из ученой школы друидов. В XI веке она стала популярной, но существовала уже давно.

Вдохновение во Франции, кажется, принадлежит прежде всего женщинам; *эльфы* и *феи* предшествовали святым, и почти все французские святые имеют в своей легенде что-то

волшебное. *Святая Клотильда* сделала нас христианами, *святая Женевьева* сохранила нас французами, отразив энергией своей добродетели и веры угрожающее вторжение *Аттилы*. *Жанна д'Арк*... но она скорее принадлежала к семье фей, чем к иерархии святых; она умерла, как *Гипатия*, жертвой чудесных даров природы и мученицей своего великодушного характера. Мы поговорим об этом позже. Святая Клотильда до сих пор творит чудеса в наших провинциях. В Андели мы видели толпу паломников, собравшихся вокруг бассейна, в который каждый год опускают статую святой; первый больной, который затем опускается в воду, немедленно исцеляется, по крайней мере, так гласит народная вера. Клотильда была энергичной женщиной и великой королевой, но ей пришлось пережить самые мучительные страдания: ее первый сын умер после крещения, и его смерть была расценена как результат колдовства; второй заболел и был при смерти... Характер святой не сломился, и *Сикамбр*, однажды нуждаясь в сверхчеловеческом мужестве, вспомнил о боге Клотильды. Овдовев после того, как она обратила в веру и основала своего рода великое королевство, она видела, как на ее глазах были убиты два сына *Клодомира*. Именно подобными страданиями земные царицы похожи на царицу небесную.

После великой и сияющей фигуры Клотильды в истории появляется, как отвратительный контраст, зловещая персонаж *Фредегонда*, женщина, взгляд которой является проклятием, ведьма, убивающая принцев. *Фредегонда* охотно обвиняла своих соперниц в колдовстве и казнила их, подвергая мучениям, которые заслуживала только она сама. У *Хильперика* остался сын от первой жены: этот молодой принц, которого звали *Хлодвиг*, влюбился в девушку из простого народа, чья мать считалась ведьмой. Мать и дочь обвинили в том, что они с помощью зелий лишили *Кловиса* рассудка и с помощью магических заклинаний убили двух детей *Фредегонды*. Обе несчастные женщины были арестованы; девушку *Клодсвинту* избили розгами, отрезали ей красивые волосы, а *Фредегонда* сама привязала их к двери покоев молодого принца, после чего *Клодсвинту* предстала перед судом. Ее простые и твердые ответы удивили судей: кто-то посоветовал, как сообщает летописец, подвергнуть ее испытанию кипятком; освященное кольцо бросили в чан, поставленный на сильный огонь, и обвиняемая, одетая в белое, после исповеди и причастия, должна была опустить руку в чан и найти кольцо. Увидев неподвижность черт лица *Клодсвинты*, все поверили, что произошло чудо, но когда несчастная девочка вытащила свою ужасно обожженную руку, раздался крик осуждения и ужаса. Тогда она попросила разрешения выступить и сказала судьям и народу: «Вы просили у Бога чуда в доказательство моей невиновности. Бог не хочет, чтобы его испытывали, и он не отменяет законы природы по прихоти людей; но он дает силу тем, кто верит в него, и он сотворил для меня чудо, гораздо большее, чем то, которое он отказался сотворить для вас. Эта вода обожгла меня, и я окунула в нее всю руку, нашла кольцо и вытащила его. Я не кричала, не побледнела и не упала в обморок от этой ужасной пытки. Если бы я была волшебницей, как вы говорите, я бы использовала колдовство, чтобы не обжечься, но я христианка, и Бог даровал мне милость доказать это стойкостью мучеников». Такая логика не могла быть понята в столь варварскую эпоху. *Клодсвинте* была возвращена в тюрьму в ожидании последней казни, но Бог сжалился над ней и призвал ее к себе, говорится в хронике, из которой мы почерпнули эти подробности. Даже если это всего лишь легенда, нужно признать, что она прекрасна и заслуживает того, чтобы ее сохранили.

Фредегонда потеряла одну из своих жертв, но две другие не ускользнули от нее. Мать *Клодсвинты* подвергли пыткам, и, сломленная мучениями, она призналась во всем, что от нее хотели, даже в виновности своей дочери и в соучастии *Хлодвиг*. *Фредегонда*, вооружившись этими признаниями, добилась от жестокого и глупого *Хильперика* отказа от своего сына. Молодой принц был арестован и заколот в своей тюрьме. *Фредегонда* заявила, что он хотел избавиться от угрызений совести, покончив с собой. Тело несчастного *Хлодвиг*

было показано его отцу, кинжал все еще торчал в ране. Хилперик холодно смотрел на это зрелище; он был полностью под властью Фредегонды, которая нагло изменяла ему с офицерами своего дворца. Они так мало скрывали свои отношения, что король, несмотря на себя, получил доказательства своего позора. Вместо того чтобы немедленно убить королеву и ее сообщника, он без слов уехал на охоту. Возможно, он бы терпел это оскорбление, не жалуясь, из страха не понравиться Фредегонде, но эта женщина стыдилась за него, она оказала ему честь, поверив в его гнев, чтобы иметь повод убить его; он насытил ее преступлениями и подлостью, она убила его из отвращения.

Фредегонда, которая сжигала как ведьм женщин, виновных лишь в том, что они ей не нравились, сама занималась черной магией и защищала тех, кого считала настоящими колдунами. Агерик, епископ Вердена, арестовал пифию, которая зарабатывала много денег, находя потерянные вещи и выдавая воров; вероятно, она была сомнамбулой. Женщину изгнали, и дьявол заявил, что не выйдет, пока его держат в цепях, но если оставить пифию одну в церкви, без надзора и охраны, он обязательно выйдет. Ее поймали в ловушку, и вышла именно эта женщина; она укрылась у Фредегонды, которая спрятала ее в своем дворце и в конце концов спасла от экзорцизма и, вероятно, от костра: таким образом, на этот раз она совершила доброе дело по ошибке и ради удовольствия сделать зло.

ГЛАВА III.

САЛИКСКИЕ ЗАКОНЫ ПРОТИВ ВЕДЬМ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Положения салического закона против колдунов. — Аналогичный отрывок из Талмуда. — Решения соборов. — Карл Мартел, обвиненный в магии. — Каббалист Зедекия. — Эпидемические видения во времена Пепина Краткого. — Воздушные дворцы и корабли. — Сильфы предстали перед судом и были осуждены на то, чтобы больше не появляться.

При королях Франции первой династии преступление магии каралось смертью только для знатных, и были такие, кто гордился тем, что умирал за преступление, которое возвышало их над простолюдными и делало их грозными даже для правителей. Так, генерал Муммол, подвергнутый пыткам по приказу Фредегонды, заявил, что не испытал никаких страданий, и сам спровоцировал ужасные мучения, в результате которых он умер, бросая вызов своим палачам, которых его стойкость в некотором роде заставила помиловать его.

В салических законах, которые Сигеберт приписывает Фарамонду и которые, по его предположению, были обнародованы в 424 году, содержатся следующие положения:

«Если кто-либо громко назвал другого *heréburge* или *strioporte*, то есть именем того, кто носит медный сосуд в место, где стриги творят свои чары, и если он не может его в этом убедить, то он должен быть оштрафован на семь тысяч пятьсот денариев, что составляет сто восемьдесят су и половину».

«Если кто-либо обвинит свободную женщину в *стриге* или *проституции*, не имея доказательств, он будет оштрафован на две тысячи пятьсот денариев, что составляет шестьдесят два су и половину».

«Если стрига пожрала человека и это доказано, она будет приговорена к уплате восьми тысяч денариев, что составляет двести су».

Видно, что в то время людоедство было возможно за деньги, и человеческая плоть стоила недорого.

За клевету на человека платили сто восемьдесят семь су и половину, а за двенадцать су и половину больше можно было перерезать ему горло и съесть его, что было более честным и полным.

Это странное законодательство напоминает нам не менее необычный отрывок из Талмуда, который знаменитый раввин Йехиэль объяснил весьма замечательным образом в присутствии королевы, которую еврейская книга не называет: это, без сомнения, королева Бланш, поскольку раввин Йехиэль жил во времена святого Людовика.

Речь шла об ответе на возражения обращенного в христианство еврея по имени Дуэн, который при крещении получил имя Николас. После нескольких обсуждений текстов Талмуда речь зашла об этом отрывке:

«Если кто-либо принес в жертву Молоху кровь своих детей, тот должен быть наказан смертью». Это закон Моисея.

Талмуд добавляет в виде комментария: «Тот же, кто принес в жертву Молоху не только кровь, но и всю кровь и всю плоть своих детей, не подпадает под предписания закона, и никакое наказание не налагается на него».

Прочитав это непонятное рассуждение, все присутствующие возмутились; одни смеялись от сострадания, другие дрожали от возмущения.

Раввин Йехиэль с трудом добился тишины, и его наконец стали слушать, но с явным неодобрением, как будто заранее осуждая все, что он собирался сказать.

«Смертная казнь у нас, — сказал тогда Йехиэль, — не является местью; это искупление и, следовательно, примирение.

Все, кто умирает по закону Израиля, умирают в мире Израиля; они получают примирение со смертью и покоятся с нашими отцами. Никакое проклятие не спускается с ними в могилу, они живут в бессмертии дома Иакова.

Смерть, таким образом, является высшей милостью, она исцеляет, как железо от зараженной раны; но мы не применяем железо к неизлечимым; мы больше не имеем права на тех, кого величина их преступления навсегда отлучила от Израиля.

Они мертвы, и мы больше не вправе сокращать мучения их осуждения на земле, они принадлежат гневу Божьему.

«Человек имеет право бить только для исцеления, поэтому мы не бьем неизлечимых.

Отец семьи наказывает только своих детей и ограничивается тем, что закрывает дверь перед посторонними.

Великие грешники, которым наш закон не назначает никакого наказания, тем самым навсегда отлучены от церкви, и это осуждение является наказанием, более страшным, чем смерть».

Этот ответ Йехиэля замечателен, и в нем чувствуется весь патриархальный гений древнего Израиля. Евреи действительно являются нашими предками в науке, и если бы мы вместо того, чтобы преследовать их, пытались понять их, то сейчас они, без сомнения, были бы менее далеки от нашей веры.

Эта талмудическая традиция доказывает, насколько древним является у евреев вера в бессмертие души. Что же такое, в сущности, возвращение виновного в семью Израиля через искупительную смерть, как не протест против самой смерти и возвышенный акт веры в вечность жизни? Граф Жозеф де Местр хорошо понимал эту доктрину, когда возвышал к своеобразному исключительному священству кровавую миссию палача. «Мучение умоляет, — говорит этот великий писатель, — и пролитие крови не перестало быть жертвоприношением. Если бы смертная казнь не была высшим а м отпущением, она была бы лишь мстью за убийство: человек, который подвергается наказанию, совершает все свое покаяние и через смерть возвращается в бессмертное общество детей Божьих».

Салические законы были законами еще варварского народа, где все, как на войне, искупалось выкупом. Рабство еще существовало, и человеческая жизнь имела лишь сомнительную и относительную ценность. Всегда можно купить то, что имеет право продавать, и за уничтожение предмета, который стоит денег, нужно заплатить только деньги.

Единственным сильным законодательством того времени было законодательство Церкви, поэтому соборы выносили самые суровые наказания стригам и отравителям, которые называли себя колдунами. Собор в Агде в нижнем Лангедоке, состоявшийся в 506 году, отлучил их от церкви; первый собор в Орлеане, состоявшийся в 511 году, прямо запретил гадания; собор в Нарбоне в 589 году подверг колдунов безнадежному отлучению от церкви и приказал сделать их рабами и продать в пользу бедных. Тот же собор приказал публично бичевать *поклонников дьявола*, то есть, без сомнения, тех, кто занимался им, боялся его, вызывал его, приписывал ему часть божественной силы. Мы искренне поздравляем последователей графа де Мирвиля с тем, что они не жили в то время.

В то время как все это происходило во Франции, на Востоке экстатик основал религию и империю. Был ли *Мухаммед* обманщиком или галлюцинатором? Для мусульман он — еще и пророк, а для ученых, глубоко знающих арабский язык, *Коран* всегда будет шедевром.

Мухаммед был необразованным человеком, простым погонщиком верблюдов, и он создал самое совершенное произведение на языке своей страны. Его успехи могли показаться чудесами, и воинственный энтузиазм его преемников на мгновение угрожал свободе всего мира, но однажды все силы Азии разбились о железную руку Карла Мартеля. Этот суровый воин почти не молился, когда приходилось сражаться; если ему не хватало денег, он брал их в монастырях и церквях, он даже давал церковные бенефиции солдатам. По мнению духовенства, Бог не должен был благословлять его оружие, поэтому его победы приписывались магии. Этот принц настолько возмутил религиозное мнение, что один почтенный человек, святой Эухер, епископ Орлеанский, увидел его в аду. Святой епископ, находясь в экстазе, узнал от ангела, который вел его в духе через области загробного мира, что святые, чьи церкви были ограблены или осквернены Карлом Мартеллом, запретили ему вход в рай, изгнали его тело из могилы и бросили в бездну. Эухер сообщил об этом откровении Бонифацию, епископу Майнца, и Фульраду, архикапеллану Пепина Краткого. Гробницу Карла Мартелла открыли, тела в ней не было, внутренний камень был почерневшим и как будто обожженным, из него валил зловонный дым, и из него вылезла огромная змея. Бонифаций направил Пипину Краткому и Карломану протокол эксгумации, или, вернее, вскрытия гробницы их отца, призвав их воспользоваться этим ужасным примером и уважать

святыни. Но было ли это уважением к ним, когда они так осквернили могилу героя, основываясь на сне, чтобы приписать аду эту работу разрушения, так полностью и быстро завершённую смертью?

Во время правления Пепина Краткого во Франции публично проявились весьма странные явления. Воздух был полон человеческих фигур, небо отражало миражи дворцов, садов, бурных волн, кораблей с развевающимися парусами и армий, выстроенных в боевой порядок. Атмосфера напоминала большой сон. Каждый мог видеть и различать детали этих фантастических картин. Была ли это эпидемия, поражающая органы зрения, или атмосферное возмущение, проецирующее миражи в сгущенном воздухе? Или же это была всеобщая галлюцинация, вызванная каким-то опьяняющим и ядовитым веществом, распространившимся в атмосфере? Более вероятным было последнее предположение, поскольку эти видения возмущали народ; люди верили, что в воздухе видели колдунов, которые разбрасывали полными руками вредные порошки и яды. Сельские местности были поражены бесплодием, скот гиб, а смертность распространялась даже на людей.

Тогда распространилась басня, которая должна была иметь тем больший успех и авторитет, чем она была более нелепа. В то время жил известный каббалист по имени *Зедекия*, который держал школу оккультных наук и преподавал не каббалу, а забавные гипотезы, к которым может привести каббала и которые составляют экзотерическую часть этой науки, всегда скрытой от простого народа. Итак, Зедекия развлекал умы мифологией этой сказочной каббалы. Он рассказывал, как Адам, первый человек, сначала созданный в почти духовном состоянии, жил над нашей атмосферой, где свет рождал для него и по его желанию самые чудесные растения; там его обслуживала толпа существ величайшей красоты, созданных по образу мужчины и женщины, которых они были одушевленными отражениями, и сформированных из чистейшей субстанции элементов: это были сильфиды, саламандры, ондины и гномы; но в состоянии невинности Адам властвовал над гномами и ондинами только через посредство сильфов и саламандр, которые одни имели власть подниматься в его воздушный рай.

Ничто не могло сравниться со счастьем первобытной пары, которой служили сильфиды; эти смертные духи обладали невероятным мастерством в строительстве, ткачестве, создании света в тысячах форм, более разнообразных, чем может вообразить даже самое яркое и плодотворное воображение. Земной рай, названный так потому, что он находился в атмосфере Земли, был таким образом местом волшебства; Адам и Ева спали в дворцах из жемчуга и сапфиров, вокруг них росли розы, которые расстилались ковром под их ногами; они скользили по воде в раковинах из перламутра, запряженных лебедями, птицы разговаривали с ними восхитительной музыкой, цветы наклонялись, чтобы погладить их; падение заставило их потерять все, бросив их на землю; материальные тела, которыми они были покрыты, являются шкурами животных, о которых говорится в Библии. Они оказались одни и наги на земле, которая больше не подчинялась капризам их мыслей; они даже забыли о райской жизни и видели ее в своих воспоминаниях только как сон. Однако над атмосферой по-прежнему простирались райские области, населенные только сильфами и саламандрами, которые таким образом стали стражами владений человека, как опечаленные слуги, остающиеся в замке хозяина, возвращения которого они уже не ждут.

Воображение было полно этих чудесных выдумок, когда появились *миражи* неба и *человеческие фигуры* в облаках. Тогда уже не было сомнений: это были сильфиды и саламандры Зедекии, которые пришли за своими бывшими хозяевами; сны смешались с явью, и многие люди поверили, что их похитили воздушные существа; все только и говорили о путешествиях в страну сильфид, как у нас говорят о одушевленной мебели и флюидических

проявлениях. Безумие охватило лучшие умы, и в конце концов пришлось вмешаться церкви. Церковь не любит сверхъестественные сообщения, обращенные к народу; подобные откровения, разрушающие уважение к власти и иерархическую цепочку обучения, не могут быть приписаны духу порядка и света. Призраки облаков были признаны иллюзиями ада; народ, желая на кого-то свалить вину, как бы объединился против колдунов. Общественное безумие закончилось приступом ярости: неизвестные люди, которых встречали в деревнях, обвинялись в том, что они спустились с неба, и без пощады убивались; многие маньяки признались, что их похитили сильфы или демоны- ; другие, которые уже хвастались этим, не хотели или не могли отречься от своих слов: их сжигали, бросали в воду, и, как говорит Гарине ¹⁴, сколько их погибло таким образом по всему королевству. Так обычно заканчиваются драмы, в которых главные роли играют невежество и страх.

Примечание 14: ([назад](#)) Гарине, *Histoire de la magie en France*, 1818, 1 т. in-8.

Эти эпидемии видений повторялись и в последующие царствования, и всемогущество Карла Великого должно было вмешаться, чтобы успокоить общественное возмущение. Эдикт, впоследствии возобновленный Людовиком Благодушным, запрещал сильфам появляться под угрозой самых суровых наказаний. Поняли, что в отсутствие сильфов эти наказания постигнут тех, кто будет хвастаться тем, что видел их, и в конце концов их перестали видеть; воздушные корабли вернулись в порт забвения, и никто больше не утверждал, что путешествовал по небу. Другие народные увлечения заменили это, и романтическое величие великого правления Карла Великого предоставило легендам достаточно других чудес, в которые можно было верить, и других чудес, о которых можно было рассказывать.

ГЛАВА IV.

ЛЕГЕНДЫ О ПРАВЛЕНИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО.

СОДЕРЖАНИЕ. — Зачарованный меч и волшебный рог Роланда. — Энхиридион Леона III. — Шабаш. — Тайные суды или свободные судьи. — Положения капитуляров против колдунов. — Странствующее рыцарство.

Карл Великий — настоящий принц волшебства и сказок, его правление — как торжественная и блестящая пауза между варварством и средневековьем; это явление величия и великолепия, напоминающее магическую пышность правления Соломона, это воскрешение и пророчество. В нем Римская империя, преодолев галльские и франкские истоки, вновь появляется во всем своем великолепии; в нем также, как в образе, вызванном и воплощенном гаданием, заранее проявляется совершенная империя зрелой цивилизации, империя, увенчанная священством и опирающаяся своим тронem на алтарь.

С Карлом Великим начинается эпоха рыцарства и чудесных романов; все хроники правления этого принца похожи на историю четырех сыновей Аймона или волшебника Оберона. Птицы говорят, чтобы вернуть на правильный путь французскую армию, заблудившуюся в лесах;

бронзовые колоссы возвышаются посреди моря и показывают императору открытые пути на Восток. Роланд, первый из паладинов, обладает волшебным мечом, крещенным как христианин и названным «*» («Служитель Бога»); доблестный рыцарь разговаривает со своим мечом, и тот, кажется, понимает его, ничто не может противостоять силе этого сверхъестественного оружия. Роланд также владеет рогом из слоновой кости, изготовленным с таким мастерством, что малейшее дуновение в него производит звук, слышимый на расстоянии двадцати лиг и заставляющий дрожать горы; когда Роланд погибает в Ронсевале, скорее раздавленный, чем побежденный, он все еще поднимается, как гигант, под потоком падающих деревьев и скал, звучит в рог, и сарацины бегут. Карл Великий, находящийся более чем в десяти лигах оттуда, слышит рог Роланда и хочет прийти ему на помощь, но ему мешает предатель Ганелон, продавший французскую армию варварам. Роланд, видя, что его бросили, в последний раз целует свой Дюрандаль, затем, собрав все свои силы, обеими руками ударяет им по горной гряде, надеясь разбить его, чтобы он не попал в руки неверных. Горная гряда раскололась, а Дюрандаль остался целым. Роланд прижимает ее к груди и умирает с таким высоким и гордым выражением лица, что сарацины не смеют спуститься к нему и, дрожа, продолжают обрушивать град стрел на своего побежденного, который уже не живой.*

Карл Великий, давший папству трон и получивший от него империю мира, является величайшей из всех личностей нашей истории.

Мы говорили об *Энхиридионе*, этой маленькой книге, содержащей самые прекрасные христианские молитвы и самые сокровенные символы Каббалы. Оккультная традиция приписывает эту маленькую книгу Леону III и утверждает, что она была подарена понтификом Карлу Великому как самый редкий из всех подарков. Властелин, владелец этой книги и умеющий достойно ею пользоваться, должен был стать повелителем мира. Эту традицию, возможно, не стоит пренебрегать.

Она предполагает:

1° Существование первоначального и всеобщего откровения, объясняющего все тайны природы и согласующего их с тайнами благодати, примиряющего разум с верой, потому что оба они являются детьми Бога и способствуют просвещению разума своим двойным светом;

2° Необходимость, которая всегда заставляла скрывать это откровение от народа, чтобы он не злоупотребил им, неправильно истолковав его, и не использовал силы разума или силы самой веры против веры, чтобы сбить с пути разум, который простой народ никогда не понимает правильно;

3° Существование тайной традиции, оставляющей знание этих тайн за папами и светскими правителями мира;

4° Вечность определенных знаков или пантаклей, выражающих эти тайны иероглифическим образом и известных только посвященным.

Энхиридион представляет собой сборник аллегорических молитв, ключами к которым являются самые таинственные пантаклы каббалы.

Здесь мы описываем основные пантеки Энхиридиона.

Первый, выгравированный на обложке книги, представляет собой перевернутый равнобедренный треугольник, вписанный в двойной круг. На треугольнике написаны два слова תְּהִי עֵלָיו Элоим и סַבְאוֹт Сабаот, образующие пророческое тау, что означает Бог

воинств, равновесие природных сил и гармонию чисел. На трех сторонах треугольника находятся три великих имени 'יהוה, Иегова, אבנא, Адонай, אלה, Агла; над именем Иеговы написано латинским шрифтом *formatio*, над Адонаем — *reformatio*, а над Аглой — *transformatio*. Таким образом, сотворение мира приписывается Отцу, искупление или реформация — Сыну, а освящение или преобразование — Святому Духу, в соответствии с математическими законами действия и противодействия и равновесия. Иегова — это также генезис или формирование догмата через элементарное значение четырех букв священного тетраграммы; Адонай является воплощением этого догмата в человеческом обличье, в видимом Господе, который является сыном Бога или совершенным человеком; а Агла, как мы достаточно подробно объясняли в других местах, выражает синтез всего догмата и всей каббалистической науки, ясно указывая иероглифами, из которых состоит это замечательное имя, на тройную тайну великого дела.

Второй пантакль представляет собой голову с тремя лицами, увенчанную тиарой и выходящую из сосуда, наполненного водой. Те, кто посвящен в тайны Зоара, поймут аллегория этой головы.

Третий — двойной треугольник, образующий звезду Соломона.

Четвертый — это волшебный меч с надписью: *Deo duce, comite ferro*, эмблема великой тайны и всемогущества посвященного.

Пятый — это проблема человеческого роста Спасителя, решенная числом сорок: это теологическое число Сефирот, умноженное на число естественных достижений.

Шестой — это пантакль духа, обозначенный костями, образующими две буквы E и две буквы T: T.

Седьмой и самый важный — великий магический монограмма, объясняющая ключицы Соломона, тетраграмму, знак лабарума и высшее слово адептов (см. «*Догма и ритуал высшей магии*», объяснение фигур в томе 1). Этот символ читается, поворачивая страницу как колесо, и произносится как *rota tarot* или *tora* (см. Гийом Постель, *Clavis absconditorum a constitutione mundi*).

Буква A в этом знаке часто заменяется числом буквы, которое равно 1.

В этом знаке также можно найти фигуру и значение четырех иероглифических эмблем таро: жезл, чаша, меч и монета. Эти четыре элементарных иероглифа встречаются повсюду в священных памятниках египтян, и Гомер изобразил их в своем описании щита Ахилла, расположив их в том же порядке, что и авторы Enchiridion.

Но эти объяснения, если бы их нужно было подкрепить всеми доказательствами, увлекли бы нас в сторону от нашей темы и потребовали бы специальной работы, которую мы надеемся когда-нибудь упорядочить и опубликовать.

Меч или магический кинжал, изображенный в «Энхиридионе», по-видимому, был тайным символом суда свободных судей. Этот меч, действительно, имеет форму креста, он скрыт и как бы окутан легендой; им управляет только Бог, и тот, кто наносит удары, не должен ни перед кем отчитываться за свои поступки. Ужасная угроза и не менее ужасная привилегия! Ведь вежливый кинжал достигал в тени виновных, чьи преступления часто оставались неизвестными. С какими фактами связано это страшное правосудие? Здесь необходимо проникнуть в тени, которые история не смогла прояснить, и обратиться к традициям и легендам за светом, которого не дает нам наука.

Свободные судьи были тайным обществом, противостоявшим в интересах порядка и правительства анархическим и революционным тайным обществам.

Суеверия живучи, и выродившийся друидизм пустил глубокие корни в диких землях Севера. Частые восстания саксов свидетельствовали о все еще живом фанатизме, который моральная сила была не в силах подавить; все побежденные культы, римское язычество, германское идолопоклонство, еврейская злоба, объединились против победоносного христианства. Проводились ночные собрания, на которых заговорщики укрепляли свой союз кровью человеческих жертв: пантеистический идол с рогами козла и чудовищными очертаниями председательствовал на пирах, которые можно было бы назвать *агапами ненависти*. Одним словом, *шабаш* по-прежнему отмечался во всех лесах и пустынях еще диких провинций; адепты приходили туда в масках и неузнаваемыми; собрание гасило огни и расходилось до рассвета; виновные были повсюду, и нигде их нельзя было поймать. Карл Великий решил бороться с ними их же оружием.

В то же время феодальные тираны вступили в заговор с сектантами против законной власти: ведьмы были проститутками замков; бандиты, посвященные в *шабаш*, делили с феодалами кровавые плоды своих грабежей; феодальные суды продавались тому, кто больше заплатит, а государственные должности ложились тяжелым бременем только на слабых и бедных.

Карл Великий послал в Вестфалию, где зло было самым сильным, преданных агентов с секретной миссией. Эти агенты привлекли к себе и связали клятвой и взаимным надзором всех энергичных среди угнетенных, всех, кто еще любил справедливость, как среди народа, так и среди знати; они раскрыли своим последователям полные полномочия, которые они получили от императора, и учредили суд свободных судей.

Это была тайная полиция, имевшая право на жизнь и смерть. Тайна, окружавшая суды, быстрота казней, все это поражало воображение этих еще варварских народов. Святая Вема приобрела гигантские масштабы; люди с трепетом рассказывали о появлениях людей в масках, о повестках, прибитых к дверям самых могущественных сеньоров посреди их охраны и оргий, о главарях разбойников, найденных мертвыми с ужасным крестообразным кинжалом в груди, а на ленточке, привязанной к кинжалу, был выписка из приговора святой вехмы.

Этот суд принимал самые фантастические формы: виновный, вызванный на какой-нибудь печально известный перекресток, был схвачен чернокожим человеком, который завязал ему глаза и молча повел его; это всегда происходило вечером, в позднее время, потому что приговоры выносились только в полночь. Преступника вводили в обширные подземелья, его допрашивал один голос; затем с него снимали повязку: подземелье освещалось во всей своей безграничной глубине, и становились видны судьи, все одетые в черное и в масках. Приговоры не всегда были смертельными, поскольку было известно, как все происходило, но ни один судья никогда ничего не раскрывал, потому что смерть настигала бы раскрывшего тайну в тот же миг. Эти грозные собрания были иногда настолько многочисленны, что напоминали армию истребителей: однажды ночью сам император Сигизмунд председательствовал на святом вехме, и более тысячи франк-судей сидели вокруг него в кругу.

В 1400 году в Германии было сто тысяч франк-судей. Люди с нечистой совестью боялись своих родственников и друзей: «Если герцог Адольф Слейсвейк придет ко мне в гости, — сказал однажды Вильгельм Брауншвейгский, — мне придется повесить его, если я не хочу быть повешенным».

Принц из той же семьи, герцог Фридрих Брауншвейгский, который на мгновение был императором, отказался явиться по вызову франкских судей; он выходил из дома только во всеоружии и в окружении охранников; но однажды он немного отдалился от своей свиты и ему понадобилось снять часть доспехов: его больше не видели. Его охранники вошли в небольшой лесок, где герцог хотел побыть наедине с собой; несчастный умирал, с кинжалом святой вехмы в спине и приговором, висевшим на кинжале. Посмотрели во все стороны и увидели человека в маске, который удалялся, шагая торжественным шагом... Никто не осмелился преследовать его!

В *Reichsthetäer* Мюллера был напечатан кодекс суда Вехмы, найденный в старых архивах Вестфалии; вот название этого старинного документа:

«Кодекс и устав святого тайного суда франков-графов и франков-судей Вестфалии, установленный в 772 году императором Карлом Великим, с поправками, внесенными в 1404 году королем Робертом, который внес в него ряд изменений и дополнений, необходимых для отправления правосудия в судах просветленных, после того как он вновь наделил их своей властью».

На первой странице размещено предупреждение, запрещающее любому непосвященному просматривать эту книгу под страхом смертной казни.

Название «*просветленные*», которое здесь дается членам тайного суда, раскрывает всю их миссию: они должны были следовать в тени за поклонниками тьмы, они таинственным образом обходили тех, кто замыслил заговор против общества, пользуясь тайной; но они были тайными воинами света, они должны были пролить свет на все преступные заговоры, и именно это означало внезапное сияние, озарявшее трибунал, когда он выносил приговор.

Публичные положения закона при Карле Великом санкционировали эту святую войну против тиранов ночи. В Капитулярах можно увидеть, какими наказаниями подвергались колдуны, гадатели, чародеи, завязывающие узелки, вызывающие дьявола и отравители с помощью так называемых любовных зелий.

Эти же законы прямо запрещают возмущать воздух, вызывать бури, изготавливать символы и талисманы, накладывать заклятия, делать колдовство, практиковать чары как на людях, так и на стадах. Колдуны, астрологи, гадатели, некроманты, оккультные математики объявляются отвратительными и подвергаются тем же наказаниям, что и отравители, воры и убийцы. Эту суровость можно понять, если вспомнить то, что мы сказали об ужасных ритуалах черной магии и ее детских жертвоприношениях; опасность, должно быть, была велика, раз репрессии проявлялись в столь многообразных и суровых формах.

Другим учреждением, восходящим к тем же истокам, что и святая вема, было *рыцарство странствующих* рыцарей. Странствующие рыцари были своего рода свободными судьями, которые призывали Бога и свое копье на помощь против всех несправедливостей феодалов и всей злобы некромантов. Они были вооруженными миссионерами, которые сражали неверных, вооружившись знаком креста; таким образом, они заслуживали память какой-нибудь благородной дамы и освящали любовь мученичеством всей своей жизни, посвященной преданности. Как далеко мы уже ушли от тех языческих куртизанок, которым приносили в жертву рабов и ради которых завоеватели древнего мира сжигали города! Христианским дамам нужны другие жертвы; нужно рисковать жизнью ради слабых и угнетенных, нужно освобождать пленников, нужно наказывать осквернителей святых чувств, и тогда эти красивые белые дамы в юбках с гербами, с нежными бледными руками, эти живые мадонны, , гордые, как лилии, возвращающиеся из церкви с молитвенниками под

мышкой и четками на поясе, снимут свои вышитые золотом или серебром вуали и отдадут их в качестве шарфов рыцарям, преклонившимся перед ними и молящимся, думая о Боге!

Давайте больше не будем вспоминать об ошибках Евы, они тысячу раз прощены и компенсированы этой невыразимой благодатью благородных дочерей Марии!

ГЛАВА V.

МАГИ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Отлучение короля Роберта от церкви -- Святой Людовик и раввин Йехиэль -
- Волшебная лампа и заколдованный гвоздь -- Альберт Великий и его чудеса -- Андроид --
Посох святого Фомы Аквинского.

Основной догмат высшей науки, закрепляющий вечный закон равновесия, нашел свое полное воплощение в устройстве христианского мира. Две живые колонны поддерживали здание цивилизации: *папа и император*.

Но империя разделилась, выйдя из слабых рук Людовика Благочестивого и Карла Лысого. Светская власть, предоставленная на произвол завоеваний и интриг, утратила ту провиденциальную единство, которое гармонизировало ее с Римом. Папа часто вынужден был выступать в роли великого правосудного и, рискуя собственной жизнью, подавлял алчность и дерзость стольких разрозненных правителей.

Отлучение от церкви было тогда страшным наказанием, поскольку оно санкционировалось всеобщими верованиями и вызывало, благодаря таинственному воздействию этой магнитной цепи осуждений, явления, которые пугали толпу. Так, Роберт Благочестивый, подвергшийся этому страшному наказанию за незаконный брак, стал отцом чудовищного ребенка, похожего на тех демонов, которых средневековые умело изображать столь полными и смешными уродствами. Этот печальный плод осужденного союза свидетельствовал, по крайней мере, о мучениях совести и кошмарных снах, которые мучили мать. Роберт увидел в этом доказательство гнева Божьего и подчинился папскому приговору: он отказался от брака, который Церковь объявила кровосмесительным; он отверг Берту, чтобы жениться на Констанции Прованской, и только ему одному было решать, видеть ли в подозрительных нравах и высокомерном характере этой новой жены второе наказание свыше.

Хроникеры того времени, похоже, очень любили дьявольские легенды, но, рассказывая их, они проявляли скорее легкоеверие, чем вкус. Все кошмары монахов, все болезненные сны монахинь считались реальными явлениями. Это отвратительные фантазмагии, глупые речи, невозможные преобразования, которым для того, чтобы быть забавными, не хватает только художественного вдохновения Калло и Сирано де Бержерака. Ничто из этого, начиная с правления Роберта и заканчивая правлением Святого Людовика, не кажется нам достойным упоминания.

Во время правления святого Людовика жил знаменитый раввин *Йехиэль*, великий каббалист и выдающийся физик. Все, что говорят о его лампе и волшебном гвозде, доказывает, что он открыл электричество или, по крайней мере, знал его основные применения, поскольку это

знание, столь же древнее, как и магия, передавалось как один из ключей к высшему посвящению.

Когда наступала ночь, в жилище Йехиэля появлялась сияющая звезда; свет был настолько ярким, что на него нельзя было смотреть, не ослепнув, он излучал лучи, переливающиеся всеми цветами радуги. Ее никогда не видели тускнеть или гаснуть, и все знали, что она не питалась ни маслом, ни какими-либо другими известными в то время горючими веществами.

Когда назойливый или злонамеренный любопытный человек пытался проникнуть в дом Йехиэля и упорно стучал молотком по его двери, раввин ударял по гвоздю, вбитому в его кабинет, и тогда из головы гвоздя и молотка на двери вылетал голубоватый искры, и несчастный был так потрясен, что кричал о пощаде и ему казалось, что земля разверзается под его ногами. Однажды враждебная толпа собралась у этой двери с ропотом и угрозами: они держались друг за друга за руки, чтобы противостоять сотрясению и мнимому землетрясению. Самый смелый из них яростно затряс дверной молоток. Йехиэль коснулся своего гвоздя. В тот же миг нападавшие упали друг на друга и убежали, крича, как обожженные; они были уверены, что почувствовали, как земля раскрылась и поглотила их по колено, они не знали, как выбрались оттуда, но ни за что на свете не вернулись бы, чтобы снова поднять шум у дверей колдуна. Так Йехиэль завоевал покой, сея ужас вокруг себя.

Святой Людовик, который, будучи великим католиком, был не менее великим королем, захотел познакомиться с Йехиэлем; он пригласил его ко двору, провел с ним несколько бесед, остался полностью удовлетворен его объяснениями, защищал его от врагов и до конца своих дней не переставал проявлять к нему уважение и делать ему добро.

В то же время жил Альберт Великий, который до сих пор считается народом великим мастером всех магов. Хроникеры уверяют, что он обладал философским камнем и что после тридцати лет работы он сумел решить проблему андроида; то есть он создал искусственного человека, живого, говорящего и отвечающего на все вопросы с такой точностью и тонкостью, что святой Фома Аквинский, раздраженный тем, что не мог заставить его замолчать, разбил его ударом палкой. Такова народная легенда; давайте посмотрим, что она означает.

Тайна создания человека и его первоначального появления на земле всегда серьезно беспокоила любознательных людей, ищущих секреты природы. Человек, действительно, появляется последним в мире ископаемых, и дни творения Моисея оставили после себя последовательные следы, свидетельствующие о том, что эти дни были долгими эпохами: как же тогда сформировалось человечество? Книга Бытия говорит нам, что Бог сотворил первого человека из земной глины и вдохнул в него жизнь; мы ни на мгновение не сомневаемся в правдивости этого утверждения. Однако мы далеки от еретической и антропоморфной идеи о Боге- , лепящем из глины своими руками. У Бога нет рук, он — чистый дух, и он создает свои творения одно из другого с помощью тех же сил, которые он дает природе. Итак, если Господь создал Адама из земной глины, мы должны понимать, что человек появился из земли под влиянием Бога, но естественным путем. Имя Адам на иврите означает «красная земля»; так что же может быть этой красной землей? Именно это и искали алхимики: великое дело заключалось не в секрете превращения металлов, что было безразличным и второстепенным результатом, а в универсальной тайне жизни, в поиске центральной точки трансформации, где свет превращается в материю и конденсируется в землю, содержащую в себе принцип движения и жизни; это было обобщение явления, которое окрашивает кровь в красный цвет путем создания бесчисленных шариков, притягивающихся друг к другу, как миры, и живых, как животные. Металлы, по мнению учеников Гермеса, были свернувшейся

кровью земли, переходящей, как и кровь человека, от белого к черному и от черного к красному, в зависимости от воздействия света. Вернуть эту жидкость в движение с помощью тепла и вернуть ей оплодотворяющую окраску света с помощью электричества — такова была первая часть работы мудрецов; но конец был более сложным и возвышенным: речь шла о том, чтобы найти адамическую землю, которая является свернувшейся кровью живой земли; и высшей мечтой философов было завершить дело Прометея, подражая труду Бога, то есть создав человека-ребенка науки, как Адам был ребенком всемогущего Бога: эта мечта была, возможно, безумна, но она была прекрасна.

Черная магия, которая всегда подражает магии света, но делает это наоборот, также уделяла много внимания андريدну, поскольку хотела сделать его инструментом своих страстей и оракулом ада. Для этого нужно было насилловать природу и получить своего рода ядовитый гриб, полный сконцентрированной человеческой злобы, живое воплощение всех преступлений. Поэтому мандрагору искали под виселицей повешенных; ее вырывали собаки, которых привязывали к корню и убивали смертельным ударом: собака должна была вырвать мандрагору в конвульсиях агонии. Душа собаки переходила в растение и притягивала к себе душу повешенного... Но хватит ужасов и абсурдов. Те, кто интересуется подобной наукой, могут обратиться к этому вульгарному гримуару, известному в сельской местности под названием «*Маленький Альберт*»; там они увидят, как можно сделать мандрагору в форме петуха с человеческим лицом. Глупость всех этих рецептов соперничает с их отвратительностью, и действительно, нельзя сознательно оскорблять природу, не нарушая при этом всех законов разума.

Альберт Великий не был ни детоубийцей, ни богоубийцей, он не совершал ни преступления Тантала, ни Прометея, но он завершил создание и вооружил всеми средствами эту чисто схоластическую теологию, вытекающую из категорий Аристотеля и сентенций Петра Ломбардского, эту логику силлогизма, которая аргументирует вместо того, чтобы рассуждать, и которая находит ответ на все, уклоняясь от терминов. Это было не столько философия, сколько философский автомат, отвечающий по пружине и разворачивающий свои тезисы как механизм с шестернями; это было не человеческое Слово, это был монотонный крик машины, безжизненная речь андроида; это была фатальная точность механики вместо свободного применения рациональных потребностей. Святой Фома Аквинский одним ударом разрушил всю эту конструкцию заранее подготовленных слов, провозгласив вечное господство разума этим великолепным высказыванием, которое мы часто цитировали: «Вещь не является справедливой потому, что Бог ее хочет, но Бог ее хочет потому, что она справедлива». Следующим следствием этого утверждения было следующее, аргументируя от большего к меньшему: «Вещь не является истинной потому, что Аристотель так сказал, но Аристотель не мог разумно сказать это, если это не было правдой. Ищите же сначала истину и справедливость, и наука Аристотеля будет вам дана в придачу».

Аристотель, вдохновленный схоластикой, был настоящим андроидом Альберта Великого; а магистральным посохом святого Фомы Аквинского была доктрина «*Суммы теологии*», шедевр силы и разума, который все еще изучают в наших теологических школах, когда хотят серьезно вернуться к здоровым и сильным наукам.

Что же касается философского камня, переданного святым Домиником Альберту Великому, а последним — святому Фоме Аквинскому, то под ним следует понимать лишь философскую и религиозную основу идей той эпохи. Если бы святой Доминик умел творить великие дела, он бы купил для Рима мировое господство, о котором он так заботился для Церкви, и использовал бы для нагрева своих тиглей тот огонь, который сжег столько еретиков. Святой Фома Аквинский превращал в золото все, к чему прикасался, но только в переносном

смысле, принимая золото за символ истины. Здесь у нас есть пово , чтобы сказать еще несколько слов о *герметической науке*, культивируемой с первых веков христианства Останом, Ромарием, царицей Клеопатрой, арабами Гебером, Альфарабием и Салманой, Мориеном, Артефием, Аристеем. Эта наука, взятая в абсолютном смысле, может называться реализующей *каббалой* или *магией дел*; поэтому она имеет три аналогичных уровня: *религиозное* осуществление, *философское* осуществление, *физическое* осуществление. Религиозное осуществление является прочной основой империи и священства; философское осуществление — установлением абсолютной доктрины и иерархического учения; физическое осуществление — открытием и применением в микрокосмосе, или маленьком мире, творческого закона, который непрерывно наполняет великую вселенную. Этот закон — закон движения в сочетании с субстанцией, неподвижного с изменчивым, влажного с твердым; принцип этого движения — божественный импульс, а инструмент — вселенский свет, эфирный в бесконечности, астральный в звездах и планетах, металлический, специфический или ртутный в металлах, растительный в растениях, жизненный в животных, магнитный или личный в людях.

Этот свет является квинтэссенцией Парацельса, которая находится в латентном и излучающем состоянии во всех созданных веществах; эта квинтэссенция является истинным эликсиром жизни, который извлекается из земли посредством культивирования, из металлов посредством инкорпорации, ректификации, экзальтации и синтеза, из растений посредством дистилляции и варки, из животных посредством абсорбции, из людей посредством поколения, из воздуха посредством дыхания. Это заставило Аристеев сказать, что необходимо извлечь из воздуха живой ртутный эликсир (); Кхунрат сказал, что нужно брать живую ртуть из совершенного человека, сформированного андрогином; почти все говорили, что нужно извлекать из металлов лекарство металлов, и что это лекарство, в сущности одинаковое для всех царств, тем не менее градуируется и специфицируется в зависимости от форм и видов. Использование этой медицины должно было быть тройным: по симпатии, по отталкиванию или по равновесию. Градуированная квинтэссенция была лишь вспомогательным средством сил; медицина каждого царства должна была извлекаться из этого самого царства с добавлением начального ртути, земной или минеральной, и синтезированной живой ртути или человеческого магнетизма.

Таковы самые краткие и быстрые обзоры этой науки, обширной и глубокой, как каббала, загадочной, как магия, реальной, как точные науки, но опороченной часто разочаровывающей жадностью ложных адептов и тем мраком, которым истинные мудрецы действительно окутали свои теории и труды.

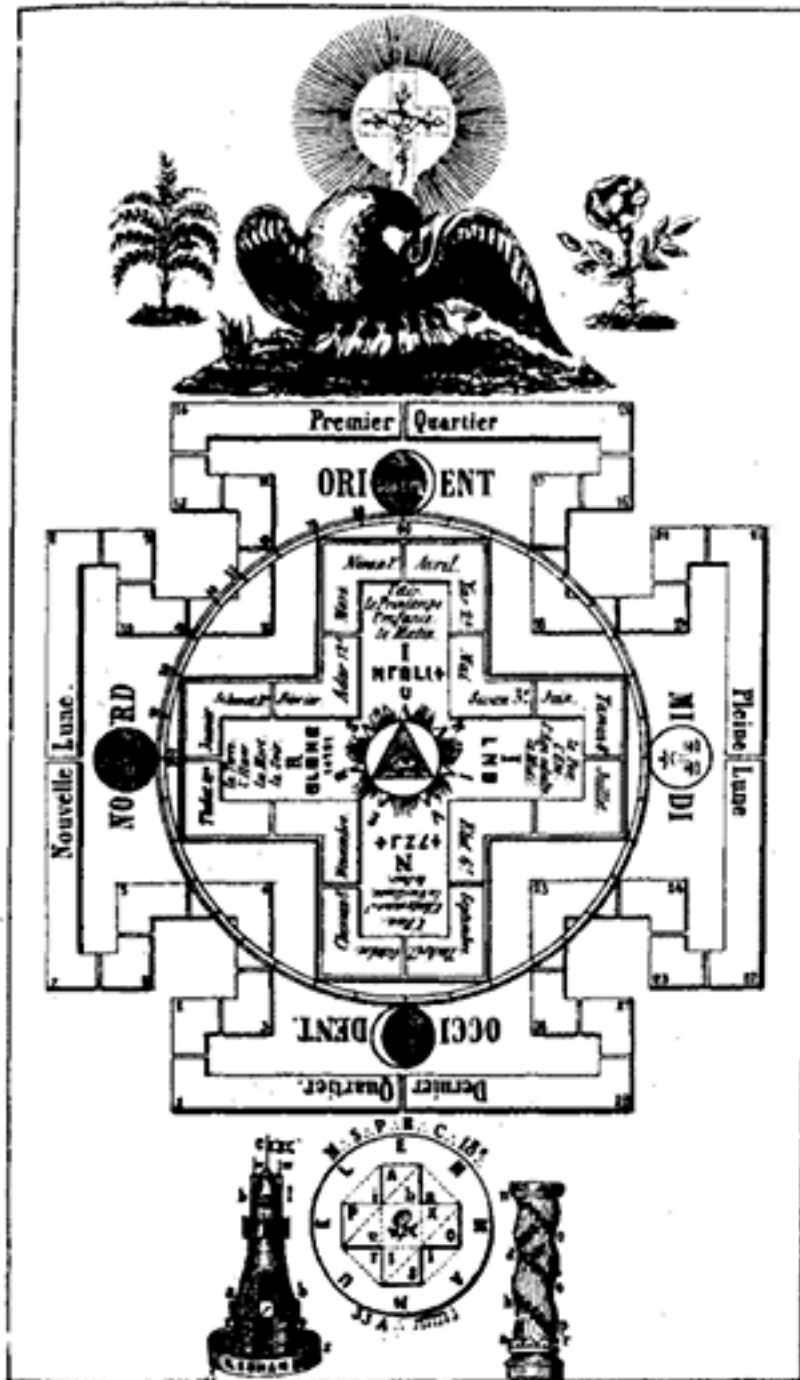
ГЛАВА VI.

ИЗВЕСТНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Три знаменитых процесса. — Тамплиеры, Жанна д'Арк и Жиль де Лаваль. — Лорды де Райтц.

Общества древнего мира погибли из-за материалистического эгоизма каст, которые, застыв в бездействии и обрекая массы на безнадежное отторжение, лишили власть,

сосредоточенную в руках небольшого числа избранных, того циркуляционного движения, которое является принципом прогресса, движения и жизни. Власть без антагонизма, без конкуренции и, следовательно, без контроля оказалась губительной для священнических монархий; республики, с другой стороны, погибли из-за конфликта свобод, которые в отсутствие каких-либо строго санкционированных иерархических обязанностей вскоре превратились в соперничающие друг с другом тирании. Чтобы найти стабильную середину между этими двумя пропастями, идея христианских иерофантов заключалась в создании общества, посвященного самоотречению посредством торжественных обетов, защищенного строгими правилами, которое набиралось бы посредством посвящения и которое, будучи единственным хранителем великих религиозных и социальных тайн, создавало бы королей и понтификов, не подвергая себя коррупции власти. В этом заключалась тайна царства Иисуса Христа, которое, не будучи от этого мира, управляло бы всеми его величинами.

ФИЛОСОФСКИЙ КРЕСТ

Эта идея лежала в основе создания великих религиозных орденов, так часто воевавших со светскими властями, будь то церковными или гражданскими; ее реализация была также мечтой сект гностиков или просветленных, которые утверждали, что их вера связана с первоначальной традицией христианства святого Иоанна. Наконец, она стала угрозой для Церкви и общества, когда богатый и развратный орден, посвященный в таинственные учения каббалы, оказался готовым обратить против законной власти консервативные принципы иерархии и угрожал всему миру огромной революцией.

Темплиеры, история которых так мало известна, были этими ужасными заговорщиками, и настало время наконец раскрыть тайну их падения, чтобы оправдать память Климента V и Филиппа Красивого.

В 1118 году *девять* рыцарей-крестоносцев на Востоке, среди которых были Жоффруа де Сен-Омер и Юг де Пайен, посвятили себя религии и принесли присягу в руках патриарха Константинополя, который с времен Фотия всегда был тайно или открыто враждебен Риму. Заявленной целью тамплиеров была защита христиан, приезжавших посетить святыне места; их тайной целью было восстановление храма Соломона по образцу, предсказанному Иезекиилем.

Это восстановление, формально предсказанное иудейскими мистиками первых веков, стало тайной мечтой патриархов Востока. Восстановленный храм Соломона, посвященный католическому культу, стал бы, по сути, метрополией вселенной. Восток превзошел бы Запад, а патриархи Константинополя захватили бы папство.

Историки, объясняя название «*тамплиеры*», данное этому военному ордену, утверждают, что Бодуэн II, король Иерусалима, подарил им дом, расположенный рядом с храмом Соломона. Но здесь они допускают огромный анахронизм, поскольку в то время не только храм Соломона уже не существовал, но и от второго храма, построенного Зоровавелем на руинах первого, не осталось ни камня на камне, и было бы трудно точно указать его местонахождение.

Следует сделать вывод, что дом, подаренный тамплиерам Бодуэном, находился не рядом с храмом Соломона, а рядом с «*»* — участком земли, на котором эти тайные и вооруженные миссионеры патриарха Востока намеревались его восстановить.

Темплиеры взяли за образец из Библии воинов-каменщиков Зоровавеля, которые работали, держа меч в одной руке и мастерок в другой. Именно поэтому меч и мастерок стали символами тамплиеров, которые позже, как мы увидим, скрывались под именем *братьев-каменщиков*. Мастерок тамплиеров четырехлопастный, а его треугольные лезвия расположены в форме креста, что составляет каббалистический пентакль, известный под названием *Восточный крест*.

Тайная мысль Югара де Пайена при основании своего ордена не заключалась именно в том, чтобы служить амбициям патриархов Константинополя. В то время на Востоке существовала секта христиан-иоаннитов, которые считали себя единственными посвященными в истинные тайны религии Спасителя. Они утверждали, что знают истинную историю Иисуса Христа, и, частично принимая еврейские традиции и рассказы Талмуда, утверждали, что факты, описанные в Евангелиях, являются лишь аллегориями, ключ к которым дает святой Иоанн, говоря, что «можно было бы заполнить весь мир книгами, написанными о словах и деяниях Иисуса Христа»; слова, которые, по их мнению, были бы лишь смешным преувеличением, если бы не были аллегорией и легендой, которую можно варьировать и продолжать до бесконечности.

Что касается исторических и реальных фактов, то вот что рассказывали иоанниты:

Девушка из Назарета по имени *Мирьям*, обрученная с молодым человеком из своего племени по имени *Йоханан*, была застигнута врасплох неким Йохананом Пандира, или Пантером, который насильно воспользовался ею, проникнув в ее комнату под одеждой и под именем ее жениха. Йоханан, узнав о ее несчастье, оставил ее, не подвергая опасности, поскольку она была невиновна, и девушка родила сына, которого называли Йошуа или Иисус.

Этот ребенок был усыновлен раввином по имени Иосиф, который увез его с собой в Египет; там он был посвящен в тайные науки, и жрецы Осириса, признав в нем истинное воплощение Гора, давно обещанного adeptам, посвятили его верховным жрецом вселенской религии.

Иошуа и Иосиф вернулись в Иудею, где наука и добродетель молодого человека вскоре вызвали зависть и ненависть жрецов, которые однажды публично упрекнули его в незаконнорожденности. Иошуа, который любил и почитал свою мать, расспросил своего учителя и узнал всю историю преступления Пандиры и несчастий Мирьям. Его первым порывом было публично отречься от нее, сказав ей во время свадебного пира: «Женщина, что общего между тобой и мной?» Но затем, подумав, что бедная женщина не должна быть наказана за то, что она не могла предотвратить, он воскликнул: «Моя мать не согрешила, она не утратила свою невинность; она девственница, и все же она мать; да будет ей двойная честь! Что же касается меня, то у меня нет отца на земле. Я сын Бога и человечества!»

Мы не будем дальше развивать эту печальную для христианских сердец выдумку; достаточно сказать, что иоанниты дошли до того, что сделали святого Иоанна Богослова ответственным за эту мнимую традицию и приписали этому апостолу основание своей тайной церкви.

Великие священнослужители этой секты принимали титул *Христа* и утверждали, что являются преемниками святого Иоанна благодаря непрерывной передаче полномочий. Тот, кто в период основания ордена тамплиеров обладал этими мнимыми привилегиями, назывался Теоклет; он был знаком с Югом де Пайеном, посвятил его в тайны и надежды своей мнимой Церкви, соблазнил его идеями верховного священства и высшей королевской власти и, наконец, назначил его своим преемником.

Таким образом, орден тамплиеров с самого начала был запятнан расколом и заговором против королей.

Эти тенденции были окутаны глубокой тайной, и орден внешне исповедовал самую совершенную ортодоксию. Только руководители знали, куда они хотят идти; остальные следовали за ними, не подозревая ничего.

Приобрести влияние и богатство, затем интриговать и, при необходимости, сражаться за установление догмата Иоанна — таковы были цель и средства, предложенные посвященным братьям. «Посмотрите, — говорили им, — папство и соперничающие монархии сегодня торгуются, покупают друг друга, коррумпируются, а завтра, возможно, уничтожат друг друга. Все это станет наследием храма; мир скоро будет просить у нас правителей и понтификов. Мы будем поддерживать равновесие во вселенной и будем арбитрами владык мира».

У тамплиеров было две доктрины: одна — скрытая и предназначенная только для мастеров, это была доктрина *иоаннизма*; другая — публичная, это была доктрина *католической церкви* (). Таким образом, они обманывали противников, которых стремились вытеснить. Иоаннизм adeptов был каббалой гностиков, вскоре выродившейся в мистический пантеизм, дошедший до идолопоклонства природе и ненависти ко всем откровенным догмам. Чтобы добиться большего успеха и привлечь сторонников, они лелеяли сожаления о падших культах и надежды на новые культы, обещая всем свободу совести и новую ортодоксию, которая была бы синтезом всех преследуемых верований. Так они дошли до признания пантеистического символизма великих мастеров черной магии и, чтобы лучше отделиться от религии, которая заранее их осуждала, воздали божественные почести чудовищному идолу Бафомету, как когда-то отступнические племена поклонялись золотым тельцам в Данае и Вефиле.

Недавно обнаруженные памятники и ценные документы, относящиеся к XIII веку, более чем достаточно доказывают все вышесказанное. Еще больше доказательств скрыто в анналах и под символами оккультного масонства.

Смертельно пораженный в самой своей сути и анархичный, потому что он был диссидентским, орден тамплиеров задумывал великое дело, которое он был неспособен выполнить, потому что не знал ни смирения, ни самоотречения. Кроме того, тамплиеры, в большинстве своем необразованные и способные только хорошо владеть мечом, не обладали ничем из того, что было необходимо для управления и, при необходимости, подчинения этой королевы мира, которая называется общественным мнением. Уг де Пайен не обладал той глубокой прозорливостью (), которая позже отличала военного, основателя грозной для королей милиции. Тамплиеры были неудачными иезуитами.

Их лозунг был: разбогатеть, чтобы купить мир. И они действительно разбогатели, и в 1312 году только в Европе владели более чем девятью тысячами сеньорий. Богатство стало их камнем преткновения; они стали надменными и проявили презрение к религиозным и социальным институтам, которые стремились свергнуть. Известны слова Ричарда Львиное Сердце, которому один священнослужитель, которому он позволял большую фамильярность, сказал: «Сир, у вас есть три дочери, которые стоят вам дорого и от которых вам было бы выгодно избавиться: это амбиции, алчность и похоть». — «Правда? — сказал король. — Что ж, давайте их выдадим замуж. Я отдам амбицию тамплиерам, алчность монахам, а похоть епископам. Я заранее уверен в согласии всех сторон».

Амбиции тамплиеров стали для них роковыми; их планы были слишком очевидны, и их предотвратили. Папа Климент V и король Филипп Красивый дали сигнал Европе, и тамплиеры, оказавшиеся, так сказать, в огромной сети, были схвачены, разоружены и брошены в тюрьму. Никогда еще государственный переворот не осуществлялся с таким грандиозным размахом. Весь мир был потрясен, и все ждали странных откровений судебного процесса, который должен был иметь такой резонанс на протяжении веков.

Было невозможно раскрыть перед народом план заговора тамплиеров; это означало бы посвятить толпу в секреты мастеров. Прибегли к обвинению в магии, и, как всегда, нашлись доносчики и свидетели. Тамплиеры, по их словам, плевали на Христа, отрекались от Бога, целовали великого магистра в непристойных местах, поклонялись медной голове с глазами из карбона, беседовали с большой черной кошкой и совокуплялись с черными ведьмами. Вот что не побоялись серьезно включить в их обвинительное заключение. Известно, чем закончилась эта драма и как Жак де Моэль и его товарищи погибли в пламени; но перед смертью глава ордена организовал и учредил *тайное масонство*. Из глубины своей тюрьмы великий магистр создал четыре ложи: в Неаполе для Востока, в Эдинбурге для Запада, в Стокгольме для Севера и в Париже для Юга. Папа и король вскоре погибли странной и внезапной смертью. Сквин де Флориан, главный доносчик ордена, был убит. Разбив мечи тамплиеров, из них сделали кинжалы, а их запрещенные мастерские инструменты теперь использовались только для строительства гробниц.

Пусть они теперь исчезнут в темноте, где они скрываются, замышляя месть. Когда наступит великая революция, мы увидим их снова и узнаем по их знакам и делам.

Самый громкий процесс по делу о магии, который мы находим в истории после процесса над тамплиерами, — это процесс над девственницей и почти святой. Церковь обвинили в том, что в этом случае она послужила трусливым обидам побежденной партии, и с тревогой задаются вопросом, каким анафемам подверглись убийцы *Жанны д'Арк* со стороны Святого Престола. Скажем же все, прежде всего тем, кто этого не знает, что Пьер Кошон,

недостойный епископ Бове, пораженный внезапной смертью рукой Божьей, был после смерти отлучен от церкви папой Каликстом IV, а его кости, извлеченные из святой земли, были выброшены на свалку. Таким образом, не Церковь судила и осудила девственницу Орлеанскую, а злой священник и отступник.

Карл VII, который предал эту благородную девушку ее палачам, с тех пор находился под властью мстительного провидения; он позволил себе умереть от голода, опасаясь, что его собственный сын отравит его. Страх — это мучение трусов.

Этот король жил ради куртизанки и заложил ради нее королевство, которое было сохранено для него девственницей. Куртизанка и девственница были воспеты нашими национальными поэтами. Жанна д'Арк — Вольтером, а Агнес Сорель — Беранже.

Жанна умерла невиновной, но вскоре после этого были приняты законы против магии, и был наказан великий преступник. Он был одним из самых доблестных полководцев Карла VII, и его заслуги перед государством не могли уравновесить количество и тяжесть его преступлений.

Сказки об огре и Крокмейтене были воплощены в жизнь и превзойдены поступками этого фантастического злодея, и его история осталась в памяти детей под именем *Синяя Борода*.

Жиль де Лаваль, сеньор де Раиз, действительно имел бороду настолько черную, что она казалась синей, как можно видеть на его портрете, который находится в музее Версаля, в зале маршалов; он был маршалом Бретани, храбрым, потому что был французом, роскошным, потому что был богат, и колдуном, потому что был сумасшедшим.

Нарушение умственных способностей сеньора де Райза сначала проявлялось в роскошной набожности и чрезмерном великолепии. Он никогда не ходил без креста и знамени; его капелланы были покрыты золотом и одеты как прелаты; у него дома было целое коллегийное училище маленьких пажей или хористов, всегда богато одетых. Каждый день одного из этих детей вызывали к маршалу, и его товарищи не видели его возвращения: новый пришелец заменял того, кто ушел, и детям строго запрещалось спрашивать о судьбе всех тех, кто так исчезал, и даже говорить об этом между собой.

Маршал забирал этих детей у бедных родителей, которых ослепляли обещаниями и которые обязывались больше никогда не заботиться о своих детях, которым, как он говорил, сеньор де Раиз обеспечивал блестящее будущее.

Но вот что происходило на самом деле:

Преданность была лишь маской и служила пропуском к гнусным практикам.

Маршал, разорившийся из-за своих безумных трат, хотел любой ценой разбогатеть; алхимия истощала его последние ресурсы, ростовщические займы скоро закончатся; тогда он решил попробовать последние эксперименты черной магии и добыть золото с помощью ада.

Его со , доверенными лицами и сообщниками были отступник-священник из епархии Сен-Мало, флорентиец по имени Прелати, и управляющий маршала по имени Силле. Он женился на девушке из знатной семьи и, так сказать, держал ее взаперти в своем замке в Машекуле: в этом замке была башенка, дверь которой была замурована. Маршал говорил, что она грозит обрушением, и никто никогда не пытался туда проникнуть.

Однако мадам де Раиз, которую ее муж часто оставлял одну на ночь, замечала красноватые огни, мелькавшие в этой башне.

Она не осмеливалась расспрашивать своего мужа, чей странный и мрачный характер внушал ей величайший страх.

В день Пасхи 1440 года маршал, торжественно причастившись в своей часовне, попрощался с хозяйкой замка Машекуль, объявив ей, что отправляется в Святую землю; бедная женщина не стала задавать ему дополнительных вопросов, так как очень боялась его; она была на нескольких месяцах беременности. Маршал разрешил ей пригласить свою сестру, чтобы та составила ей компанию во время его отсутствия. Мадам де Раиз воспользовалась этим разрешением и послала за своей сестрой; затем Жиль де Лаваль сел на лошадь и уехал.

Мадам де Раиз поделилась с сестрой своими тревогами и опасениями. Что происходило в замке? Почему сеньор де Раиз был так мрачен? Почему он так часто уезжал? Что стало с детьми, которые исчезали каждый день? Почему в замурованной башне ночью горел свет? Эти вопросы чрезвычайно возбудили любопытство обеих женщин.

Но что делать? Маршал строго запретил приближаться к опасной башне, и перед отъездом он еще раз повторил этот запрет.

Должно быть, существовал секретный вход: мадам де Раиз и ее сестра Анна искали его; все нижние залы замка были исследованы, уголок за углом и камень за камнем; наконец, в часовне, за алтарем, медная ручка, спрятанная в беспорядке скульптур, поддавалась надавливанию руки, камень откинулся, и две любопытные, затаившие дыхание, смогли увидеть первые ступени лестницы.

Эта лестница привела обеих женщин в заброшенную башню.

На первом этаже они обнаружили своего рода часовню с опрокинутым крестом и черными свечами; на алтаре стояла отвратительная фигура, без сомнения, изображавшая демона.

На втором этаже были печи, горшки, дистилляторы, уголь, в общем, все необходимое для выдувания стекла.

На третьем этаже комната была темной; в ней витал безвкусный и зловонный воздух, который заставил двух молодых посетительниц выйти обратно. Мадам де Раиз наткнулась на вазу, которая опрокинулась, и почувствовала, как ее платье и ноги залиты густой и неизвестной жидкостью; когда она вернулась на свет лестничной площадки, она увидела, что вся залита кровью.

Сестра Анна хотела убежать, но у мадам де Раиз любопытство оказалось сильнее ужаса и страха; она спустилась вниз, взяла лампу из адской часовни и поднялась в комнату на третьем этаже: там ее взгляду предстало ужасное зрелище.

Медные тазы, полные крови, были аккуратно выставлены в ряд вдоль стен с этикетками, на которых были указаны даты, а посреди комнаты, на черном мраморном столе, лежал труп недавно зарезанного ребенка.

Одна из кастрюль была опрокинута мадам де Раиз, и черная кровь широко разлилась по червиветому и плохо подметенному деревянному полу.

Обе женщины были полумертвы от ужаса. Мадам де Раиз хотела любой ценой стереть следы своей неосторожности; она пошла за водой и губкой, чтобы вымыть пол, но только расширила пятно, которое из черноватого стало кроваво-красным... Вдруг в замке раздался громкий шум; слышались крики людей, зовущих мадам де Раиз, и она отчетливо различила эти страшные слова: «Вот возвращается монсеньор!» Обе женщины бросились к лестнице, но в тот же момент они услышали в часовне дьявола громкий шум шагов и голосов; сестра Анна убежала, поднявшись на зубцы башни; мадам де Раиз спустилась, шатаясь, и оказалась лицом к лицу со своим мужем, который поднимался вслед за отступником-священником и Прелати.

Жиль де Лаваль, не говоря ни слова, схватил жену за руку и потащил ее в часовню дьявола; тогда Прелати сказал маршалу: «Вы видите, что это необходимо, и что жертва пришла сама. — Хорошо, — сказал маршал, — начинайте черную мессу».

Отступник-священник направился к алтарю, де Раиз открыл небольшой шкафчик, встроенный в сам алтарь, и взял оттуда большой нож, затем вернулся и сел рядом со своей женой, которая была полу , потеряла сознание и упала на скамью у стены часовни; начались кошунственные церемонии.

Надо знать, что г-н де Раиз, вместо того чтобы отправиться в Иерусалим, направился в Нант, где жил Прелати; он ворвался в дом этого несчастного как бешеный, угрожая убить его, если тот не даст ему средства получить от дьявола то, о чем он так долго просил. Прелати, чтобы выиграть время, сказал ему, что условия господина были ужасны и что прежде всего маршал должен был решиться пожертвовать дьяволу своего последнего ребенка, насильно вырванного из лона матери. Жиль де Лаваль ничего не ответил, но сразу же вернулся в Машекуль, увлекая за собой флорентийского колдуна- а и священника, своего сообщника. Он нашел свою жену в замурованной башне, а остальное известно.

Между тем сестра Анна, забытая на платформе башни и не смеящая спуститься вниз, сняла свой вуаль и стала беспорядочно подавать сигналы бедствия, на которые откликнулись два всадника, за которыми следовали несколько вооруженных людей, мчавшихся к замку; это были ее два брата, которые, узнав о предполагаемом отправлении сэра де Лавалья в Палестину, пришли навестить и утешить мадам де Раиз. Вскоре они с грохотом въехали во двор замка; Жиль де Лаваль прервал ужасную церемонию и сказал своей жене: «Мадам, я помилую вас, и об этом больше не будет речи, если вы сделаете то, что я вам скажу:

Вернитесь в свою комнату, переоденьтесь и присоединяйтесь ко мне в зале почета, где я буду принимать ваших братьев; если вы скажете перед ними хоть слово или заставите их что-то заподозрить, я верну вас сюда после их отъезда, и мы возобновим черную мессу с того места, где остановились, то есть вы должны умереть во время освящения. Посмотрите внимательно, где я кладу нож».

Затем он встает, проводит жену до двери своей комнаты и спускается в парадный зал, где принимает двух дворян с их свитой, говоря им, что его жена готовится и скоро придет поцеловать своих братьев.

Через несколько мгновений действительно появляется мадам де Раиз, бледная, как мертвая. Жиль де Лаваль не переставал пристально смотреть на нее и доминировал над ней своим взглядом: «Ты больна, сестра? — Нет, это усталость от беременности...» И тихо бедная женщина добавила: «Он хочет убить меня, спасите меня...» Вдруг сестра Анна, которой удалось выбраться из башни, вбежала в зал с криком: «Уведите нас, спасите нас, братья, этот человек — убийца!» — и показала на Жилия де Лавалья.

Маршал призывает своих людей на помощь, эскорт двух братьев окружает двух женщин, и все берут в руки мечи; но люди сеньора де Райза, видя его ярость, разоружают его, вместо того чтобы подчиниться ему. Тем временем мадам де Раиз, ее сестра и братья добираются до подъемного моста и выходят из замка.

На следующий день герцог Жан V осадил Машекуль, и Жиль де Лаваль, который больше не рассчитывал на своих воинов, сдался без сопротивления. Парламент Бретани вынес ему приговор как убийце; церковные судьи готовились судить его сначала как еретика, содомита и колдуна. Голоса, которые долгое время были заглушены страхом, поднялись со всех сторон, требуя от него вернуть пропавших детей. По всей провинции царила скорбь и всеобщий шум; были обысканы замки Машекуль и Шантосе, где были найдены останки более двухсот детских скелетов; остальные были сожжены и полностью уничтожены.

Жиль де Лаваль предстал перед судьями с крайней надменностью. «Кто вы?», спросили его, следуя обычаю. «Я Жиль де Лаваль, маршал Бретани, сеньор Райза, Машекуля, Шантосе и других мест. А вы, кто меня допрашиваете, кто вы?— Мы ваши судьи, магистраты церковного суда. — Вы, мои судьи! Да ладно вам! Я знаю, кто вы, мои господа! Вы симонисты и развратники! Вы продаете своего бога, чтобы купить удовольствия дьявола. Не говорите же о том, чтобы судить меня, потому что, если я виновен, то вы, которые должны были подавать мне хороший пример, несомненно, являетесь моими подстрекателями и соучастниками. — Прекратите свои оскорбления и ответьте нам! -Я лучше буду повешен, чем отвечу вам; я удивлен, что президент Бретани позволяет вам заниматься такими делами; вы, несомненно, допрашиваете меня, чтобы узнать правду, а потом сделать еще хуже, чем вы сделали до сих пор.

Однако эта дерзкая высокомерность пала перед угрозой пыток. Тогда он признался перед епископом Сен-Бриё и президентом Пьером де л'Опиталем в своих убийствах и святотатствах; он утверждал, что мотивом для убийства детей было отвратительное удовольствие, которое он испытывал, наблюдая за агонией этих бедных маленьких существ. Президент, казалось, сомневался в правдивости этих слов, и Жсно допросил маршала.— Увы! — резко ответил тот, — вы зря мучаете себя и меня. — Я не мучаю вас, — ответил президент, — я просто очень удивлен тем, что вы мне рассказываете, и не могу с этим просто согласиться, я хочу и желаю узнать от вас чистую правду. Маршал ответил ему: «Поистине, не было никакой другой причины и никакого другого намерения, кроме того, что я вам уже сказал; чего же вы еще хотите, разве я не признался вам в достаточном, чтобы казнить десять тысяч человек?»

Что Жиль де Рейс не хотел сказать, так это то, что он искал философский камень в крови зарезанных детей. Это была жадность, которая подтолкнула его к этому чудовищному разврату; он верил, по словам своих некромантов, что универсальный агент жизни должен был внезапно свернуться под действием и реакцией, вызванными оскорблением природы и убийством; затем он собирал радужную пленку, которая образовывалась на крови, когда она начинала остывать, подвергал ее различным ферментациям и переваривал продукт в философском яйце атанора, добавляя к нему соль, серу и ртуть. Он, несомненно, почерпнул этот рецепт из некоторых старинных еврейских гримуаров, которые, будь они известны, были бы достаточны, чтобы обресть евреев на проклятие всей земли.

Убежденные в том, что акт человеческого оплодотворения притягивает и коагулирует астральный свет, реагируя сочувствием на существ, подверженных магнетизму человека, израильские колдуны дошли до тех отклонений, в которых их упрекает Филон в отрывке, приведенном астрологом Гаффарелем. Они прививали свои деревья с помощью женщин,

которые вставляли привой, в то время как мужчина совершал над ними действия, оскорбляющие природу. Всегда, когда речь идет о черной магии, мы сталкиваемся с одними и теми же ужасами, и дух тьмы не отличается изобретательностью.

Жиль де Лаваль был сожжен заживо на лугу Магдалины, недалеко от Нанта; ему было позволено уйти из жизни со всем тем великолепием, которое сопровождало его на протяжении всей жизни, как будто он хотел посвятить всему позорному мучению то великолепие и алчность, которые так полностью развратили его и так роковым образом погубили.

ГЛАВА VII.

СУЕВЕРИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДЬЯВОЛОМ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Призраки. -- Одержимость. -- Судебные процессы над галлюцинаторами. -- Народные глупости и жестокость. -- Несколько слов о явлениях, кажущихся необъяснимыми.

Мы уже говорили о том, насколько Церковь проявляла сдержанность в своих решениях относительно духа зла; она учит не бояться его, рекомендует своим детям не обращать на него внимания и никогда не произносить его имя. Однако склонность больного воображения и слабых умов к чудовищному и ужасному придавала в мрачные дни средневековья огромное значение и самые угрожающие формы этому мрачному существу, которое заслуживает только забвения, поскольку оно вечно не признает истину и свет.

Это явное воплощение призрака порочности было как воплощение человеческого безумия; дьявол стал кошмаром монастырей, человеческий разум испугался самого себя, и мы увидели, как якобы разумное существо дрожит перед своими собственными призраками. Черное и уродливое чудовище, казалось, расправило свои крылья летучей мыши между небом и землей, чтобы помешать молодости и жизни довериться обещаниям солнца и мирному спокойствию звезд. Эта гарпия суеверия отравляла все своим дыханием, заражала все своим прикосновением: нельзя было пить и есть, не боясь проглотить яйца рептилии; не смели смотреть на красоту, потому что, возможно, это была иллюзия чудовища; если смеялись, то казалось, что слышится как злое эхо злорадное хихиканье вечного мучителя; если плакали, то казалось, что он оскорбляет слезы. Дьявол, казалось, держал Бога в плену на небесах и навязывал людям на земле богохульство и отчаяние.

Суеверия быстро приводят к глупости и безумию; нет ничего более прискорбного и утомительного, чем серия историй о дьявольских явлениях, которыми вульгарные писатели, занимающиеся историей магии, перегрузили свои сборники. Пьер Венеребл видит дьявола, ныряющего в уборную; другой летописец узнает его в образе кошки, похожей на собаку и прыгающей как обезьяна; у сеньора из Корасса был на службе эльф по имени Ортон, который явился ему в образе удивительно худой и истощенной свиноматки. Магистр Гийом Эделин, приор Сен-Жермен-де-Пре, заявил, что видел его «в образе и подобии овцы», которая, как ему показалось, жестоко целовала его под хвостом в знак почтения и почета».

Несчастные старухи обвиняли себя в том, что были его любовницами; маршал Тривульце умер от страха, сражаясь на шпагах и мечах с дьяволами, которыми, как ему казалось, была заполнена его комната; сотнями сжигали несчастных идиотов и сумасшедших, которые признавались в том, что имели отношения с дьяволом; все говорили только об инкубах и суккубах; судьи серьезно принимали откровения, которые следовало бы передать врачам; общественное мнение оказывало на них непреодолимое давление, и снисходительность к колдунам подвергла бы самих магистратов ярости народа. Преследование сумасшедших делало безумие заразным, и маньяки сражались между собой; бедных людей, которых общественное мнение обвиняло в магии, забивали до смерти, сжигали на медленном огне, окунали в ледяную воду, чтобы заставить их снять наложенные ими заклятия, а правосудие вмешивалось только для того, чтобы завершить на костре то, что начало слепое безумие толпы.

Рассказывая историю Жилия де Лавалея, мы достаточно доказали, что черная магия может быть реальным преступлением и самым страшным из всех преступлений; но несчастье того времени заключалось в том, что больных путали с преступниками и наказывали тех, кого следовало лечить с терпением и милосердием.

Где начинается ответственность человека? Где она заканчивается? Это проблема, которая часто должна беспокоить добродетельных хранителей человеческого правосудия. Калигула, сын Германика, казался унаследовавшим все добродетели своего отца; но яд, который ему дали выпить, затуманил его разум, и он стал ужасом всего мира. Был ли он действительно виновен, и не следует ли винить в его преступлениях только тех трусливых римлян, которые подчинились ему, вместо того чтобы заключить его в тюрьму?

Отец Иларион Тиссо, которого мы уже цитировали, идет дальше нас и считает, что любое согласие на преступление является безумием; к сожалению, он всегда объясняет безумие одержимостью злым духом. Мы могли бы спросить этого доброго священника, что он думает о семьянине, который, закрыв дверь перед негодяем, известным своей способностью на всякое зло, оставил бы ему право общаться со своими внуками, давать им советы, брать их на руки и одерживать их? Давайте же признаем, чтобы быть настоящими христианами, что дьявол, кем бы он ни был, одерживает только тех, кто добровольно отдается ему, и эти люди несут ответственность за все, что он может им внушить, так же как пьяница должен нести ответственность за все беспорядки, которым он может поддаться под влиянием опьянения.

Пьянка — это временное безумие, а безумие — это постоянная пьянка; и то, и другое вызвано фосфорным перенасыщением нервов головного мозга, которое разрушает наше световое равновесие и лишает душу ее инструмента точности. Духовная и личная душа тогда похожа на Моисея, связанного и завернутого в пеленки в своей колыбели из битума и брошенного на произвол волн Нила; она уносится флюидической и материальной душой мира, этой таинственной водой, над которой парило дыхание Элоимов, когда божественное слово сформулировалось в этих светлых словах: *«Да будет свет!»*.

Душа мира — это сила, которая всегда стремится к равновесию; воля должна победить ее, или она победит волю. Любая неполноценная жизнь мучает ее как уродство, и она всегда стремится поглотить интеллектуальных уродцев; именно поэтому маньяки и галлюцинаторы испытывают непреодолимое влечение к разрушению и смерти; уничтожение кажется им благом, и они не только хотят умереть, но и были бы счастливы видеть смерть других. Они чувствуют, что жизнь ускользает от них, сознание жжет их и приводит в отчаяние; их существование — это только ощущение смерти, это муки ада.

Один слышит властный голос, приказывающий ему убить своего сына в колыбели. Он борется, плачет, убегает и в конце концов берет топор и убивает ребенка; другой, и эта ужасная история произошла совсем недавно, преследуемый голосами, требующими от него сердца, оглушает своих родителей, вскрывает им грудь и выгрызает половину вырванных сердец. Любой, кто сознательно совершает злой поступок, вносит залог вечного уничтожения и не может заранее предвидеть, куда приведет его эта роковая сделка.

Существо — это субстанция и жизнь. Жизнь проявляется в движении, а движение продолжается благодаря равновесию; равновесие, таким образом, является законом бессмертия. Сознание — это чувство равновесия, а равновесие — это справедливость и правосудие. Любой излишек, если он не смертелен, исправляется противоположным излишком; это вечный закон реакций, но если излишек выходит за пределы любого равновесия, он теряется во внешней тьме и становится вечной смертью.

Душа земли увлекает в вихре астрального движения все, что не сопротивляется ей сбалансированными силами разума. Везде, где проявляется несовершенная и неправильно сформированная жизнь, она направляет свои силы, чтобы уничтожить ее, так же как жизненные силы устремляются, чтобы закрыть раны. Отсюда и происходят атмосферные явления, которые проявляются вокруг некоторых больных, отсюда и происходят флюидические потрясения, вращение мебели, подвешивание предметов, бросание камней, воздушные взрывы, которые на расстоянии создают ощутимую и осязаемую иллюзию рук или ног одержимого. Это природа мучается вокруг рака, который она хочет искоренить, вокруг раны, которую она хочет закрыть, вокруг своего рода вампира, которого она хочет убить, чтобы вернуть его к жизни.

Спонтанные движения неодушевленных предметов могут происходить только от действия сил, притягивающих землю; дух, то есть мысль, не поднимает ничего без рычага. Если бы было иначе, то почти бесконечная работа природы по созданию и совершенствованию органов была бы бессмысленной. Если бы ум, освобожденный от чувств, мог заставлять материю подчиняться его воле, то известные умершие люди первыми проявились бы перед нами гармоничными и регулярными движениями; вместо этого мы всегда видим бессвязные и лихорадочные движения, происходящие вокруг больных, неразумных и капризных существ. Эти существа — неисправные магниты, которые вызывают буйство души земли; но когда земля бредит в результате извержения этих несовершенных существ, это означает, что она сама страдает, переживая кризис, который закончится сильными потрясениями.

В некоторых мужчинах, которые считаются серьезными, действительно есть некоторая детскость. Вот, например, маркиз де Мирвиль, который приписывает дьяволу все необъяснимые явления. Но, мой дорогой господин, если бы дьявол имел власть нарушать естественный порядок вещей, разве он не сделал бы это немедленно, чтобы все перевернуть с ног на голову? С таким характером, какой ему приписывают, он, несомненно, не сдерживался бы никакими угрызениями совести. — О, но, ответите вы, сила Божья противостоит этому! — Постойте: сила Божья противостоит этому или не противостоит. Если она противостоит, дьявол ничего не может сделать; если она не противостоит, то дьявол является хозяином... Г-н де Мирвиль скажет нам, что Бог позволяет это на время. Достаточно, чтобы обмануть бедных людей, достаточно, чтобы запутать их и без того не слишком крепкие мозги, как мы знаем. Тогда, действительно, хозяином становится не дьявол, а Бог, который был бы... Но мы не будем заканчивать: идти дальше означало бы богохульство.

Мы не хотим достаточно понимать гармонии бытия, которые распределяются по серии, как очень хорошо сказал этот прославленный маньяк Фурье. Дух воздействует на умы посредством слова. Материя получает отпечатки духа и общается с ним посредством совершенного организма; гармония форм приближается к гармонии идей, общим посредником является свет: свет, который есть дух и жизнь; свет, который есть синтез цветов, согласие теней, гармония форм; свет, чьи колебания являются живой математикой. Но тьма и ее фантастические миражи, но фосфоресцирующие ошибки сна, но слова, потерянные в бреду, все это ничего не создает, ничего не реализует; все это, одним словом, не существует: это лимбы жизни, это пары астрального опьянения, это нервное ослепление уставших глаз. Следовать за такими озарениями — значит идти в тупик; верить в такие откровения — значит поклоняться смерти: сама природа говорит вам об этом.

Вращающиеся столы пишут только бессвязные и оскорбительные вещи; это самые незначительные отголоски мыслей, самые абсурдные и анархичные сны; наконец, слова, которыми низший сброд выражает свое презрение. Мы только что прочитали книгу барона Гульденстуббе, который утверждает, что общается с другим миром посредством писем. Он получил ответы, и какие ответы! Непристойные рисунки, безнадежные иероглифы и эту греческую подпись πνευμα θάνατος, «дыхание смерти», или, лучше сказать, «дух смерти». Вот последнее слово феноменальных откровений американской доктрины, *если отделить ее от священнической власти и сделать независимой* от контроля иерархии. Мы не отрицаем здесь ни реальность, ни важность явлений, ни искренность верующих; но мы должны предупредить их об опасностях, которым они подвергаются, если не предпочитают дух мудрости, данный иерархически и божественно Церкви, всем этим беспорядочным и темным сообщениям, в которых флюидная душа земли механически отражает миражи интеллекта и сны разума.

КНИГА V.

АДЕПТЫ И СВЯЩЕНСТВО.

п Хе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СВЯЩЕННИКИ И ПАПЫ, ОБВИНЕННЫЕ В МАГИИ.

СОДЕРЖАНИЕ — Папа Сильвестр II и мнимая папица Иоанна — Неуместные утверждения Мартина Полонуса и Платина — Предполагаемый автор гримуара Гонория — Анализ этого гримуара.

Мы уже говорили, что после осквернений и кощунств гностиков Церковь запретила магию. Процесс над тамплиерами завершил разрыв, и с тех пор магия, вынужденная скрываться в тени, чтобы обдумывать свою месть, в свою очередь запретила Церковь.

Будучи более осторожными, чем еретики, которые публично воздвигали алтарь против алтаря и тем самым обрекали себя на изгнание и костер, adepts скрывали свои обиды и учения; они связали себя между собой страшными клятвами и, зная, как важно сначала выиграть процесс в суде общественного мнения, обратили против обвинителей и их судей зловещие слухи, которые преследовали их самих, и обвинили перед народом духовенство в том, что оно является школой черной магии.

DEUX SCEAUX OCCULTES,

один из великого дела,
другое — черной магии, согласно гримуару Гонория.

Пока человек не основывает свои убеждения и верования на незыблемом фундаменте разума, он, к сожалению, увлекается как правдой, так и ложью, и в обоих случаях реакции бывают жестокими. Кто может положить конец этой войне? Только тот, кто сказал: «Не воздавайте злом за зло, но побеждайте зло добром».

Католическое духовенство обвиняли в преследованиях, однако его миссия — это миссия доброго самаритянина, поэтому оно сменило безжалостных левитов, которые проходят мимо, не проявляя сострадания к бедному раненому из Иерихона. Проявляя человечность, они доказывают свою божественную посвященность. Поэтому высшей несправедливостью

является возложение на священство вины за преступления нескольких человек, которые, к сожалению, были его представителями. Любой человек может быть злым, но истинный священник всегда милосерден.

Ложные последователи не соглашались с этим. По их мнению, христианское священство было опорочено и узурпировано со времени запрета гностиков. «Что такое, в самом деле, иерархия, в которой наука больше не составляет ступеней?», — говорили они. Одинаковое незнание таинств и одинаковая слепая вера подталкивают к одинаковому фанатизму или одинаковому лицемерию как первых руководителей, так и последних служителей святилища. Слепые ведут слепых. Верховенство между равными является лишь результатом интриг и случая. Пастыри освящают святыне дары с халтурной и грубой верой; они — фокусники с хлебом и — пожиратели человеческой плоти. Они больше не чудотворцы, они — колдуны; так говорили сектанты.

Чтобы подкрепить эту клевету, они придумывали басни; папы, говорили они, были преданы духу тьмы с X века. Ученый Герберт, коронованный под именем *Сильвестр II*, якобы признался в этом перед смертью. Гонорий III, который утвердил орден святого Доминика и проповедовал крестовые походы, сам был отвратительным некромантом, автором гримуара, который до сих пор носит его имя и предназначен исключительно для священников. Этот гримуар показывали и комментировали, пытаясь таким образом обратить против Святого Престола самое страшное из всех народных предрассудков того времени: смертельную ненависть ко всем тем, кто, по праву или нет, публично считался колдунами.

Нашлись злонамеренные или легковверные историки, которые подтвердили эти ложь. Так, Платин, скандальный летописец папства, повторяет за Мартином Полонусом клевету на Сильвестра II. Если верить этой басне, Герберт, который был сведущ в математических науках и каббале, вызвал демона и попросил его помощи, чтобы стать папой. Дьявол обещал ему это и объявил, что он умрет только в Иерусалиме, и можно себе представить, что волшебник про себя поклялся никогда туда не ехать; так он стал папой, но однажды, когда он служил мессу в одной из церквей Рима, он почувствовал себя очень плохо и, вспомнив, что часовня, в которой он служил, называлась *Святой Крест Иерусалимский*, понял, что все кончено; поэтому он велел поставить в этой часовне кровать и, созвав вокруг себя, исповедался в том, что общался с демонами, а затем приказал, чтобы после его смерти его положили на новую деревянную колесницу, запряженную двумя девственными лошадьми, одной черной, другой белой; чтобы запрягли этих лошадей, не управляя ими, и похоронили его тело там, где лошади остановятся. Колесница промчалась по Риму и остановилась перед церковью Латран. Тогда раздались громкие крики и стоны, затем все снова стихло, и можно было приступить к погребению; так заканчивается эта легенда, достойная библиотеки «Библиотека синего цвета».

Этот Мартин Полонус, на слова которого Платина повторяет подобные фантазии, сам позаимствовал их у некоего Гальфрида и летописца по имени Жерве, которого Ноде называет «величайшим выдумщиком басен и самым выдающимся лжецом, когда-либо бравшимся за перо». Именно на основании таких серьезных историков протестанты опубликовали скандальную и вполне апокрифическую легенду о якобы существовавшей папше Жанне, которая, как всем известно, была также ведьмой и которой до сих пор приписывают книги по черной магии. Мы пролистали историю о папше, написанную протестантским автором, и заметили в ней две очень любопытные гравюры. По утверждению историка, это старинные портреты героини, но на самом деле это две старинные карты Таро, изображающие *Исиду* в тиаре. Известно, что иероглифическая фигура числа два в таро все еще называется *папшей*; это женщина в тиаре, на которой видны острия полумесяца или

рога Иисуса. Изображение в протестантской книге еще более примечательно: у нее длинные распущенные волосы, на груди солнечный крест, она сидит между двумя колоннами Геркулеса, а за ней простирается океан с лотосами, распускающимися на поверхности воды. Второй портрет изображает ту же богиню с атрибутами верховного священства и ее сына Гора в объятиях. Эти два изображения являются очень ценными каббалистическими документами, но это не устраивает поклонников папы Иоанны.

Что касается Герберта, то чтобы опровергнуть обвинение в колдовстве, если оно вообще могло быть серьезным в его отношении, достаточно сказать, что он был самым ученым человеком своего века и, будучи наставником двух правителей, обязан своим возвышением признательности одному из своих августейших учеников. Он в совершенстве владел математикой и, возможно, знал о физике немного больше, чем можно было знать в его время; он был человеком универсальной эрудиции и большого мастерства, как можно видеть, читая оставленные им письма; он не был бунтовщиком против королей, как страшный Хильдебранд. Он предпочитал наставлять принцев, а не отлучать их от церкви, и, пользуясь благосклонностью двух королей Франции и трех императоров, он не нуждался, как справедливо замечает Науде, в том, чтобы продать душу дьяволу, чтобы последовательно достичь архиепископства Реймса и Равенны, а затем и папства. Правда, он достиг этого, в некотором роде, вопреки своим заслугам, в век, когда великих политиков считали одержимыми, а ученых — чародеями. Герберт был не только великим математиком и выдающимся астрономом, но также преуспевал в механике () и, по словам Гийома Мальмесбери, сконструировал в городе Реймсе такие чудесные гидравлические машины, что вода сама исполняла на них симфонии и играла самые приятные мелодии; он также, по сообщению Дитмаре, изготовил в городе Магдебурге часы, которые отмечали все движения небесных светил и время восхода и захода звезд; он также изготовил, как говорит Науде, которого мы с удовольствием цитируем здесь, «эту бронзовую голову, которая была так искусно вырезана, что вышеупомянутый Гийом Мальмесбери сам заблуждался, относя ее к магии: также Онуфриус говорит, что он видел в библиотеке Фарнезе ученую книгу по геометрии, составленную этим Гербертом: и я считаю, что, не вынося никакого решения по поводу мнения Эрфордиенсиса и некоторых других, которые считают его автором часов и арифметики, которые мы имеем сейчас, все эти доказательства достаточно весомы, чтобы мы могли судить, что те, кто никогда не слышал о кубе, параллелограмме, додекаэдре, альмикантрале, валсагора, альмагриппа, катальзем и других названий, распространенных среди тех, кто разбирается в математике, считали, что он призывал каких-то духов и что столько редких вещей не могло исходить от человека без необычайной милости, и что для этого он был волшебником».

Это показывает, до какой степени доходит наглость и недобросовестность летописцев, что Платина, этот злобно-наивный эхо всех римских пасквилей, уверяет, что гробница Сильвестра II до сих пор является колдовской, что она пророчески оплакивает грядущее падение всех пап и что в конце жизни каждого понтифика слышно, как дрожат и стучат между собой проклятые кости Герберта. Эпитафия, высеченная на этой гробнице, подтверждает это чудо, невозмутимо добавляет библиотекарь Сикста IV. Вот такие доказательства кажутся историкам достаточными, чтобы подтвердить существование любопытного исторического документа. Платин был библиотекарем Ватикана; он писал свою историю пап по приказу Сикста IV; он писал в Риме, где не было ничего проще, чем проверить ложность или правдивость этого утверждения, и тем не менее эта мнимая эпитафия существовала только в воображении авторов, у которых Платин с невероятной легкостью ее позаимствовал ⁽¹⁵⁾ что и вызвало возмущение честного Науде. Вот что он говорит об этом в своей *«Апологии великих людей, обвиняемых в магии»*:

Примечание 15: (возврат) Пусть папы убеждаются в этом, говорит он, ведь для них это интересно.

«Это чистой воды обман и явная ложь, как в отношении опыта (якобы чудес у гробницы Сильвестра II), который до сих пор никто не наблюдал, так и в отношении надписи на этой гробнице, составленной Сергием IV, и которая не только не содержит никакого упоминания о всех этих баснях и уловках, но, напротив, является одним из самых выдающихся свидетельств, которые мы можем иметь о добродетельной жизни и честности поступков Сильвестра. Поистине, постыдно, что многие католики являются сторонниками этой клеветы, о которой Мариан Скот, Глабер, Дитмаре, Хельганд, Ламберт и Герман Контракт, которые были его современниками, не упоминают ни слова, и т. д.

Перейдем к *гримуару Гонория*.

Этот нечестивый фолиант приписывают Гонорию III, то есть одному из самых ревностных понтификов XIII века. Гонорий III, действительно, должен быть ненавистен сектантам и некромантам, которые хотят опозорить его, считая его своим сообщником. Цензий Савелли, коронованный папой в 1216 году, подтвердил орден святого Доминика, столь грозный для альбигойцев и вальденсов, этих детей манихеев и колдунов. Он также основал ордена францисканцев и кармелитов, проповедовал крестовый поход, мудро управлял Церковью и оставил после себя несколько декреталий. Обвинять этого столь выдающегося католического папу в черной магии означало бы бросить тень подозрения на великие религиозные ордена, учрежденные им, от чего дьявол только выиграл бы.

Некоторые старинные экземпляры гримуара Гонория носят имя Гонория II вместо Гонория III; но невозможно сделать колдуном этого мудрого и элегантного кардинала Ламберта, который после своего возведения в сан папы римского окружил себя поэтами, которым он давал епископские кафедры за элегии, как он сделал с Хильдебертом, епископом Лемана, и учеными теологами, такими как Угог из Сен-Виктора. Тем не менее, имя Гонория II является для нас лучиком света, который приведет нас к открытию истинного автора этого ужасного гримуара Гонория.

В 1061 году, когда империя начала ревновать папство и пыталась узурпировать священническое влияние, разжигая беспорядки и расколы в священном колледже, епископы Ломбардии, подстрекаемые Жильбером из Пармы, протестовали против избрания Ансельма, епископа Луккского, который только что был призван на папский престол под именем *Александра II*. Император Генрих IV встал на сторону диссидентов и разрешил им избрать другого папу, пообещав им свою поддержку. Они выбрали интригана по имени *Кадулус* или *Кадалус*, епископа Пармы, человека, способного на любые преступления и публично скандально известного как симонист и сожигатель. Этот Кадалус принял имя *Гонорий II* и выступил против Рима во главе армии. Он был разгромлен и осужден всеми епископами Германии и Италии; он вернулся, захватил часть святого города, вошел в собор Святого Петра, откуда был изгнан, укрылся в замке Святого Ангела, откуда ему удалось уйти, заплатив большой выкуп. Тогда архиепископ Кельна Оттон, посланный императором, осмелился публично упрекнуть Александра II в узурпации святого престола. Но монах по имени *Хильдебранд* выступил в защиту законного папы и сделал это с такой силой, что посланник императора вернулся в замешательстве, а сам император попросил прощения за свои посягательства. Дело в том, что Ильдехбранд, по замыслу Провидения, был уже грозным Григорием VII и начинал дело своей жизни. Антипапа был смещен на соборе в Мантуе, а Генрих IV получил прощение. Кадалус вернулся в неизвестность, и вполне вероятно, что он

хотел стать великим жрецом колдунов и отступников; поэтому он, возможно, под именем *Гонория II* составил гримуар, носящий это имя.

То, что известно о характере этого антипапы, более чем оправдывает подобное обвинение: он был дерзок перед слабыми и пресмыкался перед сильными, интриган и развратник, без веры и без нравственности; в религии он видел лишь средство для безнаказанности и грабежей. Для такого человека христианские добродетели были препятствиями, а вера духовенства — трудностью, которую нужно было преодолеть; поэтому он хотел создать священников по своему усмотрению и сформировать духовенство из людей, способных на любые преступления и святотатства; такова, по-видимому, цель, которую поставил перед собой автор гримуара Гонория.

Этот гримуар не лишен значения для тех, кто интересуется наукой. На первый взгляд он кажется лишь набором отвратительных абсурдов, но для тех, кто знаком с символами и тайнами каббалы, он становится настоящим памятником человеческой порочности; дьявол в нем представлен как инструмент власти. Использовать человеческую легковёрность и овладеть доминирующим над ней страшилищем, чтобы заставить ее подчиняться прихотям адепта, — такова тайна этого гримуара; речь идет о том, чтобы затуманить глаза толпы, захватив факел науки, который в случае необходимости в руках смельчаков может стать факелом палачей или поджигателей. Навязывать веру с помощью рабства, оставляя за собой власть и свободу, разве не значит мечтать о царствовании Сатаны на земле? И стоит ли удивляться, что авторы подобного заговора против здравого смысла и религии льстили себе надеждой воплотить на земле фантастического повелителя империи зла?

Доктрина этого гримуара такая же, как у Симона и большинства гностиков: это пассивный принцип, заменяющий активный принцип (). Страсть, следовательно, предпочтительнее разума, обожествленный сенсуализм, женщина ставится выше мужчины — тенденция, которая встречается во всех антихристианских мистических системах; эта доктрина выражена пантаклом, помещенным в начале книги. Исийская луна занимает центр; вокруг лунного серпа видны три треугольника, которые составляют одно целое; треугольник увенчан крестом с двойным перекрестьем; вокруг треугольника, вписанного в круг, и в промежутке, образованном тремя сегментами круга, с одной стороны виден знак духа и каббалистическая печать Соломона, с другой — магический нож и начальная буква двоичной системы, ниже — перевернутый крест, образующий фигуру лингама, и также перевернутое имя Бога *ꜥꜥ*; вокруг круга можно прочитать слова, написанные в виде легенды: *«Повинуйтесь своим начальникам и будьте им покорны, потому что они следят за вами»*.

Этот пантакл, переведенный в символ или исповедание веры, текстуально звучит следующим образом:

«Судьба царит через математику, и нет другого Бога, кроме природы.

Догмы являются аксессуаром священнической власти и навязываются множеству людей, чтобы оправдать жертвоприношения.

Посвященный стоит выше религии, которой он пользуется, и говорит о ней абсолютно противоположно тому, во что он верит.

Послушание не мотивируется, оно навязывается; посвященные созданы, чтобы командовать, а непосвященные — чтобы подчиняться».

Те, кто изучал оккультные науки, знают, что древние маги никогда не записывали свои догмы и формулировали их только с помощью символических знаков пантаклей.

На второй странице мы видим две круглые магические печати. В первой находится квадрат тетраграммы с инверсией и заменой имен.

Так, вместо:

ה'הא

Eieie,

הוהי

Jéhovah,

ינדא

Адонай,

אלכא

Агла,

расположение, которое означает: *Абсолютное Существо — это Иегова, Господь в трех лицах, Бог иерархии и Церкви.*

Автор гримуара расположил свои имена следующим образом:

הוהי

Иегова,

ינדא

Адонай,

רארד

Д'раp,

ה'הא

Эйеи,

что означает: *Иегова, Господь, не что иное, как роковое начало вечного возрождения, олицетворяемое этим самым возрождением в Абсолютном Существо.*

Вокруг квадрата в круге находится имя Иегова в прямом и перевернутом виде, имя Адонай слева, а справа три буквы חנא AEV: за которыми следуют две точки, что означает: *Небеса и ад являются миражом друг для друга, это , что наверху, подобно тому, что внизу. Бог — это человечество.* (Человечество выражается тремя буквами AEV: инициалами Адама и Евы).

На второй печати читается имя אפאריטא אפאריטא, а под ним רחא RASCH, вокруг двадцать шесть каббалистических символов, а под печатью десять еврейских букв, расположенных следующим образом: כ'י רררר כחכח. Все это является формулой материализма и фатальности, которую было бы слишком долго и, возможно, опасно объяснять здесь.

Далее следует пролог к гримуару; мы приводим его полностью:

«Святой Апостольский Престол, которому были даны ключи от Царства Небесного словами Иисуса Христа святому Петру: *Я даю ему ключи от Царства Небесного*, единственную власть повелевать князем тьмы и его ангелами.

», которые, как слуги своему господину, должны ему честь, славу и повиновение, в силу других слов, обращенных Иисусом Христом к самому сатане: *«Ты будешь служить только одному господину»*.

Силой ключей глава Церкви был сделан господином преисподней.

До сих пор *только* папы римские обладали властью вызывать духов и повелевать ими; но Его Святейшество Гонорий II, в своей пастырской заботе, благоволил передать науку и власть вызывать духов и повелевать ими своим достопочтенным братьям во Христе Иисусе вместе с обычными заклинаниями, все это содержится в следующей булле».

Вот оно, это понтификат ада, это кощунственное священство антипап, которое Данте, кажется, осуждает своим хриплым криком, вырвавшимся из уст одного из князей его ада: «! *Папа Сатана! Папа Сатана! Алеппо!* Пусть законный папа будет князем небес, этого достаточно, чтобы антипапа Кадалус был повелителем ада.

Пусть он будет богом добра, я же бог зла;

Мы разделены, моя власть равна.

Далее следует булла адского понтифика.

Тайна мрачных заклинаний изложена в ней с пугающей научностью, скрытой под суеверными и кощунственными формами.

Пост, бдения, оскверненные тайны, аллегорические церемонии, кровавые жертвоприношения сочетаются в ней с искусством, полным злобы; вызовы не лишены поэзии и энтузиазма, смешанных с ужасом. Так, например, автор хочет, чтобы в четверг первой недели вызова духов в полночь вставали, бросали святую воду в свою комнату, зажигали желтую восковую свечу, приготовленную в среду, которая должна быть проколота в форме креста. При мерцающем свете этой свечи нужно в одиночестве пойти в церковь и тихо прочитать заупокойную службу, заменив девятую лекцию утренней службы ритмическим заклинанием, которое мы переводим с латыни, сохраняя его странную форму и припевы, напоминающие монотонные *заклинания* ведьм древнего мира:

Господи, избавь меня от адских ужасов,

Освободи мой дух от гробных призраков.

Я пойду в их преисподнюю, чтобы найти их без страха;

Я наложу на них свою волю как закон.

Я скажу ночи родить свет;

Солнце, восстань; луна, будь белой и ясной.

Я без страха говорю с тенями ада,

Я навяжу им свою волю как закон!

Их лица ужасны, а формы странны;

Я хочу, чтобы демоны снова стали ангелами.

Этим безымянным уродствам я говорю без страха,

Я навяжу им свою волю как закон!

Эти тени — ошибка моего испуганного зрения;

Но только я могу исцелить их потрясенную красоту,

Ибо я без страха погружаюсь в глубины ада,

Я навяжу им свою волю как закон!

После нескольких других церемоний наступает ночь призыва; тогда в мрачном месте, при свете костра, разведенного из сломанных крестов, нужно углем от креста начертить круг и одновременно прочитать магический гимн, составленный из стихов нескольких псалмов; вот перевод этого гимна:

Царь радуется, Господи, в Твоей силе,

Позволь мне завершить дело моего рождения.

Пусть тени зла, призраки ночи

Будут как пыль на ветру, который ее преследует.

.....

Господи, ад озаряется и сияет в Твоем присутствии,

Через тебя все заканчивается и через тебя все начинается:

Иегова, Саваоф, Элоим, Элои,

Гелион, Гелиос, Йоджева, Саддай!

Лев Иуды восстает во всей своей славе;

Он приходит от царя Давида, чтобы одержать победу!

Я открываю семь печатей страшной книги;

Сатана падает с неба, как летняя молния!

Ты сказал мне: Да будет далек от тебя ад и его мучения;

Они не приблизятся к твоим чистым обителям

Твои глаза встретятся с глазами василиска,

И твои ноги без страха будут ходить по аспиду.
Ты будешь брать змей, укрощенных твоей улыбкой,
Ты будешь пить яды, и они не смогут навредить тебе.

Элоим, Элоха, Себаот, Гелиос,

Эйе, Эйеазере, о Теос Цехирос!

Земля принадлежит Господу и все, что на ней.

Он сам утверждает ее над открывающейся бездной.

Кто же сможет взойти на гору Господню?

Человек с непорочной рукой и чистым сердцем.

Тот, кто не держит истину в плену

И не принимает ее, чтобы оставить без дела;

Тот, кто понял высоту своей души

И не клянется ложным словом:

Тот получит силу в свое владение.

И такова бесконечность человеческого рождения,

Поколение землей и огнем,

Божественное рождение тех, кто ищет Бога!

Князя природы, расширьте свои врата;

Я снимаю с тебя иго неба! К мне, святые когорты:

Вот царь славы! Он завоевал свое имя;

Он несет в руке печать Соломона.

Учитель сломал черную кабалу сатаны,

И пленником вслед за ним тащит рабство.

Только Господь есть Бог, только Господь есть царь!

Господи, слава Тебе одному, слава Тебе! Слава Тебе!

Неужели мы не слышим мрачных пуритан Уолтера Скотта или Виктора Гюго,
сопровождающих своим фанатичным пением безымянное произведение ведьм из «Фауста»
или «Макбета»!

В заклинании, обращенном к тени гиганта Немерода, того дикого охотника, который начал
строительство Вавилонской башни, последователь Гонория угрожает этому древнему
отверженному усилить его цепи и мучить его с каждым днем все сильнее, если он не
подчинится немедленно его воле.

Разве это не великолепие безумного высокомерия, и разве этот антипапа, который понимал первосвященника только как правителя подземного мира (), не стремится, как к мести за презрение и осуждение живых, к узурпированному и роковому праву вечно мучить мертвых!

ГЛАВА II.

ПОЯВЛЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ-БОГЕМЦЕВ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Обычаи и привычки кочевых богемцев. -- Они приезжают в Шпель, недалеко от Парижа, где епископ проповедует им и отлучает их от церкви. -- Их гадальное искусство и таро.

В начале XV века в Европе стали распространяться группы смуглых и неизвестных путешественников. Одни называли их *богемами*, потому что они говорили, что пришли из Богемии, другие знали их под именем *египтян*, потому что их вождь носил титул герцога Египта. Они занимались гаданием, воровством и мародерством. Это были кочевые орды, разбивавшие лагерь под хижинами, которые они сами строили; их религия была неизвестна; они называли себя христианами, но их правоверие было более чем сомнительным. Они практиковали между собой коммунизм и смешанные браки и использовали для гадания ряд странных знаков, представляющих аллегорическую форму и силу чисел.

TAROTS ÉGYPTIENS PRIMITIFS

Откуда они пришли? Из какого проклятого и исчезнувшего мира они были живыми обломками? Были ли они, как верили суеверные люди, детьми ведьм и демонов? Какой умирающий и преданный спаситель- т осудил их на вечное странствие? Была ли это семья блуждающего еврея? Не были ли они остатками десяти колен Израиля, потерянных в плену и долгое время удерживаемых в цепях Гогом и Магогом в неизвестных краях? Вот что с тревогой спрашивали себя люди, видя проходящих мимо этих таинственных чужаков, которые, казалось, сохранили от исчезнувшей цивилизации только суеверия и пороки. Ненавидящие труд, они не уважали ни собственность, ни семью; они таскали за собой

женщин и детей и с удовольствием нарушали мир честных семей своими мнимыми гаданиями. Послушаем рассказ летописца об их первом лагере в окрестностях Парижа:

«В следующем году, 1427, в воскресенье после середины августа, которое было 17 числа месяца, в окрестности Парижа прибыли двенадцать из них, называющие себя каятелями, а именно герцог, граф и десять мужчин, все верхом на лошадях, которые называли себя очень хорошими христианами и выходцами из *Нижнего* Египта; они утверждают, что раньше были христианами, что другие христиане покорили их и обратили в христианство; что те, кто отказался, были казнены, а те, кто, напротив, принял крещение, остались господами страны, дав слово быть добрыми и верными и хранить веру в Иисуса Христа до самой смерти; они добавляют, что в их стране есть король и королева, которые остаются в своих владениях, потому что приняли христианство. А также, говорят они, через некоторое время после того, как мы стали христианами, сарацины напали на нас. Многие, не твердые в своей вере, не выдержав войны, не защитив свою страну, как должны были, подчинились, стали сарацинами- и отреклись от нашего Господа; и также, говорят они, император Германии, король Польши и другие господа, узнав, что они так легко отреклись от веры и так быстро стали сарацинами и идолопоклонниками, напали на них, легко победили их, как будто хотели оставить их в своей стране, чтобы вернуть к христианству; но император и другие господа, по решению совета, постановили, что они никогда не получают земли в своей стране без согласия папы; что для этого они должны были отправиться в Рим, что все они туда и отправились, большие и малые, с большим трудом для детей; что они исповедали свои грехи; что папа, выслушав их, назначил им в качестве наказания, по решению совета, семь лет странствовать по миру, не ложась ни в одну постель; что он приказал всем епископам и аббатам, носящим посох, дать им раз и навсегда десять турнских лир в качестве субсидии на их расходы; что он передал им письма, в которых все это было изложено, дал им свое благословение и что уже пять лет они странствуют по миру.

Через несколько дней, в день святого Жана Деколаса, то есть 29 августа, прибыла община, которую не пустили в Париж, но по справедливости разместили в Шапель-Сен-Дени. Их число составляло около ста двадцати человек, включая мужчин, женщин и детей. Они уверяют, что, покидая свою страну, их было от тысячи до двенадцатисот; что остальные умерли в пути вместе с королем и королевой; что те, кто выжил, надеялись еще обладать имуществом в этом мире, потому что Святой Отец обещал им хорошую и плодородную землю, когда они закончат свое покаяние.

Когда они прибыли в Чапель, на благословении *Ландита* никогда еще не видели столько людей, так как из Сен-Дени, Парижа и его окрестностей стекались толпы, чтобы увидеть их. Их дети, мальчики и девочки, были очень ловкими фокусниками. У почти всех были проколоты уши, и в каждом ухе висело по одному или два серебряных кольца; они говорили, что в их стране это считается знаком благородства; они были очень смуглые, с вьющимися волосами. Женщины были самыми уродливыми и самыми смуглыми из всех, кого можно было увидеть; у всех лица были покрыты *язвами*, волосы черные, как хвост лошади, а вместо одежды они носили старую флазую или скьявину, завязанную на плече веревкой или куском ткани, а под ней — убогий рокет или рубашку. Одним словом, это были самые бедные существа, которых когда-либо видели во Франции. И тем не менее, несмотря на свою бедность, среди них были ведьмы, которые смотрели на руки людей и говорили каждому, что с ним случилось и что с ним должно было случиться; и они сеяли разлад в семьях, потому что говорили мужу: «Твоя жена... твоя жена... твоя жена «сделала тебя кусом», а жене: «Твой муж... сделал тебя.... »*soulre*;» и, что еще хуже, обращаясь к людям с помощью магии, врага из ада или ловкости, они опустошали их кошельки и наполняли свои;» и парижский буржуа,

[illegible]

Неизвестно, продолжили ли они свое путешествие, направляясь все так же на север от столицы, но несомненно, что память о них сохранилась в одном из уголков департамента Нор.

«В лесу недалеко от деревни *Хамель*, в пятистах шагах от памятника из шести друидских камней, находится фонтан под названием «*Кухня колдунов*»; и, согласно преданию, именно там отдыхали и утоляли жажду *Кара мара*, которые, несомненно, являются *Кара'маром*, то есть цыганами, колдунами и странствующими гадалками, которым древние хартии Фландрии предоставляли право на питание за счет местных жителей.

«Они покинули Париж, но на их место пришли другие, и Франция не менее эксплуатируется ими, чем другие страны. Их не видно ни в Англии, ни в Шотландии, и все ^{же} в последнем королевстве их число вскоре превысило сто тысяч ¹⁶. Там их называют *seard* и *caird*, или, как бы говоря, ремесленниками, рабочими, потому что это шотландское слово происходит от санскритского *ker*, от которого произошли глагол делать, *Ker-aben* у богемцев и латинское *cerdo* (сапожник), чем они не являются. Если в то время их не видели на севере Испании, где христиане укрывались от мусульманского господства, то, вероятно, потому, что им больше нравилось на юге с арабами, но при Иоанне II их хорошо отличали от последних, не зная, однако, откуда они родом. Как бы то ни было, с этого времени они стали широко известны на всем европейском континенте. Одна из банд короля Синдела появилась в Регенсбурге в 1433 году, а сам Синдел в 1439 году разбил лагерь в Баварии со своим отрядом. По-видимому, он прибыл из Чехии, поскольку баварцы, забыв о тех, кто в 1433 году выдавал себя за египтян, называли их *богемцами*. Под этим именем они вновь появляются во Франции и отныне известны там. Хотя бы и неохотно, но их терпят. Одни бродят по горам и ищут золото в реках, другие куют подковы и цепи для собак; эти, скорее мародёры, чем паломники, проникают повсюду, рыщут везде и везде воруют и крадут. Есть и такие, которые решают осесть и, устав постоянно ставить и снимать палатки, роют себе *землянки* — квадратные хижины размером от четырех до шести футов, покрытые крышей из веток, козырек которой, опирающийся на два Y-образных столба, поднимается над землей не более чем на два фута. В этой берлоге, о которой во Франции осталось лишь название, в беспорядке скучивается вся семья; в этой лачуге, у которой нет других отверстий, кроме двери и дымохода, отец кует, дети, сидя на корточках вокруг огня, раздувают мехи, а мать кипятит кастрюлю, в которой никогда не кипит ничто, кроме плодов нескольких краж; именно в этом притоне, где на длинных деревянных гвоздях висят несколько старых лохмотьев, уздечка и ранец, где вся мебель состоит из наковальни, клещей и молотка, именно там, говоря я, встречаются легкоеверие и любовь, девица и рыцарь, замок и паж; именно туда они приходят, чтобы открыть свои белые обнаженные ладони пронзительному взгляду сивиллы; именно там покупается любовь, продается счастье, оплачивается ложь; отсюда берут начало уличные артисты и гадалки, звездные платья и остроконечные шапки волшебников, бандиты и аргю, уличные

танцовщицы и девушки по развлечению. Это царство лени и обмана, грубости и откровенной лжи; это люди, готовые на все, чтобы ничего не делать, как говорит наивный сказочник средневековья; и такой же выдающийся, как и скромный ученый, г-н Вайан, автор «*Особой истории ромов-муни или богемцев*», из которой мы приводим здесь несколько страниц, хотя он и придает им большое значение в истории священства древнего мира, не рисует их в лестном свете. Так, он рассказывает нам, как эти странные протестанты первобытных цивилизаций, проходящие через века с проклятием на лбу и грабежом в руках, сначала вызывали любопытство, затем недоверие, а наконец — изгнание и ненависть средневековых христиан. Поняли, насколько опасным мог быть этот народ без родины, паразит всего мира и гражданин нигде; эти бедуины, которые пересекали империи, как пустыни, эти бродячие воры, которые проникали повсюду, никогда не останавливаясь на одном месте. Поэтому вскоре они стали для народа колдунами, даже демонами, чародеями, похитителями детей, и во всем этом была доля правды; их повсюду обвиняли в том, что они тайно совершают ужасные ритуалы. Вскоре слухи стали всеобщими, их стали обвинять во всех неизвестных убийствах, во всех таинственных похищениях; как греки из Дамаска обвиняли евреев в том, что те убили одного из своих, чтобы выпить его кровь; и утверждали, что они предпочитают мальчиков и девочек от двенадцати до пятнадцати лет. Это, без сомнения, верный способ вызвать к ним отвращение и отдалить от них молодежь, но этот способ отвратителен, потому что народ и дети слишком легковжны, а страх порождает ненависть, из которой рождается преследование. Итак, все кончено! Их не только избегают, от них бегут, но и отказывают им в огне и воде; Европа стала для них Индией, и каждый христианин стал для них брахманом. В некоторых странах, если какая-нибудь девушка, сжавшись, подходит к одному из них, чтобы положить ему в руку монету: «Осторожно, моя дорогая, — кричит ей взволнованная гувернантка, — это *каткаон*, людоед, который придет ночью, пока ты будешь спать, и выпьет твою кровь»; и девушка отступает, дрожа; если какой-нибудь мальчик проходит достаточно близко от них, чтобы его тень отразилась на стене, у которой они сидят, где вся семья ест или отдыхает на солнце: «Прочь, ребенок, — кричит ему его учитель, — эти *Стригои* (вампиры) заберут твою тень, и твоя душа будет танцевать с ними на шабаше всю вечность». Так ненависть христиан возрождает против них лемуров и эльфов, вампиров и людоедов, и каждый комментирует их на .-Не являются ли они, говорит один, потомками того Мамбреса, который осмелился соперничать с Моисеем в чудесах? Не посланы ли они египетским царем, чтобы проследить за детьми Израиля по всему миру и вернуть им их тяжкую судьбу? — Я полагаю, — говорит другой, — что это палачи, которых Ирод использовал для истребления новорожденных в Вифлееме. — Вы ошибаетесь, — сказал третий, — эти язычники не понимают ни слова по-египетски, напротив, в их языке много еврейских слов. Так что это всего лишь нечистые отродья той презренной расы, которая спала в Иудее в гробницах, пожирая тела, которые в них лежали. -Ошибка! Ошибка! — воскликнул четвертый. — Это просто те же неверные евреи, которых пытали, изгоняли и сжигали в 1348 году за отравление наших колодцев и цистерн, и которые вернулись, чтобы начать все сначала. -Да какая разница? - добавляет последний. - Египтяне или евреи, ессеи или хуси, фараоны или кафтори, балистари из Ассирии или филистимляне из Ханаана, все они отступники, об этом говорили в Саксонии, во Франции, везде, их нужно повесить и сжечь.

Примечание 16: (возврат) Борреу.

Вскоре в их запрет включают эту странную книгу, которая служит им для гадания и предсказания будущего. Эти разноцветные карточки с непонятными рисунками, которые (как и следовало ожидать) являются монументальным обобщением всех откровений древнего мира, ключом к египетским иероглифам, ключицами Соломона, древними писаниями Еноха и Гермеса. Здесь автор, которого мы только что процитировали,

демонстрирует необычайную проницательность, он говорит о таро как человек, который еще не понимает его до конца, но глубоко изучил его; давайте посмотрим, что он говорит:

«Форма, расположение, компоновка этих табличек и изображенные на них фигуры, хотя и претерпевшие различные изменения с течением времени, настолько явно аллегоричны, а аллегории настолько соответствуют гражданской, философской и религиозной доктрине древности, что нельзя не признать в них синтез всего, что составляло веру древних народов. Из всего вышесказанного мы достаточно ясно дали понять, что это вывод из звездной книги *Еноха*, которая является *Енохией*; что она смоделирована по образцу астрального колеса *Атора*, которое является *Астартой*; что, подобно индийскому *от-тара*, полярная медведица или *арктура* Севера, она является главной силой (*tarie*), на которой основывается прочность мира и *звездный* свод земли; что, следовательно, как полярная медведица, из которой сделали колесницу солнца, колесницу Давида и Артура, она является греческой удачей, китайской судьбой, египетским случаем, судьбой Рима; и что, непрерывно вращаясь вокруг полярной звезды, небесные светила приносят земле благо и зло, свет и тень, тепло и холод, откуда проистекают добро и зло, любовь и ненависть, которые составляют счастье и несчастье людей.

«Хотя происхождение этой книги теряется в глубине веков, так что мы не знаем, где и когда она была создана, все указывает на то, что она имеет индо-татарское происхождение и что, претерпев различные изменения древними народами в соответствии с нюансами их учений и характером их мудрецов, она была одной из книг их оккультных наук и, возможно, даже одной из их сивиллических книг. Мы достаточно подробно описали путь, который она могла пройти, чтобы дойти до нас; мы видели, что она, должно быть, была известна римлянам и что она могла быть принесена им не только в первые дни империи, но даже в самые ранние времена республики многочисленными иностранцами, которые, прибыв с Востока и посвященные в тайны Бахуса и Исида, принесли свои знания наследникам Нумы».

Г-н Вайан не говорит, что четыре иероглифических знака таро, жезлы, чаши, мечи и монеты или золотые циклы, встречаются у Гомера, высеченные на щите Ахилла, но, по его мнению:

«Чаши равны дугам или аркам времени, сосудам или сосудам неба.

«Монеты соответствуют звездам, светилам, лунам; мечи соответствуют огню, пламени, лучам; жезлы соответствуют теням, камням, деревьям, растениям.

«Туз чаши — это сосуд вселенной, арка истины неба, начало земли.

«Туз монет — это солнце, единственный глаз мира, пища и элемент жизни.

«Туз мечей — это копье Марса, источник войн, несчастий, побед.

«Туз жезлов — это глаз змеи, посох пастуха, кнут скотовода, палка Геракла, символ земледелия.

«Двойка купалей — это корова, *Ио* или *Исида*, и бык *Апис* или *Мневис*.

«Тройка купалей — это *Исида*, луна, госпожа и королева ночи.

«3 монет — это *Осирис*, солнце, повелитель и царь дня.

«9 монет — это *посланник Меркурий* или *ангел Гавриил*.

«Девятка купалей — это *беременность доброй судьбы*, из которой рождается счастье».

«Наконец, — говорит нам г-н Вайан, — существует китайская таблица, составленная из иероглифов, которые образуют большие квадратные отсеки, все одинаковые и точно такого же размера, как карты таро. Эти отсеки распределены по шести перпендикулярным столбцам, из которых первые пять содержат по четырнадцать отсеков каждый, всего семьдесят, а шестой, заполненный только наполовину, содержит только семь. Кроме того, эта таблица составлена по той же комбинации числа 7; каждая полная колонка содержит 2 раза $7 = 14$, а та, которая заполнена только наполовину, содержит семь. Она настолько похожа на таро, что четыре масти таро заполняют ее первые четыре колонки; из 21 козыря 14 заполняют пятую колонку, а остальные 7 козырей — шестую. Таким образом, шестая колонка из 7 козырей соответствует шести дням недели творения. Согласно китайцам, эта таблица восходит к первым векам их империи, к осушению вод потопа Яо; поэтому можно сделать вывод, что она является либо оригиналом, либо копией таро, и в любом случае, что таро предшествует Моисею, что оно восходит к истокам веков, к эпохе создания Зодиака, и, следовательно, что оно существует уже 6600 лет ⁽¹⁷⁾.

Примечание 17: (назад) По всем вопросам, касающимся таро, см. *Court de Gebelin*, 1 т. in-8, и *Dogme et rituel de la haute magie*, Элифас Леви. 1856, 2 т. in-8, с 23 иллюстрациями.

«Таков *таро* Римлян, из которого евреи по аналогии создали *Тору*, или закон Иеговы. Далеко не будучи игрой, как сегодня, он был книгой, серьезной книгой, книгой символов и эмблем, аналогий или отношений между звездами и людьми, книгой судьбы, с помощью которой колдун раскрывал тайны судьбы. Его фигуры, их имена, их количество, гадания, которые из них вытягивали, естественно, сделали его для христиан инструментом дьявольского искусства, магии; поэтому можно понять, с какой строгостью они должны были запретить его, как только узнали о злоупотреблениях, которые нескромность *Саги* совершала по отношению к общественной доверчивости. Тогда вера в его слово была утрачена, *таро* стало игрой, а его таблички изменились в соответствии со вкусами народов и духом века. Именно из этой игры в *таро* произошли наши игральные карты, комбинации которых уступают комбинациям *таро* так же, как игра в шашки уступает игре в шахматы. Поэтому ошибочно связывать происхождение современных карт с правлением Карла VI, поскольку уже в 1332 году посвященные в *орден Банды*, учрежденный Альфонсо XI, королем Кастилии, давали клятву не играть в карты. При Карле V, прозванном Мудрым, святой Бернард Сиенский приговорил к сожжению карты, называвшиеся тогда *триумфальными*, из игры «*триумф*», в которую уже играли в честь триумфатора *Осириса* или *Ормузда*, одной из карт таро; кстати, сам король запретил их в 1369 году, и маленький Жан де Сентр был удостоен его милости только потому, что не играл в них.

Тогда их называли в Испании «*наипс*», а в Италии — «*науби*», потому что *науби* — это бесы, сивиллы, пифии».

Г-н Вайан, которого мы только что процитировали, предполагает, что таро было изменено и видоизменено, что верно для немецких таро с китайскими фигурами, но не верно ни для итальянских таро, которые изменились лишь в некоторых деталях, ни для таро из Безансона, в которых еще можно найти следы древних египетских иероглифов. В нашей книге «*Догма и ритуал высшей магии*» мы уже говорили о том, насколько неудачными были работы Эттейя или Аллиета над таро. Этот просветленный парикмахер после тридцати лет экспериментов сумел создать лишь уродливый таро, в котором ключи перепутаны, числа больше не соответствуют знакам, таро, одним словом, подходящее Эттейю и соответствующее его интеллекту, который был далек от совершенства.

Мы не верим, как и г-н Вайан, что цыгане были законными владельцами этого ключа к посвящению. Они, без сомнения, получили его благодаря неверности или неосторожности какого-то еврейского каббалиста. Цыгане родом из Индии, что достаточно правдоподобно доказал их историк. Однако таро, которое у нас есть и которое принадлежит цыганам, пришло из Египта через Иудею. Ключи к этому таро, действительно, относятся к буквам еврейского алфавита, а некоторые фигуры даже повторяют форму символов этого священного алфавита.

Кем же были эти цыгане? Как сказал поэт:

Остатки гнусного

Старого мира;

это была секта индийских гностиков, которых их коммунизм изгнал со всей земли. Они были, как они сами почти говорили, осквернителями великой тайны, подвергнутыми роковому проклятию. Стадо, сбитое с пути каким-то восторженным факиром, они стали странниками по земле, протестуя против всех цивилизаций во имя мнимого естественного права, которое освобождало их почти от всех обязанностей. Однако право, которое хочет навязаться, освобождаясь от обязанностей, — это агрессия, это грабеж, это разбой, это рука Каина, поднятая на своего брата, и общество, которое защищается, кажется, мстит за смерть Авеля.

В 1840 году рабочие из пригорода Сен-Антуан, устав, по их словам, от того, что их обманывают журналисты и используют в качестве инструмента для достижения амбиций красноречивых ораторов, решили сами основать и издавать газету, отличающуюся чистым радикализмом и логикой без уклонов и двусмысленностей.

Они собрались и провели совещание, чтобы четко сформулировать свои доктрины; в качестве основы они взяли республиканский девиз: *свобода, равенство* и все остальное. Свобода казалась им невозможной с обязанностью работать, равенство — с правом приобретать, и они пришли к выводу о коммунизме. Но один из них заметил, что в коммунизме самые умные будут руководить распределением и получают львиную долю. Поэтому было решено, что никто не будет иметь права на интеллектуальное превосходство. Кто-то заметил, что даже физическая красота составляет аристократию, и было провозглашено равенство уродства. Затем, поскольку человек привязывается к земле, возделывая ее, было решено, что истинные коммунисты не могут быть ферме, имея только мир в качестве родины и человечество в качестве семьи, они должны организоваться в караваны и вечно путешествовать по миру. То, что мы здесь рассказываем, не является притчей, мы знали людей, присутствовавших на этом совещании, мы читали первый номер их газеты под названием «*Humanitaire*», которая была преследована и закрыта в 1841 году (см. судебные процессы над прессой того времени). Если бы эта газета смогла продолжить свою деятельность, если бы зарождающаяся секта набрала последователей, как это делал тогда бывший прокурор Кабе для эмиграции на Икарию, то организовалась бы новая банда богемных бродяг, и бродяжничество пополнилось бы еще одним народом.

ГЛАВА III.

ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ РАЙМУНДА ЛУЛЛЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Его труды, его великое искусство, почему его называют Просветленным Доктором. -- Его теории в герметической философии. -- Магия у арабов. -- Идеи Раймунда Луллия об Антихристе и всеобщей науке.

Церковь, как мы уже говорили, запретила посвящение в тайны из-за ненависти к осквернению гнозиса. Когда Мухаммед поднял на Востоке фанатизм против веры, против благочестия, которое не знает и молится, он противопоставил ему дикую легковёрность, которая сражается. Его последователи закрепились в Европе и вскоре угрожали вторгнуться в нее. «Провидение наказывает нас, — говорили христиане, — а мусульмане отвечали: «Судьба на нашей стороне».

Каббалисты-иудеи, боявшиеся быть сожженными как колдуны в католических странах, укрылись у арабов, которые в их глазах были еретиками, но не идолопоклонниками. Они восхищались некоторыми из них за знание тайн, и ислам, уже торжествующий силой, вскоре смог надеяться на торжество и благодаря науке тех, кого образованная Аравия с презрением называла *варварами Запада*.

Гений Франции противостоял вторжению силы ударами своего страшного молота. Железный палец провел линию перед наступающей волной мусульманских войск, и громкий голос победы провозгласил: *«Ты не продвинешься дальше»*.

Гений науки породил Раймунда Луллия, который отстаивал для Спасителя, сына Давидова, наследие Соломона и впервые призвал детей слепой веры к великолепию всеобщего знания.

Следует видеть, с каким презрением до сих пор говорят об этом великом человеке ложные ученые и ложные мудрецы! Но народный инстинкт отомстил за него. Роман и легенда овладели его историей. Его изображают влюбленным, как Абельяр, посвященным, как Фауст, алхимиком, как Гермес, кающимся и ученым, как святой Иероним, путешественником, как блуждающий еврей, благочестивым и просветленным, как святой Франциск Ассизский, мучеником, как святой Стефан, и славным в смерти, как Спаситель мира.

Начнем с романа; это один из самых трогательных и красивых романов, которые мы знаем: В воскресенье 1250 года в Пальме, на острове Майорка, мудрая и красивая дама по имени *Амброзия ди Кастелло*, уроженка Генуи, шла в церковь.

По улице проезжал всадник в богатом облачении; он увидел даму, остановился как пораженный молнией; она вошла в церковь и исчезла в тени притвора. Всадник, не зная, что делает, погнал лошадь и последовал за ней среди испуганных прихожан: поднялся большой шум и скандал. Всадник был известен; это был сеньор Раймунд Лулль, сенешаль островов и мэр дворца: у него была жена и трое детей; два сына, один из которых, как и он сам, звался Раймундом, а другой — Гильомом, и дочь по имени Мадлен. Мадам Амброзия ди Кастелло также замужем и, кроме того, пользуется безупречной репутацией. Раймонд Лулль считался тогда большим соблазнителем. Его вход на лошади в церковь Пальмы вызвал большой шум в городе. Амброзия, вся в замешательстве, посоветовалась со своим мужем, который, без сомнения, был мудрым человеком и не счел, что его жена была оскорблена, потому что ее

красота вскружила голову молодому и блестящему сеньору; но он посоветовал Амброзии излечить своего безумного поклонника тем же безумием, которое она сама вызвала. Раймунд Лулль уже написал даме письмо, чтобы извиниться или еще больше обвинить себя. «То, что она вдохновила его, — говорил он, — было странным, сверхчеловеческим, роковым: он уважал ее честь, ее чувства, которые, как он знал, принадлежали другому. Но он был поражен молнией, ему нужно было проявить преданность, принести жертвы, совершить чудеса, покаяться как столпник, проявить доблесть странствующего рыцаря».

Амброзия ответила ему:

«Чтобы ответить на любовь, которую вы называете сверхчеловеческой, мне понадобилась бы бессмертная жизнь.

Эта любовь, героически и полностью посвященная нашему долгу на протяжении всей жизни дорогих нам людей (и я желаю, чтобы она была долгой), могла бы создать для нас вечность в тот момент, когда Бог и мир позволили бы нам любить друг друга.

Говорят, что существует эликсир жизни; постарайтесь его найти, и когда будете уверены в своем открытии, приходите ко мне.

До тех пор живите для своей жены и детей, как я буду жить для своего любимого мужа, и если встретите меня на улице, даже не узнавайте меня».

Это было любезное прощание, которое, как видно, откладывало встречу наших влюбленных на неопределенный срок, но он не воспринял это так, и с того дня блестящий сеньор исчез, уступив место мрачному и серьезному алхимику. Дон Жуан стал *Фаустом*. Прошли годы. Умерла жена Раймунда Луллия, Амброзия ди Кастелло в свою очередь стала вдовой, но алхимик, казалось, забыл о ней и занимался только своим великим делом.

Наконец, однажды, когда вдова была одна, ей объявили о приходе Раймунда Луллия: она увидела входящего бледного лысого старика, который держал в руке флакон, наполненный эликсиром, красным как огонь; он шатаясь подошел к ней и искал ее глазами: она стояла перед ним, но он не узнал ее, потому что в его воображении она была все еще молода и красива, как в церкви в Пальме. «Это я, — наконец сказала она, — что вам нужно?» Услышав этот голос, алхимик вздрогнул, он узнал ее, ему показалось, что она все еще молодая Э, он бросился к ее ногам и, протягивая ей флакон в бреду, сказал: «Вот, возьмите, выпейте, это жизнь. Я вложил в него тридцать лет своей жизни, но я испытал его, я уверен, это эликсир бессмертия!

— Как вы его испытали? — спросила Амброзия с грустной улыбкой.

— В течение двух месяцев, — сказал Раймонд, — после того как я выпил такое же количество эликсира, я воздерживался от любой пищи. Голод скручивал мне кишки, но я не только не умер, но и могу сказать, что чувствую в себе больше жизни и силы, чем когда-либо.

— Я вам верю, — сказала Амброзия, — но этот эликсир, который сохраняет жизнь, не возвращает молодость, мой бедный друг, посмотрите на себя», — и она протянула ему зеркало.

Раймунд Лулль отступил. За тридцать лет он ни разу не подумал о том, чтобы посмотреть на себя.

«А теперь, Раймонд, посмотри на меня», — сказала Амброзия, открывая свои седые волосы; затем, расстегнув застежку на платье, она показала ему свою грудь, которая была почти полностью съедена раком: «Это ли, — добавила она, — ты хочешь увековечить?»

Затем, видя потрясенного алхимика, она сказала:

«Послушайте меня, — сказала она, — я люблю вас уже тридцать лет и не хочу обрекать вас на пожизненное заключение в теле старика; не обрекайте меня в свою очередь. Пощадите меня от этой смерти, которую называют жизнью. Позвольте мне преобразиться, чтобы жить заново, погрузимся в вечную молодость. Я не хочу вашего эликсира, который продлевает ночь могилы, я стремлюсь к бессмертию».

Тогда Раймунд Лулль бросил на землю флакон, который разбился.

«Я освобождаю вас, — сказал он, — и остаюсь в тюрьме за вас. Живите в бессмертии небес, а я навсегда обречен на живую смерть на земле».

Затем, скрыв лицо в ладонях, он убежал, разрыдавшись.

Через несколько месяцев монах ордена Святого Франциска сопровождал Амброзию ди Кастелло в ее последние минуты: этим монахом был Раймунд Лулль. На этом роман заканчивается, и начинается легенда.

Эта легенда, объединяющая в одном лице трех или четырех Раймундов Луллей, которые существовали в разные эпохи, дает рассказавшемуся алхимику несколько веков существования и искупления. В день, когда бедный адепт должен был умереть, он испытывал все муки агонии, а затем, в момент высшего кризиса, почувствовал, как жизнь возвращается к нему, подобно тому, как стервятник Прометея возобновил свой пир. Спаситель мира, который уже протягивал ему руку, с грустью возвращался в небо, которое закрывалось, и Раймунд Лулль оказывался на земле без надежды когда-либо умереть.

Он начал молиться и посвятил свою жизнь добрым делам; Бог даровал ему все свои милости, кроме смерти, и что делать с остальными, если нет той, которая должна их дополнить и увенчать? Однажды ему явилось дерево познания, усыпанное светящимися плодами; он понял сущность бытия и его гармонию, он угадал каббалу, заложил основы и начертил план всеобщей науки, и с тех пор его называли только *просветленным доктором*.

Он обрел славу. Это роковое вознаграждение за труд, которое Бог в своем милосердии дарует великим людям лишь после их смерти, потому что оно опьяняет и отравляет живых. Но Раймунд Лулль, который не смог умереть, чтобы освободить место для нее, должен был еще бояться увидеть ее смерть раньше своей, и эта слава казалась ему лишь насмешкой над его бессмертным несчастьем.

Он умел делать золото и мог купить мир и все его памятники, но не мог обеспечить себе наслаждение ни одной могилой.

Он был бедняком бессмертия. Везде он просил смерти, и никто не мог дать ее ему.

Он принял философию арабов, он победоносно боролся с исламом и должен был бояться фанатизма сектантов; бояться всего, то есть, возможно, надеяться на что-то, и он надеялся на смерть.

Он взял в слуги молодого араба, одного из самых фанатичных, и предстал перед ним как бич учения Мухаммеда. Араб убил своего хозяина, чего и ждал Раймунд Лулль, но он не умер, как

надеялся, не смог получить прощение своего убийцы и испытывал угрызения совести вместо освобождения и покоя.

Едва залечив свои раны, он отправляется в Тунис, где публично проповедует христианство, но бей, восхищаясь его знаниями и мужеством, защищает его от ярости народа и отправляет его на корабле со всеми его книгами. Раймунд Лулль возвращается, проповедует в Бонне, Буги и других городах Африки; ошеломленные мусульмане не осмеливаются прикоснуться к нему. Он возвращается в Тунис, наконец, в Тунис, и, собрав народ на улицах, восклицает, что он уже был изгнан из страны, но что он возвращается, чтобы опровергнуть нечестивые догмы Мухаммеда и умереть за Иисуса Христа. На этот раз никакая защита невозможна, разъяренный народ преследует его, это настоящий бунт; он бежит, чтобы еще больше возбудить их, он уже избит, залит кровью, покрыт ранами, но все еще жив. Наконец он падает, буквально погребенный под горой камней.

На следующую ночь два генуэзских купца, Стефан Колон и Луи де Пасторга, проплывая в открытом море, увидели большой свет, поднимающийся из порта Туниса. Они подошли ближе и увидели кучу камней, которая далеко рассыпала это чудесное сияние; они поискали под камнями и нашли Раймунда Луллия, сломанного и живого, погрузили его на свой корабль и отвезли на Майорку, его родину. Но при виде этого острова мученик наконец скончался, Бог избавил его чудом, и его покаяние было завершено.

Такова одиссея легендарного Раймунда Лулля: теперь перейдем к историческим фактам.

Раймунд Лулль, философ и адепт, заслуживший прозвище «просветленный доктор», был сыном сенешаля Майорки, прославившегося своей несчастной любовью к Амброзии ди Кастелло. Он не создал эликсир бессмертия, но сделал золото в Англии для короля Эдуарда III; это золото называли золотом Раймунда, и до сих пор существуют очень редкие монеты, которые любопытные называют «раймундинами».

Луи Фигье предполагает, что эти «раймондины» — это монеты «nobles à la » с изображением розы, отчеканенные во время правления Эдуарда III, и, возможно, несколько легкомысленно утверждает, что алхимия Раймунда Луллия была лишь усовершенствованием золота, что было трудно распознать в то время, когда химические процессы были гораздо менее совершенными, чем в наши дни. Тем не менее, этот ученый признает научную ценность Раймунда Луллия и так оценивает его (*Doctrine et travaux des alchimistes*, стр. 82):

«Раймунд Лулль, чей гений проявился во всех областях человеческого знания и который изложил в своей книге *Ars magna* обширную философскую систему, обобщающую энциклопедические принципы науки своего времени, не мог не оставить химикам полезное наследие. Он усовершенствовал и тщательно описал различные соединения, которые широко используются в химии. Именно ему мы обязаны получением карбоната калия с помощью винного камня и древесной золы, очисткой спирта, получением эфирных масел, купажированием серебра и получением мягкой ртути».

Другие ученые, убежденные в чистоте золота благородных с розой, считали, что, поскольку в средние века практическая химия имела весьма несовершенные методы, трансмутации Раймунда Луллия и других адептов были ничем иным, как отделением золота, скрытого в серебряных рудах, и очищенного с помощью сурьмы, которая действительно обозначается многими герметическими символами как эффективный и главный элемент порошка проекции.

Мы согласимся с ними в том, что химия не существовала в средневековье, и добавим, что она была создана адептами или, скорее, адептами-, которые хранили для себя секреты синтеза, это сокровище магических святилищ, научили своих современников некоторым методам анализа, которые с тех пор были усовершенствованы, но еще не привели наших ученых к открытию этой древней синтезы, которая, собственно говоря, и является герметической философией.

Раймунд Лулль заключил в своем философском завещании все принципы этой науки, но в завуалированной форме, как это было принято и как того требовал долг всех адептов: поэтому он составил ключ к этому завещанию, а затем ключ к ключу, то есть кодицилл, который, по нашему мнению, является самым важным из его сочинений по алхимии. Принципы, которые в нем содержатся, и методы, которые в нем излагаются, не имеют ничего общего с усовершенствованием чистых металлов или с разделением сплавов. Это теория, соответствующая принципам Гебера и Арнольда де Вильнёва в практическом отношении и высшим концепциям каббалы в доктринальном отношении. Серьезные умы, которые не позволяют себе унывать из-за дискредитации, в которую иногда попадают великие вещи из-за невежества, должны, чтобы продолжить после самых могущественных гениев древнего мира поиски абсолюта, сначала изучить и каббалистически обдумать кодицилл Раймунда Луллия.

Вся жизнь этого замечательного адепта, первого после святого Иоанна посвященного в иерархическое апостольство святой ортодоксии, вся его жизнь, скажем так, прошла в благочестивых основаниях, проповедях, огромных научных трудах. Так, в 1276 году он основал в Пальме колледж францисканцев, посвященный изучению восточных языков и, прежде всего, арабского языка, с особой миссией опровергать книги мусульманских докторов и проповедовать маврам христианскую веру. Иоанн XXI утвердил это учреждение брионом, датированным в Витербо 16 декабря первого года своего понтификата.

С 1293 по 1311 год он просил и получил от папы Николая IV и королей Франции, Сицилии, Кипра и Майорки разрешение на создание нескольких колледжей для изучения языков. Везде он преподавал свое великое искусство, которое представляло собой универсальный синтез человеческих знаний и имело целью привести людей к тому, чтобы они говорили на одном языке, как они будут иметь одну мысль. Он приехал в Париж и поразил самых ученых докторов; затем он отправился в Испанию, остановился в Комплуте и основал там центральную академию для изучения языков и наук; реформирует несколько монастырей, путешествует по Италии и набирает солдат для нового военного ордена, учреждение которого он просит на том же соборе в Виенне, который осуждает тамплиеров. Это католическая наука, это истинное посвящение святого Иоанна, который хочет вернуть из рук неверных меч защитника храма. Великие мира сего смеются над бедным Раймундом Луллем, но, несмотря на себя, делают все, что он желает. Этот просветленный человек, которого в насмешку называют Раймундом-фантастом, кажется папой пап и королем королей: он беден, как Иов, и дает милостыню правителям; его называют сумасшедшим, а он сбивает с толку мудрецов. Величайший политик того времени, кардинал Сименес, ум столь же обширный, сколь и серьезный, говорит о нем только как о божественном Раймонде Лулле и просветленном докторе. Он умер, по словам Женебарда, в 1314 году, или, по словам автора предисловия к *«Медитациям отшельника Блакерна»*, в 1315 году (). Ему было восемьдесят лет, и конец его трудолюбивой и святой жизни наступил в день праздника и мученичества апостолов святого Петра и святого Павла.

Будучи учеником великих каббалистов, Раймунд Лулль стремился создать универсальную и абсолютную философию, заменив условные абстракции систем фиксированным понятием

реальности природы, а двусмысленные термины схоластики — простым и естественным словом. Он упрекал определения ученых своего времени в том, что они вечно продолжают споры из-за своей неточности и двусмысленности. *Человек — разумное животное*, говорит Аристотель; человек — не животное, можно ответить, и он редко бывает разумным. Более того, *животное и разумное* — два термина, которые не могут сочетаться. По вашему мнению, сумасшедший не является человеком и т. д. Раймунд Лулль определяет вещи по их собственным названиям, а не по синонимам или приблизительным понятиям; затем он объясняет названия с помощью этимологии. Так, на вопрос: что такое человек? он ответит: это слово в общем смысле означает человеческое состояние; в частном смысле оно обозначает человеческую личность. Но что такое человеческое лицо? — Первоначально это лицо, которое создал Бог, вдохнув жизнь в тело, взятое из *земли (гумуса)*; в настоящее время это вы, это я, это Петр, это Павел и т. д. Люди, привыкшие к научному жаргону, будут возмущаться и говорить просветленному доктору, что любой может сказать то же самое, что он рассуждает как ребенок, что с таким подходом все были бы учеными и что мы предпочли бы здравый смысл простых людей () любой академической доктрине. «Именно этого я и хочу», — просто ответил бы Раймунд Лулль. Отсюда и упрек в детскости, адресованный всей ученой теории Раймунда Луллия, и она действительно была детской, детской, как мораль того, кто сказал: если вы не станете подобными маленьким детям, вы никогда не войдете в Царство Небесное. Царство небесное — разве это не царство науки, поскольку вся небесная жизнь людей и Бога — это только разум и любовь!

Раймунд Лулль хотел противопоставить христианскую каббалу фаталистической магии арабов, традиции Египта — традициям Индии, магию света — черной магии; он говорил, что в последние времена учения Антихриста будут материализованным реализмом, и тогда воскреснут все чудовищности злой магии; поэтому он готовил умы к возвращению Еноха, то есть к последнему откровению этой науки, ключ к которой находится в иероглифических алфавитах Еноха, и чье примиряющее свет разума и веры предшествует мессианскому и всеобщему царствованию христианства на земле. Для истинных каббалистов и провидцев этот человек был великим пророком, а для скептиков, которые, по крайней мере, умеют уважать великие личности и высокие устремления, он был возвышенным мечтателем.

ГЛАВА IV.

АЛХИМИКИ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Фламель, Тритхем, Агриппа, Гийом Постель и Парацельс.

Фламель принадлежит исключительно к алхимии, поэтому мы упомянем о нем только в связи с книгой иероглифов Авраама Иудея, в которой писатель с улицы Сен-Жак-ла-Бушри нашел абсолютные ключи к великому делу.

Эта книга была основана на ключах Таро и представляла собой лишь иероглифический герметический комментарий к Сефер Джебзира. Мы видим, что, согласно описанию Фламеля,

в книге было двадцать одна страница, или двадцать две с учетом титульного листа, и что они были разделены на *три семерки*, с одной страницей без надписей на каждой седьмой странице.

Заметим, что Апокалипсис, это возвышенное каббалистическое и пророческое резюме всех оккультных образов, также делит свои образы на три семерки, после каждой из которых наступает тишина в небесах, что является поразительной аналогией с незаполненным листом мистической книги Фламеля.

Семерки Апокалипсиса — это сначала семь печатей, которые нужно открыть, то есть семь тайн, которые нужно познать, и семь трудностей, которые нужно преодолеть; семь труб, которые нужно затрубить, то есть семь слов, которые нужно понять, и семь чаш, которые нужно выпить, то есть семь веществ, которые нужно испарить и закрепить.

E. Paschall del.

LES SEPT PLANÈTES ET LEURS GÉNIES (Magie de Paracelse.)

В книге Фламеля на первой седьмой странице изображен иероглиф в виде жезла Моисея, торжествующего над змеями, выпущенными чародеями фараона и пожирающими друг друга, что аналогично триумфатору Таро, запрягающему в свою кубическую колесницу белого и черного сфинксов египетской магии.

Эта фигура соответствует седьмому догмату символа Маймонида: у нас есть только один пророк, и это Моисей.

Она олицетворяет единство науки и дела; она также олицетворяет ртуть мудрецов, которая образуется в результате растворения смесей и взаимного смешивания серы и соли металлов.

Фигура *второй септенарии* представляла собой изображение медного змея, прикрепленного к кресту. Крест символизирует союз очищенной серы и соли, а также конденсацию астрального света; число 14 в Таро представляет ангела, то есть дух земли, смешивающий жидкости из золотого и серебряного сосудов. Таким образом, это тот же символ, изображенный другим образом.

В *последней септенаре* книги Фламеля мы видели пустыню, фонтаны и змей, бегающих во всех направлениях, образ пространства и вселенской жизни. В Таро пространство изображается четырьмя знаками сторон света, а жизнь — обнаженной девушкой, бегущей по кругу. Фламель не указывает количество фонтанов и змей. Могло быть четыре фонтана, бьющих из одного источника, как в эдемском пентаграме, с четырьмя, семью, девятью или десятью змеями.

На четвертом листе было видно Время, готовое отрубить ноги Меркурию. Рядом был цветущий розовый куст с синими корнями, белым стеблем, красными листьями и золотыми цветами. Число четыре — это число элементарного осуществления: Время — это атмосферная селитра; его коса — это кислота, которую из нее можно получить и которая фиксирует ртуть, превращая ее в соль; роза — это произведение с его тремя последовательными цветами: это магистр черного, белого и красного, который заставляет золото прорасти и цвести.

На пятом листе (число пять — число великой тайны) у подножия цветущего розового куста слепые рыли землю в поисках великого агента, который есть везде; некоторые, более мудрые, взвешивали белую воду, похожую на сгущенный воздух; на обратной стороне листа было изображено избиение младенцев и солнце и луна, которые пришли искупаться в их крови. Эта аллегория, которая на самом деле выражает великую тайну герметического искусства, относится к искусству брать *воздух из воздуха*, как говорит Аристия, или, говоря понятным языком, использовать воздух как силу, расширяя его с помощью астрального света, так же как вода расширяется в пар под действием огня, что можно сделать с помощью электричества, магнитов и мощной проекции воли оператора, направленной наукой и доброй волей. Кровь детей представляет собой тот самый эссенциальный свет, который философский огонь извлекает из элементарных тел и в котором купаются солнце и луна, то есть серебро окрашивается в золото, а золото приобретает степень чистоты, которая превращает серу в настоящий порошок для проекции.

Мы не пишем здесь трактат по алхимии, хотя эта наука действительно является высшей магией в действии, мы оставляем ее откровения и чудеса для других, более специальных и обширных работ.

Народная традиция утверждает, что Фламель не умер и что он закопал сокровище под башней Сен-Жак-ла-Бушри. Это сокровище, заключенное в сундук из кедра, обшитый листьями семи металлов, по мнению просветленных адептов, является ни чем иным, как оригинальным экземпляром знаменитой книги Авраама Иудея с пояснениями, написанными рукой Фламеля, и образцами порошка, достаточными для того, чтобы превратить океан в золото, если бы океан был ртутью.

После Фламеля появились *Бернард Тревизан*, *Василий Валентин* и другие известные алхимики. Двенадцать ключей Василия Валентина являются одновременно

каббалистическими, магическими и герметическими. Затем в 1480 году появился *Жан Тритем*, который был учителем Корнелия Агриппы и величайшим догматическим магом средневековья. Тритем был аббатом ордена Святого Бенедикта, безупречной ортодоксальности и самым правильным поведением. Он не был столь неосторожен, чтобы открыто писать об оккультной философии, как его ученик, авантюрный Агриппа; все его магические работы посвящены искусству скрывать тайны; что касается его учения, то он выразил его с помощью пантакля, следуя обычаю истинных адептов. Этот пантакль, чрезвычайно редкий, встречается только в нескольких рукописных экземплярах «*Трактата о вторичных причинах*». Польский дворянин, человек высокого духа и благородного сердца, граф Александр Браницкий, владеет любопытным экземпляром, который он любезно предоставил нам.

Этот пантакль состоит из двух треугольников, соединенных основанием, один белый, другой черный; под вершиной черного треугольника лежит сумасшедший, который с трудом поднимает голову и с испуганной гримасой смотрит в темноту треугольника, где отражается его собственное изображение; на вершине белого треугольника опирается мужчина в расцвете сил, одетый как рыцарь, с твердым взглядом и позой сильного и спокойного повелителя. В белом треугольнике начертаны символы божественного тетраграммы.

Этот пантакль можно объяснить следующей легендой: «Мудрец опирается на страх перед истинным Богом, а глупец сокрушается страхом перед ложным богом, созданным по его образу и подобию». В этом заключается естественный и экзотерический смысл эмблемы; но, размышляя над ней в целом и над каждой ее частью, адепты найдут в ней последнее слово каббалы, невыразимую формулу великой тайны: различие между чудесами и явлениями, секрет явлений, универсальную теорию магнетизма и науку всех тайн.

Тритем сочинил историю магии, состоящую из пантаклей, под названием: *Veterum sophorum sigilla et imagines magicæ*; затем в своей стеганографии и полиграфии он дает ключ ко всем оккультным писаниям и объясняет в завуалированных выражениях реальную науку заклинаний и вызывания духов. Тритем — мастер мастеров в магии, и мы без колебаний провозглашаем его самым мудрым и самым ученым из адептов.

Не то же самое можно сказать о *Корнелиусе Агриппе*, который всю свою жизнь был исследователем и не нашел ни истинной науки, ни покоя. Книги Агриппы полны эрудиции и смелости; он сам был причудливым и независимым человеком (), поэтому считался отвратительным колдуном и подвергался преследованиям со стороны духовенства и князей; в конце концов он написал против наук, которые не смогли дать ему счастья, и умер в нищете и заброшенности.

Наконец мы подходим к милому и доброму образу этого ученого и возвышенного *Постеля*, которого знают только по его слишком мистической любви к старой деве-просветленной. Однако в Постеле есть нечто совсем иное, чем ученик матери Жанны; но вульгарные умы так любят принижать, чтобы избавить себя от необходимости учиться, что они никогда не захотят видеть в нем ничего лучшего. Поэтому мы не будем раскрывать гениальность Гийома Постеля именно этим людям.

Постель был сыном бедного крестьянина из окрестностей Барантона в Нормандии: благодаря упорству и самоотверженности он сумел получить образование и вскоре стал самым ученым человеком своего времени; бедность всегда сопровождала его, а нищета иногда заставляла его продавать свои книги. Постель, всегда полный смирения и кротости, работал как черный раб, чтобы заработать кусок хлеба, а потом возвращался к учебе: он выучил все известные языки и все науки своего времени; он обнаружил ценные и редкие

рукописи, в том числе апокрифические Евангелия и Сефер Джезира; самостоятельно посвятил себя в тайны высшей каббалы и в своем наивном восхищении этой абсолютной истиной, этой высшей причиной всех философий и всех догм, захотел раскрыть ее миру. Поэтому он открыто говорил на языке тайн, написал книгу под названием *«Ключ к вещам, скрытым с начала мира»*. Он адресовал эту книгу отцам Тридентского собора, умоляя их вступить на путь примирения и всеобщего синтеза. Никто его не понял, некоторые обвинили его в ереси, более умеренные ограничились тем, что назвали его сумасшедшим.

Троица, говорил он, создала человека по своему образу и подобию. Человеческое тело двойственно, и его тройственное единство состоит из союза двух половин; человеческая душа также двойственна: она является *animus* и *anima*, она является духом и нежностью; она имеет два пола, отцовский пол находится в голове, материнский — в сердце; поэтому искупление должно быть двойным в человечестве: дух своей чистотой должен искупить заблуждения сердца, а сердце своей щедростью должно искупить эгоистическую сухость головы. Христианство, добавлял он, пока что понято только разумными головами, оно не проникло в сердца. Слово стало человеком, но только когда оно станет *женщиной*, мир будет спасен. Именно материнский гений религии научит людей возвышенному величию духа милосердия, и тогда разум примирится с верой, потому что он поймет, объяснит и будет управлять святым безумием самоотверженности.

Посмотрите теперь, добавлял он, из чего состоит религия большинства христиан: из невежественной и преследовательской пристрастности, из суеверного и глупого упрямства, и прежде всего из страха, из трусливого страха! И почему это? Потому что у них нет женских сердец, потому что они не чувствуют божественного восторга материнской любви, который объяснил бы им всю религию. Сила, которая овладела их мозгом и сковывает их разум, — это не добрый, умный и долготерпеливый Бог, а *злой, глупый и трусливый Сатана*; они гораздо больше боятся дьявола, чем любят Бога. Это оледеневшие и убогие мозги, словно гробницы над мертвыми сердцами. О, когда благодать воскресит сердца, какое пробуждение для разума! Какое возрождение для разума! Какой триумф для истины! Почему я первый и почти единственный, кто это понимает? Что может сделать один воскресший среди мертвых, которые еще ничего не могут слышать! Пусть же придет этот материнский дух, который явился мне в Венеции в душе вдохновленной Богом девы, и пусть он научит женщин нового мира их искупительной миссии и апостольству святой и духовной любви!

Эти благородные вдохновения Постель действительно обязан был благочестивой девушке по имени Жанна, которую он познакомился в Венеции; он был духовным доверенным лицом этой избранной души и был увлечен в водоворот мистической поэзии, который вихревым потоком окружал ее. Когда он давал ей причастие, он видел ее сияющей и преображенной, ей было тогда более пятидесяти лет, и бедный отец наивно признается, что не дал бы ей и пятнадцати, настолько симпатия их сердец преображала ее в его глазах. Станные заблуждения любви в двух чистых душах, мистический брак двух девственниц, лирическая детскость, небесные галлюцинации; чтобы понять все это, нужно прожить аскетическую жизнь. Это она, говорил энтузиаст, это дух Иисуса Христа, живущий в ней, который должен возродить мир. Этот свет сердца, который должен изгнать из всех умов ужасный призрак Сатаны, не является химерой моих снов, я видел его, он появился в мире, он воплотился в деве, и я приветствовал в ней мать грядущего мира! Мы здесь скорее анализируем Постеля, чем переводим его, но разве краткого изложения его мыслей и языка не недостаточно, чтобы понять, что все это было сказано в переносном смысле и что, согласно мудрому замечанию ученого-иезуита Десбийона в его заметке о жизни и трудах Постеля, ничто не было дальше от его мыслей, чем сделать, как утверждали, второе воплощение и божественность этой бедной

гостеприимной сестры, которая очаровала его лишь блеском своих скромных добродетелей. Мы искренне верим, что клеветники и насмешники доброго Постеля не стоили матери Жанны.

Мистические отношения Постеля и этой монахини длились около пяти лет, после чего мать Жанна умерла. Она пообещала своему исповеднику, что никогда не расстанется с ним и будет помогать ему, когда освободится от оков нынешней жизни. «Она сдержала свое слово, — говорит Постель, — она пришла ко мне в Париж, озарила меня своим светом, примирила мой разум с моей верой. *Ее сущность и духовное тело*, спустя два года после ее вознесения на небеса, спустились во мне и распространились по всему моему телу, так что теперь это она, а не я, живет во мне».

С тех пор Постель больше не называл себя иначе, как воскресший, он подписывался *Postellus restitutus*, и действительно, с ним произошло необычное явление: его седые волосы снова стали черными, морщины исчезли, и румянец молодости расцвел на его лице, побледневшем и изможденном от аскезы и бессонных ночей; его насмешливые биографы утверждают, что он красил волосы и накладывал косметику: как будто того, что они сделали из него сумасшедшего, было недостаточно, они еще и хотят, чтобы человек с таким благородным и великодушным характером был жонглером и шарлатаном.

Есть нечто более удивительное, чем красноречивое безумие восторженных сердец, — это глупость или недобросовестность скептических и холодных умов, которые их судят.

«Люди вообразили, — пишет отец Десбийон, — и я вижу, что они верят в это и сегодня, что возрождение, которое, как он предполагает, было совершено матерью Жанной, является основой его системы; система, от которой он никогда не отступал, за исключением, возможно, нескольких лет перед смертью, существовала в полном объеме еще до того, как он услышал о матери Жанне. Он вбил себе в голову, что евангельское царство Иисуса Христа, установленное апостолами, не может больше ни поддерживаться среди христиан, ни распространяться среди неверующих, кроме как посредством просвещения разума... К этому принципу, который касался его лично, он добавил еще один, заключавшийся в предназначении короля Франции к всемирной монархии: необходимо было подготовить ему путь, завоевав сердца и убедив умы, чтобы в мире осталась только одна вера и Иисус Христос царствовал через одного короля, один закон и одну веру.»

Вот что, по мнению отца Десбийона, доказывает, что Постель был сумасшедшим.

Сумасшедшим за то, что он считал, что религия должна господствовать над умами благодаря высшей разумности своего догмата, а монархия, чтобы быть сильной и долговечной, должна покорять сердца завоеваниями общественного процветания и мира.

Сумасшедшим за то, что он верил в пришествие того, кого мы каждый день просим, чтобы его царство пришло.

Сумасшедшим, потому что он верил в разум и справедливость на земле!

Что ж, они правы: бедный Постель был сумасшедшим.

Доказательством его безумия является то, что он, как мы уже сказали, писал отцам Тридентского собора, умоляя их благословить всех людей и не проклинать никого.

Еще одно безумие: он пытался обратить иезуитов в свои идеи и заставить их проповедовать всеобщее согласие между людьми, мир между правителями, разум среди священников и доброту среди князей этого мира.

Наконец, последнее и высшее безумие: он пренебрегал земными благами и благосклонностью великих, всегда жил скромно и бедно, никогда не владел ничем, кроме своих знаний и книг, и никогда не стремился ни к чему другому, кроме истины и справедливости.

Да упокоит Бог душу бедного Гийома Постеля!

Он был настолько кротким и добрым, что его церковные начальники сжалились над ним и, вероятно, думая, как позже сказали о Лафонтене, что он был скорее глуп, чем злой, ограничились тем, что заперли его в монастыре на всю оставшуюся жизнь. Постель поблагодарил их за то, что они обеспечили ему спокойствие в конце жизни, и умер мирно, отрекшись от всего, от чего его начальники хотели, чтобы он отрекся (). Человек всеобщего согласия не мог быть анархистом, и прежде всего он был самым искренним католиком и самым скромным христианином.

Однажды книги Постеля будут найдены, и их будут читать с удивлением.

Перейдем к другому сумасшедшему, которого зовут *Теофраст Ауреол Бомбаст*, и который известен в мире магии под знаменитым именем *Парацельс*.

Мы не будем повторять то, что мы сказали об этом мастере в нашем *догмате и ритуале высшей магии*, а лишь добавим несколько замечаний об оккультной медицине, обновителем которой был Парацельс.

Эта поистине универсальная медицина основана на обширной теории света, который адепты называют жидким или питьевым золотом. Свет, этот созидательный агент, чьи колебания придают всему движение и жизнь; свет, скрытый в вселенском эфире, сияющий вокруг поглощающих центров, которые, насытившись светом, в свою очередь проецируют движение и жизнь, образуя таким образом созидательные потоки; свет, астрализованный в звездах, одушевленный в животных, одушевленный в людях; свет, который вегетирует в растениях, сияет в металлах, производит все формы природы и уравнивает их все законами вселенской симпатии, это тот свет, который производит явления магнетизма, угаданные Парацельсом, это он окрашивает кровь, выделяясь из воздуха, вдыхаемого и выдыхаемого герметичным мехом легких; кровь тогда становится настоящим эликсиром жизни, в котором ярко-красные, магнитные, наполненные живым светом глобулы () плавают в слегка золотистой жидкости. Эти глобулы являются настоящими семенами, готовыми принять все формы мира, сокращенным отражением которого является человеческое тело. Они могут утончаться и свертываться, обновляя таким образом дух, циркулирующий в нервах, и плоть, укрепляющуюся вокруг костей; они излучают свет наружу, или, скорее, одухотворяясь, они поддаются течению света и циркулируют в астральном теле, этом внутреннем и светящемся теле, которое воображение расширяет у экстатиков, так что их кровь иногда окрашивает на расстоянии объекты, в которые проникает их астральное тело, чтобы идентифицировать их. Мы продемонстрируем в специальном труде по оккультной медицине все, что мы здесь утверждаем, как бы странно и парадоксально это ни казалось сначала ученым. Таковы были основы медицины Парацельса: он лечил с *помощью симпатии света*, он применял лекарства не к внешнему и материальному телу, которое является полностью пассивным и которое можно даже резать и разрывать, не вызывая никаких ощущений, когда астральное тело уходит, а к этому внутреннему медиуму, к этому

телу, источнику ощущений, квинтэссенцию которого он возрождал с помощью симпатических квинтэссенций. Так, например, он лечил раны, применяя мощные реагенты к пролитой крови, из которой он возвращал в тело физическую душу и очищенную живительную силу. Чтобы исцелить больную конечность, он делал восковую конечность, к которой привязывал силой своей воли магнетизм больной конечности; он применял к этому воску витриол, железо и огонь и таким образом воздействовал с помощью воображения и магнитной связи на самого больного, для которого эта восковая конечность стала придатком и дополнительным. Парацельс знал ТАЙНЫ КРОВИ, он знал, почему жрецы Ваала, чтобы вызвать огонь с неба, делали себе порезы ножами; он знал, почему восточные люди, желая вдохновить женщину на физическую любовь, проливают перед ней свою кровь; он знал, как пролитая кровь вызывает к мести или милосердию и наполняет воздух ангелами или демонами. Именно кровь является инструментом снов, именно она наполняет наш мозг образами во время сна, потому что кровь полна астрального света. Клетки крови являются бисексуальными, магнитными и железистыми, притягивающими и отталкивающими. Из физической души крови можно извлечь все формы и образы мира... Прочитаем рассказ уважаемого путешественника:

«В Бароче, говорит путешественник Тавернье, у англичан есть очень красивое жилище, и я помню, что, прибыв туда однажды, возвращаясь из Агры в Сурат с президентом англичан, к нему сразу подошли шарлатаны и спросили, не хочет ли он, чтобы они показали ему несколько трюков своего ремесла, что он с любопытством и посмотрел.

«Первым делом они развели большой костер и раскалили железные цепи, которыми обмотали свои тела, делая вид, что испытывают боль, но на самом деле не получая никакого вреда. Затем они взяли небольшой кусок дерева, воткнули его в землю и спросили кого-нибудь из компании, какой фрукт он хочет получить. Им ответили, что хотят манго, и тогда один из этих шарлатанов, накрывшись саваном, присел на корточки у земли и повторил это пять или шесть раз. Мне стало любопытно подняться в комнату, чтобы посмотреть сверху через отверстие в саване, что делает этот человек, и я увидел, что он режет себе кожу под мышками бритвой и смазывает кусок дерева своей кровью. Каждый раз, когда он поднимался, дерево заметно росло, и в третий раз на нем появились ветви с почками. В четвертый раз дерево покрылось листьями, а в пятый раз на нем появились цветы.

Президент англичан был тогда со своим министром, которого он привез в Амадабат, чтобы крестить ребенка голландского командора, и которого он попросил быть крестным отцом; следует заметить, что голландцы держат министров только в тех местах, где у них есть и купцы, и солдаты. Английский священник сначала протестовал, что не может согласиться на то, чтобы христиане присутствовали на подобных зрелищах; но как только он увидел, что из куска сухого дерева эти люди менее чем за полчаса создали дерево высотой четыре или пять футов с листьями и цветами, как весной, он взялся его сломать и громко заявил, что никогда не даст причастия никому из тех, кто будет дальше смотреть на эти вещи. Это вынудило президента уволить этих шарлатанов».

Доктор Клевер из Мальдины, у которого мы позаимствовали эту цитату, сожалеет, что манго прекратили свое существование на таком прекрасном этапе, но он не пытается объяснить это явление. Мы полагаем, что это было очарование магнетизмом сияющего света крови; это то, что мы определили в другом месте: явление *намагниченной электричества*, идентичное с , которое называется *палинггенезией* и заключается в появлении живого растения в вазе, содержащей пепел того же растения, давно умершего.

Таковы были секреты, известные Парацельсу, и именно благодаря использованию этих скрытых сил природы в медицине он приобрел столько поклонников и столько врагов. Парацельс был далек от такого человека, как Постель, он был по натуре агрессивным и воинственным; его гений, по его словам, был скрыт в рукояти его большого меча, и он никогда не расставался с ним. Его жизнь была непрерывной борьбой; он путешествовал, спорил, писал, учил. Он был более заинтересован в физических результатах, чем в моральных завоеваниях, поэтому он был первым из магов-операторов и последним из мудрых адептов. Его философия была полна проницательности, поэтому он сам называл ее *philosophia sagax*. Он угадывал больше, чем кто-либо другой, никогда не зная ничего полностью. Ничто не может сравниться с его интуицией, кроме как смелость его комментариев. Он был человеком смелых экспериментов, он опьянялся своими мнениями и словами, он опьянялся и другим, если верить его летописцам. Его сочинения ценны для науки, но их нужно читать с осторожностью; его можно назвать божественным Парацельсом, понимая это прилагательное в смысле прорицателя, он — оракул, но не настоящий учитель; он велик прежде всего как врач, поскольку он открыл универсальное лекарство: однако он не смог сохранить свою собственную жизнь и умер еще молодым, измученный своей работой и излишествами, оставив после себя имя фантастической и сомнительной славы, основанное на открытиях, которыми его современники не воспользовались. Он умер, не сказав своего последнего слова, и является одной из тех загадочных личностей, о которых можно сказать, как об Енохе и святом Иоанне: он не умер и вернется на землю перед последним днем!

ГЛАВА V.

ЗНАМЕНИТЫЕ ВОЛШЕБНИКИ И МАГИ.

СОДЕРЖАНИЕ. — *Божественная комедия* и *Роман о розе*. — Возрождение. — Спор Мартина Лютера и дьявола. — Екатерина Медичи. — Генрих III и Жак Клеман. — Розокрестные. — Генрих Кунрат. — Освальд Кроллиус. — Алхимики и маги в начале XVII века.

Было написано множество комментариев и исследований о произведении *Данте*, но, насколько нам известно, никто не указал на его главную особенность. Произведение великого гибелина является объявлением войны папству через смелое раскрытие тайн. Эпос Данте является иоаннитским и гностическим, это смелое применение образов и чисел каббалы к христианским догмам и тайное отрицание всего абсолютного в этих догмах; его путешествие по сверхъестественным мирам совершается как посвящение в тайны Элевсина и Фив. Именно Вергилий ведет и защищает его в кругах нового Тартара, как будто Вергилий, нежный и меланхоличный пророк судьбы сына Поллона, был в глазах флорентийского поэта незаконным, но истинным отцом «христианской эпопеи». Благодаря языческому гению Вергилия Данте избегает этой бездны, на пороге которой он прочитал приговор отчаяния, он избегает ее, ставя голову на место ног, а ноги на место головы, то есть принимая противоположное догме положение, и тогда он поднимается к свету, используя самого демона как чудовищную лестницу; он избегает ужаса силой ужаса, ужасного силой ужаса. Ад, как будто говорит он, является тупиком только для тех, кто не умеет развернуться; он берет дьявола за шкуру, если позволите мне использовать здесь это выражение, и освобождается благодаря своей смелости. Это уже преодоленный протестантизм, и поэт-

враг Рима уже предвидел Фауста, восходящего на небо на голове побежденного Мефистофеля. Заметим также, что ад Данте — это лишь отрицательный чистилище. Объяснимся: его чистилище, кажется, сформировалось в его аду, как в форме, оно является крышкой и пробкой бездны, и мы понимаем, что флорентийский титан, взбираясь в рай, хотел бы одним ударом ноги сбросить чистилище в ад.

Его небо состоит из ряда каббалистических кругов, разделенных крестом, как пантегра Иезекииля; в центре этого креста цветет роза, и мы видим, как впервые публично появляется и почти категорически объясняется символ розенкрейцеров.

Мы говорим «впервые», потому что Гийом де Лоррис, умерший в 1260 году, за пять лет до рождения Алигьери, не закончил свой *«Роман о розе»*, который был продолжен Клопинелем, полвека спустя. Неудивительно, что *«Роман о розе»* и *«Божественная комедия»* являются двумя противоположными формами одного и того же произведения: посвящение в независимость духа, сатира на все современные институты и аллегорическое выражение великих тайн Общества розенкрейцеров.

Эти важные проявления оккультизма совпадают с эпохой падения тамплиеров, поскольку Жан де Менг или Клопинель, современник пожилого Данте, процветал в свои лучшие годы при дворе Филиппа Красивого. *Роман о розе* — это эпос старой Франции. Это глубокая книга в легкой форме, это столь же ученое откровение тайн оккультизма, как и у Апулея. Роза Фламея, Жана де Менга и Данте родились на одном и том же кусте.

Данте был слишком гениален, чтобы быть еретиком.

Великие люди придают интеллекту импульс, который впоследствии проявляется в действиях, инициатива которых принадлежит суетливым посредственностям. Возможно, Лютер никогда не читал Данте и, безусловно, никогда бы его не понял. Однако дело гибелингов, обогащенное мощной мыслью поэта, постепенно подняло империю против папства, продолжаясь под разными именами из века в век, и в конце концов сделало Германию протестантской. Реформа, безусловно, не была делом Лютера, но реформа овладела Лютером и подтолкнула его вперед. Этот монах с квадратными плечами обладал лишь упрямством и смелостью, но он был тем инструментом, который был нужен революционным идеям. Лютер был Дантоном теологии -анархик, суеверный и безрассудный, он считал себя одержимым дьяволом; дьявол диктовал ему аргументы против Церкви, дьявол заставлял его рассуждать, неразумничать и, прежде всего, писать. Этот вдохновляющий гений всех Каинов просил тогда только чернил, конечно, зная, что с этими чернилами, дистиллированными пером Лютера, он скоро прольет реки крови. Лютер чувствовал это и ненавидел дьявола, потому что тот все еще был его хозяином; однажды он бросил ему в голову свою подставку для письма, как будто хотел утолить его жажду этим жестоким возлиянием. Лютер, бросающий чернильницу в голову дьяволу, напоминает нам того шутового царевубийцу, который, подписав смертный приговор Карлу I, обмазал чернилами своих сообщников.

«Лучше турок, чем папист!» — таков был девиз Лютера; и действительно, протестантизм, как и ислам, является в сущности чистым деизмом, организованным в конвенциональный культ, и отличается от него лишь остатками плохо стертого католицизма. С точки зрения отрицания католического догмата, протестанты — это мусульмане с несколькими дополнительными суевериями и одним пророком меньше.

Люди охотнее отказываются от Бога, чем от дьявола, что достаточно доказано отступниками всех времен. Ученики Лютера, вскоре разделившиеся из-за анархии, были связаны между

собой только общей верой: все они верили в Сатану, и этот призрак, растущий по мере того, как их дух бунта отдалял их от Бога, достиг ужасающих размеров. Карлстад, архидиакон Вюртемберга, однажды, находясь на амвоне, увидел, как в храм вошел черный человек, который сел перед ним и все время его проповеди смотрел на него с ужасающей неподвижностью; он смутился, сошел с амвона, расспросил присутствующих; никто не видел призрака. Карлстад вернулся домой в ужасе, и его младший сын подошел к нему и рассказал, что незнакомец в черном пришел к нему и пообещал вернуться через три дня. У галлюцинирующего не осталось сомнений: посетитель был ни кем иным, как призраком из видения. От страха у него поднялась температура, он лег в постель и умер до третьего дня.

Эти несчастные сектанты боялись собственной тени, их совесть оставалась католической и безжалостно осуждала их. Однажды вечером Лютер прогуливался со своей женой Екатериной Борой, смотрел на полное звезд небо и тихо сказал с глубоким вздохом: «Красивое небо, которое я никогда не увижу!» — «Что же, — сказала жена, — вы думаете, что будете осуждены?» — «Кто знает, — сказал Лютер, — не накажет ли нас Бог за то, что мы были неверны своим обещаниям?» Возможно, если бы Екатерина, видя, как он сомневается в себе, бросила его, проклиная, реформатор, сломленный этим божественным предупреждением, осознал бы, насколько он был преступен, предав Церковь, свою первую жену, и с слезами на глазах обратился бы к монастырю, который он сам покинул! Но Бог, который сопротивляется гордым, не считал его достойным этой спасительной боли. Святотатственная комедия брака Лютера была провидением наказанием за его гордость, и поскольку он продолжал грешить, наказание не покидало его и высмеивало его до самого конца. Он умер между дьяволом и своей женой, испуганный одним и сильно смущенный другим.

Коррупция и суеверие хорошо сочетаются друг с другом. Эпоха развратного, преследующего и легковверного Возрождения, конечно же, не была возрождением разума. *Екатерина Медичи* была ведьмой, *Карл IX* консультировался с некромантами, *Генрих III* устраивал вечеринки, посвященные благочестию и разврату. То было время расцвета астрологов, хотя некоторых из них время от времени пытались, чтобы заставить изменить свои предсказания. Придворные колдуны в то время всегда были замешаны в отравлениях и вполне заслуживали веревки. *Трои-Эшель*, маг Карла IX, был фокусником и мошенником; однажды он исповедался королю, и его проступки были далеко не мелкими; король помиловал его, пригрозив повешением в случае рецидива. Трои-Эшель вновь сорвался и был повешен.

Когда лига поклялась убить слабого и несчастного *Генриха III*, она прибегла к чарам черной магии. Л'Этуаль утверждает, что восковая фигура короля была помещена на алтарях, где священники лиги отправляли мессу, и что эту фигуру прокалывали перочинным ножом, произнося молитву проклятий и анафемы. Поскольку король не умирал достаточно быстро, было решено, что он был колдуном. Появились памфлеты, в которых Генрих III был изображен как организатор тайных собраний, на которых преступления Содомы и Гоморры были лишь прелюдией к еще более невероятным и ужасным преступлениям. Говорили, что среди фаворитов короля был неизвестный человек, который был самим дьяволом; похищали молодых дев, которых этот принц насильно проституировал Вельзевулу; народ верил в эти басни, и наконец нашёлся фанатик, который выполнил угрозы колдовства. *Жак Клеман* имел видения и слышал властные голоса, приказывавшие ему убить короля. Этот галлюцинирующий человек бросился на цареубийцу как мученик и умер, смеясь, как герои скандинавской мифологии. Скандальные летописцы утверждали, что одна великая дама при дворе соединила вдохновение одинокого монаха с магнетизмом своих ласк: этот анекдот маловероятен. Целомудрие монаха поддерживало его восторг, и если бы он начал жить

роковой жизнью страстей, неутолимая жажда удовольствий овладела бы всем его существом, и он больше не хотел бы умирать.

В то время как религиозные войны окрашивали мир в кровавый цвет, тайные общества иллюминатов, которые были не чем иным, как школами теургии и высшей магии, набирали силу в Германии. Самым старым из этих обществ, по-видимому, было общество розенкрейцеров, символы которого восходят к временам гвельфов и гибелингов, как мы видим из аллегорий поэмы Данте и из образов «Романа о розе».

Роза, которая всегда была символом красоты, жизни, любви и удовольствия, мистически выражала тайную мысль всех протестов, проявленных в эпоху Возрождения. Это была плоть, восставшая против угнетения духа; это была природа, провозгласившая себя дочерью Бога, как благодать; это была любовь, не желавшая быть подавленной безбрачием; это была жизнь, не желавшая больше быть бесплодной, это было человечество, стремившееся к естественной религии, основанной на разуме и любви, на откровении гармонии Бытия, живым и цветущим символом которой для посвященных была роза. Роза, действительно, является пантаклом, она имеет круглую форму, лепестки венчика имеют форму сердца и гармонично опираются друг на друга; ее цвет представляет собой самые нежные оттенки первобытных цветов, ее чашечка имеет пурпурный и золотой цвет. Мы видели, что Фламель, или, вернее, книга еврея Авраама, делала из нее иероглифический знак выполнения великого дела. Таков ключ к роману Клопинеля и Гийома де Лорриса. Завоевание розы было проблемой, поставленной посвящением в науку, в то время как религия работала над подготовкой и установлением всеобщего, исключительного и окончательного триумфа креста.

Объединить розу с крестом — такова была задача высшего посвящения, и действительно, оккультная философия, будучи всеобщим синтезом, должна учитывать все явления Бытия. Религия, рассматриваемая исключительно как физиологический факт, является откровением и удовлетворением потребности душ. Ее существование — научный факт: отрицать его означало бы отрицать само человечество. Никто ее не изобрел, она сформировалась, как законы, как цивилизации, из необходимости нравственной жизни; и рассматривая ее только с этой философской и ограниченной точки зрения, религию следует считать роковой, если все объяснять роком, и божественной, если признавать высший разум источником естественных законов. Отсюда следует, что поскольку характер любой религии, собственно говоря, заключается в том, чтобы напрямую подчиняться божеству посредством сверхъестественного откровения, и никакой другой способ передачи не дает догме достаточного одобрения, следует заключить, что истинная естественная религия — это религия откровенная, то есть естественно принимать религию только веря в ее откровенность, поскольку всякая истинная религия требует жертв, а человек, будучи, никогда не имеет ни власти, ни права навязывать их своим собратьям вне и, тем более, выше обычных условий человечества.

Исходя из этого строго рационального принципа, розенкрейцеры пришли к уважению к господствующей, иерархической и откровенной религии. Следовательно, они не могли быть врагами ни папства, ни законной монархии, и если они замыслили заговоры против пап и королей, то только потому, что считали их лично отступниками от долга и главными виновниками анархии.

Что же такое деспот, будь то духовный или светский, как не коронованный анархист?

Именно этим можно объяснить протестантизм и даже радикализм некоторых великих последователей, более католических, чем некоторые папы, и более монархических, чем

некоторые короли, некоторых эксцентричных последователей, таких как Генри Кунрат и истинные просветленные его школы.

Генри Кунрат малоизвестен тем, кто не занимался оккультными науками, однако он является мастером и учителем первого порядка; он – суверенный принц розенкрейцеров, во всех отношениях достойный этого научного и мистического титула. Его пантаклы великолепны, как свет Сохара, учены, как Тритем, точны, как Пифагор, раскрывают великое дело, как книга Авраама и Николая Фламелья.

Генри Кунрат был химиком и врачом, он родился в 1502 году и ему было сорок два года, когда он достиг высокого теософского посвящения. Самое замечательное из его произведений, *«Амфитеатр вечной мудрости»* (), было опубликовано в 1598 году, поскольку одобрение императора Рудольфа, приложенное к нему, датировано 1 июня того же года. Автор, хотя и исповедовал радикальный протестантизм, громко заявляет о себе как о католике и православном; он утверждает, что имеет в своем распоряжении, но держит в тайне, как и положено, ключ к Апокалипсису, ключ тройной и единственный, как и всеобщая наука. Книга разделена *на семь частей*, в которых он делит посвящение в высшую философию на семь ступеней; текст представляет собой мистический комментарий к оракулам Соломона; работа заканчивается синоптическими таблицами, которые являются синтезом высшей магии и оккультной каббалы во всем, что может быть написано и опубликовано в устной форме. Остальное, то есть эзотерическая и невыразимая часть науки, выражена великолепными пантеками, тщательно нарисованными и выгравированными. Этих пантеков девять.

Первый содержит догмат Гермеса.

Второй — магическое осуществление.

Третий представляет путь мудрости и подготовительные работы.

Четвертый представляет дверь святилища, освещенную семью мистическими лучами.

Пятый представляет собой розу света, в центре которой человеческая фигура раскинула руки в форме креста.

Шестой представляет магическую лабораторию Кхунрата с его каббалистической молельней, чтобы продемонстрировать необходимость объединения молитвы с работой.

Седьмой представляет собой абсолютную синтезу науки.

Восьмой выражает вселенское равновесие.

Девятый суммирует особую доктрину Кунрата с энергичным протестом против всех его критиков. Это герметический пентакль, обрамленный немецкой карикатурой, полной энергии и наивного гнева. Враги философа представлены в виде насекомых, утят, быков и ослов, все это украшено латинскими надписями и крупными эпиграммами на немецком языке; Кунрат изображен справа и слева, в городском костюме и в кабинетном костюме, лицом к своим противникам, как внутри, так и снаружи: в городском костюме он вооружен мечом и наступает на хвост скорпиона; в кабинетном костюме он вооружен пинцетом и наступает на голову змеи; снаружи он демонстрирует, а дома он учит, как достаточно ясно показывают его жесты, всегда одной и той же истине, не боясь нечистого дыхания своих противников, дыхания настолько ядовитого, что птицы с неба падают мертвыми к их ногам. Эта очень любопытная гравюра отсутствует во многих экземплярах *«Амфитеатра»* Кунрата.

Эта необыкновенная книга содержит все тайны высшего посвящения; она, как автор объявляет в самом названии, является *христианско-каббалистической, божественно-магической, физико-химической, тройной, единственной и универсальной*.

Это настоящее руководство по высшей магии и герметической философии, и нигде, кроме как в «Сефер Йесира» и «Сохар», нельзя найти более полного и совершенного посвящения.

В четырех важных следствиях, следующих за объяснением третьей фигуры, Кхунрат устанавливает: 1. Что расходы, которые необходимо произвести для великого дела (помимо содержания и личных расходов оператора), не должны превышать *сумму в тридцать талеров*; я говорю об этом сознательно, добавляет автор, узнав об этом от человека, который знал об этом. Те, кто тратят больше, ошибаются и теряют свои деньги. Эти слова: «узнав от кого-то, кто знал», доказывают, что Кунрат либо сам не создал философский камень, либо не хочет говорить, что он его создал, из-за страха преследований.

Затем Кунрат устанавливает обязанность для адепта тратить на личные нужды только десятую часть своего богатства, а все остальное посвящать славе Бога и благотворительности.

В-третьих, он утверждает, что тайны христианства и тайны природы взаимно объясняют и иллюстрируют друг друга, и что будущее царствование Мессии (мессианство) основывается на двойном фундаменте науки и веры, так что книга природы, подтверждающая пророчества Евангелия, можно будет убедить наукой и разумом евреев и мусульман в истинности христианства, так что с помощью божественной благодати они непременно обратятся в религию единства; наконец, он заканчивает следующим высказыванием:

SIGILLUM NATURAE ET ARTIS SIMPLICITAS.

Печать природы и искусства — это простота.

Во времена Кунрата жил другой врач-посвященный, герметический философ и продолжатель медицины Парацельса; это был *Освальд Кроллиус*, автор «*Книги знаков*» или «*Истинной и живой анатомии большого и малого мира*». В этой работе, предисловие к которой представляет собой очень хорошо составленное краткое изложение герметической философии «», Кроллиус пытается доказать, что Бог и природа в некотором роде подписали все свои произведения и что все продукты любой силы природы несут, так сказать, оттиск этой силы, напечатанный несмыслимыми буквами, так что посвященный в оккультные писания может читать как открытую книгу симпатии и антипатии вещей, свойства веществ и все другие секреты творения. Буквы различных письменностей были первоначально заимствованы из этих природных подписей, которые существуют в звездах и цветах, на горах и на самом скромном камешке. Фигуры кристаллов, изломы минералов были бы отпечатками мысли, которая была у Создателя, когда он их формировал. Эта идея полна поэзии и величия, но этому таинственному языку миров не хватает грамматики, этому первобытному и абсолютному слову не хватает обоснованного словарного запаса. Только царь Соломон считается выполнившим эту двойную работу; однако оккультные книги Соломона утрачены: поэтому Кроллиус предпринял не их воссоздание, а поиск фундаментальных принципов этого универсального языка творческого Слова.

По этим принципам можно было бы признать, что первобытные иероглифы, образованные из элементов геометрии, соответствуют основным и существенным законам форм, определяемых чередующимися или комбинированными движениями, которые определяются уравнивающими притяжениями; по их внешнему виду можно было бы распознать простые и сложные формы, а по аналогии фигур с числами можно было бы

составить математическую классификацию всех веществ, раскрывающихся линиями их поверхностей (). В основе этих стремлений, которые являются отголосками эдемской науки, лежит целый мир будущих открытий для науки. Парацельс предчувствовал их, Кроллийс указывает на них, а кто-то другой придет, чтобы воплотить их в жизнь и доказать. Безумие вчерашнего дня станет гением завтрашнего, и прогресс поприветствует этих великолепных исследователей, которые угадали этот утраченный мир и вновь обрели эту Атлантиду человеческого знания!

Начало XVII века было великим временем алхимии, тогда появились: *Филипп Мюллер, Жан Торнбург, Мишель Майер, Ортэлиус, Потериус, Самуэль Нортон, барон де Босолей, Давид Планискампе, Жан Дюшен, Роберт Флуд, Бенджамин Мустафа, президент д'Эспанье*, космополит, которого следовало назвать первым, *де Нуазман*, который перевел и опубликовал замечательные сочинения космополита, *Жан-Батист Ван Хельмонт, Ирэн Филалет, Родольф Глаубер*, великий сапожник *Якоб Бем*. Основные из этих посвященных занимались исследованиями в области высшей магии и тщательно скрывали ее порочное название под видом герметических исследований. Меркурий мудрецов, которого они хотели найти и передать своим ученикам, был научным и религиозным синтезом, был миром, пребывающим в верховном единстве. Мистики были тогда лишь слепыми верующими истинных просветленных, а просветление собственно было лишь всеобщей наукой о свете. Весной 1623 года на улицах Парижа появилось следующее странное объявление:

«Мы, депутаты братьев розенкрейцеров, видимо и невидимо пребываем в этом городе по милости Всевышнего, к которому обращаются сердца мудрецов; мы учим, без каких-либо внешних средств, говорить на языках стран, в которых мы живем, и избавляем людей, наших собратьев, от страха и смерти.

«Если кто-то захочет увидеть нас только из любопытства, он никогда не сможет с нами пообщаться; но если его воля действительно побуждает его записаться в реестр нашего братства, мы, которые судим мысли, покажем ему истинность наших обещаний, так что мы не указываем место нашего обитания, поскольку мысль, соединенная с реальной волей читателя, сможет познакомить нас с ним, а его с нами».

Общественность была озабочена этим загадочным явлением, и если кто-то громко спрашивал, кто такие братья розенкрейцеры, то часто неизвестный человек отводил спрашивающего в сторону и серьезно говорил ему:

«Предназначенные для реформы, которая скоро должна произойти во всей вселенной, розенкрейцеры являются хранителями высшей мудрости и мирными обладателями всех даров природы, которые они могут распределять по своему усмотрению.

Где бы они ни находились, они знают обо всем, что происходит в остальном мире, лучше, чем если бы это происходило у них на глазах; они не подвержены ни голоду, ни жажде и не боятся ни старости, ни болезней.

Они могут повелевать самыми могущественными духами и гениями.

Бог покрыл их облаком, чтобы защитить от врагов, и их можно увидеть только тогда, когда они того захотят, даже если у вас зрение острее орлиного.

«Они проводят свои общие собрания в пирамидах Египта.

Но эти пирамиды для них как скала, из которой бьет источник Моисея, они идут с ними по пустыне и будут следовать за ними до входа в землю обетованную».

ГЛАВА VI.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О МАГИИ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Гофриди, Урбан Грандье, Буле и Пикар, отец Жирар и мадемуазель Кадьер. — Явления судорог. — Различные анекдоты.

Греческий автор, написавший описание аллегорической картины Кебеса, заканчивает свое произведение следующим замечательным выводом:

«Есть только одно истинное благо, которое следует желать, — это мудрость; и есть только одно зло, которого следует бояться, — это безумие».

Моральное зло, злоба, преступление — все это не что иное, как настоящее безумие: и отец Иларион Тиссо имеет всю симпатию нашего сердца, когда он постоянно повторяет в своих безумно смелых брошюрах, что вместо того, чтобы наказывать преступников, их нужно лечить и исправлять.

Мы говорим о симпатиях нашего сердца, потому что наш разум протестует против этой слишком милосердной интерпретации преступления, последствиями которой было бы уничтожение морального наказания путем обезоруживания закона. Мы сравниваем безумие с опьянением и, считая, что опьянение почти всегда является добровольным, приветствуем мудрость судей, которые, не рассматривая спонтанную потерю разума как оправдание, безжалостно наказывают преступления и преступления, совершенные в состоянии опьянения. Возможно, наступит день, когда опьянение будет считатьсяотягчающим обстоятельством, и любой разумный человек, добровольно лишаящий себя разума, окажется вне закона. Разве закон не является разумом человечества?

Горе человеку, который опьяняется вином, гордостью, ненавистью или даже любовью! Он слеп, он несправедлив, он — игрушка судьбы; он — ходячая беда, он — живое несчастье; он может убить, он может изнасиловать; он — безумец без цепей; прочь от него! Общество имеет право защищаться; это больше, чем его право, это его долг, потому что у него есть дети.

Эти размышления приходят нам в голову по поводу судебных процессов над колдунами, о которых мы должны отчитаться. Церковь и общество слишком часто обвиняли в судебном убийстве сумасшедших; мы признаем, что колдуны, без сомнения, были сумасшедшими, но они были сумасшедшими из-за своей извращенности; если среди них погибли несколько невинных больных, то это несчастья, за которые Церковь и общество не могут нести ответственности. Любой человек, осужденный в соответствии с законами своей страны и судебными формами своего времени, осужден справедливо, его возможная невинность принадлежит только Богу; перед людьми он является и должен оставаться виновным.

Людвиг Тик в своем замечательном романе *«Шабаш ведьм»* описывает святую женщину, бедную старуху, измученную мучениями, с ослабленной головой от поста и молитв, которая, полная ужаса перед колдунами и склонная из-за чрезмерной скромности обвинять себя во

всех преступлениях, в конце концов сама поверила, что она ведьма, призналась в этом, убедилась в этом по ошибке и из-за предубеждения, а затем была сожжена заживо. Даже если эта история была правдивой, что бы она доказала? Только то, что судебная ошибка возможна, не больше и не меньше.

Но если судебная ошибка возможна на деле, она не может быть возможна по закону: иначе что станет с человеческим правосудием?

Приговоренный к смерти *Сократ* мог бы бежать, и его судьи сами предоставили бы ему средства для этого, но он уважал законы и хотел умереть.

За суровость некоторых приговоров следует винить законы, а не суды средневековья. Но был ли Жиль де Лаваль, о преступлениях и наказании которого мы рассказали, несправедливо осужден, и следовало ли его оправдать, потому что он был сумасшедшим? Были ли невиновны эти ужасные сумасшедшие, которые изготавливали зелья из мозга маленьких детей? Черная магия, кстати, была всеобщим безумием той несчастной эпохи: судьи, изучая вопросы колдовства, иногда сами начинали верить, что они колдуны. Колдовство в некоторых местностях становилось эпидемическим, и казни, казалось, только умножали число виновных.

В трудах демонографов, таких как Деланкр, Дельрио, Шпренгер, Боден, Торре-Бланка и других, можно найти описания множества судебных процессов, детали которых столь же утомительны, сколь и возмутительны. Осужденные в большинстве своем были галлюцинаторами и идиотами, но идиотами злобными и галлюцинаторами опасными; эротические страсти, алчность и ненависть были главными причинами их заблуждений: они были способны на все. Шпренгер говорит, что ведьмы договаривались с акушерками, чтобы купить у них трупы новорожденных детей. Акушерки убивали этих невинных детей в момент их рождения, втыкая им в мозг длинные иглы, объявляли ребенка мертвым и хоронили. Ночью ведьмы выкапывали труп, кипятили его в котле с наркотическими и ядовитыми травами, а затем дистиллировали, перегоняли и смешивали эту человеческую желатину. Жидкость использовалась как эликсир долголетия, а твердая часть измельчалась и добавлялась в жир черной кошки, смешанный с копотью, который использовался для магических растираний. Сердце поднимается от отвращения при чтении этих ужасных откровений, и возмущение заглушает сострадание; но когда дело доходит до судебных процессов, когда видишь легкоеверие и жестокость судей, ложные обещания помилования, которые они используют для получения признаний, ужасные пытки, непристойные посещения, постыдные и смешные предосторожности, а после всего этого костер на публичном месте, смехотворная помощь духовенства, которое сдает светской власти, прося пощады для тех, кого оно обрекает на смерть, мы вынуждены прийти к выводу, что посреди всего этого хаоса только религия остается святой, а все люди одинаково идиоты или злодеи.

Так, в 1598 году священник из Лимузена по имени *Пьер Опети* был сожжен заживо за смешные признания, которые были вырваны у него под пытками.

В Доле в 1599 году сожгли женщину по имени *Антида Коллас*, потому что ее половые органы имели нечто феноменальное, что, как полагали, можно было объяснить только гнусным сношением с сатаной. Несчастная, подвергнутая пыткам, раздетая, осмотрена, осмотрена в присутствии врачей и судей, сокрушенная от стыда и боли, призналась во всем, чтобы покончить с этим.

Анри Боге, судья из Сен-Клода, сам рассказывает, что он подверг пыткам женщину как ведьму, *потому что на кресте ее четок не хватало чего-то*, что, по мнению этого жестокого идиота, было верным признаком колдовства.

Двенадцатилетний ребенок, замученный инквизиторами, обвиняет своего отца в том, что тот привел его на шабаш. Отец умирает в тюрьме в результате пыток, и предлагается сжечь ребенка. Боге противостоит этому и считает себя заслуживающим похвалы за эту милосердность.

Тридцатипятилетняя женщина, *Роланда де Вернуа*, забыта в такой холодной камере, что обещает признаться в колдовстве, если ее пустят к огню. Как только она почувствовала тепло, ее охватили ужасные судороги, у нее поднялась температура и начался бред; в таком состоянии ее подвергли пыткам, она сказала все, что от нее хотели услышать, и ее умирающую потащили на костер. Разражается гроза, дождь тушит огонь, и Боге поздравляет себя с вынесенным приговором, поскольку, очевидно, эта женщина, которую, казалось, защищало небо, должна была быть защищена дьяволом. Тот же Боге сжег еще двух мужчин, *Пьера Годийона* и толстого *Пьера*, за то, что они бежали ночью, один в образе зайца, другой в образе волка.

Но самым громким процессом в начале XVII века был процесс сэра *Луи Гауфриди*, священника прихода Аккуль в Марселе. Скандал, вызванный этим делом, стал роковым примером, который был слишком быстро подхвачен. Священник, обвиненный священниками! Священник, привлеченный к суду своими коллегами! Константин сказал, что если он увидит, как священник порочит свой характер постыдным грехом, он покроет его своей пурпурной мантией. Это были красивые и величественные слова. Священство действительно должно быть безупречным, так же как правосудие должно быть непогрешимым перед общественной моралью.

В декабре 1610 года молодая девушка из Марселя по имени *Магдалена де ла Палюд*, отправившись в паломничество в Сент-Бом в Провансе, впала в экстаз и судороги. Другая набожная женщина по имени *Луиза Капо* вскоре заболела тем же недугом. Доминиканцы и капуцины поверили в присутствие демона и провели экзорцизм. Магдалена де ла Палю и ее подруга устроили представление, которое так часто повторялось столетие спустя во время эпидемии судорог. Они кричали, корчились и просили, чтобы их били и топтали ногами. Однажды шесть мужчин одновременно наступили на грудь Магдалены, которая не почувствовала никакой боли; в этом состоянии она обвиняла себя в самых странных нарушениях; она отдала себя дьяволу телом и душой, как она говорила; она была обручена с демоном священником по имени Гауфриди. Вместо того чтобы запереть эту сумасшедшую, ее выслушали, и отцы-экзорцисты отправили в Марсель трех капуцинов, чтобы тайно проинформировать церковных начальников о том, что происходило в Сент-Бом, и, если возможно, без насилия и скандала привести священника Гофриди, чтобы он мог встретиться с предполагаемыми демонами.

Между тем начали записывать адские вдохновения двух истеричек, которые были речами невежественной и фанатичной набожности, представляющими религию такой, какой ее понимали сами экзорцисты. Одержимые, казалось, рассказывали сны тех, кто их расспрашивал: это было точно такое же явление, как *говорящие столы* и *медиумы* нашего времени. Дьяволы давали себе такие же нелепые имена, как и американские духи; они выступали против печати и книг, произносили проповеди, достойные самых ревностных и невежественных капуцинов. В присутствии этих демонов, созданных по их образу и подобию, отцы больше не сомневались в истинности одержимости и правдивости адских духов.

Призраки их больного воображения обрели тело и явились им в образе двух женщин, чьи непристойные исповеди возбудили их любопытство и возмущение, полные тайных желаний. Они пришли в ярость и нуждались в жертве: таково было их настроение, когда им наконец привели несчастного Луи Гофриди.

Гауфриди был довольно светским священником, с приятной внешностью, слабым характером и более чем сомнительной моралью. Он был исповедником Магдалины де ла Палюд и внушил ей неумолимую страсть; эта страсть, превратившаяся в ненависть из-за ревности, стала роковой, она увлекла несчастного священника в свой вихрь безумия, который привел его на костер.

Все, что обвиняемый мог сказать в свою защиту, обращалось против него. Он свидетельствовал о Боге и Иисусе Христе, о своей святой матери и предшественнике Иоанне Крестителе, а ему отвечали: ты прекрасно произносишь литании субботы; Бог — это *Люцифер*, Иисус Христос — *Вельзевул*, Пресвятая Богородица — *отступница*, мать Антихриста, святой Иоанн Креститель — *лжепророк*, предшественник Гога и Магога... Затем его подвергали пыткам и обещали помилование, если он подпишет заявления Мадлен де ла Палюд. Бедный священник, обезумевший, обманутый, сломленный, подписал все, что от него требовали: он подписал достаточно, чтобы быть сожженным, и это было то, чего от него требовали. Капуцины Прованса наконец показали народу это ужасное зрелище, они научили его нарушать привилегии святилища, они показали ему, как убивают священников, и народ запомнил это надолго.

О святой храм, говорил раввин, свидетель чудес, предшествовавших разрушению Иерусалима Титом, о святой храм, что с тобой? И почему ты сам себя пугаешь?

Ни Святой Престол, ни епископы не протестовали против убийства Гауфриди, но наступал XVIII век, принесший с собой революцию.

Одна из одержимых, убивших священника из Аккуля, однажды заявила, что демон покидает ее, чтобы подготовить гибель другого священника, которого она пророчески назвала заранее, не зная его; она назвала его *Урбаном Грандые*.

В то время правил страшный *кардинал Ришелье*, который считал абсолютную власть спасением государств; к сожалению, склонности кардинала были скорее политическими и хитроумными, чем по-настоящему христианскими. Этот великий ум был ограничен некоторой узостью сердца, которая делала его чувствительным к личным обидам и неумолимым в мести. Больше всего он не прощал таланту независимости; он хотел, чтобы умные люди были его помощниками, а не льстецами, и испытывал некоторое удовольствие от уничтожения всего, что хотело блеснуть без него. Его голова стремилась все контролировать, отец *Жозеф* был его правой рукой, а *Лаубардемонт* — левой.

В то время в провинции, в Лудуне, жил священнослужитель с замечательным талантом и сильным характером, он обладал знаниями и талантом, но не отличался осмотрительностью; созданный для того, чтобы нравиться толпе и привлекать симпатии великих, он мог при случае стать опасным сектантом; протестантизм тогда бурлил во Франции, и священник Сен-Пьер из Лудена, слишком склонный к новым идеям из-за своей неприязни к церковному celibату, мог стать главой этой партии, проповедником, более блестящим, чем Кальвин, и столь же смелым, как Лютер. Его звали *Урбен Грандые*.

Уже серьезные разногласия с епископом свидетельствовали о его ловкости и неуступчивости, кстати, неудачной и неумелой ловкости, поскольку он обратился со своими могущественными врагами к королю, а не к кардиналу; король, , дал ему право, а кардинал должен был признать его неправым. Грандье вернулся в Луден в триумфе и позволил себе не совсем клеркальное хвастовство, войдя в город с лавровым венком в руках. С этого дня он был потерян.

Настоятельницей урсулинок в Лудуне под именем матери Жанны Ангелов была некая *Жанна де Бельфиль*, внучка барона де Козе. Эта монахиня была далеко не набожной, и ее монастырь не считался одним из самых строгих в стране, там происходили ночные сцены, которые приписывали духам. Родители забирали своих детей из интерната, и дом вскоре остался без средств к существованию.

Грандье имел несколько интриг и не скрывал их достаточно, к тому же он был слишком заметной личностью, чтобы безделье маленького городка не придавало большого значения его слабостям. Пенсионеры Урсулинок слышали об этом в тайне от своих родителей, монахини обсуждали это между собой, сожалея о скандале, и все были озабочены скандальным персонажем, они видели его во сне; они видели, как он появлялся ночью в спальнях с поведением, вполне соответствующим тому, что говорили о его нравах, они кричали, считали себя одержимыми, и вот уже дьявол в доме.

Директора этих девушек, смертельные враги Грандье, увидели в этом деле всю выгоду, которую могли извлечь в интересах своей злобы и в интересах монастыря. Сначала в тайне, а затем публично проводились экзорцизмы. Друзья Грандье чувствовали, что что-то замышляется, и настаивали, чтобы священник Сен-Пьер-дю-Марше () обменял свои бенефиции и покинул Луден. Все успокоилось бы, как только его увидеть ушедшим, но Грандье был доблестным человеком, он не знал, что такое поддаваться клевете, он остался и был арестован однажды утром, когда входил в свою церковь, одетый в священнические одежды.

Едва арестованный, Грандье был обращен как государственный преступник, его документы были изъяты, его мебель опечатана, а сам он был под стражей доставлен в крепость Анже. Тем временем в Лудуне для него готовили камеру, которая больше подходила для дикого зверя, чем для человека. Ришелье, осведомленный обо всем, послал Лаубардемона, чтобы покончить с Гранье, и запретил парламенту рассматривать это дело.

Если поведение священника Сен-Пьера было поведением светского человека, то поведение Грандье, заключенного в тюрьму и обвиненного в магии, было поведением героя и мученика. Несчастья раскрывают величие душ, и гораздо легче переносить страдания, чем процветание.

Он писал своей матери:

«... Я терпеливо переношу свое горе и больше сочувствую вашему, чем своему. Мне очень неудобно, так как у меня нет кровати; постарайтесь прислать мне мою, потому что, если тело не отдыхает, дух падает. Наконец, пришлите мне breviарий, Библию и святого Фому для моего утешения; в остальном не огорчайтесь, я надеюсь, что Бог проявит мою невиновность...»

Бог, действительно, рано или поздно принимает сторону угнетенной невиновности, но не всегда избавляет ее от врагов на земле или избавляет только смертью. Грандье вскоре должен был испытать это на себе.

Однако давайте не будем делать людей злее, чем они есть на самом деле: враги Грандье не верили в его невиновность, они преследовали его с яростью, но они верили, что преследуют великого преступника. В то время истерические явления были малоизвестны, а сомнамбулизм вообще не изучен: извивания монахинь, их движения, выходящие за рамки человеческих привычек и сил, доказательства их пугающего второго зрения — все это было способно убедить даже самых недоверчивых. Известный атеист того времени, сеньор де Кериоле, советник парламента Бретани, пришел посмотреть на экзорцизм, чтобы посмеяться над ним. Монахини, которые никогда его не видели, обратились к нему по имени и громко раскрыли грехи, которые советник считал, что никому не известны. Его совесть была потрясена, и он перешел из одной крайности в другую, как это делают все вспыльчивые люди; он плакал, исповедовался и посвятил остаток своей жизни самому строгому аскетизму.

Софизм экзорцистов из Лудена заключался в том абсурдном паралогизме, который г-н де Мирвиль осмеливается поддерживать и по сей день:

Дьявол является автором всех явлений, которые не могут быть объяснены известными законами природы.

К этому антилогическому афоризму они добавляли еще один, который, в некотором роде, делали статьей веры.

Дьявол, должным образом изгнанный, вынужден говорить правду, и его можно допустить в качестве свидетеля в суде.

Несчастный Грандье не был, таким образом, предан на произвол злодеев; он имел дело с безумными фанатиками, которые, уверенные в своей правоте, придали этому невероятному процессу широкую огласку. Никогда еще подобный скандал не потрясал Церковь: монахини кричали, корчились, совершали самые непристойные жесты, богохульствовали, пытались наброситься на Грандье, как вакханки на Орфея; затем самые священные вещи религии были смешаны с этим отвратительным зрелищем, затасканы в эту грязь; только Грандье оставался спокойным, пожимая плечами и защищаясь с достоинством и мягкостью; бледные, растерянные судьи, потные крупными каплями, Лаубардемонт в красной мантии, парящий над этим конфликтом, как стервятник, ожидающий труп. Таков был процесс Урбана Грандье.

Скажем это громко, во славу человечества: заговор, подобный тому, который предполагал бы юридическое убийство этого человека, если не признавать добросовестность экзорцистов и судей, к счастью, невозможен. Монстры так же редки, как и герои; толпа состоит из посредственностей, столь же неспособных к великим преступлениям, сколь и к великим добродетелям. Самые святые люди того времени верили в одержимость в Лудуне; святой Викентий де Поль не был посторонним в этой истории и был призван высказать свое мнение. Сам Ришелье, который, возможно, в любом случае нашел бы способ избавиться от Грандье, в конце концов поверил в его вину. Его смерть была преступлением невежества и предрассудков его времени, и это было скорее катастрофой, чем убийством.

Мы не будем утомлять наших читателей подробностями его пыток: он оставался твердым, смиренным, без гнева и ничего не признавал; он даже не проявлял презрения к своим судьям, а мягко просил экзорцистов пощадить его: «И вы, отцы мои, — говорил он им, — смягчите жестокость моих мучений и не ввергайте мою душу в отчаяние». В этом рыдании, в котором природа жалуется, чувствуется вся мягкость прощающего христианина. Экзорцисты, чтобы скрыть свое смягчение, отвечали ему ругательствами, а палачи плакали.

Три монахини в один из своих моментов просветления пришли и пали ниц перед судом, крича, что Грандье невиновен; люди поверили, что это демон говорит их устами, и это признание только ускорило казнь.

Урбен Грандье был сожжен заживо 18 августа 1634 года. Он был терпелив и смирен до самого конца. Когда его спустили с телеги, поскольку у него были сломаны ноги, он тяжело упал лицом на землю, не выдав ни одного крика или стога. Монах из ордена францисканцев по имени отец Грилло пробрался сквозь толпу и поднял терпеливого мужа, обняв его и плача: «Я приношу вам благословение вашей матери, мы с ней молим Бога за вас», — сказал он. «Спасибо, отец, — ответил Грандье, — только вы здесь жалеете меня, утешьте мою бедную мать и будьте ей сыном». Лейтенант превоса, тронутый, сказал ему: «Месье, простите меня за то, что я вынужден участвовать в ваших мучениях». «Вы не обидели меня, — ответил Грандье, — вы обязаны выполнять свои служебные обязанности». Ему пообещали задушить его перед сожжением, но когда палач хотел потянуть за веревку, она оказалась завязанной, и несчастный священник Сен-Пьер упал в огонь живым.

Главные экзорцисты, отец *Транквили* и отец *Лактанс*, вскоре умерли в припадках яростного безумия (); отец *Сурен*, который их заменил, сошел с ума. *Манури*, хирург, который помогал пытать Грандье, умер, преследуемый призраком жертвы. *Лаубардемонт* трагически потерял сына и сам попал в немилость своего господина; монахини остались идиотками; так как это была ужасная и заразная болезнь: психическое заболевание ложного рвения и ложной набожности. Провидение наказывает людей за их собственные ошибки, оно учит их на печальных последствиях их заблуждений.

Спустя всего десять лет после смерти Грандье скандалы в Лудуне повторились в Нормандии. Монахини из Лувье обвинили двух священников в том, что те околдовали их; один из этих священников был мертв, и его могилу осквернили, чтобы вытащить труп; явления одержимости были такими же, как в Лудуне и в Сент-Бом. Эти истеричные девушки выражали в пошлом языке кошмары своих руководителей; оба священника, один мертвый, другой живой, были приговорены к сожжению на костре. Ужасная вещь, к одному столбу привязали человека и труп! Мучение Мезенца, выдуманное языческим поэтом, нашло христиан, которые воплотили его в жизнь, христианский народ хладнокровно наблюдал за этой кощунственной казнью, а пастыри не поняли, что, оскверняя таким образом священство и смерть, они давали ужасный сигнал безбожникам.

Наступил XVII век, он погасил костры кровью священников, и, как это почти всегда бывает, за грехи злых заплатили праведники.

Начался XVIII век, и людей по-прежнему сжигали; вера была уже утрачена, и из лицемерия молодого *Лабарра* подвергли самым ужасным пыткам за то, что он отказался поклониться процессии. Вольтер был тогда еще жив и чувствовал, как в его сердце растет призывание, подобное призыванию Аттилы. Человеческие страсти оскверняли религию, и Бог послал этого нового разрушителя, чтобы вернуть религию миру, который больше не был ее достоин.

В 1731 году некая мадемуазель *Катрин Кадьер из Тулона* обвинила своего исповедника, иезуита отца *Жирара*, в соблазнении и колдовстве; эта девушка была экстатической стигматичкой, которую долгое время считали святой; это была отвратительная история сладострастных обмороков, тайных порки, похотливых прикосновений... Какое место может быть более гнусным, чем то, где происходят такие тайны, подобные тем, что рождает воображение безбрачного человека, извращенного опасным мистицизмом? Кадьер не поверили на слово, и отец Жирар избежал опасности осуждения; тем не менее скандал был

огромным, и слухи о нем вызвали взрыв смеха: мы уже сказали, что в то время на свет появился Вольтер.

До тех пор суеверные люди объясняли необычные явления вмешательством дьявола и духов; школа Вольтера, не менее абсурдная, отрицала сами явления, вопреки всем доказательствам.

То, что мы не можем объяснить, исходит от дьявола, говорили одни.

То, что мы не можем объяснить, не существует, отвечали другие.

Природа, всегда воспроизводя в аналогичных обстоятельствах одну и ту же серию экстравагантных и чудесных явлений, протестовала против самонадеянного невежества одних и ограниченной науки других.

Во все времена физические нарушения сопровождали некоторые нервные заболевания; сумасшедшие, эпилептики, каталептики, истерики обладают исключительными способностями, подвержены заразительным галлюцинациям и иногда вызывают потрясения и нарушения либо в атмосфере, либо в окружающих их предметах. Галлюцинирующий проецирует свои сны вокруг себя и мучается от своей тени; тело окружают его отражения, искаженные страданиями мозга; тогда человек как бы отражается в астральном свете, чрезмерные потоки которого, действуя как магнит, перемещают и вращают мебель; тогда слышны шумы и голоса, как во сне. Эти явления, повторяющиеся в наши дни так часто, что стали обыденными, наши предки приписывали призракам и демонам. Философия Вольтера сочла проще отрицать их, называя свидетелей самых неоспоримых фактов глупцами и идиотами.

Что может быть более очевидным, например, чем чудеса судорог у могилы диакона Париса и на собраниях экстаиков святого Медарда? Как объяснить ту странную помощь, о которой просили судорожные? Тысячи ударов по голове бревном, давление, способное раздавить бегемота, скручивание грудей железными щипцами, даже распятие с гвоздями, вбитыми в ступни и руки? А затем сверхчеловеческие изгибы, воздушные восхождения? Вольтерианцы видели в этом лишь гримасы и прыжки, янсенисты кричали о чуде, а истинные католики стонали; но наука, которая должна была вмешаться, чтобы объяснить эту причудливую болезнь, наука держалась в стороне: однако именно ей теперь принадлежат урсулилки из Лудена, монахини из Лувье, конвульсивные и американские *медиумы*. Разве явления магнетизма не ставят ее на путь новых открытий? Не приведет ли химический синтез, который готовится, наших физиков к познанию астрального света? И когда эта вселенская сила будет познана, что помешает определить силу, количество и направление ее магнитов? Это будет настоящая революция в науке, мы вернемся к высокой магии халдеев.

Много говорили о *пресвитерии в Сидевиле*, господ де Мирвиль, Гугено Демуссо и другие не критичные верующие видели в странных явлениях, происходивших там, современное откровение дьявола; но то же самое произошло в Сен-Море в 1706 году, и весь Париж устремился туда. Слышались сильные удары по стенам, кровати катились, никто их не трогал, мебель перемещалась: все это закончилось сильным приступом, сопровождавшимся глубоким обмороком, во время которого хозяин дома, молодой человек двадцати четырех-двадцати пяти лет, хрупкого и нервного телосложения, слышал, как духи долго говорили с ним, но с тех пор не смог повторить ни одного слова из того, что они ему сказали.

Вот история о явлении из начала XVIII века; наивность рассказа доказывает его подлинность, в нем есть некоторые черты правды, которые выдумщики не могут подражать.

Добрый священник из города Валонь по имени *Безуэль*, будучи приглашен на обед 7 января 1708 года к даме, родственнице аббата Сен-Пьера, вместе с этим аббатом рассказал им, по их просьбе, о явлении одного из его товарищей, которое он видел при свете дня двенадцать лет назад.

«В 1695 году, — сказал им Безуэль, — будучи молодым школьником лет пятнадцати, я познакомился с двумя детьми прокурора Абакена, которые, как и я, были школьниками. Старший был моего возраста, младший был на восемнадцать месяцев младше, его звали Дефонтен; мы вместе гуляли и развлекались; и то ли Дефонтен был ко мне более дружелюбен, то ли он был более веселым, более любезным, более остроумным, чем его брат, но я любил его больше.

В 1696 году, когда мы вдвоем гуляли по монастырскому двору капуцинов, он рассказал мне, что недавно прочитал историю о двух друзьях, которые пообещали друг другу, что тот, кто умрет первым, вернется, чтобы рассказать живому о своем состоянии; что мертвый вернулся и рассказал ему удивительные вещи. После этого Дефонтен сказал мне, что хочет попросить меня об одной милости, о которой он просил меня настойчиво: он хотел, чтобы я дал ему такое же обещание, а он, в свою очередь, дал бы его мне; я сказал ему, что не хочу этого. Он несколько месяцев часто и очень серьезно говорил мне об этом; я всегда сопротивлялся. Наконец, около августа 1696 года, когда он должен был уехать учиться в Каен, он так настаивал, со слезами на глазах, что я согласился. Он тут же достал две маленькие бумажки (), которые заранее написал, одну подписал своей кровью, в которой обещал мне в случае своей смерти прислать вести о своем состоянии, а в другой я обещала ему то же самое. Я уколол палец, из него вытекла капля крови, которой я подписал свое имя; он был счастлив получить мою записку и, обнимая меня, тысячу раз благодарил.

Через некоторое время он уехал со своим братом. Наше расставание причинило нам большую печаль; мы время от времени писали друг другу новости, и прошло всего шесть недель с тех пор, как я получил его письма, когда со мной произошло то, о чем я собираюсь рассказать.

31 июля 1697 года, в четверг, я буду помнить это всю свою жизнь, покойный господин де Сортювьль, у которого я жил и который был ко мне добр, попросил меня пойти на луг возле Кордельеров и помочь его людям, которые делали сено; Я пробыл там не больше четверти часа, как около половины третьего я вдруг почувствовал головокружение и слабость; я тщетно опирался на вилы, и мне пришлось присесть на немного сена, где я пробыл около получаса, чтобы прийти в себя. Это прошло, но, поскольку со мной никогда не происходило ничего подобного, я был удивлен и опасался начала болезни, однако в течение остальной части дня это не произвело на меня большого впечатления; правда, ночью я спал меньше, чем обычно.

На следующий день в то же время, когда я вел на луг г-на де Сен-Симона, внука г-на де Сортювьля, которому тогда было десять лет, я почувствовал на пути такую же слабость и сел на камень в тени. Это прошло, и мы продолжили наш путь; в тот день со мной больше ничего не случилось, а ночью я почти не спал.

Наконец, на следующий день, второго августа, находясь на чердаке, где складывали сено, привезенное с луга, точно в то же время, я почувствовал такую же головокружительную слабость, но более сильную, чем в предыдущие разы. Я потерял сознание. Один из лакеев заметил это. Мне сказали, что меня спросили, что со мной, и что я ответил: «Я видел то, во что никогда бы не поверил», но я не помню ни вопроса, ни ответа. Однако это согласуется с тем, что я помню, как видел тогда человека с обнаженной верхней частью тела, которого я,

однако, не узнал. Мне помогли спуститься с лестницы; я крепко держался за ступеньки, но когда я увидел своего товарища Дефонтена внизу, меня снова охватила слабость, моя голова провалилась между двумя ступеньками, и я снова потерял сознание. Меня спустили вниз и положили на большую балку, которая служила сиденьем на большой площади капуцинов; я больше не видел ни г-на де Сортовлля, ни его слуг, хотя они и были там; но, увидев Дефонтенса у подножия лестницы, который манил меня к себе, я отодвинулся на своем сиденье, как бы уступая ему место, и те, кто видел меня, а я их не видел, хотя мои глаза были открыты, заметили это движение.

Поскольку он не подходил, я встал, чтобы подойти к нему; он подошел ко мне, взял мою левую руку своей правой рукой и повел меня на тридцать шагов оттуда, на отдалённую улицу, держа меня так, прижав к себе. Слуги, полагая, что мое головокружение прошло и что я иду по каким-то делам, разошлись по своим делам, за исключением одного маленького лакея, который пришел сказать господину де Сортовлю, что я говорю сам с собой. Месье де Сортовль подумал, что я пьян; он подошел ко мне и услышал, как я задавал несколько вопросов и давал несколько ответов, о которых он мне потом рассказал.

Я пробыл там около трех четвертей часа, беседуя с Дефонтен. «Я обещал вам, — сказал он мне, — что если умру раньше вас, то приду и скажу вам об этом». Позавчера я утонул в реке Кана; примерно в это время я гулял с такими-то и такими-то, было очень жарко, нам захотелось искупаться, я почувствовал слабость в реке и упал на дно. Аббат де Мениль-Жан, мой товарищ, нырнул, чтобы вытащить меня, я схватился за его ногу; но, то ли он испугался, что это лосось, потому что я крепко его сжал, то ли он хотел быстро всплыть на поверхность, он так сильно дернул меня за голень, что сильно ударил меня в грудь и бросил на дно реки, которая там очень глубокая.

Дефонтен рассказал мне потом все, что с ними произошло во время прогулки, и о чем они разговаривали. Я задавал ему вопросы, спасся ли он, проклят ли он, находится ли он в чистилище, нахожусь ли я в состоянии благодати и последую ли я за ним, но он продолжал говорить, как будто не слышал меня и как будто не хотел меня слышать.

Я несколько раз приближался, чтобы обнять его, но мне казалось, что я ничего не обнимаю; однако я хорошо чувствовал, что он крепко держит меня за руку, и когда я пытался отвернуть голову, чтобы больше не видеть его, потому что я видел его толь, что причиняло мне боль, он тряс мою руку, как будто заставляя меня смотреть на него и слушать его.

Он казался мне еще выше, чем я его видел, и даже выше, чем он был во время своей смерти, хотя за восемнадцать месяцев, прошедших с нашей последней встречи, он вырос; я видел его по-прежнему наполовину обнаженным, с голой головой и красивыми светлыми волосами, и с белой табличкой, закрученной в его волосах, на лбу, на которой было написано что-то, из чего я смог прочесть только слова: *«In, etc.»*.

Это был его собственный голос: он не казался мне ни веселым, ни грустным, но находился в спокойном и умиротворенном состоянии; он попросил меня, когда вернется его брат, передать ему некоторые вещи, которые он хотел сказать своему отцу и матери; он попросил меня прочесть семь псалмов, которые он получил в наказание в предыдущее воскресенье и которые он еще не прочитал; затем он еще раз попросил меня поговорить с его братом, а потом попрощался со мной, удаляясь от меня и говоря: «До встречи, до встречи», что было обычным выражением, которое он использовал, когда мы расставались во время прогулки, чтобы каждый пошел по своим делам.

Он рассказал мне, что, когда он утонул, его брат, занимаясь переводом, раскаялся в том, что позволил ему пойти одному, опасаясь несчастного случая: он так хорошо описал мне место, где он утонул, и дерево на аллее Лувињи, на котором он написал несколько слов, что два года спустя, встретившись с рыцарем де Гото, одним из тех, кто был с ним, когда он утонул, я указал ему это место, и, сосчитав деревья с одной стороны, как указал мне Дефонтен, я пошел прямо к дереву и нашел его надпись: il Он также сказал мне, что статья о семи псалмах была правдивой, что, выйдя из исповеди, они рассказали друг другу о своем покаянии; его брат сказал мне позже, что это правда, что в то время он писал свою версию и упрекал себя за то, что не сопровождал своего брата.

Поскольку я прожил почти месяц, не сумев сделать то, о чем мне сказал Дефонтен в отношении своего брата, он явился мне еще два раза перед обедом в загородном доме, где я был на обеде, в лиге отсюда. Мне стало плохо; я сказал, чтобы меня оставили, что это ничего, что я скоро вернусь: я пошел в уголок сада. Дефонтен появился передо мной, упрекнул меня в том, что я еще не поговорил с его братом, и еще четверть часа разговаривал со мной, не отвечая на мои вопросы.

Утром, когда я шел в Нотр-Дам-де-ла-Виктуар, он снова явился мне, но на меньшее время, и снова настаивал, чтобы я поговорил с его братом, и ушел, повторяя «До, до» и не отвечая на мои вопросы.

Примечательно, что я все время чувствовал боль в том месте руки, за которое он схватил меня в первый раз, пока я не поговорил с его братом. Три дня я не спал от удивления. После первой беседы я сказал моему соседу и школьному товарищу, месье де Варонвилю, что Дефонтен утонул, что он сам явился мне и сказал об этом. Он побежал к родителям, чтобы узнать, правда ли это; они только что получили эту новость, но из-за недоразумения он понял, что речь идет о старшем сыне. Он уверял меня, что прочитал письмо Дефонтенеса и верил в это; я же настаивал, что это невозможно, и что сам Дефонтенес явился мне: он ушел, вернулся и со слезами сказал мне: «Это слишком правдоподобно».

С тех пор со мной ничего не случилось, и вот моя история в натуральном виде. Ее рассказывали по-разному, но я рассказал ее так, как только что вам рассказал. Покойный рыцарь де Гото сказал мне, что Дефонтен также явился месье де Мениль-Жану. Но я его не знаю; он живет в двадцати лигах отсюда, в стороне от Аржантана, и я не могу сказать ничего больше.

Следует отметить характер сновидения, который прослеживается во всем этом видении человека, проснувшегося, но полузадушенного испарениями сена. Можно распознать астральное опьянение, вызванное застоем крови в мозге. Состояние сомнамбулизма, которое является его следствием, заставляет г-на Безуэля увидеть последнее живое отражение, которое его друг оставил в свете. Он голый, и его можно увидеть только до пояса, потому что остальная часть тела уже скрыта водой реки. Лента в волосах, несомненно, была платком или шнурком, который купальщик использовал, чтобы удержать волосы. Безуэль тогда интуитивно понял все, что произошло, ему показалось, что он узнал об этом из уст самого своего друга. Этот друг, кстати, не казался ему ни грустным, ни веселым, что отражало впечатление, которое произвело на него это безжизненное изображение, полное воспоминаний и отражений. Когда это видение пришло к нему в первый раз, г-н Безуэль, опьяненный запахом сена, упал с лестницы и поранил руку: ему показалось, с логикой снов, что его друг сжимает ему руку (), и когда он проснулся, он все еще чувствовал боль, что вполне объяснимо ударом, который он себе нанес; Кроме того, речи покойного были

полностью ретроспективными, ни слова о смерти или другой жизни, что еще раз доказывает, насколько непреодолима граница, отделяющая тот мир от этого.

Жизнь в пророчестве Иезекииля изображена в виде колес, вращающихся друг в друге; элементарные формы, представленные четырьмя животными, поднимаются и опускаются вместе с колесом и преследуют друг друга, никогда не достигая цели, как знаки зодиака. Колеса вечного движения никогда не возвращаются на свои места; формы никогда не возвращаются к тем точкам, которые они покинули; чтобы вернуться туда, откуда вы начали, необходимо пройти по кругу в одном и том же движении, которое всегда остается неизменным и всегда новым. Сделаем вывод, что все, что проявляется нам в этой жизни, является явлением этой же жизни, и что ни нашим мыслям, ни нашему воображению, ни даже нашим галлюцинациям и снам не дано преодолеть, хотя бы на мгновение, грозные барьеры смерти.

ГЛАВА VII.

МАГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МАСОНСТВА.

СОДЕРЖАНИЕ. Легенда о Хираме или Адонираме. Другие масонские легенды. Секрет масонов. Дух их обрядов. Смысл их степеней, аллегорических картин, знаков.

Великое каббалистическое общество, известное в Европе под названием *масонство*, внезапно появляется в мире в тот момент, когда протест против Церкви разделил христианское единство. Историки этого ордена не знают, как объяснить его происхождение: одни считают его предком свободное общество каменщиков, образованное во время строительства Страсбургского собора; другие считают его основателем Кромвеля, не задаваясь вопросом, не были ли ритуалы английского масонства во времена Кромвеля организованы против этого лидера пуританской анархии; есть и такие невежественные, которые приписывают иезуитам, если не основание, то по крайней мере продолжение и руководство этим долгое время тайным и всегда загадочным обществом. За исключением последнего мнения, которое само по себе опровергается, все остальные можно согласовать, сказав, что братья-масоны позаимствовали у строителей Страсбургского собора свое название и символы своего искусства, что они впервые организовались публично в Англии, благодаря радикальным институтам и вопреки деспотизму Кромвеля.

Можно добавить, что их образцами были тамплиеры, отцами — розенкрейцеры, а предками — иоанниты. Их догма — это догма Заратустры и Гермеса, их правило — постепенное посвящение, их принцип — равенство, регулируемое иерархией, и всеобщее братство; они являются продолжателями школы Александрии, наследницы всех древних посвящений; они являются хранителями секретов Апокалипсиса и Собора; объектом их поклонения является истина, представленная светом; они терпимо относятся ко всем верованиям и исповедуют только одну и ту же философию; они ищут только истину, учат только реальности и хотят постепенно привести все умы к разуму.

Аллегорическая цель масонства — восстановление храма Соломона; реальная цель — восстановление социального единства через союз разума и веры, а также восстановление иерархии в соответствии с наукой и добродетелью, с посвящением и испытаниями в качестве ступеней.

Ничто не может быть прекраснее, как видно, ничто не может быть величественнее этих идей и тенденций, но, к сожалению, доктрины единства и подчинения иерархии не сохранились в всемирном масонстве; вскоре появилось диссидентское масонство, противостоящее ортодоксальному, и величайшие бедствия Французской революции были результатом этого раскола.

У масонов есть своя священная легенда, это легенда об Хираме, дополненная легендами о Кире и Зоровавеле.

Вот легенда об Хираме:

Когда Соломон строил храм, он доверил свои планы архитектору по имени *Хирам*.

Этот архитектор, чтобы навести порядок в работе, разделил рабочих по уровню мастерства, и, поскольку их было много, чтобы их различать, то есть чтобы нанимать их в соответствии с их заслугами или оплачивать их в соответствии с их работой, он дал каждой категории — подмастерьям, товарищам и мастерам — пароли и особые знаки.

Три подмастерья захотели незаконно присвоить себе звание мастеров, не имея на то заслуг, и устроили засаду у трех главных ворот храма, и когда Хирам вышел, один из подмастерьев спросил у него пароль мастеров, угрожая ему своим правилом.

Хирам ответил: «Я не так получил слово, которое вы у меня спрашиваете».

Разъяренный товарищ ударил Хирама железным правилом и нанес ему первую рану.

Хирам побежал к другим воротам, где встретил второго товарища, задающего тот же вопрос и получившего тот же ответ, и на этот раз Хирам был ударен угольником, а по словам других — рычагом.

У третьих ворот был третий убийца, который добил мастера ударом молотка.

Затем эти три товарища спрятали труп под кучей обломков, воткнули в эту импровизированную могилу ветку акации, а затем бежали, как Каин после убийства Авеля.

Однако Соломон, не видя возвращения своего архитектора, послал девять мастеров на его поиски. Ветка акации указала им на труп, они вытащили его из-под обломков, и, поскольку он пролежал там довольно долго, поднимая его, они воскликнули: «*Мак бенах!*», что означает: «Плоть отрывается от костей».

Хираму оказали последнюю честь, а затем Соломон послал двадцать семь мастеров на поиски убийц.

Первого поймали в пещере, рядом с ним горела лампа, у его ног текла ручей, рядом с ним лежал кинжал для защиты; мастер, вошедший в пещеру, узнал убийцу, схватил кинжал и ударил его, крикнув: «*Некум!*», что означает «мечь»; его голова была отнесена Соломону, который, увидев ее, вздрогнул и сказал тому, кто убил убийцу: «Несчастный, разве ты не знал, что я оставил за собой право наказывать? Тогда все мастера пали ниц и просили пощады для того, чье рвение зашло слишком далеко.

Второй убийца был предан человеком, который дал ему убежище; он прятался в скале возле горящего куста, над которым сияла радуга, рядом с ним лежала собака, учителя обманули бдительность собаки, схватили виновного, связали его и отвели в Иерусалим, где он был казнен.

Третий убийца был убит львом, которого пришлось победить, чтобы завладеть его трупом. Другие версии гласят, что он защищался топором от хозяев, которые в конце концов сумели обезоружить его и отвели к Соломону, который заставил его искупить свое преступление.

Такова первая легенда, а теперь ее объяснение.

Соломон — олицетворение высшей науки и мудрости.

Храм — это воплощение и символ иерархического господства истины и разума на земле.

Хирам — человек, достигший власти благодаря науке и мудрости.

Он правит справедливостью и порядком, воздавая каждому по его делам.

Каждая степень ордена имеет слово, которое выражает его смысл.

Для Хирама есть только одно слово, но это слово произносится тремя разными способами.

Одним способом для учеников, и произнесенное ими оно означает природу и объясняется работой.

Другим образом для товарищей, и у них оно означает мысль, объясняемую изучением.

Еще одним образом для мастеров, и в их устах оно означает «истина», слово, которое объясняется мудростью.

Это слово используется для обозначения Бога, чье истинное имя невыразимо и непередаваемо.

Таким образом, в иерархии есть три степени, как и три входа в храм;

есть три луча в свете;

В природе существует три силы;

Эти силы представлены правилом, которое объединяет, рычагом, который поднимает, и молотком, который укрепляет.

Бунт грубых инстинктов против иерархической аристократии мудрости вооружается последовательно этими тремя силами, которые он отвлекает от гармонии.

Есть три типичных бунтаря:

мятежник против природы;

бунтарь против науки;

бунтарь против истины.

В аду древних они были представлены тремя головами Цербера.

В Библии они представлены Кореем, Датаном и Авироном.

В масонской легенде они обозначены именами, которые варьируются в зависимости от обрядов.

Первый, которого обычно называют *Авирамом* или убийцей Хирама, ударяет великого мастера линейкой.

Это история праведника, казненного во имя закона из-за человеческих страстей.

Второй, названный *Мифибосетом*, по имени смешного и немощного претендента на царство Давида, ударил Хирама рычагом или угольником.

Так народный рычаг или угольник безумного равенства становятся орудием тирании в руках толпы и, что еще печальнее, чем линейка, угрожают царству мудрости и добродетели.

Наконец, третий убивает Хирама молотком.

Как это делают грубые инстинкты, когда они хотят навести порядок во имя насилия и страха, подавляя разум.

Ветвь акации на могиле Хирама подобна кресту на наших алтарях.

Это знак науки, которая переживает науку; это зеленая ветвь, предвещающая новую весну.

Когда люди нарушают порядок природы, Провидение вмешивается, чтобы восстановить его, как Соломон, чтобы отомстить за смерть Хирама.

Тот, кто убил линейкой, умрет от кинжала.

Тот, кто ударил ломом или угольником, умрет от топора закона. Это вечный приговор цареубийцам.

Тот, кто торжествовал с молотком, падет жертвой силы, которой он злоупотребил, и будет задушен львом.

Убийца с помощью линейки будет разоблачен той самой лампой, которая освещает его, и тем источником, из которого он пьет.

То есть к нему будет применено наказание по закону талиона.

Убийца с помощью рычага будет застигнут врасплох, когда его бдительность ослабнет, как у спящей собаки, и будет выдан своими сообщниками, ибо анархия — мать предательства.

Лев, пожирающий убийцу с молотком, является одной из форм сфинкса Эдипа.

И тот, кто победит льва, заслужит право наследовать достоинство Хирама.

Гниющий труп Хирама показывает, что формы меняются, но дух остается.

Источник воды, текущий рядом с первым убийцей, напоминает о потопе, который наказал преступления против природы.

Пылающий куст и радуга, которые помогают обнаружить второго убийцу, олицетворяют свет и жизнь, осуждая посягательства на мысль.

Наконец, побежденный лев символизирует торжество духа над материей и окончательное подчинение силы разуму.

С самого начала работы разума по строительству храма единства Хирам был убит много раз, но он всегда воскресает.

Это Адонис, убитый вепрем, это Осирис, убитый Тифоном.

Это изгнанный Пифагор, это Орфей, разорванный вакханками, это Моисей, брошенный в пещерах горы Небо, это Иисус, казненный Каифой, Иудой и Пилатом.

Истинные масоны — это те, кто упорно продолжает строить храм по плану Хирама.

Такова великая и главная легенда масонства; другие легенды не менее прекрасны и глубоки, но мы не считаем нужным раскрывать их тайны, хотя мы получили посвящение только от Бога и наших трудов, мы считаем тайну высшего масонства своей тайной. Достигнув своими усилиями научного уровня, который обязывает нас к молчанию, мы считаем, что наши убеждения связывают нас больше, чем клятва. Наука — это благородство, которое обязывает, и мы не уроним в глазах княжеской короны розенкрейцеров. Мы тоже верим в воскресение Хирама!

Обряды масонства призваны передавать память о легендах посвящения, сохранять ее среди братьев.

Нас, возможно, спросят, как, если масонство так возвышенно и свято, оно могло быть запрещено и так часто осуждалось Церковью.

Мы уже ответили на этот вопрос, говоря о расколах и осквернениях масонства.

Масонство — это гнозис, и ложные гностики добились осуждения истинных.

То, что заставляет их скрываться, — это не страх перед светом, свет — это то, чего они хотят, что они ищут, что они обожают.

Но они боятся осквернителей, то есть ложных толкователей, клеветников, скептиков с глупым смехом и врагов всякой веры и всякой морали.

В наше время, кстати, многие люди, считающие себя масонами, не знают смысла своих обрядов и утратили ключ к их тайнам.

Они даже больше не понимают своих символических картин и не понимают иероглифических знаков, которыми украшены ковры их лож.

Эти картины и знаки являются страницами книги абсолютной и всеобщей науки.

Их можно прочесть с помощью каббалистических ключей, и они не имеют ничего скрытого для посвященного, обладающего ключами Соломона.

Масонство не только было осквернено, но даже служило прикрытием и предлогом для заговоров анархистов под тайным влиянием мстителей Жака де Молея и продолжателей раскольнического дела храма.

Вместо того, чтобы отомстить за смерть Хирама, отомстили его убийцам.

Анархисты взяли в руки линейку, угольник и молоток и написали на них «свобода, равенство, братство».

То есть свободу для похоти, равенство в низости и братство для разрушения.

Вот людей, которых Церковь справедливо осудила и будет осуждать всегда!

КНИГА VI.

МАГИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

I, Bay.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗНАМЕНИТЫЕ АВТОРЫ XVIII ВЕКА.

СОДЕРЖАНИЕ.--Важные открытия в Китае.--Каббалистические книги Фо-Хи--И-Цзин и триграммы.--Конфуций и Фо.--Иезуиты и теологи.--Движение умов в Европе.--Сведенборг и Месмер.

До конца XVII века Китай был практически неизвестен остальному миру. Только в это время эта обширная империя, исследованная нашими миссионерами, была открыта для нас и предстала перед нами как некрополь всех наук прошлого. Китайцы кажутся народом мумий. У них ничего не прогрессирует, и они живут в неподвижности своих традиций, из которых давно ушли дух и жизнь. Они больше ничего не знают, но смутно помнят все. Гений Китая — это дракон Гесперид, защищающий золотые яблоки сада науки. Их человеческий тип божества, вместо того чтобы победить дракона, как Кадм, присел на корточки, очарованный и загипнотизированный чудовищем, которое сверкает перед ним меняющимся отражением своих чешуек. В Китае жива только тайна, наука находится в летаргии, или, по крайней мере, она спит глубоким сном и говорит только во сне.

B. Pichot del.

LE GRAND ARCANÉ HERMÉTIQUE suivant Basile Valentin.

Мы сказали, что Китай обладает таро, рассчитанным на тех же каббалистических и абсолютных данных, что и Сефер Джебзира евреев, он также обладает иероглифической книгой, состоящей исключительно из комбинаций двух фигур, эта книга называется *И-Ким* и приписывается императору *Фо-хи*, и г-н де Мезон в своих *«Письмах о Китае»* заявляет, что она совершенно неразборчива.

Однако она не более неразборчива, чем *Сохар*, к которому она представляется весьма любопытным дополнением и ценным приложением. *Сохар* — это объяснение работы весов или вселенского равновесия: *И-Ким* — это его иероглифическое и цифровое проявление.

Ключом к этой книге является пантакл, известный под названием *Триграммы Фо-хи*. Согласно легенде, приведенной в *Вай-Кы*, сборнике, пользующемся большим авторитетом в

Китае и составленном Леон-Тао-Юэном во время династии Сом, семь или восемьсот лет назад, император Фо-хи, медитируя однажды на берегу реки над великими тайнами природы, увидел, как из воды вышел сфинкс, то есть аллегорическое животное, имеющее смешанную форму лошади и дракона. Его голова была удлинённой, как у лошади, у него было четыре ноги и хвост змеи; его спина была покрыта чешуйками, и на каждой из них сияли изображения таинственных триграмм, меньших по краям и более крупных на груди и спине, но идеально гармонирующих друг с другом. Этот дракон отражался в воде, и его отражение имело те же формы и несло те же образы, что и он сам, но в обратном порядке по отношению к реальным формам и образам. Этот змеевидный конь, вдохновитель или, скорее, носитель вдохновения, как Пегас из греческой мифологии, символ вселенской жизни, как змей Кроноса, посвятил Фо-хи в вселенскую науку. Триграммы послужили ему введением, он сосчитал чешуйки лошади-змеи и скомбинировал триграммы столькими способами, что создал синтез сравнительных наук, объединённых между собой предсуществующими и необходимыми гармониями природы; составление таблиц И-Ким было результатом этого чудесного сочетания. Числа Фо-хи такие же, как и в высшей каббале, его пентакль аналогичен пентаклю Соломона, как мы объясняли в нашем *догмате и ритуале высшей магии*; его таблицы соответствуют тридцати двум путям и пятидесяти вратам света, и у-Ким не может быть непонятным для мудрых каббалистов, которые обладают ключом к Сефер Джезира и Сохар.

Таким образом, наука абсолютной философии существовала в Китае. Кимы являются лишь комментариями к этому абсолюту, скрытому от непосвящённых, и они для й-Ким то же, что *Пятикнижие* Моисея для откровений Сифры Зениуты, которая является книгой тайн и ключом к Сохару у евреев. *Ку-фу-цзы*, или *Конфуций*, был лишь открывателем или повторным открывателем этой каббалы, которую он, возможно, отрицал, чтобы отвлечь от нее исследования непосвящённых, как *ученый-талмудист Маймонид* отрицал реальность ключицы Соломона, затем пришел материалист *Фо*, который заменил традиции индийской магии воспоминаниями о высшей магии египтян. Культ Фо парализовал в Китае прогресс наук, и зачатая цивилизация этого великого народа погрузилась в рутину и одурманенность.

Философ с замечательной проницательностью и большой глубиной, мудрец *Лейбниц*, который был бы так достоин быть посвященным в высшие истины абсолютной науки, верил, что видит в и-Цзине свое собственное изобретение двоичной арифметики, а в прямой и ломаной линии Фо-хи он находил символы 1 0, которые сам использовал в своих вычислениях; он был близок к истине, но видел только одну из ее деталей, не мог охватить ее целиком.

Теологические споры послужили поводом для важнейших исследований в области религиозных древностей Китая. Речь шла о том, были ли правы иезуиты, терпевшие у китайцев, обращенных в христианство, культ неба и предков; другими словами, следовало ли полагать, что под небом китайские ученые понимали Бога или просто пространство и природу. Вполне естественно было обратиться к самим ученым и к общественному здравому смыслу, но они не являются теологическими авторитетами; поэтому велись споры, много писали, еще больше интриговали, иезуиты, которые были правы по существу, были убеждены, что они неправы по форме, и им создали новые трудности, которые до сих пор не преодолены и которые даже сегодня приводят к пролития крови наших неугомонных мучеников в Китае.

В то время как религия боролась за свои завоевания в Азии, Европу охватило огромное беспокойство. Христианская вера казалась готовой к исчезновению, и со всех сторон слышались только слухи о новых откровениях и чудесах. Человек, серьезно занимавшийся

наукой и известный в обществе, *Эммануил Сведенборг*, удивлял Швецию своими видениями, а Германия была полна новых просветленных; мистицизм диссидентов замышлял заменить тайны иерархической религии тайнами анархии; надвигалась катастрофа.

Сведенборг, самый честный и мягкий из пророков ложного просвещения, был не менее опасен, чем другие. Ведь утверждать, что все люди призваны общаться напрямую с небом, значит заменить регулярное религиозное обучение и постепенное посвящение всеми бреднями энтузиазма и всеми безумствами воображения и грез. Умные просветленные хорошо понимали, что религия является одной из величайших потребностей человечества и никогда не будет уничтожена; поэтому они хотели сделать саму религию и фанатизм, который она вызывает, как роковое следствие энтузиазма, вдохновленного невежеством, оружием для уничтожения иерархической власти Церкви, рассчитывая увидеть в результате конфликтов фанатизма новую иерархию, основателями и главами которой они надеялись стать.

«Вы будете как боги, знающие все, не утруждая себя ничем учиться; вы будете как цари, владеющие всем, не утруждая себя ничем приобретать».

Таковы, вкратце, обещания революционного духа завистливым массам. Революционный дух — это дух смерти; это древний змей из *Книги Бытия*, и в то же время это отец движения и прогресса, поскольку поколения обновляются только через смерть; именно поэтому индейцы поклонялись Шиве, безжалостному разрушителю, символическая форма которого была физической любовью и материальным рождением.

Система Сведенборга — это не что иное, как каббала без принципа иерархии; это храм без замкового камня и фундамента; это огромное здание, к счастью, полностью фантастическое и воздушное, потому что если бы кто-нибудь когда-нибудь попытался воплотить его на земле, оно рухнуло бы на голову первого ребенка, который попытался бы, не то чтобы поколебать его, а просто прислониться к одной из его главных колонн.

Организовать анархию — вот проблема, которую революционеры должны и будут вечно решать; это камень Сизифа, который всегда будет падать на них; чтобы существовать хотя бы на мгновение, они вынуждены и всегда будут вынуждены импровизировать деспотизм, не имеющий иной причины существования, кроме необходимости, и который, следовательно, является таким же жестоким и слепым, как и она. Мы уходим от гармоничной монархии разума, только чтобы попасть под беспорядочную диктатуру безумия.

Средство, косвенно предложенное Сведенборгом для общения с сверхъестественным миром, было промежуточным состоянием, близким к сну, экстазу и каталепсии. Шведский просветленный утверждал возможность этого состояния, но не давал теории необходимых практик для его достижения; возможно, его ученики, чтобы восполнить этот пробел, прибегли бы к магическим ритуалам Индии, когда человек гениальный пришел, чтобы дополнить естественной чудодейственной силой пророческие и каббалистические интуиции Сведенборга. Этот человек был немецким врачом по имени *Месмер*.

Месмер прославился тем, что без наставника и без оккультных знаний обнаружил универсальный агент жизни и ее чудес; его «*Афоризмы о магнетизме*»⁽¹⁸⁾, которые ученые его времени считали парадоксами, однажды станут основой физического синтеза.

Примечание 18: ([назад](#)) Месмер, «*Мемуары и афоризмы, сопровождаемые методами Эслона*», новое издание, 1846, 1 т. gr. in 18.

Месмер признает в естественном существе две формы, которые являются субстанцией и жизнью, откуда происходят неподвижность и движение, составляющие равновесие вещей.

Он признает существование первоначальной флюидной материи, универсальной, способной к неподвижности и движению, которая, фиксируясь, определяет состав веществ, а, постоянно двигаясь, изменяет и обновляет формы.

Эта текучая материя является активной и пассивной: как пассивная, она притягивает себя, как активная, она проецируется.

Благодаря ей миры и живые существа, населяющие эти миры, притягиваются и отталкиваются друг от друга; она переходит от одних к другим посредством циркуляции, сравнимой с циркуляцией крови.

Она поддерживает и обновляет жизнь всех существ, она является источником их силы и может стать инструментом их воли.

Чудеса являются результатом исключительных сил или воли.

Явления когезии, эластичности, плотности или тонкости тел производны от различных комбинаций двух свойств универсальной жидкости или первоматерии.

Болезнь, как и все физические расстройства, возникает в результате нарушения нормального равновесия первоматерии в организованном теле.

Организованные тела являются либо симпатичными, либо антипатичными друг к другу вследствие своего особого равновесия.

Симпатичные тела могут исцелять друг друга, восстанавливая взаимное равновесие.

Это свойство тел уравнивать друг друга путем притяжения или отталкивания первоматерии Месмер называет магнетизмом, а поскольку оно проявляется в зависимости от особенностей существ, то, изучая его проявления в живых существах, он называет его животным магнетизмом.

Месмер доказал свою теорию на практике, и его эксперименты увенчались полным успехом.

Заметив аналогию между явлениями животного магнетизма и электричества, он использовал металлические проводники, соединенные с общим резервуаром, содержащим землю и воду, для поглощения и проецирования обеих сил; с тех пор сложный аппарат из ведер был заброшен, его можно заменить живой цепочкой из рук, сложенных на круглом теле, плохо проводящем электричество, например, на деревянном столе, шелковой или шерстяной ткани шляпы и т. д.

Затем он применил процессы металлической намагничивания к живым и организованным существам и убедился в реальности и сходстве последующих явлений.

Ему оставалось сделать только один шаг — заявить, что эффекты, приписываемые в физике четырем невесомым флюидам, являются различными проявлениями одной и той же силы, разнообразной по своим применениям, и что эта сила, неотделимая от первоматерии и вселенской, которую она приводит в движение, то великолепная, то огненной, то электрической, то магнитной, имеет только одно имя, указанное Моисеем в *Книге Бытия*, когда он вызывает ее по зову Всемогущего, прежде всех веществ и всех форм: СВЕТ; חַי וְקַי

И теперь давайте не бояться сказать это заранее, потому что позже это будет признано.

Великое достижение XVIII века — это не энциклопедия, не насмешливая и издевательская философия Вольтера, не отрицательная метафизика Дидро и д'Аламбера, не ненавистная филантропия Руссо; это симпатичная и чудесная физика Месмера! Месмер велик, как Прометей, он дал людям огонь с небес, который Франклин сумел только отвлечь.

Гению Месмера не хватало ни одобрения ненависти, ни освящения преследованиями и оскорблениями; его изгнали из Германии, над ним смеялись во Франции, но при этом он сделал состояние, потому что его исцеления были очевидны, и больные приходили к нему и платили ему, а потом говорили, что выздоровели случайно, чтобы не навлечь на себя осуждение ученых. Официальные органы даже не удостоили чудотворца чести изучить его открытие, и великий человек был вынужден смириться с тем, что его считали ловким шарлатаном.

Только ученые не были враждебно настроены по отношению к месмеризму, искренне религиозные люди были встревожены опасностью нового открытия, а суеверные кричали о скандале и магии. Мудрецы предвидели злоупотребления, а глупцы не допускали даже использования этой чудесной силы. Не собираются ли они во имя магнетизма отрицать чудеса Спасителя и его святых, говорили одни; что станет с силой дьявола, говорили другие? И все же истинная религия не должна бояться открытия какой-либо истины; к тому же, давая меру человеческой силы, разве магнетизм не придает божественным чудесам новое оправдание, вместо того чтобы уничтожать их? Правда, глупцы будут приписывать дьяволу меньше чудес, что даст им меньше поводов для проявления своей ненависти и ярости; но люди, обладающие истинной набожностью, конечно же, никогда не будут жаловаться на это: дьявол должен терять свою власть, когда появляется свет и исчезает невежество; но завоевания науки и света расширяют, укрепляют и делают все более любимыми в мире власть и славу Бога!

ГЛАВА II.

ЧУДЕСНЫЕ ПЕРСОНАЖИ XVIII ВЕКА.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Граф Сен-Жермен. -- Адепт Ласкарис и великий кофт, известный как доктор Джозеф Бальзамо. -- Барон Феникс и граф Калиостро.

XVIII век был легковерным только в отношении магии, поскольку смутные верования являются религией безверных душ: люди отрицали чудеса Иисуса Христа и приписывали воскрешения *графу Сен-Жермену*. Этот необычный человек был загадочным теософом, которого выдавали за обладателя секретов великого дела и изготовителя алмазов и драгоценных камней; Кроме того, он был светским человеком, приятным собеседником и отличался большим изяществом в манерах. Мадам де Женлис, которая в детстве видела его почти каждый день, утверждает, что он умел придать даже драгоценным камням, которые изображал на своих картинах, весь их естественный блеск и огонь, секрет которых не мог угадать ни один химик или художник; Нашел ли он способ запечатлеть свет на холсте или использовал какую-то смесь из перламутра или металлическую инкрустацию? Нам это

невозможно узнать, поскольку ни одна из этих чудесных картин не сохранилась до наших дней.

Граф Сен-Жермен исповедовал католическую религию и с большой преданностью соблюдал ее обряды; однако ходили слухи о подозрительных заклинаниях и странных явлениях, он хвастался тем, что владеет секретом вечной молодости. Было ли это мистицизмом, было ли это безумием? Никто не знал его семьи, и, слушая его рассказы о прошлом, казалось, что он прожил несколько веков; он мало говорил о том, что касалось оккультных наук, и когда его просили посвятить в них, он утверждал, что ничего не знает; он сам выбирал своих учеников и сначала требовал от них пассивного послушания, а затем рассказывал им о царстве, к которому они были призваны, царстве Мелхиседека и Соломона, царстве посвященных, которое также является священством. «Будьте светочем мира, — говорил он, — если ваш свет подобен свету планеты, вы будете ничем перед Богом: я уготовливаю вам великолепие, по сравнению с которым солнце — лишь тень, тогда вы будете направлять ход звезд и управлять теми, кто правит империями».

Эти обещания, значение которых, если его правильно понять, не может удивить истинных адептов, приводятся, если не дословно, то по крайней мере по смыслу, анонимным автором «Истории тайных обществ в Германии» и достаточны, чтобы понять, к какому посвящению принадлежал граф Сен-Жермен.

Вот несколько до сих пор неизвестных подробностей об этом просветленном человеке:

Он родился в Лентмерице, в Богемии, в конце XVII века, был внебрачным или приемным сыном розенкрейцера, который называл себя *Comnes cabalicus*, кабалист-товарищ, и который был высмеян под именем *графа Габалиса* несчастным аббатом де Вилларом; Сен-Жермен никогда не говорил о своем отце. В возрасте семи лет, как он говорил, я был изгнан и бродил с матерью по лесам. Мать, о которой он говорил, была наукой адептов; его возраст в семь лет соответствует возрасту посвященных, возведенных в степень мастеров; леса — это, по мнению адептов, царства, лишённые истинной цивилизации и истинного света. Принципы Сен-Жермена были принципами розенкрейцеров, и он основал в своей родине общество, от которого впоследствии отделился, когда в ассоциациях новых последователей гнозиса возобладали анархические доктрины. Поэтому он был отвергнут своими братьями, даже обвинен в измене, и некоторые авторы мемуаров об иллюминатах, кажется, намекают, что он был брошен в подземелья замка Руэль. Мадам де Женлис, напротив, умертвила его в герцогстве Гольштейн, мучимого совестью и терзаемого страхами перед загробной жизнью. Несомненно то, что он внезапно исчез из Парижа, и никто не знал, куда именно он уехал, и что просветленные, насколько это было возможно, опустили на его память завесу молчания и забвения. Общество, которое он основал под названием Saint-Jakin, из которого получилось Saint-Joachim, просуществовало до революции, а затем исчезло или преобразовалось, как и многие другие. Вот анекдот об этом обществе, который можно найти в памфлетах, враждебных иллюминизму; он взят из венской переписки. Все это, как видно, не является ни достоверным, ни достоверным. Однако вот анекдот:

«По вашей рекомендации я был очень хорошо принят г-ном Н.З.... Он был уже предупрежден о моем приезде. *Гармоника* получила его полное одобрение. Сначала он рассказал мне о некоторых особых экспериментах, в которых я ничего не понял; только недавно мой ум стал способен их понять. Вчера, ближе к вечеру, он отвез меня в свою загородную усадьбу, где есть очень красивые сады. Храмы, гроты, водопады, лабиринты, подземные ходы радуют глаз длинной чередой чудес; но очень высокая стена, окружающая все эти красоты, мне крайне не понравилась, она скрывает от глаз очаровательное место...

«Я взял с собой *гармонику* по приглашению г-на Н. З., чтобы сыграть на ней всего несколько минут в назначенном месте и по условленному знаку. После нашей прогулки по саду он отвел меня в зал в передней части дома и вскоре ушел под каким-то предлогом. Было уже очень поздно: я не видел, чтобы он возвращался; скука и сон начали одолевать меня, когда меня прервало прибытие нескольких карет. Я открыл окно: была ночь, я ничего не мог разглядеть; я еще меньше понимал тихое и таинственное шептание тех, кто, по-видимому, входил в дом. Вскоре сон полностью овладел мной; и, проспав около часа, я вздрогнул от шума слуги, посланного, чтобы проводить меня и нести инструмент. Он шел очень быстро и далеко впереди меня; я следовал за ним довольно механически, когда услышал звуки труб, которые, как мне показалось, доносились из глубины подвала; в этот момент я потерял из виду своего проводника и, продвигаясь в сторону, откуда, казалось, доносился шум, спустился наполовину по лестнице в подвал, который открылся передо мной. Представьте мое удивление! Там пели похоронную песню. Я отчетливо разглядел труп в открытом гробу; рядом с ним стоял человек в белом, весь в крови; мне показалось, что ему вскрыли вену на правой руке. За исключением тех, кто помогал ему, остальные были одеты в длинные черные плащи и держали в руках обнаженные мечи. Насколько я мог судить в своем ужасе, у входа в склеп были навалены груды человеческих костей. Свет, освещавший это мрачное зрелище, казалось, исходил от пламени, похожего на пламя спирта.

Не зная, смогу ли я догнать своего проводника, я поспешил уйти; я нашел его всего в нескольких шагах от того места, где он меня искал; у него были испуганные глаза, он с каким-то беспокойством взял меня за руку и потянул за собой в особый сад, куда я, как мне показалось, был перенесен с помощью магии. Свет, исходящий от огромного количества фонариков, шум водопадов, пение искусственных соловьев, аромат, который там витал, сначала возбудили мое воображение. Меня посадили за зеленым кушеткой, внутри которой было богато украшено, и в которую сразу же перенесли человека, потерявшего сознание (вероятно, того, который лежал в гробу в склепе); сразу же мне дали знак прикоснуться к моему инструменту.

«Будучи чрезвычайно взволнованным этой сценой, я, вероятно, упустил многое ¹⁹; однако я заметил, что потерявший сознание человек пришел в себя, как только я коснулся инструмента, и с удивлением задал следующие вопросы: «Где я? ... Чей голос я слышу? ... Единственным ответом были радостные возгласы, сопровождаемые звуками труб и литавр; все бросились за оружием и углубились в сад, где я видел, как все исчезли.

Примечание 19: (назад) Неофит, о котором говорится в этом письме и которого приняли за труп, находился в состоянии сомнамбулизма, вызванного магнетизмом. О зеленом кабинете, о котором идет речь, и о воздействии *гармоники* можно прочитать в любопытной книге «*Критическая история животного магнетизма*» Делеза, 2-е изд., 1819, 2 тома in-8; в ней содержатся очень интересные заметки о магнитной цепи и магнитной ванне, намагниченных деревьях, музыке, голосе магнетизера и инструменте, который он использует. Автор, кстати, является сторонником месмеризма, что не делает его мнения подозрительными.

«Я пишу вам это, все еще находясь в возбужденном состоянии... Если бы я не принял меры предосторожности и не записал эту сцену сразу же, сегодня я бы принял ее за сон».

Самое необъяснимое в этой сцене — присутствие профанного человека, который ее описывает. Как ассоциация могла так подвергать себя риску раскрытия своих тайн? Мы не можем ответить на этот вопрос, но что касается самих тайн, то мы можем легко их объяснить.

Преемники древних розенкрейцеров, постепенно отходя от строгой и иерархической науки своих предков в посвящении, образовали мистическую секту; они с готовностью приняли магические догмы тамплиеров и считали себя единственными хранителями тайн Евангелия от Иоанна; они видели в евангельских рассказах аллегорическую серию обрядов, необходимых для завершения посвящения, и верили, что история Христа должна осуществиться в личности каждого из адептов; они рассказывали гностическую легенду о том, что Спаситель, окруженный благовониями и повязками, не был заключен в новом гробу Иосифа Аримафейского, а воскрес в доме самого святого Иоанна. Именно это мнимое таинство они и праздновали под звуки гармоники и труб. Посвящаемый был приглашен принести в жертву свою жизнь и подвергался кровопусканию, которое приводило его в обморок; ему говорили, что этот обморок был смертью, и когда он приходил в себя, его воскресение праздновали фанфарами радости и криками триумфа. Эти разнообразные эмоции, эти то мрачные, то яркие сцены должны были навсегда запечатлеться в его воображении и сделать его фанатиком или провидцем. Многие верили в реальное воскресение и считали себя уверенными в том, что больше не умрут. Таким образом, руководители общества использовали в своих тайных планах самое грозное из всех орудий — безумие — и обеспечивали себе со стороны своих последователей ту фатальную и неустанную преданность, которую безумие порождает чаще и надежнее, чем дружба.

Секта *Святого Якина* была, таким образом, обществом гностиков, преданных иллюзиям очаровательной магии, она была похожа на розенкрейцеров и тамплиеров, а ее название Святой Якин происходило от одного из двух имен, выгравированных инициалами на двух главных колоннах храма Соломона, Якин и Бохас. Инициалом Якина на иврите является Йод, священная буква ивритского алфавита, инициалом имени Иегова, которое имя Якин служит для сокрытия от непосвященных, поэтому его называли Святой Якин.

Святоякиннты были теософами, которые слишком увлекались теургией.

Все, что рассказывают о таинственном графе Сен-Жермене, дает основания полагать, что он был искусным физиком и выдающимся химиком: утверждают, что он владел секретом сваривания алмазов так, что не оставалось никаких следов работы; он владел искусством очищать драгоценные камни и тем самым придавать большую ценность самым несовершенным и самым обычным из них; бестолковый анонимный автор, которого мы уже цитировали, признает у него этот талант, но отрицает, что он когда-либо делал золото, как будто золото не делается из драгоценных камней. Сен-Жермен также изобрел, по словам того же автора, и завещал промышленности искусство придавать меди большой блеск и пластичность, еще одно изобретение, которое было достаточно, чтобы сделать своего автора богатым. Подобные дела должны заставить простить графу Сен-Жермену то, что он был хорошо знаком с царицей Клеопатрой и даже дружески общался с царицей Савской. Кроме того, он был добрым и галантным человеком, любил детей и с удовольствием сам делал для них восхитительные конфеты и чудесные игрушки; он был смуглым и невысоким, всегда богато, но со вкусом одевался и любил все утонченности роскоши. Утверждают, что король Людовик XV принимал его в дружеской обстановке и занимался с ним алмазами и драгоценными камнями. Вероятно, этот монарх, полностью подчиненный куртизанкам и поглощенный своими удовольствиями, приглашая Сен-Жермена на несколько частных аудиенций, поддался скорее капризу женского любопытства, чем серьезной любви к науке. Сен-Жермен был некоторое время в моде, и, поскольку он был милым и молодым стариком, умевшим соединить болтовню проныры с экстазом теософа, он произвел фурор в некоторых кругах, но вскоре был заменен другими причудами; так устроен мир.

Говорили, что Сен-Жермен был не кем иным, как тем самым загадочным Альтутасом, который был учителем магии одного адепта, о котором мы скоро поговорим, и который принимал каббалистическое имя *Ачарат*; ничто не может быть менее обоснованным, чем это предположение, как мы увидим, изучая этого нового персонажа.

В то время как граф Сен-Жермен был в моде в Париже, другой таинственный адепт путешествовал по миру, набирая апостолов для философии Гермеса: это был алхимик, называвший себя *Ласкарис* и называвший себя архимандритом Востока, ответственным за сбор пожертвований для греческого монастыря; только вместо того, чтобы просить милостыню, Ласкарис, казалось, потел золотом и оставлял за собой след повсюду. Везде он только появлялся, и его появления меняли форму; здесь он показывался старым, там он был еще молодым; сам он не делал золото публично, но заставлял делать его своих учеников, которым он оставлял при расставании немного порошка для проекции. Нет ничего более доказанного и установленного, чем трансмутации, произведенные посланниками Ласкариса. Г-н Луи Фигье в своем научном труде об алхимиках не ставит под сомнение ни их реальность, ни их важность. Однако, поскольку нет ничего, особенно в физике, более неумолимого, чем факты, из них следует сделать вывод, что философский камень не является вымыслом, если бы огромная традиция оккультизма, древние мифологии, серьезные работы величайших людей всех веков не демонстрировали достаточно его существование и реальность.

Современный химик, поспешивший обнародовать свой секрет, сумел получить золото из серебра с помощью разрушительного процесса, поскольку уничтоженное им серебро дает золото, стоимость которого составляет лишь десятую часть его стоимости. *Агриппа*, который так и не смог открыть универсальный растворитель, был, однако, более удачлив, чем наш химик, поскольку он получил золото, эквивалентное по стоимости использованному серебру, и, таким образом, потерял только свой труд, если можно назвать потерей то, что он посвятил себя поиску великих тайн природы.

Привлечь людей привлекательностью золота к исследованиям, которые привели бы их к абсолютной философии, — такова, по-видимому, была цель пропаганды Ласкариса, поскольку изучение герметических книг должно было непременно привести ученых к познанию каббалы. В XVIII веке посвященные считали, что их время пришло: одни для того, чтобы основать новую иерархию, другие — чтобы свергнуть всякую власть и установить равенство всех верхушек социального порядка. Тайные общества посылали своих разведчиков по всему миру, чтобы изучить и, при необходимости, пробудить общественное мнение: после Сен-Жермена и Ласкариса — Месмера, после Месмера — *Калиостро*. Но не все они принадлежали к одной школе: Сен-Жермен был человеком просветленных теософов, Ласкарис представлял натуралистов, приверженных традиции Гермеса.

Кальостро был агентом тамплиеров, поэтому он писал в циркуляре, адресованном всем масонам Лондона, что пришло время приступить к восстановлению храма Вечного. Как и тамплиеры, Кальостро занимался черной магией и практиковал зловещую науку вызова духов; он предсказывал прошлое и настоящее, предсказывал будущее, совершал чудесные исцеления и утверждал, что может делать золото. Он ввел в масонство новый обряд, который назвал египетским, и пытался возродить таинственный культ Исиды. Сам, с головой, обмотанной повязками и увенчанной как у сфинкса из Фив, он председательствовал на ночных торжествах в комнатах, полных иероглифов и факелов. Его жрицами были молодые девушки, которых он называл голубками и доводил до экстаза, чтобы они давали оракулы с помощью гидромантии, поскольку вода является отличным проводником, мощным

отражателем и очень преломляющей средой для астрального света, как доказывают миражи моря и облаков.

Кальостро, как видно, продолжил Месмер, и нашел ключ к явлениям медиумизма; он сам был медиумом, то есть человеком с исключительно впечатлительной нервной системой: к этому он добавлял большую утонченность и самоуверенность, а публичное преувеличение и воображение женщин делали все остальное. Кальостро пользовался безумным успехом; его буквально вырывали из рук, его бюст был повсюду с надписью: *божественный Кальостро*. С этого момента можно было предвидеть реакцию, равную этой моде: после того как он был богом, Кальостро стал интриганом, шарлатаном, сводником своей жены, наконец, негодяем, которому римская инквизиция решила проявить милосердие, приговорив его только к пожизненному заключению. , что он продал свою жену, потому что его жена продала его. Его привели и поймали в ловушку, судили и опубликовали все, что хотели, об этом процессе. В это время произошла революция, и все забыли о Кальостро.

Тем не менее, этот адепт не лишен значения в истории магии; его печать так же важна, как печать Соломона, и свидетельствует о его посвящении в самые сокровенные тайны науки. Эта печать, объясняемая каббалистическими буквами имен Ахарат и Альтутас, выражает основные черты великой тайны и великого дела. Это змея, пронзенная стрелой, олицетворяющая букву алеф, *א*, образ союза активного и пассивного, духа и жизни, воли и света. Стрела принадлежит древнему Аполлону, змея — это Питон из мифа, зеленый дракон герметических философов. Буква алеф представляет собой сбалансированное единство. Этот пантакль встречается в различных формах в талисманах древней магии, но иногда змея заменяется павлином Юноны, павлином с королевской головой и разноцветным хвостом, символом проанализированного света, птицы великого творения, чье оперение сверкает золотом; иногда вместо красочного павлина это белый ягненок, ягненок или молодой солнечный баран, пересеченный крестом, как это еще можно увидеть на гербе города Руан. Павлин, баран и змея представляют один и тот же иероглифический знак: пассивное начало и скипетр Юноны, крест и стрела — это активное начало, воля, магическое действие, коагуляция растворителя, фиксация путем проекции летучего вещества, проникновение земли огнем. Союз этих двух — это универсальные весы (), это великая тайна, это великое дело, это равновесие Якина и Бохаса.

Триграмма L.-. P.-. D.-., сопровождающая эту фигуру, означает *свободу, власть, долг*, а также *свет, пропорцию, плотность, закон, принцип и право*.

Масоны изменили порядок букв и, написав L.-.D.-.P.-., сделали их инициалами слов «*свобода мысли*», которые они начертали на символическом мосту, читая для непосвященных: «*свобода прохода*». В протоколах суда над Кальостро отмечено, что он сам придал этим трем буквам в своих допросах другое значение; он перевел их как «*Lilia destrue pedibus*» (*подави лилии ногами*); в подтверждение этой версии можно привести масонскую медаль XVI или XVII века, на которой изображен меч, срезающий ветку лилии, с надписью: «*Talem dabit ultio messem*» (*Таким образом будет воздано за месть*).

Имя *Ахарат*, которое взял себе Кальостро, каббалистически пишется на иврите следующим образом:

хп

выражает тройную единство,ху, единство принципа и равновесия;

хґ, единство жизни и вечность восстанавливающего движения.

хп, единство конца в абсолютной синтезе.

Имя Альтутас, учителя Калиостро, состоит из имени Тота и слогов al и as, которые, если читать их каббалистически, означают Sala, то есть посланник, посланник; таким образом, полное имя означает Тота, мессию египтян, и именно его Калиостро признавал своим главным учителем.

Учение великого Кофта, как известно, было названием, которое принимал Калиостро; его учение, как мы говорим, имело двойную цель: моральное возрождение и физическое возрождение.

Вот принципы великого Кофта в отношении нравственного возрождения:

«Взойди на Синай с Моисеем, на Голгофу, затем на Фавор с Фалегом, на Кармель с Илией.

На самой вершине горы ты построишь свой скинию.

Он будет разделен на три соединенных между собой здания, а среднее из них будет иметь три этажа.

Первый этаж или первый ярус будет трапезной.

Средний этаж будет представлять собой круглую комнату с двенадцатью кроватями по периметру и одной посередине, это будет комната сна и снов.

Верхняя комната, на третьем этаже, будет квадратной и с шестнадцатью окнами, по четыре с каждой стороны, это будет комната света.

Там ты будешь молиться в одиночестве сорок дней и спать сорок ночей в спальне двенадцати мастеров.

Тогда ты получишь подписи семи гениев и от них пентаграмму, начертанную на чистом листе пергамента.

Это знак, который знает только тот, кто его получает.

Это тайный символ белого камня, о котором говорится в пророчестве самого младшего из двенадцати мастеров.

Тогда твой разум озарится божественным светом, и твое тело станет чистым, как у ребенка. Твое проникновение будет безграничным, твоя сила будет безмерной; ты войдешь в совершенный покой, который является началом бессмертия, и сможешь сказать правдиво и без гордости: «Я есть тот, кто есть».

Эта загадка означает, что для морального возрождения необходимо изучать, понимать и реализовывать высшую каббалу.

Три комнаты — это союз физической жизни, религиозных устремлений и философского света; двенадцать мастеров — это великие провозвестники, символы которых необходимо понять; подпись семи духов — это посвящение в великую тайну и т. д. и т. п. Все это, таким образом, является аллегорическим, и речь не идет о том, чтобы построить в реальности

трехэтажный дом, так же как в масонстве речь не идет о том, чтобы построить храм в Иерусалиме.

Теперь перейдем к секрету физического возрождения.

Чтобы достичь этого, необходимо, всегда следуя оккультным предписаниям великого Кофта:

Каждые пятьдесят лет устраивать сорокадневный отпуск в виде юбилея, во время полнолуния в мае.

В одиночестве, в деревне, с верным человеком:

Постить сорок дней, пить майский росу, собранную с молодой пшеницы чистой белой льняной тканью, есть нежные и свежие травы.

Начинать трапезу с большого стакана росы и заканчивать печеньем или простой корочкой хлеба.

На семнадцатый день — легкое кровопускание.

Принимать по шесть капель бальзама азота утром и шесть вечером, увеличивая дозу на две капли в день до тридцать второго дня.

Затем повторить небольшую кровопускание на рассвете, после чего лечь спать и оставаться в постели до конца сорока дней.

При первом пробуждении, после кровопускания, принять первую дозу универсального лекарства.

Вы почувствуете обморок, который должен длиться три часа, затем судороги, потливость и значительное опорожнение, после чего следует сменить постельное белье и постель.

Затем нужно принять бульон из говядины без жира, приправленный рутот, шалфеем, валерианой, вербеной и мелиссой.

На следующий день примите вторую дозу универсального лекарства, то есть астрального ртути в сочетании с золотой серой.

На следующий день примите теплую ванну.

На тридцать шестой день выпейте бокал египетского вина.

На тридцать седьмой день примите третью и последнюю дозу универсального лекарства.

Затем последует глубокий сон.

Волосы, зубы и ногти обновятся, кожа обновится.

На тридцать восьмой день примите ванну с вышеупомянутыми ароматическими травами.

На тридцать девятый день проглотите в двух ложках красного вина десять капель эликсира Ачарата.

На сороковой день работа завершена, и старик омолодился.

Именно благодаря этой юбилейной диете Калиостро утверждал, что прожил несколько веков. Как видно, это было новое приготовление знаменитой ванны бессмертия гностиков-менадрианцев. Калиостро серьезно в это верил?

Перед судьями он проявил большую твердость и присутствие духа, объявил себя католиком и сказал, что почитает папу как верховного главу религиозной иерархии. На вопросы, касающиеся оккультных наук, он отвечал загадочно, и когда ему сказали, что его ответы абсурдны и непонятны, он ответил: «Как вы можете знать, что они абсурдны, — ответил он, — если вы считаете их непонятными?». Судьи рассердились и резко спросили его о названиях смертных грехов: Калиостро назвал похоть, жадность, зависть, обжорство и лень. — Вы забыли гордыню и гнев, — сказали ему. — Простите меня, — ответил обвиняемый, — я не забыл их, но не хотел называть их перед вами из уважения и из страха обидеть вас. Его приговорили к смертной казни, но затем наказание было заменено пожизненным заключением. В тюрьме Калиостро попросил исповедаться и сам выбрал священника, который был примерно такого же телосложения и роста, как он сам. Исповедник вошел, и через некоторое время его увидели выходящим; через несколько часов тюремщик, войдя в камеру осужденного, обнаружил там труп задушенного человека, этот обезображенный труп был покрыт одеждой Калиостро; священника больше никто не видел.

Любители всего чудесного уверяют, что великий Кофт в настоящее время находится в Америке и является там верховным и невидимым понтификом верующих в привидения.

ГЛАВА III.

ПРОРОЧЕСТВА КАЗОТТА.

СОДЕРЖАНИЕ. Мартинисты. Ужин Казотта. Роман «Влюбленный дьявол». Нахема, королева стриг. Кровавая гора. Мадемуазель Казотт и мадемуазель де Сомбрей. Казотт перед революционным трибуналом.

Школа неизвестных философов, основанная Паскуалисом Мартинесом и продолженная Сен-Мартеном, по-видимому, объединяла последних последователей истинного посвящения. Сен-Мартен знал древний ключ к таро, то есть тайну священных алфавитов и иератических иероглифов; он оставил несколько весьма любопытных пантаклей, которые никогда не были выгравированы и копии которых мы имеем в своем распоряжении. Один из этих пантаклей является традиционным ключом к великому делу, и Сен-Мартен называет его ключом к аду, потому что это ключ к богатству; мартинисты среди просветленных были последними христианами, и они были инициаторами знаменитого Казотта.

Мы уже говорили, что в XVIII веке в иллюминизме произошел раскол: одни, сохранявшие традиции естественной и научной магии (), хотели восстановить иерархию; другие, напротив, хотели все уравнивать, раскрыв великую тайну, которая сделала бы невозможным в мире королевскую власть и священство. Среди последних были амбициозные и злобные люди, которые надеялись занять трон на руинах мира; другие были обманутыми и глупыми.

Настоящие посвященные с ужасом видели, как общество мчится к пропасти, и предвидели все ужасы анархии. Эта революция, которая позже должна была явиться умирающему гению

Верньо под мрачным образом Сатурна, пожирающего своих детей, уже возвышалась вооруженная в пророческих снах Казотта. Однажды вечером, находясь среди слепых инструментов будущего якобинства, он предсказал всем им их судьбу: сильнейшим и слабейшим — эшафот; самым восторженным — самоубийство; и его пророчество, которое тогда казалось мрачной шуткой, полностью сбылось²⁰. Это предсказание было, по сути, лишь расчетом вероятностей, и расчет оказался точным, потому что вероятные шансы уже превратились в неизбежные последствия. Ла Харп, которого это предсказание поразило удивлением, добавил к нему несколько деталей, чтобы сделать его более удивительным, таких как точное количество ударов бритвой, которые должен был нанести один из гостей, и т. д.

Примечание 20: (возврат) Делез, *Мемуар о способности к точности*, in-8, 1836.

Следует простить немного эту поэтическую вольность всем рассказчикам необыкновенных вещей; подобные украшения не являются ложью, это просто поэзия и стиль.

Дать естественно неравным людям абсолютную свободу — значит устроить социальную войну; и когда те, кто должен сдерживать жестокие инстинкты толпы, совершают безумие, развязывая их, не нужно быть великим волшебником, чтобы понять, что они будут пожраны первыми, поскольку животные страсти будут разрывать их на части до тех пор, пока не появится смелый и ловкий охотник, который покончит с ними выстрелами из ружья или одним ударом сети. Казотт предвидел Марата, Марат предвидел реакцию и диктатора.

Казотт начал свою карьеру с нескольких легкомысленных литературных произведений, и, как говорят, его посвящение в литературу произошло благодаря публикации одного из его романов под названием «Влюбленный дьявол». Этот роман действительно полон магических интуиций, и в нем самое большое испытание в жизни, испытание любви, показано в истинном свете учения адептов.

Физическая любовь, эта безумная страсть, это непобедимое безумие для тех, кто является игрушкой воображения, является лишь соблазном смерти, которая хочет возобновить свой урожай через рождение. Физическая Венера — это смерть, накрашенная и одетая как куртизанка; любовь разрушительна, как и ее мать, она набирает для нее жертв. Когда куртизанка насыщается, смерть снимает маску и требует свою долю. Вот почему Церковь, спасающая рождение святостью брака, разоблачает и предотвращает разврат смерти, безжалостно осуждая все заблуждения любви.

Если любимая женщина не является ангелом, который увековечивает себя жертвами долга в объятиях того, кого она любит, то это стриге, которая раздражает его, изматывает и убивает, наконец показывая ему всю уродливость своего жестокого эгоизма. Горе жертвам влюбленного дьявола! Горе тем, кто поддается сладострастным лестошам Биондетты! Скоро милое лицо девушки превратится для них в ужасную голову верблюда, которая так трагично появляется в конце романа Казотта.

В аду, по словам каббалистов, есть две королевы стриг: одна — Лилит, мать аборт, а другая — Нахема, роковая и смертоносная красавица. Когда мужчина изменяет жене, которую ему предназначил небо, когда он предаётся заблуждениям бесплодной страсти, Бог забирает у него законную и святую супругу, чтобы отдать его в объятия Нахемы. Эта королева стриг умеет проявлять все очарование девственности и любви: она отвращает сердца отцов и побуждает их к отказу от своих обязанностей и детей; она толкает женатых мужчин к вдовству и принуждает посвященных Богу мужчин к святотатственному браку. Когда она узурпирует титул жены, ее легко узнать: в день своей свадьбы она лысая, потому что волосы женщины,

являющиеся покрывалом скромности, запрещены ей в этот день; затем, после свадьбы, она притворяется отчаявшейся и испытывающей отвращение к жизни, проповедует самоубийство и, наконец, с насилием покидает того, кто сопротивляется ей, оставляя на его лбу между глазами знак адской звезды.

Нахема может стать матерью, говорят они еще, но она никогда не воспитывает своих детей; она отдает их на съедение Лилит, своей зловещей сестре.

Эти каббалистические аллегории, которые можно прочесть в книге

«Революция душ» на иврите, в *«Каббалистическом словаре Сохара»* и в *«Комментарии талмудистов к Соте»*, похоже, были известны или догадывались автором *«Влюбленного дьявола»*; поэтому утверждают, что после публикации этой книги к нему пришел неизвестный человек, закутанный в плащ, как у франко-судей. Этот человек сделал ему знаки, которые Казотт не понял, а затем спросил его, действительно ли он не посвященный. Услышав отрицательный ответ Казотта, незнакомец прояснился и сказал ему: «Я вижу, что вы не неверный хранитель наших секретов, а избранный сосуд для науки. Хотите ли вы действительно управлять человеческими страстями и нечистыми духами? Казотт был любопытен, последовала долгая беседа, которая стала прелюдией к нескольким другим, и автор *«Влюбленного дьявола»* был действительно посвящен. Его посвящение должно было сделать его преданным сторонником порядка и опасным врагом анархистов, и, действительно, мы видели, что речь идет о горе, на которую поднимаются, чтобы возродиться в соответствии с символами Калиостро, но эта гора белая от света, как Фавор, или красная от огня и крови, как Синай и Голгофа. Существует две хроматические синтезы, говорит Сохар: белая, которая является символом гармонии и нравственной жизни; красная, которая является символом войны и материальной жизни: цвет дня и цвет крови. Якобинцы хотели поднять знамя крови, и их алтарь уже возвышался на красной горе. Казотт встал под знамя света, и его мистический скиния была установлена на белой горе. Кровавая гора на мгновение торжествовала, и Казотт был изгнан. У него была дочь, героическая девочка, которая спасла его во время резни в Аббатстве. Мадемуазель Казотт не имела дворянской титульной части перед своим именем, и это спасло ее от тоста ужасного братства, которым прославилась сыновняя преданность мадемуазель де Сомбрей, этой благородной девушки, которая, чтобы оправдаться за то, что она была благородной девушкой, должна была выпить милость своего отца из кровавого бокала палачей!

Казотт предсказал свою собственную смерть, потому что его совесть обязывала его бороться до смерти против анархии. Поэтому он продолжал следовать своей совести, был снова арестован и предстал перед революционным трибуналом; он был заранее обречен. Председатель, вынеся приговор, произнес странную речь, полную уважения и сожаления: он призвал его до конца оставаться достойным себя и умереть как человек с сердцем, таким же, каким он жил. Революция, даже в суде, была гражданской войной, и братья приветствовали друг друга, прежде чем убить друг друга. Дело в том, что обе стороны имели искренние и, следовательно, заслуживающие уважения убеждения. Тот, кто умирает за то, что считает правдой, является героем, даже если он ошибается, и анархисты с кровавой горы были не только смелы, чтобы отправить других на эшафот, но и сами поднялись на него, не поблбднв: пусть Бог и потомки будут их судьями!

ГЛАВА IV.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Могила Жака де Моля. — Месть тамплиеров. — Пропаганда против духовенства и королевской власти. — Людовик XVI в Темпле. — Ограбление и осквернение церквей. — Папа в плену в Валансине. — Исполнение пророчеств святого Мефодия.

В мире был человек, глубоко возмущенный тем, что он был трусливым и порочным, и который вымещал свой плохо скрываемый стыд на все общество. Этот человек был несчастным любовником природы, и природа в своем гневе вооружила его красноречием, как бичом. Он осмелился выступать против науки в защиту невежества, против цивилизации в защиту варварства, против всех социальных высот, одним словом, в защиту всех низкостей. Народ инстинктивно забросал камнями этого безумца, но великие приняли его, женщины сделали его модным, он добился такого успеха, что его ненависть к человечеству усилилась, и он в конце концов покончил с собой от гнева и отвращения. После его смерти мир потрясся, чтобы воплотить в жизнь мечты Жан-Жака Руссо, и заговорщики, которые со времени смерти Жака де Моля поклялись разрушить социальное здание, основали на улице Платриер, в том самом доме, где жил Жан-Жак, ложу, открытую под покровительством фанатика из Женевы. Эта ложа стала центром революционного движения, и принц королевской крови пришел туда, чтобы поклясться на могиле Жака де Моля в гибели преемников Филиппа Красивого.

Именно дворянство XVIII века развратило народ; в то время великие были охвачены яростью равенства, которая началась с оргий регентства; тогда люди потакали низшим слоям общества для удовольствия, а при дворе развлекались, говоря на жаргоне рыночных торговцев. Реестры ордена тамплиеров свидетельствуют, что регент был великим магистром этого грозного тайного общества, а его преемниками были герцог Мэнский, принцы Бурбон-Конде и Бурбон-Кonti, а также герцог Коссе-Бриссак. Калиостро объединил в своем египетском ритуале помощников второго порядка: все спешили подчиниться этому тайному и непреодолимому импульсу, который ведет к гибели цивилизации, находящейся в упадке. События не заставили себя ждать, они произошли так, как и предсказывал Казотт, они ускорились, подталкиваемые невидимой рукой. Несчастный Людовик XVI получал советы от своих злейших врагов; они подстроили и сорвали несчастный план побега, который привел к катастрофе в Варенне, как они устроили оргию в Версале, как они распорядились о резне 10 августа; везде они компрометировали короля, везде они спасали его от ярости народа, чтобы еще больше разжечь эту ярость и привести к событию, которое они готовили веками; для мести тамплиеров нужна была эшафот!

Под давлением гражданской войны Национальное собрание объявило короля лишенным власти и назначило ему местом проживания Люксембургский дворец, но другое, более тайное собрание, решило иначе. Резиденцией свергнутого короля должна была стать тюрьма, и этой тюрьмой мог быть только бывший дворец тамплиеров, сохранившийся со своим донжоном и башнями, чтобы ждать этого королевского узника, обреченного на неумолимые воспоминания.

Король был в храме, а элита французского духовенства находилась в изгнании или в аббатстве. Пушки гремели на Пон-Нёф, а угрожающие надписи провозглашали, что родина в опасности. Тогда неизвестные люди организовали резню. Ужасный, гигантский человек с длинной бородой был везде, где нужно было перерезать горло священникам. «Вот, —

говорил он им с диким хохотом, — это за альбигойцев и вальденсов! Вот, это за тамплиеров! Вот, это за Святого Варфоломея! Вот, это за изгнанников из Севенн!» И он бил с яростью, и бил всегда саблей, тесаком, дубиной. Оружие ломалось и заменялось новым в его руках, он был весь в крови с головы до ног, его борода была вся в крови, и он клялся ужасными богохульствами, что смоет ее только кровью.

Именно этот человек предложил тост за нацию, за ангельскую мадемуазель де Сомбрей.

Другой ангел молился и плакал в башне Темпла, предлагая Богу свои страдания и страдания двух детей, чтобы получить от Него прощение для королевской семьи и Франции. Чтобы искупить безумные радости Помпадур и Дюбарри, потребовались все страдания и все слезы этой девы-мученицы, святой *мадам Элизабет*.

Якобинство было названо еще до того, как была выбрана старая церковь якобинцев для собрания лидеров заговора; это название происходит от имени Жак, фатального и предопределенного для революций. Истребители во Франции всегда назывались Жаками; философ, чья роковая слава подготовила новые крестьянские восстания и послужила кровавым замыслом заговорщиков-йоаннитов, звался *Жан-Жак*, а тайные движущие силы Французской революции поклялись свергнуть трон и алтарь на могиле Жака де Моля.

После смерти Людовика XVI, в тот самый момент, когда он испустил дух под топором революции, человек с длинной бородой, этот блуждающий еврей, несущий убийство и месть, поднялся на эшафот перед испуганной толпой, взял в обе руки королевскую кровь и, встряхнув их над головой народа, прокричал страшным голосом: «Французский народ, я крещу тебя во имя Жака и свободы ²¹!»

Примечание 21: ([назад](#)) Прудом в своем дневнике по-другому передает слова этого человека. Мы приводим здесь слова, которые нам рассказал старик, слышавший их.

Половина дела была сделана, и теперь армия Храма должна была направить все свои усилия против папы.

Разграбление церквей, осквернение святынь, насмешливые процессии, провозглашение культа разума в столице Париже стали сигналом к началу этой новой войны. В Пале-Рояле сожгли чучело папы, и вскоре армии республики приготовились к походу на Рим.

Жак де Моэль и его товарищи, возможно, были мучениками, но их мстители опозорили их память. Королевская власть возродилась на эшафоте Людовика XVI, Церковь торжествовала в плену Пьера VI (), увезенного в плен в Валанс и умирающего от усталости и боли, но недостойные преемники бывших рыцарей Храма все погибли, погребенные под своей роковой победой.

В церковном состоянии были большие злоупотребления и большие скандалы, вызванные несчастьем больших богатств; богатства исчезли, и мы увидели возвращение великих добродетелей. Эти временные бедствия и духовный триумф были предсказаны в *Апокалипсисе* святого Мефодия, о котором мы уже говорили. У нас есть экземпляр этой книги, напечатанный готическим шрифтом в 1527 году и украшенный удивительными иллюстрациями: сначала мы видим недостойных священников, бросающих святыни свиньям, затем восставший народ, убивающий священников и разбивающий священные сосуды об их головы; сначала мы видим папу, плененного воинами, затем коронованного рыцаря, который одной рукой поднимает знамя Франции, а другой протягивает свой меч над Италией; мы видим двух орлов и петуха с короной на голове и двойной лилией на груди; здесь виден второй орел, заключающий союз с грифонами и единорогами, чтобы изгнать

стервятника со своего гнезда, и многое другое удивительное. Эта необычная книга сравнима только с иллюстрированным изданием пророчеств аббата Иоахима (из Калабрии), где изображены портреты всех будущих пап с аллегорическими знаками их правления вплоть до прихода Антихриста. Странные хроники будущего, рассказанные как прошлое, которые заставляют поверить в череду миров, где события повторяются, так что предсказание будущего является лишь воспоминанием о потерянных отражениях прошлого!

ГЛАВА V.

ФЕНОМЕНЫ МЕДИУМИЗМА.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Неизвестная секта мистиков-йоаннитов. -- Катрин Тео и Робеспьер. -- Исполнившееся предсказание. -- Видения и мнимые чудеса спасителей Людовика XVII.

В 1772 году житель Сен-Манде по имени *Луазо*, находясь в церкви, ему показалось, что он увидел рядом с собой на коленях очень странного человека: это был смуглый мужчина, одетый только в грубые шерстяные кальсоны. У этого человека была длинная борода, вьющиеся волосы и красный круглый шрам на шее, он нес книгу, на которой золотыми буквами была написана надпись: *Ecce Agnus Dei*.

Луазо был очень удивлен, увидев, что никто не обратил внимания на эту странную фигуру. Он закончил молитву и вернулся домой, где обнаружил, что тот же человек ждет его. Он подошел к нему, чтобы поговорить, и спросил, кто он и чего хочет, но таинственный посетитель внезапно исчез. Луазо легла в постель с лихорадкой и не могла заснуть; ночью она вдруг увидела, что ее комната освещена красноватым светом, она подумала, что это пожар, и резко села на кровати, и тогда посреди комнаты, на столе, она увидела золотое блюдо, а в этом блюде, вся залитая кровью, лежала голова ее вчерашнего посетителя. Голова была окружена красным ореолом, она страшно закатывала глаза и, открыв рот, как будто хотела крикнуть, сказала задыхающимся, шипящим голосом: « » *Я жду головы королей и головы куртизанок королей, я жду Ирода и Иродиады*; затем ореол погас, и больной больше ничего не видел.

Через несколько дней он выздоровел и смог вернуться к своим делам. Когда он пересекал площадь Людовика XV, к нему подошел бедняк и попросил милостыню. Луазо, не глядя на него, вытащил монету и бросил ее в шляпу незнакомца: «*Спасибо*, — сказал ему этот человек, — *это голова короля, но здесь*, — добавил он, протягивая руку и указывая на середину площади, — *здесь упадет еще одна, и именно ее я и жду*». Луазо с удивлением посмотрел на нищего и вскрикнул, узнав странное лицо из своего видения. Молчи, — сказал ему нищий, — тебя сочтут за сумасшедшего, потому что никто здесь не может меня видеть, кроме тебя. Я вижу, что ты меня узнал. Я действительно Иоанн Креститель, предшественник Христа, и я пришел, чтобы объявить тебе о наказании преемников Ирода и наследников Каиафы. Ты можешь повторить все, что я тебе скажу».

С тех пор Луазо почти каждый день видел рядом с собой святого Иоанна Крестителя. Видение долго рассказывало ему о бедах, которые обрушатся на Францию и Церковь.

Луазо рассказал о своем видении нескольким людям, которые были потрясены им и стали провидцами, как и он. Вместе они образовали мистическое общество, которое собиралось в строгой тайне; члены этого общества становились в круг, держась за руки, и в тишине ждали сообщений; они часто ждали несколько часов, затем среди них появлялась фигура святого Иоанна; все они вместе или поочередно впадали в магнетический сон и видели, как перед их глазами разворачивали, будущие сцены революции и будущей реставрации.

Духовным лидером этой секты или кружка был священнослужитель по имени *дон Жерле*, он стал ее главой после смерти Луазо в 1788 году, а затем, во время революции, увлеченный республиканским энтузиазмом, был отвергнут другими сектантами, которые следовали вдохновению своей главной сомнамбулы, которую они называли сестрой *Франсуазой Андре*.

У дон Жерля тоже была своя сомнамбула, и он пришел в мансарду в Париже, чтобы заниматься тогда еще новой профессией магнетизера; провидицей была почти слепая старуха по имени *Катрин Тео*, она делала предсказания, которые сбывались, исцеляла многих больных, и, поскольку пророчества всегда имели политический подтекст, полиция Комитета общественного спасения вскоре заинтересовалась ею.

Однажды вечером Катрин Тео, окруженная своими последователями, была в экстазе: «Слушайте, — говорила она, — я слышу его шаги, это таинственный избранник Провидения, это ангел революции; это тот, кто будет ее спасителем и жертвой, это король руин и возрождения, видите ли вы его? Он приближается: и он тоже имеет на лбу кровавый нимб предшественника; это он понесет все преступления тех, кто убьет его. О, как велики твои судьбы, ты, который закроешь бездну, упав в нее! Видите ли вы его, наряженного, как на праздник, с цветами в руках... это венцы его мученичества...» Затем, смягчившись и расплакавшись, она воскликнула: «Как жестоки были твои испытания, о мой сын, и как много неблагодарных будут проклинать твою память на протяжении веков! Встаньте! Встаньте! И поклонитесь, вот он! Это король... это король кровавых жертвоприношений.

В этот момент дверь бесшумно открылась, и в комнату вошел человек с шляпой, опущенной на глаза, и закутанный в плащ; собравшиеся встали, Катрин Тео протянула к новоприбывшему дрожащие руки: «Я знала, что ты придешь, — сказала она, — и ждала тебя; тот, кого ты не видишь, а я вижу по правую руку от себя, показал тебя мне сегодня, когда тебе был передан доклад против нас: нас обвиняли в заговоре против короля, и действительно, я говорила о короле, о короле, предшественник которого в этот момент показывает мне корону, окрашенную кровью, и знаешь ли ты, на чьей голове она висит? На твоей, Максимилиан!»

При этом имени незнакомец вздрогнул, как будто раскаленное железо вонзилось ему в грудь, он бросил вокруг себя быстрый и тревожный взгляд, а затем, восстановив невозмутимое выражение лица, спросил:

— Что вы имеете в виду? — пробормотал он коротким, прерывистым голосом. — Я вас не понимаю.

— Я хочу сказать, — продолжила Катрин Тео, — что в тот день будет прекрасная солнечная погода и что человек, одетый в синее и держащий в руке скипетр из цветов, на мгновение станет королем и спасителем мира; я хочу сказать, что ты будешь великим, как Моисей и Орфей, когда, поставив ногу на голову чудовища, готового пожрать тебя, ты скажешь палачам и жертвам, что Бог существует. Перестань это скрывать, *Робеспьер*, и покажи нам, не бледнея, эту мужественную голову, которую Бог бросит на пустой лоток своих весов. Голова Людовика XVI тяжела, и только твоя голова может уравновесить ее вес.

— Это угроза? — холодно спросил Робеспьер, сбрасывая плащ. — Вы думаете, что этим фокусом можно удивить мой патриотизм и повлиять на мою совесть? Вы надеетесь, что фанатичными угрозами и бреднями старух сможете заставить врасплох мои решения, как вы подглядывали за моими шагами? Вы, как мне кажется, ждали меня, и горе вам за то, что ждали! Поскольку вы заставляете любопытного, неизвестного посетителя, наблюдателя быть Максимилианом Робеспьером, представителем народа, как представитель народа я доношу на вас в Комитет общественного спасения и распоряжусь о вашем аресте.

Сказав эти слова, Робеспьер накинул плащ на свою напудренную голову и жестко направился к двери; никто не осмелился ни удержать его, ни заговорить с ним. Катрин Тео сложила руки и сказала: «Уважайте его волю, он король и понтифик новой эры; если он нас поражает, значит, Бог хочет нас поразить: подставим горло под нож Провидения».

Посвященные Екатерины Тео ждали всю ночь, пока их придут арестовать, но никто не появился; на следующий день они разошлись; прошло еще два дня и две ночи, в течение которых члены секты не пытались скрываться. На пятый день Катрин Тео и те, кого называли ее сообщниками, были донесены на якобинцев тайным врагом Робеспьера, который ловко внушил слушателям сомнения по поводу трибуна. Говорили о диктатуре, даже прозвучало имя короля. Робеспьер знал об этом и как он это терпел? Робеспьер пожал плечами, но на следующий день Катрин Тео, дон Жерле и несколько других были арестованы и отправлены в те тюрьмы, которые, однажды попав в них, открывались только для того, чтобы выполнить ежедневную работу палача.

История встречи Робеспьера с Катрин Тео каким-то образом просочилась наружу. Контрразведка будущих термидорианцев уже следила за предполагаемым диктатором и обвиняла его в мистицизме, потому что он верил в Бога. Однако Робеспьер не был ни другом, ни врагом секты новых иоаннитов; он пришел к Катерине, чтобы наблюдать за явлениями; недовольный тем, что его узнали, он ушел, выкрикивая угрозы, которые не осуществил, а те, кто превратил тайные собрания старого монаха и старой блаженной в заговор, надеялись, что этот процесс вызовет сомнения или, по крайней мере, насмешки, которые прилипнут к репутации неподкупного Максимилиана.

Пророчество Екатерины Теота сбылось с введением культа Высшего Существа и быстрой реакцией термидора.

Тем временем секта, примкнувшая к сестре Андре, чьи откровения записывал некий сеньор Дюси, продолжала свои видения и чудеса. Их навязчивой идеей было сохранение легитимности через будущее правление Людовика XVII: несколько раз они спасали во сне бедного маленького сироту из Темпла и действительно верили, что спасли его; старые пророчества обещали трон лилий молодому человеку, когда-то бывшему в плену. Святая Бригитта, святая Хильдегарда, Бернар Толлар, Э Лихтенбергер — все они предсказывали чудесное восстановление после великих бедствий. Нео-йоанниты были толкователями и продолжателями этих предсказаний, у них никогда не было недостатка в Людовиках XVII, и у них было семь или восемь подряд, все абсолютно подлинные и не менее абсолютно сохранившиеся; именно влиянию этой секты мы обязаны откровениями крестьянина Мартина (из Галлардона) и чудесами Винтраса.

В этом магнетическом кругу, как и в собраниях квакеров или трепещущих в Великобритании, энтузиазм был заразителен и передавался от брата к брату. После смерти сестры Андре второе зрение и способность пророчествовать были у человека по имени Легро, который находился в Шарантоне, когда Мартин был там временно помещен. Он узнал в крестьянине из Босера, которого никогда не видел, своего брата. Все эти сектанты, стремясь к Луи XVII, в

некотором роде создавали его, то есть вызывали такие галлюцинации, что медиумы становились похожими на магнетического человека, и, по-настоящему веря, что они являются королевским ребенком, сбежавшим из Темпла, притягивали к себе все отражения этой милой и хрупкой жертвы и вспоминали обстоятельства, известные только семье Людовика XVI. Это явление, каким бы невероятным оно ни казалось, не является ни невозможным, ни неслыханным. Парацельс уверяет, что если бы, приложив чрезвычайные усилия воли, можно было представить себя другим человеком, то сразу же можно было бы узнать самые сокровенные мысли этого другого человека и привлечь к себе его самые интимные воспоминания. Часто после беседы, которая установила мнимую связь с нашим собеседником, мы видим во сне неизвестные нам воспоминания из его жизни. Среди ложных Людовиков XVII следует признать некоторых, которые были не самозванцами, а галлюцинаторами, и среди последних следует выделить одного жителя Женевы по имени Наудорф, провидца, подобного Сведенборгу, с настолько заразительной убежденностью, что бывшие слуги королевской семьи узнали его и бросились к его ногам со слезами: он носил на себе особые признаки и шрамы Людовика XVII; он рассказывал о своем детстве с поразительной правдивостью, вдавался в незначительные детали, которые имеют решающее значение для личных воспоминаний. Даже его черты лица были такими, какими были бы у сироты Людовика XVI, если бы он остался в живых. Наконец, ему не хватало только одного, чтобы быть действительно Людовиком XVII: он не был Наудорфом.

Заразительная сила магнетизма этого галлюцинатора была такова, что даже его смерть не разубедила ни одного из верующих в его будущее царствование. Мы видели одного из самых убежденных, которому мы робко возразили, когда он говорил о скором восстановлении того, что он называл *истинной легитимностью*, что его Людовик XVII умер. — Разве Богу труднее воскресить его, чем нашим отцам спасти его из Темпла? — ответил он нам с такой торжествующей улыбкой, что она была почти презрительной. На это мы не могли ничего ответить и были вынуждены склониться перед такой убежденностью.

ГЛАВА VI.

ПРОСВЕТЛЕННЫЕ ГЕРМАНИИ.

СОДЕРЖАНИЕ.--Лаватер и Габилдоне.--Стабс и Наполеон.--Карл Санд и Коцебу.--Мопсы.--Магическая драма Фауста.

Германия — родина метафизического мистицизма и призраков; сама являясь призраком древней Римской империи, она, кажется, всегда вызывает в воображении великую тень Германа, посвящая ему имитацию плененных орлов Варуса. Патриотизм молодых немцев по-прежнему остается патриотизмом древних германцев: они не мечтают о вторжении в веселые края Италии, они принимают его разве что как месть, но они готовы тысячу раз умереть, защищая свои дома: они любят свои старые замки и старые легенды берегов Рейна; они терпеливо читают самые непонятные трактаты своей философии и видят в тумане своего неба и в дыме своих трубок тысячи невыразимых вещей, которые посвящают их в чудеса другого мира.

Задолго до того, как в Америке и Франции заговорили о медиумах и вызывании духов, в Пруссии были просветленные и провидцы, которые проводили регулярные беседы с мертвыми. Один великий сеньор построил в Берлине дом, предназначенный для вызывания духов: король Фридрих-Вильгельм был очень любопытен ко всем этим тайнам и часто запирался в этом доме с адептом по имени *Штайнерт*; впечатления, которые он там получал, вызвали в нем настолько сильные ощущения, что он впадал в обморок и приходил в себя только после того, как ему давали несколько капель волшебного эликсира, похожего на эликсир Калиостро. В секретной переписке о первых годах правления этого принца, цитируемой маркизом де Люше в его «*Диатрибе против иллюминатов*», есть описание темной комнаты, где проводились сеансы вызова духов: она была квадратной формы, разделена на две части прозрачной завесой, перед которой стояла магическая печь или алтарь для благовоний; за завесой находился пьедестал, на котором появлялся дух. Эккартсхаузен в своей немецкой книге о магии описывает весь аппарат этой фантазмагии. Это система машин и процессов, помогающих воображению создавать желаемые призраки и погружать консультантов в своего рода бодрствующий сомнамбулизм, очень похожий на нервное возбуждение, вызываемое опиумом или гашишем. Те, кто удовлетворятся объяснениями, данными автором, которого мы только что процитировали, увидят в явлениях лишь эффекты волшебного фонаря; но есть, безусловно, и что-то еще, и волшебный фонарь в этом деле является лишь полезным инструментом, но не абсолютно необходимым для создания феномена. Невозможно извлечь из отражений цветного стекла лица, которые когда-то были знакомы и которые вызываются в памяти; невозможно заставить говорить изображения, нарисованные на фонаре, и они не отвечают на вопросы сознания. Король Пруссии, которому принадлежал этот дом, прекрасно знал, как он устроен, и не был обманут фокусом, как утверждает автор тайной переписки. Естественные средства подготавливали и не совершали чудо; там действительно происходили вещи, которые удивляли самых скептиков и беспокоили самых смелых. Кстати, *Шрепфер* не использовал ни волшебный фонарь, ни завесу, но давал своим посетителям выпить приготовленный им пунш: фигуры, которые он появлял, были похожи на фигуры американского медиума *Хоума*, полутелесные, и вызвали странное ощущение у тех, кто пытался их коснуться. Это было похоже на электрический разряд, от которого мурашки бежали по коже, и ничего не чувствовалось, если перед тем, как прикоснуться к видению, осторожно намочить руки. Шрепфер был искренним, как и американец Хоум; он верил в реальность духов, которых вызывал, и покончил с собой, когда начал в этом сомневаться.

Лавальер, который также умер насильственной смертью, был полностью посвящен вызыванию духов, у него было два подчиненных; он был членом кружка, где люди впадали в экстаз с помощью гармоники, затем образовывали цепь, и какой-то идиот служил переводчиком духа, писая под его влиянием. Этот дух выдавал себя за еврейского каббалиста, умершего до рождения Иисуса Христа, и заставлял медиума писать вещи, вполне достойные сомнамбулов Каагнета²², как, например, это откровение о мучениях в другой жизни, где дух уверяет, что душа императора Франциска осуждена в другом мире на подсчет и точный учет всех ракушек улиток, которые могут существовать или существовали во всей вселенной. Он также открыл, что настоящие имена трех волхвов были не *Гаспар*, *Мельхиор* и *Бальтазар*, как гласила легенда, а *Врасафармион*, *Мелхиседек* и *Балеатрасарон*; кажется, что эти имена были написаны на наших современных спиритических столах. Дух также заявил, что он сам искупает вину за то, что поднял волшебный меч на своего отца, и что он готов подарить своим друзьям свой портрет. По его просьбе за ширмой были размещены бумага, подготовленные краски и кисти; затем на ширме появился силуэт маленькой руки, и послышалось легкое трение по бумаге; когда шуршание прекратилось, все подбежали и обнаружили грубо нарисованный портрет,

изображающий старого раввина, одетого в черное, с белым воротником, спадающим на плечи, и черной шапочкой на голове, что было несколько несообразным костюмом для персонажа, жившего до Иисуса Христа; Кроме того, рисунок был испачкан и неаккуратен и очень напоминал работу какого-нибудь ребенка, который развлекался, раскрашивая картинку с закрытыми глазами.

Примечание 22: (назад) М. Каагнет является автором следующих работ: «*Тайны будущей жизни*», 1848-1854, 3 тома, gr. in-12; *Lumière des morts*, 1851, 1 т. in-12; *Magie magnétique*, 2-е издание, 1858, 1 т. in-12; *Sanctuaire du spiritualisme*, 1850, 1 т. in-12; *Révélation d'outre-tombe*, 1856, 1 т. in-12 и др.

Инструкции, написанные рукой медиума под влиянием Габлидона, отличаются такой же неясностью, как и работы всех немецких метафизиков.

«Не следует легкомысленно давать имя величия, — говорит он, — величие происходит от слова маг, потому что маги, будучи священниками и царями, были первыми величествами. Смертный грех — это оскорбление Бога в его величии, то есть оскорбление его как отца, бросая смерть в источники жизни. Источник Отца — это свет и жизнь, источник Сына — это кровь и вода, свет Святого Духа — это огонь и золото. Мы грешим против Отца ложью, против Сына — ненавистью, а против Святого Духа — развратом, который является делом смерти и разрушения. Добрый Лаватер принимал эти сообщения как оракулы, и когда он просил духа о новых разъяснениях, Габлидон отвечал: «Великий инициатор придет, он родится в следующем веке: тогда религия патриархов станет известна на нашем земном шаре. Он объяснит миру триграмму Агиона, Гелиона, Тетраграмматона, и Господь, чье тело окружено треугольником, появится на четвертой ступени алтаря; вершина треугольника будет красной, а таинственный девиз треугольника будет: *Venite ad patres osphal*. — Что означает слово *osphal*? — спросил один из присутствующих духа. Медиум написал три слова: *Альфос, М: Афон, Элифисматис*, не давая никаких других объяснений; некоторые толкователи пришли к выводу, что маг, обещанный в XIX веке, будет называться *Мафон*, сын Элифисмы: это было, возможно, немного рискованное объяснение.

Ничто не является более опасным, чем мистицизм, потому что он порождает безумие, которое срывает все планы человеческой мудрости. Всегда именно безумцы переворачивают мир, и то, чего великие политики никогда не предвидят, — это порывы и поступки безумцев. Архитектор храма Дианы в Эфесе, обещая себе вечную славу, не учел Эрострата.

Жирондинцы не предвидели *Марата*. Что нужно было, чтобы изменить равновесие мира? , говорит Паскаль о Кромвеле: песчинка, случайно образовавшаяся в недрах человека. Какие великие дела совершаются по причинам, которые ничтожны! Когда рушится храм цивилизации, это всегда слепой, как Самсон, потрясает его колонны. Ничтожный человек из отбросов общества страдает бессонницей и считает себя призванным избавить мир от Антихриста. Этот человек убивает Генриха IV и узнает потрясенная Франция имя *Равайяка*. Немецкие чудотворцы видят в *Наполеоне* Аполлиона из *Апокалипсиса*, и находится ребенок, озаренный молодой человек по имени *Стабс*, чтобы убить этого военного Атласа, который в этот момент нес на своих плечах мир, вырванный из хаоса анархии; но магнетическое влияние, которое император называл своей *звездой*, было сильнее, чем фанатичное движение немецких кругов: Стабс не смог или не осмелился нанести удар. Наполеон хотел допросить его сам и восхищался его решимостью и смелостью; однако, зная о своем величии, он не хотел умять нового Сцеволу, помиловав его, он ценил его достаточно, чтобы отнестись к нему серьезно и расстрелять.

Карл Санд, убивший *Коцебу*, был также несчастным ребенком, потерянным в мистицизме, сбитым с пути тайными обществами, где клялись мстостью на кинжалах. Возможно, *Коцебу* заслуживал пощечин, но нож *Санда* реабилитировал его и сделал мучеником: ведь как прекрасно умереть врагом и жертвой тех, кто мстит заманив в засаду и убив! Тайные общества Германии имели церемонии и обряды, которые более или менее относились к древней магии; в обществе мопсов, например, в смягченной и почти веселой форме возобновлялось празднование таинств шаббата и тайного приема тамплиеров. Бафометический козел был заменен собакой, это был Германубис вместо Пау; наука вместо природы, эквивалентная замена, поскольку природу можно познать только через науку. Оба пола допускались в мопсов, как и на шабаше; принятие сопровождалось лаем и гримасами, и, как у тамплиеров, новому члену предлагалось поцеловать по своему выбору задницу дьявола, великого магистра или мопса; мопс был, как мы только что сказали, маленькой картонной фигуркой, обтянутой шелком, изображающей собаку, называемую *tops* по-немецки. Перед тем, как быть принятым, нужно было поцеловать задницу мопса, как целовали задницу козла Мендеса при посвящении в шабаш. Мопсы не связывали друг друга клятвами, они просто давали слово чести, которое является самой священной клятвой честных людей; их собрания проходили как шабаши, с танцами и пирами, только дамы оставались одетыми, не вешали живых кошек на пояса и не ели маленьких детей: это был цивилизованный шабаш.

Шабат обрел в Германии своего великого поэта, а магия — свою эпопею: эта эпопея — грандиозная драма «*Фауст*», заверченный Вавилон человеческого гения. *Гете* был посвящен во все тайны философской магии, в молодости он даже практиковал церемониальную магию в «», и результатом этих смелых попыток для него сначала стало глубокое отвращение к жизни и сильное желание умереть. Он совершил самоубийство не одним действием, а книгой: он написал роман «*Вертер*», это роковое произведение, проповедующее смерть и привлекающее столько последователей; затем, наконец победив отчаяние и отвращение, достигнув безмятежных областей истины и мира, он написал «*Фауста*». *Фауст* — великолепный комментарий к одной из самых красивых страниц Евангелия, притче о блудном сыне. Это посвящение в грех через непокорную науку, в боль через грех; в искупление и гармоничную науку через боль. Человеческий гений, представленный *Фаустом*, берет в слуги дух зла, который стремится стать его хозяином, быстро исчерпывает все, что воображение вкладывает в радость незаконной любви, проходит через оргии безумия, затем, привлеченный очарованием верховной красоты, поднимается из глубин своего разочарования, чтобы взобраться на вершины абстракции и вечного идеала, где *Мефистофель* уже не чувствует себя комфортно, неумолимый смех сменяется печалью, *Вольтер* уступает место *Шатобриану*; по мере того как свет становится ярче, ангел тьмы корчится и мучается, ангелы сковывают его, он восхищается ими вопреки себе, он любит, он плачет, он побежден.

В первой части драмы мы видели, как *Фауст* был насильно разлучен с *Маргаритой*, и голоса с небес восклицали: «Она спасена», когда ее вели на казнь; но может ли *Фауст* быть потерян, раз он все еще любим *Маргаритой*, раз его сердце уже не обручено с небесами! Великое дело искупления через солидарность () совершается. Будет ли жертва когда-нибудь утешена за свои мучения, если она не обращает своего палача? Разве прощение не является мстостью детей небес? Любовь, которая первая достигла небес, притягивает к себе науку через сочувствие; христианство раскрывается в своем замечательном синтезе. Новая Ева смыла кровью Авеля пятно с лба Каина и плачет от радости над своими двумя детьми, которые обнимаются.

Ад, теперь бесполезный, закрыт из-за расширения неба. Проблема зла получила свое окончательное решение, и только необходимое и торжествующее добро будет царить в вечности.

Таков прекрасный сон величайшего из всех поэтов, но, к сожалению, здесь философ забывает все законы равновесия, он хочет поглотить свет в безтенном великолепии, а движение — в абсолютном покое, который был бы прекращением жизни. До тех пор, пока будет видимый свет, будет существовать тень, пропорциональная этому свету. Покой никогда не будет счастьем, если он не уравновешен аналогичным и противоположным движением; пока будет существовать свободное благословение, будет возможно богохульство; пока будет существовать рай, будет существовать ад. Это неизменный закон природы, это вечная воля справедливости, которая есть Бог!

ГЛАВА VII.

ИМПЕРИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ. -- Чудесная сторона правления Наполеона. -- Предсказания, которые его предвещали. -- Пророчества из *Liber mirabilis*, Нострадамуса и Оливариуса. Роль, сыгранная в империи мадемуазель Ле Норман. Священный союз и император Александр. Мадам Буш и мадам де Круденер. Видения Мартина (де Галлардона).

Наполеон наполнял мир чудесами и сам был величайшим чудом мира; его жена, императрица Жозефина, любопытная и доверчивая, как креолка, переходила от одного очарования к другому. Эта слава была предсказана ей, как утверждают, старой цыганкой, и сельские жители до сих пор верят, что Жозефина сама была добрым духом императора; она действительно была мягкой и скромной советницей, которая уберегла бы его от многих опасностей, если бы он всегда прислушивался к ее голосу, но судьба, или, скорее, Провидение, толкало его вперед, и то, чем он должен был стать, было предначертано.

В пророчестве, приписываемом святому Цезарию, но подписанном Жаном де Ватигерро и содержащемся в *Liber mirabilis*, сборнике предсказаний, напечатанном в 1524 году, мы читаем следующие удивительные слова:

«Церкви будут осквернены и осквернены, публичное поклонение прекратится...

Орел будет летать по миру и подчинять себе многие народы...

«Величайший и августейший правитель всего Запада будет изгнан после сверхъестественного поражения...

«Вельми благородный принц будет взят в плен своими врагами и будет скорбеть, думая о тех, кто был привязан к нему...

«Прежде чем мир восстановится во Франции, те же события повторятся и произойдут несколько раз...

«Орел будет увенчан тремя диадемами и вернется победоносным на свое гнездо, откуда он вылетит только для того, чтобы вознестись в небо...»

Нострадамус, предсказав ограбление церквей и убийство священников, объявляет, что рядом с Италией родится император, что его власть будет стоить Франции много крови, и что его родственники предадут его и обвинят в пролитой крови.

Император родится недалеко от Италии,

Который будет дорого продан империи;

Но он должен посмотреть, с какими людьми он союзничает,

Которые будут называть его не принцем, а мясником.

Из простого солдата он достигнет империи,

Из короткой одежды достигнет длинной;

вступая в армию, в худшем случае в церковь,

Будет обращаться со священниками, как вода с губкой.

То есть в момент величайших бедствий Церкви он будет одаривать священников богатствами.

В *сборнике пророчеств*, опубликованном в 1820 году, экземпляр которого находится в нашем распоряжении, после предсказания, касающегося Наполеона I, встречается следующая фраза:

«И племянник сделает то, что не смог сделать дядя».

Знаменитая мадемуазель *Леннорман* имела в своей библиотеке том в твердом переплете с пергаментным корешком, содержащий *трактат Оливариуса «о пророчествах»*, за которым следовали десять рукописных страниц, где были формально объявлены правление Наполеона и его падение. Гадалка передала эту книгу императрице Жозефине. Раз уж мы упомянули мадемуазель Леннорман, нужно сказать несколько слов об этой необычной женщине: она была толстой, очень некрасивой дамой, пафосной в своих речах, непонятной в своем стиле, но бодрствующей сомнамбулой с особой ясностью ума; она была модной гадалкой во время Первой империи и Реставрации. Ничто не утомительнее, чем чтение ее произведений, но она с большим успехом гадала по картам.

Картомантия, возрожденная во Франции Этейей, представляет собой не что иное, как гадание с помощью заранее оговоренных знаков; эти знаки в сочетании с числами вдохновляют оракулов, которые магнетизируются, глядя на них. Эти знаки вытягиваются наугад после медленного перемешивания, располагаются по каббалистическим числам и всегда соответствуют мыслям того, кто задает вопросы серьезно и искренне, потому что мы несем в себе целый мир предчувствий, которым нужен лишь повод, чтобы проявиться. Впечатлительные и чувствительные натуры получают от нас магнитный импульс, который

передает им отпечаток нашего нервного состояния. Тогда медиум может прочесть наши страхи и надежды в морщинах на воде, в конфигурации облаков, в точках, брошенных наугад на землю, в рисунках, оставленных на тарелке кофейной гущей, в шансах в карточной игре или в таро. Особенно таро, эта каббалистическая и научная книга, в которой все комбинации являются откровением ранее существовавших гармоний между знаками, буквами и числами, таро тогда имеет действительно чудесное применение. Но мы не можем безнаказанно вырывать из себя секреты нашего интимного общения с вселенским светом. Консультация карт и таро — это настоящее заклинание, которое не может быть сделано без опасности и без преступления. В заклинаниях мы заставляем наше астральное тело явиться нам, в гадании мы заставляем его говорить с нами; таким образом, мы даем тело нашим химерам и делаем реальностью то будущее, которое будет действительно нашим, когда мы вызовем его Словом и примем верой. Привыкнуть к гаданию и магнетическим консультациям — значит заключить договор с головокружением: а мы уже установили, что головокружение — это ад.

Мадемуазель Леннорман была безумно увлечена своим искусством и собой самой; мир не мог обойтись без нее, и она считала себя необходимой для европейского равновесия. Во время конгресса в Аахене гадалка отправилась в путь со всей своей мебелью, устраивала дела на всех таможах и мучила все власти, чтобы те были вынуждены заниматься ею: она была настоящей мухой на телеге, и какая муха! По возвращении она опубликовала свои впечатления и поместила в начале своей книги виньетку, на которой она изображена в окружении всех держав, которые обращаются к ней за советом и трепещут перед ней.

Великие события, которые только что произошли в мире, обратили в то время души к мистицизму, началась религиозная реакция (), и правители, образовавшие Священный союз, почувствовали необходимость привязать свои скипетры, объединенные в пучки, к кресту. Император *Александр*, в особенности, верил, что для святой России настал час обратить мир в православие.

Секта *спасителей Людовика XVII*, интригантская и активная, хотела воспользоваться этим настроением, чтобы основать новое священство, и сумела приблизить к императору России одну из своих просветленных. Эта новая Екатерина Теот, которую сектанты называли сестрой Саломеей, звалась *мадам Буш*; она провела восемнадцать месяцев при дворе императора, часто беседуя с ним наедине; но Александр обладал скорее благочестивым воображением, чем истинным энтузиазмом, он любил чудеса и требовал, чтобы его развлекали. Его мистические доверенные лица представили ему новую пророчицу, которая заставила его забыть сестру Саломею. Это была знаменитая мадам де *Круденер*, милая кокетка, полная благочестия и добродетели, которая создала Валерию, но сама ею не была. Однако ее амбицией было, чтобы ее считали героиней его книги, и поскольку одна из ее близких подруг настаивала, чтобы она назвала ему имя героя, она указала на одного из выдающихся людей того времени. — Но тогда, — сказала подруга, — развязка вашей книги не соответствует действительности, потому что этот господин не умер. — О, моя дорогая, — воскликнула мадам де Круденер, — уверяю вас, что он не лучше. Этот ответ имел большой успех. Мадам де Круденер оказала на слабый ум Александра достаточно сильное влияние, чтобы встревожить его советников. Он часто запирался с ней, чтобы молиться, но она погибла из-за чрезмерного рвения. Однажды, когда император собирался уходить, она бросилась ему навстречу и умоляла его не выходить. «Бог открыл мне, — сказала она, — что вам грозит большая опасность: кто-то хочет убить вас; в дворце скрывается убийца». Император встревожился, позвонил в колокол, окружил себя стражниками, провел обыски и в конце концов нашел беднягу с кинжалом. Этот человек, допрошенный, растерялся и в конце концов признался, что его впустила сама мадам Круденер. Было ли это правдой, и сыграла

ли эта дама в этом деле роль Латуда по отношению к мадам Помпадур? Было ли это ложью, и был ли у этого человека, подставленного врагами императора, секретный план, если убийство не удастся, скомпрометировать мадам Круденер? В любом случае, бедная пророчица была потеряна. Император, стыдясь того, что его обманули, уволил ее, не выслушав, и она должна была считать себя счастливой, что отделалась так дешево.

Маленькая церковь Людовика XVII не сдалась после опалы мадам Буш и увидела в мадам де Круденер настоящее божественное наказание. Они продолжали свои пророчества и, при необходимости, творили чудеса. Во время правления Людовика XVIII они выдвинули на первый план крестьянина из Боуса по имени *Мартин*, который утверждал, что видел ангела. Этот ангел, костюм и облик которого он описывал, имел все признаки лакея из хорошего дома: он был одет в очень длинный и очень узкий в талии сюртук желтоватого или светло-коричневого цвета, был бледен и худощав и носил на голове, вероятно, украшенную тесьмой и лакированную шляпу. Что странно и еще раз доказывает, насколько много ресурсов в настойчивости и смелости (), так это то, что этот человек был воспринят всерьез и сумел проникнуть к королю. Утверждают, что он поразил его откровениями о своей личной жизни, откровениями, которые не являются ни невозможными, ни даже необычными, теперь, когда явления магнетизма лучше изучены и известны.

Кроме того, Людовик XVIII был достаточно скептичен, чтобы быть легковерным. Сомнение в присутствии существа и его гармонии, скептицизм по отношению к вечной математике и неизменным законам жизни, которые делают божественность присутствующей и видимой повсюду, разве не является самым глупым из суеверий и самым непростительным, как и самым опасным из всех видов легковерности?

КНИГА VII.

МАГИЯ В XIX ВЕКЕ.

т, Заин.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

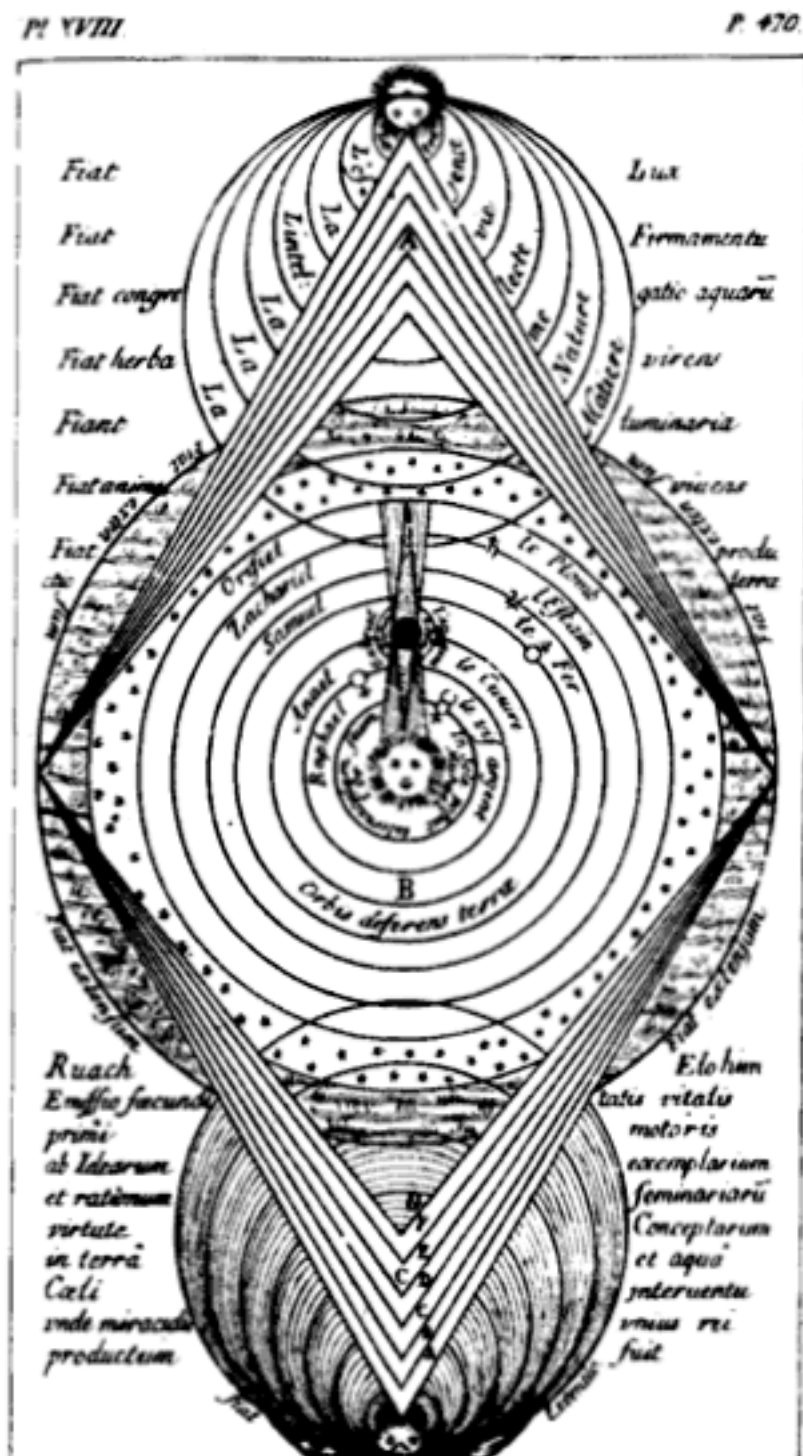
МИСТИЧЕСКИЕ МАГНИТИЗЕРЫ И МАТЕРИАЛИСТЫ.

СОДЕРЖАНИЕ.--Призыв в церкви Нотр-Дам.--Лжепророки и ложные боги.

Отрицание основного догмата католической религии, так поэтично сформулированное в поэме «Фауст», принесло свои плоды в мире. Мораль, лишенная вечного одобрения, стала сомнительной и шаткой. Один мистик-материалист перевернул систему Сведенборга, чтобы создать на земле рай, в котором удовольствия были бы соразмерны судьбам. Под удовольствиями Фурье подразумевал чувственные страсти, которым он обещал полное и абсолютное расширение. Бог, который является высшим разумом, наложил страшную

печатать на эти осужденные доктрины: ученики Фурье начали с абсурда, а закончили безумием.

Они искренне верили в скорую трансформацию океана в огромную чашу с лимонадом, в будущее появление антильвов и антизмеев, в переписку планет друг с другом. Мы не говорим о знаменитом хвосте длиной тридцать два фута, которым, как говорят, они хотели наградить человеческий род, потому что они сами были достаточно великодушны, чтобы отказаться от этого хвоста и считать его появление, возможное, по словам учителя, чисто гипотетическим.

К подобным абсурдам должно было привести отрицание равновесия, и в основе всего этого безумия лежит больше логики, чем можно подумать. Та же самая причина, которая делает необходимым страдание в человечестве, делает незаменимой горечь морской воды; предположите, что полное проявление инстинктов — это хорошо, и вы не сможете больше признавать существование диких животных; дайте человеку в качестве морали способность удовлетворять свои аппетиты, и он всегда будет чем-то завидовать орангутангам и обезьянам. Отрицать ад — значит отрицать рай, поскольку, согласно высшей интерпретации единственного догмата Гермеса, ад является уравнивающей причиной рая, потому что гармония является результатом аналогии противоположностей. *Quod superius, sicut quod inferius*, превосходство существует благодаря неполноценности; глубина определяет высоту, и если вы заполните долины, то исчезнут горы; точно так же, если вы удалите тени, то уничтожите свет, который виден только благодаря постепенному контрасту тени и дня, и вы создадите всеобщую тьму огромным ослеплением; даже цвета существуют в свете только благодаря присутствию тени, это тройной союз дня и ночи, это светящийся образ догмата, это свет, ставший тенью, как Спаситель является Словом, ставшем человеком, и все это основано на одном и том же законе, первоосновании творения, единственном и абсолютном законе природы, законе различия и гармоничного уравнивания противоположных сил во вселенском равновесии.

Не догмат ада, а опрометчивые интерпретации этого догмата возмутили общественное сознание. Эти варварские средневековые сны, эти ужасные и непристойные пытки, высеченные на порталах церквей, этот позорный котел, в котором варятся вечно живые человеческие тела, чтобы страдать, и дымом которого наслаждаются избранные, все это абсурдно и нечестиво, но все это не принадлежит священному догмату Церкви. Жестокость, приписываемая Богу, является самым ужасным богохульством, и именно поэтому зло навсегда остается неизлечимым, когда воля человека отказывается от божественной доброты. Бог не наказывает проклятых мучениями осуждения, как не дарует смерть тем, кто покончил с собой.

«Работай, чтобы обладать, и ты будешь счастлив, — говорит человеку высшая справедливость.

— Я хочу обладать и наслаждаться, не работая!

— Тогда ты будешь воровать и страдать.

— Я восстану!

— Тогда ты сломаешься и будешь страдать еще больше.

— Я всегда буду восставать!

--Тогда ты будешь страдать вечно».

Таков приговор абсолютного разума и верховного правосудия; что может на это ответить гордость человеческого безумия?

У религии нет больших врагов, чем безрассудный мистицизм, который принимает свои лихорадочные видения за божественные откровения. Не теологи создали империю дьявола, а ложные благочестивцы и колдуны.

Верить в видения нашего мозга, а не в авторитет общественного разума и благочестия — это всегда начало ереси в религии, безумия в области человеческой философии; сумасшедший никогда не был бы сумасшедшим, если бы верил в разум других.

Видения никогда не исчезают из бунтующего благочестия, как и химеры из разума, который отлучается от церкви и сбивается с пути.

С этой точки зрения магнетизм, безусловно, таит в себе опасность: ведь кризисное состояние приводит как к галлюцинациям, так и к ясным интуициям.

В этой книге мы посвятим отдельную главу магнетизерам, одним мистическим, другим материалистическим, и предупредим их от имени науки об опасностях, которым они подвергаются.

Гадания, магнетические эксперименты и вызывания духов относятся к одному и тому же ряду явлений. Однако это явления, которыми нельзя злоупотреблять безнаказанно, ведь на карту поставлены разум и жизнь.

Тридцать или сорок лет назад викарий церкви Нотр-Дам, человек очень набожный и, кстати, очень уважаемый, увлекся магнетизмом и часто проводил эксперименты, уделяя больше времени, чем, возможно, следовало бы, чтению мистиков, и особенно головокружительного Сведенборга; его голова скоро устала, его мучила бессонница, и тогда он вставал, чтобы учиться, или, когда учеба не могла успокоить волнения его о го мозга, он брал ключ от церкви и входил в нее через красную дверь, затем он проникал в хор, освещенный только слабым светом главного алтаря, добирался до своего места и оставался там до утра, погруженный в молитвы и глубокие размышления.

Однажды ночью предметом его размышлений было вечное проклятие, он думал об угрожающей доктрине о небольшом числе избранных и не знал, как совместить это строгое исключение большинства с бесконечной добротой Бога, который хочет, чтобы все люди были спасены, как говорится в Священном Писании, и пришли к познанию истины; он думал об этом мучении огнем, которое самый жестокий тиран на земле не хотел бы причинить, если бы мог, даже в течение одного дня своему самому жестокому врагу, и сомнение проникло во все уголки его сердца; затем он начал размышлять о примирительных объяснениях теологии. Церковь не дает определения геенне огненной, она вечна, согласно Евангелию, но нигде не написано, что большинство людей должны страдать в ней вечно. Многие отверженные, возможно, будут подвергаться только наказанию проклятия, то есть лишению Бога; в конце концов, Церковь категорически запрещает предполагать проклятие кого-либо. Язычники могли быть спасены крещением желанием, скандальные грешники — внезапным и совершенным раскаянием, в конце концов, нужно надеяться на всех и молиться за всех, кроме одного, о котором Спаситель сказал, что для этого человека было бы лучше не родиться.

Викарий остановился на этой последней мысли и вдруг подумал, что только один человек официально нес бремя осуждения () на протяжении веков; что Иуда Искариот, ибо речь идет именно о нем в отрывке из Писания, после того как он раскаялся в своем преступлении до самой смерти, стал козлом отпущения человечества, Атлантом ада, Прометеем проклятия, он, которого Спаситель, готовый умереть, называл своим другом! Его глаза наполнились слезами, ему показалось, что искупление было бесполезным, если оно не спасло Иуду; именно за него и только за него, повторял он в своем восторге, я бы хотел умереть во второй раз, если бы я был Спасителем! Но разве Иисус Христос не в тысячу раз лучше меня? Что же он должен делать сейчас на небесах, пока я оплакиваю его несчастного апостола на земле?

То, что он делает, — добавил священник, все больше и больше возбуждаясь, — он жалеет меня и утешает; я чувствую, он говорит моему сердцу, что изгой Евангелия спасен и что он, благодаря долгому проклятию, которое все еще лежит на его памяти, станет искупителем всех изгоев...- Но если это так, то миру нужно провозгласить новое Евангелие... Евангелие бесконечного, всеобщего милосердия во имя возрожденного Иуды... Но я заблуждаюсь, я еретик, безбожник!... Нет, все же нет, ведь я действую из добрых побуждений!... Затем, соединяя руки с жаром: «Боже мой, - сказал викарий, - дайте мне то, что вы не отказывали когда-то вере, то, что вы не отказываете ей и сейчас... чудо, чтобы убедить меня и успокоить, чудо как залог новой миссии...»

Тогда энтузиаст поднимается и в грозной тишине ночи, у подножия алтарей, в безграничном пространстве этой безмолвной и мрачной церкви, он произносит громким голосом, медленно и торжественно, эту молитву: «Ты, кого проклинают уже восемнадцать веков, и кого я оплакиваю, потому что ты, кажется, взял ад на себя, чтобы оставить нам небо, несчастный Иуда, если правда, что кровь твоего Учителя очистила тебя, если ты спасен, приложи ко мне руки для священства милосердия и любви!»

Сказав эти слова, викарий, пока эхо, пробудившееся вздрогнув, еще шептало их под ужасающими сводами, встал, пересек хор и преклонил колени под лампой у подножия главного алтаря. «Тогда, — сказал он (ведь именно ему мы обязаны рассказом этой истории), — тогда я действительно почувствовал две руки, две теплые и живые руки, положенные на мою голову, как это делает епископ в день рукоположения. Я не спал, я не был в обмороке, и я почувствовал их; это был реальный контакт, который длился несколько минут. Бог услышал меня, чудо свершилось, на меня были возложены новые обязанности, и для меня началась новая жизнь; со следующего дня я должен был стать новым человеком...»

На следующий день несчастный викарий действительно сошел с ума.

Мечта о рае без ада, мечта Фауста, принесла много других жертв в этом несчастном веке сомнений и эгоизма, который сумел создать только ад без рая. Сам Бог стал ненужным в системе, где все было разрешено, где все было хорошо. Люди, переставшие бояться верховного судьи, с легкостью обошлись без Бога добрых людей, который был, по сути, меньше, чем сами добрые люди. Сумасшедшие, провозгласившие себя победителями дьявола, стали богами. Наш век — это прежде всего век этих мнимых божественных маскарадов, мы знали их всех видов. Бог Ганно, добрый и слишком поэтичный, который отдал бы свою рубашку бедным и реабилитировал воров, Ганно, который восхищался Ласенером и не убил бы и мухи; бог Шенео, продавец пуговиц с улицы Круа-де-Пет-Шам, который был провидцем, как Сведенборг, и записывал свои вдохновения в стиле Жанно, бог Туррей, добрый и замечательный человек, который обожествляет женщину и хочет, чтобы Адам вышел из Евы; бог Огюст Конт, который сохранил в католической религии все, кроме двух вещей, двух бедствий: существования Бога и бессмертия души; бог Вронский, настоящий ученый, который имел славу и счастье найти первые теоремы каббалы и который, продав сообщение за сто пятьдесят тысяч франков богатому идиоту по имени Арсон, заявляет в одной из своих самых серьезных книг, что упомянутый Арсон, отказавшись заплатить ему в полном объеме, действительно и по-настоящему стал зверем *Апокалипсиса*. Вот этот любопытный отрывок, который мы хотим процитировать, чтобы нас не обвинили в несправедливости по отношению к человеку, чьи работы были нам полезны и которого мы искренне хвалили в наших предыдущих публикациях.

Вронский, чтобы заставить Арсона заплатить ему, опубликовал брошюру под названием «Да или нет», то есть «Вы купили мое открытие абсолюта за сто пятьдесят тысяч франков, да или нет?».

Вот как Вронский в своей книге «Реформа философии» ⁽¹⁾⁽²³⁾ напоминает всему миру, который не особо об этом заботится, о публикации этой брошюры; в этом отрывке можно найти любопытный образец стиля этого торговца абсолютом.

Примечание 23: (возврат) Вронский, «Реформа философии», стр. 512.

«Этот факт открытия абсолюта, который, кажется, так сильно возмущает людей, уже был отмечен в большом скандале, известном как «ДА или НЕТ», столь же решающем благодаря яркому триумфу истины, который стал его результатом, сколь и примечательном благодаря внезапному появлению символического существа, угрожающего *Апокалипсисом*, этого чудовища творения, которое носит на лбу имя ТАЙНА и которое на этот раз, опасаясь смертельного удара, не смогло больше сдерживать в тени свои отвратительные судороги и вышло на свет через газеты и все другие средства, с помощью которых привлекают внимание публики, чтобы продемонстрировать свою адскую ярость и крайнее лицемерие и т. д.».

Стоит знать, что бедный Арсон, которого здесь обвиняют в адской ярости и крайнем обмане, уже заплатил иерофанту сорок или пятьдесят тысяч франков.

Абсолют, который Вронский продавал так дорого, мы нашли после него и бесплатно предоставили нашим читателям, потому что правда принадлежит миру, и никто не имеет права присваивать ее себе, делать из нее профессию и товар. Пусть этот акт справедливости искупит вину человека, который умер в состоянии, близком к нищете, после того как так много работал не для науки, а для обогащения с помощью науки, которую он, возможно, не был достоин ни понять, ни обладать.

ГЛАВА II.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Еще одна секта спасителей Людовика XVII. — Странные галлюцинации картонного мастера по имени Эжен Винтрас. — Его пророчества и мнимые чудеса. — Обвинения, выдвинутые против него сектантами-диссидентами. — Нравы ложных гностиков. — Заразные галлюцинации.

В основе фанатизма всех сект всегда лежит принцип амбиции или алчности; сам Иисус Христос часто строго упрекал тех из своих учеников, которые окружали его в дни его лишений и изгнания из своей родины только в надежде на царство, где они заняли бы первые места. Чем безумнее надежды, тем сильнее они соблазняют некоторые умы; тогда люди платят своим кошельком и своей личностью за счастье надежды. Так бог Вронский разорил глупцов, обещая им абсолют; так бог Огюст Конт получал шесть тысяч фунтов ренты за счет своих поклонников, которым он заранее раздал фантастические титулы, которые могли бы быть реализованы, когда его учение покорит мир; так некоторые магнетизеры

вытягивали деньги из большого числа обманутых людей, обещая им сокровища, которые всегда мешают духам. Некоторые сектанты действительно верят в то, что обещают, и именно они являются самыми неутомимыми и смелыми в своих интригах: деньги, чудеса, пророчества — им ничего не недостает, потому что они обладают той абсолютной волей и энергией, которые действительно творят чудеса; они — волшебники, не зная об этом.

Секта спасителей Людовика XVII в этом отношении принадлежит к истории магии. Безумие этих людей настолько заразительно, что даже те, кто приходит к ним, чтобы бороться с ними, поддаются их верованиям; они добывают самые важные и самые редкие документы, привлекают к себе самых необычных свидетелей, вызывают утраченные воспоминания, управляют армией снов, показывают ангелов Мартину, кровь Розе Тамизье, ангела в лохмотьях Эжену Винтрасу. Последняя история любопытна своими феноменальными последствиями, и мы расскажем о ней.

В 1839 году спасители Людовика XVII, которые заполнили альманахи пророчествами на 1840 год, рассчитывая, что, если все будут ждать революции, эта революция не заставит себя долго ждать, спасители Людовика XVII, лишившиеся своего пророка Мартина, решили найти другого; некоторые из их самых ревностных агентов находились в Нормандии, стране, герцогом которой претендовал быть ложный Людовик XVII; они обратили внимание на набожного рабочего, обладающего возбудимым характером и слабой головой, и вот что они придумали: они придумали письмо, адресованное принцу, то есть самозванцу Людовику XVII, наполнили это письмо громкими обещаниями будущего царствования, соединенными с мистическими выражениями, способными произвести впечатление на слабый ум, и передали это письмо в руки рабочего по имени *Эжен Винтрас*, при таких обстоятельствах, о которых он сам расскажет нам:

«6 августа 1839 года.

Около девяти часов я был занят письмом..., когда в дверь комнаты, в которой я находился, постучали; полагая, что это рабочий, который хочет меня видеть, я довольно резко ответил: «Входите». Я был очень удивлен, увидев вместо рабочего оборванного старика; я только спросил его, что он хочет.

Он спокойно ответил: «*Не сердись, Пьер-Мишель*» (эти имена никто никогда не использует, чтобы обратиться ко мне; во всей стране меня зовут Эжен, и даже когда я что-то подписываю, я никогда не использую эти два имени).

Этот ответ старика произвел на меня определенное впечатление, но оно усилилось, когда он сказал: «Я очень устал; везде, где я появляюсь, на меня смотрят с презрением или как на вора». Эти последние слова очень меня испугали, хотя они были сказаны с грустным и несчастным видом. Я встал и взял перед собой не мелочь, а монету в десять су, которую положил ему в руку, сказав: «Я не беру вас за это, мой добрый человек». И, говоря это, я дал ему понять, что хочу отправить его прочь. Он не стал возражать и с огорченным видом повернулся ко мне спиной.

Едва он ступил на последнюю ступеньку, я закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. Не слыша, как он спускается, я позвал рабочего и велел ему подняться в мою комнату. Там, под предлогом дел, я надеялся пройти с ним все места, где, по моему мнению, мог спрятаться мой старик, которого я не видел выходящим. Этот рабочий поднялся в мою комнату, я вышел с ним, заперев дверь на ключ, и мы обошли все самые маленькие помещения. Я ничего не увидел.

Я собирался войти в фабрику, когда вдруг услышал, как звонят на мессу. Мне было приятно думать, что, несмотря на неудобства, причиненные моим стариком, я все же смогу посетить мессу. Тогда я побежал в свою комнату, чтобы взять молитвенник. На месте, где я писал, я нашел письмо, адресованное мадам де Женерес в Лондоне. Это письмо было подписано и написано господином Полем де Монфлери из Кана и содержало опровержение ереси и исповедание православной веры.

Это письмо, хотя и было адресовано мадам де Женерес, предназначалось для *герцога Нормандии*, чтобы напомнить ему о величайших истинах нашей святой католической, апостольской и римской религии. На письме лежала монета в десять су, которую я дал своему старику.

В другом письме Пьер-Мишель признается, что лицо этого старика было ему знакомо, но, увидев его внезапно, он испугался, запер и забаррикадировал дверь, когда тот ушел, и долго прислушивался к двери, чтобы услышать, спускается ли он по лестнице. Старый нищий, несомненно, снял обувь, чтобы спуститься без шума, потому что Винтрас ничего не услышал; затем он побежал к окну и не увидел его выходящим, так как тот уже давно ушел. Вот мой человек в смятении, он зовет на помощь, ищет повсюду, наконец находит письмо, которое хотели, чтобы он прочитал, это, очевидно, письмо, упавшее с неба. Вот Винтрас, преданный Людовику XVII, вот он, провидец до конца своих дней, потому что отныне образ старого нищего не покинет его. Этот нищий станет святым Михаилом, потому что он назвал его Пьер-Мишель, ассоциация идей, аналогичная тем, что бывают во сне. Галлюцинаторы из секты Людовика XVII угадали, благодаря второму зрению маньяков, именно тот момент, когда нужно было ударить по слабой голове Винтраса, чтобы в одно мгновение превратить его в просветленного и пророка.

Секта Людовика XVII состоит в основном из бывших слуг легитимной монархии, поэтому Винтрас, ставший их *медиумом*, является верным отражением всех этих фантазий, полных рыцарских воспоминаний и устаревшего мистицизма. Во всех видениях нового пророка повсюду присутствуют залитые кровью лилии, ангелы в рыцарских костюмах, святые, переодетые в трубадууров. Затем появляются хостии, приклеенные к голубому шелку. Винтрас потеет кровью, и его кровь появляется на хостиях, где он рисует сердца с надписями, написанными почерком и орфографией Винтраса; пустые чаши внезапно наполняются вином, а затем там, где вино проливается, появляются пятна крови. Посвященные верят, что слышат восхитительную музыку и вдыхают неизвестные ароматы; священники, призванные засвидетельствовать эти чудеса, увлекаются в восторг.

Священник из епархии Тура, старый и уважаемый церковный деятель, покидает свою приходскую церковь и следует за пророком. Мы видели этого священника, он рассказал нам о чудесах Винтраса с акцентом самой совершенной убежденности, показал нам причастия, необъяснимым образом пропитанные кровью, предоставил нам протоколы, подписанные более чем пятьюдесятью свидетелями, всеми уважаемыми и уважаемыми в обществе людьми, художниками, врачами, юристами, рыцарем де Разаком, герцогиней д'Армайн. Врачи проанализировали красную жидкость, которая текла из хостий, и признали, что это действительно была человеческая кровь; даже враги Винтраса, а у него есть жестокие враги, не оспаривают чудеса и просто приписывают их демону. Но представьте себе, говорил нам аббат Шарвоз, этот священник из Турени, о котором мы говорили, представьте себе, что демон подделывает кровь Иисуса Христа на действительно освященных хостиях? Ведь аббат Шарвоз действительно священник, и эти знаки появляются также на хостиях, которые он освящает. Однако секта Винтраса анархична и абсурдна, поэтому Бог не творит чудес в ее

пользу. Остается естественное объяснение явлений, и в ходе этой работы мы достаточно подробно указали на него, чтобы не было необходимости развивать его здесь.

Вантрас, которого его сектанты провозгласили новым Христом, также имел своих Искарриотов: два члена секты, некий Гоццоли и некто Александр Жофруа, опубликовали против него самые отвратительные откровения. Если верить им, сектанты из Тилли-сюр-Сель (так называлось их место жительства) предавались самым непристойным практикам; они отправляли в своей частной часовне, которую называли «вечерейной», кощунственные мессы, на которых избранные присутствовали в полной наготе; в определенный момент все жестикулировали, разрывались в слезах, крича: «Любовь! Любовь!» и бросались друг другу в объятия; остальное мы позволим себе опустить. Это были оргии древних гностиков, но без того, чтобы потрудиться погасить свет. Александр Жофруа утверждает, что Винтрас посвятил его в особый вид молитвы, состоявший в чудовищном деянии Онана, совершаемом у подножия алтарей, но в данном случае доносчик слишком отвратителен, чтобы ему можно было верить на слово. Аббат Шарвоз, которому мы рассказали об этих гнусных обвинениях, сказал нам, что их следует приписать ненависти двух мужчин, изгнанных из общества за то, что они сами совершили те деяния, в которых обвиняют Винтраса. Как бы то ни было, моральные расстройства естественным образом порождают физические расстройства, а аномальные перевозбуждения нервной системы почти всегда приводят к эксцентричным нарушениям в нравах; поэтому, если Винтрас невиновен, он мог бы стать и все еще может стать виновным.

Папа Григорий XVI в бреве от 8 ноября 1843 года официально осудил секту Винтраса.

Вот образец стиля этого просветленного человека, кстати, необразованного и чьи пафосные сочинения изобилуют ошибками французского языка.

«Спите, спите, ленивые смертные: оставайтесь, оставайтесь на своих мягких ложах; улыбайтесь своим снам о праздниках и величии; ангел завета спустился на ваши горы, он написал свое имя даже на чаше ваших цветов; он коснулся, из колец, украшающих его ноги, рек, которые являются вашей гордостью и вашей надеждой; дубы ваших лесов приняли блеск его лба за новую зарю; море, сладострастным прыжком, приветствовало его взгляд! Илия предшествовал ему! Наклонитесь к земле, но не пугайтесь этого столь активного шума гробниц. Спите, спите еще; я видел его на востоке; он высекал свое имя на недоступных горах; он кричал времени, чтобы оно поспешило с его лодкой, и я видел, как ему улыбался самый старый из стариков. Спите, спите еще; Илия на западе ставит крест у дверей храма; он запечатывает его огнем и сталью кинжала».

Снова храм, огонь и кинжал! Странно! Сумасшедшие отражают друг друга, все фанатики обмениваются своими вдохновениями, и пророк Людовика XVII становится здесь эхом крика мести тамплиеров.

Правда, Винтрас не считает себя ответственным за свои сочинения; вот как он сам об этом говорит.

«О! Если бы мой ум имел какое-то отношение к этим осуждаемым писаниям, я склонил бы голову, и страх проник бы в мою душу. Это не мое дело: я не участвовал в нем ни исследованием, ни желанием. Внутри меня царит спокойствие; моя постель не знает

бессонницы; бодрствование не утомляет мои веки; мой сон чист, как когда Бог его сотворил: я могу сказать своему Богу с чистым сердцем: *Custodi animam meam et erue me: non erubescam, quoniam speravi in te*».

Другой мнимый реформатор, тот, кто выдавал себя за мессию бань и эшафота, Ласенер, с которым мы, конечно, не будем сравнивать Винтраса, также писал из своей тюрьмы:

Как целомудренная и чистая дева

В мечтах о любви я бодрствую и засыпаю.

Кто-нибудь объяснит мне, что такое раскаяние?

Аргумент Винтраса, призванный оправдать его вдохновение, не является убедительным, поскольку он был использован Ласенером для оправдания и даже легитимизации не мечтаний, а преступлений.

Осужденные папой, сектанты из Тилли-сюр-Сель в свою очередь осудили папу, а Винтрас, пользуясь своей частной властью, провозгласил себя верховным понтификом. Форма его священнического одеяния была ему открыта: он носит золотую диадему с индийским лингамом на лбу, одетый в пурпурную мантию и держит в руке магический скипетр, заканчивающийся рукой, пальцы которой сомкнуты, за исключением большого и мизинца, пальцы посвящены Венере и Меркурию, иероглифу древнего гермафродита, эмблеме древних оргиастических культов и приапийских шабашей. Таким образом, воспоминания и отражения черной магии, принесенные астральным светом, связывают с тайнами Индии и профаническим культом Бафомета экстазы этого заразного больного, чья больница находится в Лондоне и который продолжает там обращать в свою веру и жертвовать людьми.

Поэтому восторг бедного пророка не всегда свободен от ужаса и угрызений совести, что бы он ни говорил, и иногда он дает волю самым печальным признаниям. Вот что мы находим в письме, адресованном одному из его ближайших друзей:

«Я всегда жду новых мучений. Завтра приедет семья Верже, я увижу на их лицах чистоту их душ, выражающуюся в их радости; вспомнят все мое прошлое счастье; назовут имена, которые я с любовью произносил в недалеком прошлом. Наконец, все, что будет радовать других, станет для меня новыми мучениями! Придется сидеть за столом; пока мое сердце будут пронзать мечом, я должен буду улыбаться! О, если бы только эти ужасные слова, которые я услышал, не были вечными, я бы все еще лелеял свою жестокую муку! Прости, мой дорогой, я не могу жить, не любя Бога!

Послушайте, если ваша человеческая доброта позволяет вам это, как служитель живого Бога, я не требую этого, тот, кого ваш господин изверг из своих уст, должен быть проклят вами:

В ночь с воскресенья на понедельник (17 на 18 мая) ужасный сон нанес смертельный удар моей душе и телу. Я был в Сент-Пэ, в замке никого не было, но двери были открыты. Я быстро поднялся в святую капеллу; я собирался открыть дверь, когда увидел на ней надпись огненными буквами: «Не приближайся к этому месту, ты, кого я изверг из уст своих!» Я не смог спуститься; я упал без сил на первую ступеньку; но представьте себе мой ужас, когда я увидел вокруг себя только широкую и глубокую бездну! На дне были ужасные чудовища, которые называли меня своим братом!

В этот момент мне пришла в голову мысль, что святой архангел тоже называл меня своим братом. Какая разница! Он заставлял мою душу прыгать от живейшей радости; а когда я слышал, как эти звери так меня называли, я корчился в судорогах, подобных тем, которые заставлял их испытывать, используя силу, которую Бог придал моему кресту благодати во время их появления 28 апреля этого года.

Я пытался ухватиться за что-нибудь, чтобы не скатиться в эту бездонную пропасть. Я молил Матерь Божью, Божественную Марию, я взывал к ней о помощи. Она была глуха к моему голосу! Все это время я катился, оставляя клочья своей плоти на скалистых выступах, окаймлявших эту ужасную бездну! Вдруг из глубины, в которую я скоро должен был упасть, поднялись ко мне вихри пламени. Я слышал крики дикой радости и не мог больше молиться. Вдруг в моих ушах раздался голос, более страшный, чем долгий раскат грома во время сильной грозы. Я услышал следующие слова: «Ты думал, что победишь меня, а видишь, что я победил тебя; я научил тебя быть смиренным по-своему: приди и вкуси мои сладости, стань одним из лучших; познай тирана небес; приди с нами, чтобы изрыгать на него богохульства и проклятия: все остальное теперь бесполезно для тебя!» Затем, громко рассмеявшись, он сказал мне: «Посмотри на Марию, ту, которую ты называл своим щитом против нас, посмотри на ее милую улыбку, послушай ее нежный голос».

«Дорогой мой, я видел ее над бездной: ее небесно-голубые глаза наполнились огнем, ее алые губы стали фиолетовыми, ее голос, такой сладкий и божественный, изменился, он стал жестким и страшным! Она бросила мне эти слова, как молния: «Катись, гордый, в эти места, полные огня, где обитают демоны!»

Вся моя кровь прилила к сердцу; я поверил, что настал час, когда земной ад сменится вечным адом! Я еще смог собраться с силами и произнести несколько слов *Ave Maria*; я не знаю, сколько времени прошло; я знаю, что, вернувшись домой, я застал служанку лежащей: она сказала мне, что было уже поздно.

»Ах! Если бы я рассказал врагам дела милосердия о том, что происходит во мне, разве они не воскликнули бы победу? Они сказали бы, что это явные признаки мономании. Дай Бог, чтобы это было так! Мне было бы легче! Но не бойтесь, если Бог не хочет услышать мой голос, я буду молиться за него, чтобы он удвоил мои страдания, но скрыл их от его врагов».

Здесь торжествующая галлюцинация возвышается до уровня возвышенного. Винтрас согласен быть проклятым, лишь бы его не называли сумасшедшим; последний инстинкт неоценимой ценности разума, который выживает сам разум: пьяный человек озабочен только страхом прослыть пьяницей; безумный и мономан предпочитают смерть, чем признаться в своем бреде. Дело в том, что, согласно прекрасному высказыванию Кебеса, которое мы уже цитировали, для человека есть только одно желаемое благо — это мудрость, которая является использованием разума, и есть только одно настоящее и высшее зло, которого следует бояться, — это безумие.

ГЛАВА III.

МАГНИТИЗЕРЫ И СОМНАБУЛЫ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Барон Дю Поте и его работы по магии. — Эксперименты с волшебным зеркалом, аналогичные явлениям гидромантии. — Вращающиеся столы и катастрофа Виктора Эннекена. — Чудовище и волшебник.

Церковь в своей высокой мудрости запрещает нам гадать и нарушать любопытством тайны будущего; но в наши дни голос Церкви почти не слышен, и толпа возвращается к гадалкам и прорицательницам; сомнамбулы стали оракулами тех, кто больше не верит в заповеди Евангелия, и никто не задумывается о том, что озабоченность предсказанным событием в некотором роде лишает нас свободы и парализует наши средства защиты: обращаясь к магии, чтобы предсказать будущие события, мы отдаем залог судьбе.

Сомнамбулы — это сивиллы нашего времени, как сивиллы были сомнамбулами древности: счастливы те, кто обращается к магнетизерам, не поддаваясь своей легковёрности, ибо, обращаясь к ним, они тем самым становятся соучастниками безнравственности или безумия вдохновителей оракула: профессия магнетизера легка, а обманутых людей много.

Поэтому важно знать, кто из тех, кто занимается магнетизмом, является действительно серьезным человеком.

Среди них на первом месте мы должны поставить барона *Дю Поте*, чьи добросовестные работы уже сделали большой шаг вперед в науке Месмера. Г-н Дю Поте открыл в Париже практическую школу магнетизма, где публика может обучаться методам и проверять явления.

Барон Дю Поте — исключительная и особенно интуитивная личность. Как и все современники, даже самые образованные, он не знает каббалы и ее тайн, и все же магнетизм открыл ему магию; он почувствовал необходимость раскрыть и скрыть эту науку, все еще пугающую его самого, и написал книгу, которую продает только своим последователям и под печатью самой строгой тайны. Мы не обещали г-ну Дюпоту сохранять эту тайну, но будем хранить ее из уважения к убеждениям иерофанта; достаточно сказать, что его книга является самой замечательной из всех произведений, основанных на чистой интуиции; мы не считаем ее опасной, потому что барон Дюпот указывает на силы, но не уточняет их использование. Он знает, что с помощью магнитных методов можно причинять вред или делать добро, убивать или спасать; но он не указывает эти методы ясным и практичным образом, и мы, кстати, поздравляем его с этим, потому что право на жизнь и смерть предполагает божественное господство, и мы считали бы недостойным того, кто, зная и обладая этим господством, согласился бы продать его каким-либо образом.

Г-н Дю Поте с успехом доказывает существование этого универсального света, в котором кризисы воспринимают все образы и отражения мысли; он вызывает мощные проекции этого света с помощью устройства, поглощающего и отражающего, которое он называет *волшебным зеркалом*: это просто круг или квадрат, покрытый мелким просеянным углем. В этом негативном пространстве свет, проецируемый кризисом и магнетизером вместе взятыми, вскоре окрашивает и воплощает все формы, соответствующие их нервным впечатлениям. В этом действительно волшебном зеркале перед субъектом, подверженным

сомнамбулизму, появляются все сны от опиума или гашиша, одни веселые, другие мрачные; больного нужно вырвать из этого зрелища, если не хочется, чтобы он впал в судороги.

Эти явления аналогичны явлениям гидромантии, практикуемой Калиостро: вода, при внимательном рассмотрении, ослепляет и затуманивает зрение; тогда усталость глаз способствует галлюцинациям мозга. Калиостро хотел для этих экспериментов девственных и совершенно невинных субъектов, чтобы не опасаться нервных бредней, вызванных эротическими воспоминаниями. Возможно, волшебное зеркало Дю Поте более утомительно для всей нервной системы, но ослепление гидромантией, должно быть, оказывает более сильное влияние на мозг.

Г-н Дю Поте — один из тех убежденных людей, которые мужественно терпят презрение науки и предрассудки общественного мнения, тихо повторяя тайное исповедание веры Галилея: «Земля все же вращается!».

Совсем недавно было обнаружено, что столы тоже вращаются и что человеческая магнетизация придает предметам мебели, подверженным влиянию кризиса, вращательное движение. Даже самые тяжелые массы могут быть подняты и перемещены в пространстве этой силой, поскольку тяжесть существует только благодаря равновесию двух сил астрального света: увеличьте действие одной из них, и другая сразу же уступит. Однако, если нервная система вдыхает и выдыхает этот свет, делая его положительным или отрицательным в зависимости от личного возбуждения субъекта, все инертные тела, подверженные его действию и пропитанные его жизнью, станут легче или тяжелее, в зависимости от прилива и отлива света, который увлекает в новое равновесие своего движения пористые и плохо проводящие тела вокруг живого центра, как звезды в космосе уносятся, качаются и вращаются вокруг солнца.

Эта эксцентричная сила притяжения или проекции всегда предполагает болезненное состояние у того, кто ею обладает; все *медиумы* являются эксцентричными и неуравновешенными существами; медиумизм предполагает или вызывает ряд других нервных маний, навязчивых идей, нарушения аппетита, беспорядочную эротоманию, склонность к убийству или самоубийству. У людей, подверженных этому, моральная ответственность, кажется, больше не существует; они творят зло с сознанием добра; они плачут от благочестия в церкви и могут быть застигнуты в отвратительных вакханалиях; у них есть способность все объяснить: это дьявол, это духи, которые одерживают их и ведут за собой. Что вы хотите от них? Что вы от них требуете? Они больше не живут в себе; их одухотворяет таинственное существо, которое действует вместо них, и это существо называется легион!

Повторные попытки здорового человека развить в себе способности *медиума* утомляют его, делают больным, а могут нарушить его рассудок. Именно это произошло с Виктором Эннекеном, бывшим редактором «*Мирной демократии*» и членом Национального собрания после 1848 года: он был молодым адвокатом, красноречивым и общительным, не лишенным ни образования, ни таланта, но он был увлечен мечтаниями Фурье: изгнанный после 2 декабря, он предался в бездействии своего уединения экспериментам с вращающимися столами; вскоре он заболел *медиумизмом* и поверил, что является инструментом откровений души земли. Он опубликовал книгу под названием «*Спасем человечество*», которая представляла собой смесь воспоминаний о фаланстерах и христианских реминисценций, в ней еще светился последний проблеск угасающего разума, но эксперименты продолжались, и безумие восторжествовало. В последней работе, из которой был опубликован только первый том, Виктор Эннекен представляет Бога как огромного полипа, расположенного в

центре Земли, с антеннами и извитыми рожками, которые проходят через его мозг и мозг его жены Октавии. Вскоре после этого стало известно, что Виктор Эннекен умер в результате приступа яростного безумия в психиатрической лечебнице.

Мы слышали о даме из высшего общества, которая вела беседы с так называемыми духами мебели и, чрезмерно возмущенная неуместными ответами своего столика, отправилась в Рим, чтобы передать еретическую мебель Святому Престолу; она увезла с собой виновного и устроила автодафе в столице христианского мира. Лучше сжечь свою мебель, чем сойти с ума, и, по правде говоря, для этой дамы опасность была неминуема.

[496] Давайте не будем смеяться над ней, мы, дети века разума, когда серьезные люди, такие как граф де Мирвиль, приписывают дьяволу необъяснимые явления природы.

В мелодраме, действие которой происходит на бульварах, речь идет о волшебнике, который, чтобы обзавестись могущественным помощником, создал андроида, чудовище с когтями льва, рогами быка и чешуей левиафана. Он дает жизнь этому гибриднему сфинксу, но тут же, испугавшись своего творения, убегает. Чудовище преследует его, появляется между ним и его невестой, поджигает его дом, сжигает его отца, похищает его сына, преследует его до самого моря, поднимается с ним на его корабль, который он топит, и в конце концов погибает от удара молнии. Это ужасное зрелище, смешное от ужаса, было воплощено в истории человечества, поэзия была олицетворена, призрак зла наделил ее всеми силами природы. Она хотела сделать из этого пугала помощника морали, но потом испугалась этой уродливости, рожденной ее мечтами. С тех пор это чудовище преследует нас через века, оно появляется уродливым и гримасничающим между нами и объектами нашей любви, как мерзкий кошмар, оно душит наших детей во сне, оно приносит в творение, этот отцовский дом человечества, неугасимый огонь ада, оно сжигает и мучает навсегда наших отцов и матерей; он расправляет свои черные крылья, чтобы скрыть от нас небо, и кричит нам: «Нет надежды!». Он поднимается стаяй и мчится за нами, как горе; он погружает в океан отчаяния последний ковчег нашей надежды; это древний Ариман персов, это Тифон Египта, это черный бог сектантов Манея, графа Мирвиля и Ж.-К. де Ласана (), черная магия дьявола, это ужас мира и идол плохих христиан. Люди пытались смеяться над ним и боялись его. Они рисовали его карикатуры и вздрагивали, потому что им казалось, что эти карикатуры оживают, чтобы в свою очередь посмеяться над ними. Однако его царство прошло, но оно не погибнет, разбитое молнией с неба: наука покорила огонь грома и сделала из него факелы, чудовище исчезнет перед великолепием науки и истины: гений невежества и ночи может быть поражен только светом!

ГЛАВА IV.

ФАНТАЗИСТЫ В МАГИИ.

СОДЕРЖАНИЕ. — «Волшебник» Альфонса Эскироса. — Книги и чудеса Анри Делажа. — Опыты графа д'Урша. — Книга барона Гульденстаббе. — Пару слов о некромантах и вампирах. — Картомант Эдмон.

Около двадцати лет назад один из наших друзей детства, *Альфонс Эскирос*, опубликовал книгу высокой фантастики под названием «*Волшебник*». Это было самое странное, что только могла вообразить романтика того времени: автор наделил своего волшебника гаремом мертвых женщин, забальзамированных с помощью метода, который впоследствии был восстановлен Ганналом. Бронзовый андроид, проповедовавший целомудрие, гермафродит, влюбленный в луну и поддерживавший с ней постоянную переписку, и многое другое, чего мы уже не помним. Альфонс Эскирос, опубликовав этот роман, основал школу фантастов в магии, наиболее выдающимся представителем которой в настоящее время является молодой и интересный *Анри Делаж*.

Анри Делаж — плодовитый писатель, недооцененный чудотворец и искусный чародей. Его стиль не менее удивителен, чем идеи Альфонса Эскироса, его наставника и учителя; так, в своей книге «*Воскресшие*» он, говоря о возражении против христианства, говорит: «Я возьму это возражение за горло, и когда отпущу его, земля глухо задрожит под тяжестью его задушенного трупа». Правда, он не дает особого ответа на это возражение, но что можно ответить на задушенное возражение, когда земля глухо задрожала под тяжестью его трупа?

Анри Делаж, как мы уже сказали, является недооцененным чудотворцем; он признался одному нашему знакомому, что зимой, когда безжалостно свирепствовала такая неприятная болезнь груди, которую называют гриппом, ему достаточно было появиться в салоне, чтобы немедленно вылечить всех, кто там находился; правда, он сам стал жертвой этого чуда, поскольку заработал легкую хрипоту, которая с тех пор не покидает его.

Несколько друзей Анри Делажа уверяли нас, что он обладает даром вездесущности: только что мы расстались с ним в офисе «*Патри*», а уже находим его у его издателя Денту, испуганно убегаем, возвращаемся домой и обнаруживаем там... Делажа, который ждал вас.

Анри Делаж также умеет очаровывать людей. Одна светская дама, прочитавшая одну из его книг, заявила, что не знает ничего более прекрасного и лучше написанного, но Делаж передает дар красоты не только в своих книгах. Однажды мы прочитали сериал, подписанный Фиорентино, в котором говорилось, что физические чары молодого волшебника равны или даже превосходят чары ангелов. Мы встретили Делажа и с любопытством расспросили его об этом необычном откровении. Делаж тогда засунул руку в жилет, повернулся в профиль и, улыбаясь, поднял глаза к небу... К счастью, у нас с собой был «*Энчиридион*» Леона III, который, как известно, является средством защиты от чар, и ангельская красота чародея осталась невидимой для наших глаз.

Мы будем хвалить Анри Делажа более серьезно, чем поклонники его красоты: он искренне заявляет о своей приверженности католицизму и громко провозглашает свое уважение и любовь к религии; а религия может сделать его святым, что является более почетным и славным званием, чем звание колдуна.

Именно из-за его качества публициста мы называли этого молодого человека первым среди фантастов магии. Это звание по всем другим параметрам принадлежало *графу д'Урше*, человеку, уважаемому за свой возраст, который посвятил свою жизнь и состояние магнитным экспериментам. У него мебель и дамы-сомнамбулы предаются безудержным танцам, мебель изнашивается и ломается, но дамы, как уверяют, только выигрывают от этого.

Долгое время граф д'Урш был одержим одной идеей: страхом быть похороненным заживо, и он написал несколько мемуаров о необходимости удостоверять смерть более надежным способом, чем это делается обычно. Г-н д'Урш имел все основания для своих опасений,

поскольку он обладает избыточным темпераментом, а его чрезмерная нервная возбудимость, ежедневно усиливающаяся в результате его экспериментов с красивыми сомнамбулами, возможно, подвергает его риску апоплексического удара.

Граф д'Урш является учеником аббата Фария в области магнетизма, а в некромантии он принадлежит к школе барона Гульденстуббе.

Барон Гульденстуббе опубликовал книгу под названием «Позитивная и экспериментальная пневматология; реальность духов и удивительное явление их прямого письма».

Вот как он сам рассказывает о своем открытии:

«Это было уже в 1850 году, примерно за три года до распространения эпидемии вращающихся столов, когда автор захотел внедрить во Франции американские спиритические кружки, таинственные стуки Рочестера и чисто механическое переписывание медиумов. К сожалению, он столкнулся со многими препятствиями со стороны других магнетизеров. Флюидисты и даже те, кто называл себя спиритуалистами-магнетизерами, но на самом деле были лишь низкопробными сомнамбулами, считали таинственные стуки американского спиритизма безумием и пустыми мечтами. Поэтому только через более чем шесть месяцев автор смог сформировать первый кружок по американскому образцу благодаря ревностной помощи, оказанной ему г-ном Рустаном (), бывшим членом общества спиритуалистов-магнетистов, простым человеком, но полным энтузиазма по святому делу спиритуализма. К нам присоединились несколько других человек, среди которых следует упомянуть покойного аббата Шателя, основателя Французской церкви, который, несмотря на свои рационалистические наклонности, в конце концов признал реальность объективного и сверхъестественного откровения, необходимого условия спиритизма и всех позитивных религий. Известно, что американские кружки основаны (не считая некоторых моральных условий, которые также требуются) на различии между магнитными или положительными и электрическими или отрицательными принципами.

Эти кружки состоят из двенадцати человек, шесть из которых представляют положительные элементы, а шесть других — отрицательные или чувствительные элементы. Различие элементов не должно делаться по полу людей, хотя, как правило, женщины обладают отрицательными и чувствительными качествами, а мужчины — положительными и магнитными. Поэтому перед формированием кружков необходимо тщательно изучить моральный и физический склад каждого, поскольку есть деликатные женщины, обладающие мужскими качествами, так же как некоторые энергичные мужчины являются лишь женщинами по своему нраву. Стол ставят в просторном и проветриваемом месте. Медиум (или медиумы) должен сидеть на конце стола и быть полностью изолированным; он служит проводником электричества благодаря своему спокойствию и созерцательной тишине. Хороший сомнамбул, как правило, является отличным МЕДИУМОМ. Шесть электрических или отрицательных натур, которые обычно отличаются сердечностью и чувствительностью, сажают справа от медиума, а рядом с ним — самого чувствительного или отрицательного члена круга (). То же самое касается положительных натур, которых сажают слева от медиума, причем самый положительный и умный из них также должен сидеть рядом с медиумом. Чтобы сформировать цепь, двенадцать человек должны положить правую руку на стол, а левую руку соседа на свою, таким образом обойдя стол по кругу. Что касается медиума или медиумов, если их несколько, они остаются полностью изолированными от двенадцати человек, образующих цепь.

После нескольких сеансов мы получили некоторые замечательные явления, такие как одновременные толчки, ощущаемые всеми членами круга в момент мысленного *вызова* самых умных людей. То же самое касается таинственных ударов и странных звуков; несколько человек, *даже очень невосприимчивых*, имели одновременные видения, хотя они оставались в обычном состоянии бодрствования. Что же касается чувствительных субъектов, то они приобрели *замечательную способность медиумов, механически писать благодаря невидимой притягательной силе*, которая использует руку без разума для выражения своих идей. Кроме того, нечувствительные люди ощущали это таинственное влияние внешнего дуновения, но эффект был недостаточно сильным, чтобы привести в движение их конечности. Кроме того, все эти явления, полученные по методу американского спиритизма, имеют недостаток в том, что они все еще более или менее *косвенны, потому что в этих экспериментах невозможно обойтись без посредника в лице человека, медиума. То же самое относится к вращающимся и говорящим столам*, которые появились в Европе только в начале 1853 года.

«Автор провел множество экспериментов со столами вместе со своим уважаемым другом, графом д'Уршем, одним из самых опытных людей в области магии и оккультных наук. Постепенно мы научились приводить столы *в движение без какого-либо прикосновения*; граф д'Урш *даже поднимал их без прикосновения*. Автор заставлял столы двигаться с большой скоростью также без прикосновений и без помощи магнитного круга. То же самое происходит с вибрациями струн фортепиано, явление, которое было получено уже 20 января 1856 года в присутствии графов *Сапари и Урша*. Все эти явления хорошо показывают реальность некоторых оккультных сил, *но эти факты не являются достаточным доказательством реального и существенного существования невидимых интеллект*ов, независимых от нашей воли и нашего воображения, чью силу, правда, в наши дни чрезмерно преувеличивают. Отсюда и упрек, который выдвигают американским спиритуалистам, что они имеют лишь незначительные и расплывчатые связи с миром духов, которые проявляются лишь в виде таинственных ударов и вибрации некоторых звуков. Действительно, *только прямое, разумное и материальное явление, независимое от нашей воли и нашего воображения, такое как прямое письмо духов*, которых мы даже не вызывали и не призывали, *может служить неопровержимым доказательством реальности сверхъестественного мира*.

Автор, всегда находясь в поиске разумного и в то же время осязаемого доказательства реальности и существова^нти сверхъестественного мира, чтобы с помощью неопровержимых фактов доказать бессмертие души, никогда не переставал обращаться с горячими молитвами к Всевышнему с просьбой указать людям верный способ укрепить веру в бессмертие души, эту вечную основу религии. Всевышний, чье милосердие безгранично, в полной мере услышал эту скромную молитву. Однажды, 1 августа 1856 года, автору пришла в голову идея проверить, могут ли духи писать *напрямую, без посредничества медиума*. Зная о чудесном прямом письме Декалога по Моисею и о столь же прямом и таинственном письме во время пира царя Валтасара по Даниилу, а также слышав о современных тайнах *Страттфорда* в Америке, где были найдены некоторые нечитаемые и странные символы, начертанные на кусочках бумаги, которые, по-видимому, не были написаны *медиумами*, автор захотел убедиться в реальности явления, которое имело бы огромное значение, если бы действительно существовало.

Он положил чистый лист бумаги и заточенный карандаш в маленькую запертую на ключ коробку, всегда нося ключ при себе и *никому* не рассказывая об этом эксперименте. Он ждал двенадцать дней, но тщетно, не заметив ни малейшего следа карандаша на бумаге, но

каково же было его удивление, когда 13 августа 1856 года он заметил на бумаге некоторые загадочные символы; как только он их заметил, он *десять раз* в течение этого незабываемого дня повторил тот же эксперимент, каждый раз через пол часа кладя новый лист белой бумаги в ту же коробку. Эксперимент каждый раз увенчивался полным успехом.

На следующий день, 14 августа, автор снова провел около двадцати экспериментов, оставив коробку открытой и не спуская с нее глаз; тогда автор увидел, что на бумаге образовались или были выгравированы символы и слова на эстонском языке, причем карандаш не двигался. С этого момента автор, видя бесполезность карандаша, перестал класть его на бумагу; он просто кладет белый лист бумаги на стол у себя дома или на пьедестал античных статуй, на саркофаги, урны и т. д. в *Лувре, Сен-Дени, церкви Сен-Этьен-дю-Мон* и т. д. То же самое происходит с экспериментами, проводимыми на различных кладбищах Парижа. Кстати, автор не очень любит кладбища, поскольку большинство духов предпочитают места, где они жили во время своей земной жизни, местам, где покоятся их смертные останки.

Мы не ставим под сомнение необычные явления, наблюдаемые бароном, но хотим обратить его внимание на то, что это открытие было сделано до него Лаватером и что еще далеко не все строки, полученные г-ном де Гульденстуббе, относятся к портрету, написанному акварелью каббалистом Габлидоне.

Теперь, во имя науки, мы скажем г-ну де Гульденстуббе, не для него, который нам не поверит, а для серьезных наблюдателей этих необычных явлений:

Господин барон, надписи, которые вы получаете, не приходят из другого мира; это вы сами рисуете их, не подозревая об этом.

Своими чрезмерными экспериментами и чрезмерным напряжением воли вы нарушили равновесие своего флюидического и астрального тела, вы заставляете его воплощать ваши сны, и оно рисует символами, заимствованными из ваших воспоминаний, отражение ваших фантазий и мыслей.

Если бы вы погрузились в совершенно ясный магнитный сон, вы увидели бы, как светящееся отражение вашей руки удлиняется, как тень на закате, и рисует на бумаге, подготовленной вами или вашими друзьями, символы, которые вас удивляют.

Этот телесный свет, исходящий от земли и от вас, заключен в чрезвычайно эластичную флюидную оболочку, которая формируется из квинтэссенции ваших жизненных сил и вашей крови.

Эта квинтэссенция заимствует у света цвет, определяемый вашей тайной волей, она становится тем, чем вы мечтаете, чтобы она была; тогда символы отпечатываются на бумаге, как знаки на теле еще не родившихся детей под влиянием воображения их матерей.

Чернила, которые вы видите на бумаге, — это ваша кровь, почерневшая и преобразенная. Вы истощаетесь по мере того, как надписи множатся. Если вы продолжите свои эксперименты, ваш мозг постепенно ослабеет, ваша память исчезнет; вы будете испытывать невыразимую боль в суставах конечностей и пальцев и, наконец, умрете, либо внезапно, либо в долгих мучениях, сопровождающихся галлюцинациями и безумием. Это для господина барона Гульденстуббе.

Теперь мы скажем графу д'Урше: вы не будете похоронены заживо, но рискуете умереть из-за тех мер предосторожности, которые вы примете, чтобы этого не произошло.

Кстати, люди, похороненные заживо, могут испытывать под землей только быстрое и недолгое пробуждение, однако они могут жить там долго, сохраняясь благодаря астральному свету в состоянии полного ясного сомнамбулизма.

Их души тогда остаются на земле, прикованные к спящему телу невидимой цепью, и если это жадные и преступные души, они могут всасывать квинтэссенцию крови людей, спящих естественным сном, и передавать эту живительную силу своему погребенному телу, чтобы сохранить его дольше в смутной надежде, что оно наконец вернется к жизни. Этот страшный феномен называется вампиризмом, и его реальность была подтверждена многочисленными экспериментами, а также самыми торжественными свидетельствами в истории.

Если вы сомневаетесь в возможности такой магнитной жизни человеческого тела в земле, прочтите рассказ английского офицера по имени *Осборн*, достоверность которого была подтверждена барону Дю Поте генералом *Вентурой*.

«6 июня (1838 года), — говорит Осборн, — монотонность нашей лагерной жизни была счастливо прервана прибытием человека, известного в Пенджабе. Он пользуется большим почитанием среди сикхов благодаря своей способности оставаться под землей столько времени, сколько ему заблагорассудится. В стране ходили такие необычные слухи об этом человеке, и столько уважаемых людей подтверждали их достоверность, что мы очень хотели его увидеть. Он сам рассказал нам, что занимается тем, что он называет своим *ремеслом* (захоронением себя), уже несколько лет; его действительно видели, как он повторял этот странный эксперимент в разных частях Индии. Среди серьезных и заслуживающих доверия людей, которые свидетельствуют об этом, я должен упомянуть капитана Уэйда, политического агента в Лодхиане. Этот офицер очень серьезно утверждал, что сам присутствовал при *воскрешении* этого факира после погребения, которое состоялось несколько месяцев назад в присутствии генерала Вентуры, махараджи и главных сикхских вождей. Вот подробности, которые ему сообщили о похоронах, и те, которые он добавил, по своему собственному утверждению, об эксгумации.

«После нескольких дней подготовки, о которой он не хотел рассказывать, факир заявил, что готов пройти испытание. Махараджа, лидеры сикхов и генерал Вентура собрались у каменной гробницы, построенной специально для него. На их глазах факир запечатал воском все отверстия своего тела, кроме рта, через которые мог проникать воздух, затем снял с себя одежду его обернули в мешок из ткани и, по его желанию, загнали язык назад, чтобы закрыть вход в горло; сразу после этой операции факир впал в состояние летаргии. Мешок, в котором он находился, был закрыт, и махараджа наклеил на него печать. Затем мешок поместили в деревянный ящик, запертый на замок и опечатанный, который опустили в могилу: на него насыпали большое количество земли, долго утрамбовывали ее и посеяли ячмень; наконец, вокруг поставили стражу с приказом дежурить днем и ночью.

Несмотря на все эти меры предосторожности, махараджа продолжал сомневаться; он приходил дважды в течение десяти месяцев, в течение которых факир оставался похороненным, и велел открыть гробницу в его присутствии; факир лежал в мешке так, как его туда положили, холодный и безжизненный. По истечении десяти месяцев было произведено окончательное эксгумирование факира. Генерал Вентура и капитан Уэйд видели, как открывали замки, снимали печати и поднимали гроб из могилы. Факира вынули: ни сердцебиение, ни пульс не свидетельствовали о наличии жизни. В качестве первой меры по его оживлению кто-то очень осторожно вставил ему палец в рот и вернул язык в естественное положение. Только макушка головы оставалась теплой. Медленно поливая

тело теплой водой, постепенно появились признаки жизни: после двух часов ухода факир поднялся и начал ходить, улыбаясь.

Этот действительно необыкновенный человек рассказывает, что во время своего погребения он видит прекрасные сны, но момент пробуждения всегда очень болезненный для него; прежде чем он возвращается к сознанию своего собственного существования, он испытывает головокружение.

Ему около тридцати лет; его лицо неприятное и имеет некое выражение хитрости.

Мы долго беседовали с ним, и он предложил нам, похоронить его в нашем присутствии. Мы приняли его предложение и договорились встретиться с ним в Лахоре, пообещав, что он останется под землей на все время нашего пребывания в этом городе».

Таков рассказ г-на Осборна. И снова факир позволил себя похоронить? Новый эксперимент мог стать решающим. Вот что произошло.

Через две недели после визита факира в их лагерь английские офицеры прибыли в Лахор; они выбрали место, которое им показалось подходящим, построили каменную могилу с прочной деревянной коробкой и позвали факира. На следующий день он пришел к ним, выражая горячее желание доказать, что он не обманщик. Он сказал, что уже прошел необходимую подготовку к эксперименту, однако его поведение выдавало беспокойство и уныние. Сначала он хотел узнать, каким будет его вознаграждение: ему пообещали сумму в пятнадцатьсот рупий и доход в две тысячи рупий в год, который обещали получить от короля. Удовлетворенный этим, он захотел узнать, какие меры предосторожности будут приняты; офицеры показали ему замки и ключи и предупредили, что выбранные из английских солдат часовые будут дежурить вокруг в течение недели. Факир возмутился и обрушился с ругательствами на *френги*, на неверующих, которые хотели лишить его репутации; он выразил подозрение, что кто-то хочет покуситься на его жизнь, отказался полностью подчиняться надзору европейцев, потребовал, чтобы дубликаты ключей от каждого замка были переданы кому-нибудь из его единоверцев, и особенно настаивал на том, чтобы часовые не были из числа, враждебных его религии. Офицеры не захотели согласиться на эти условия. Было проведено несколько бесплодных переговоров; наконец, факир сообщил через одного из сикхских вождей, что махараджа пригрозил ему своим гневом, если он не выполнит свое обязательство перед англичанами, и что он готов подчиниться испытанию, хотя и полностью убежден, что единственной целью офицеров является лишить его жизни и что он никогда не выйдет живым из своей могилы; офицеры заявили, что в последнем вопросе они полностью разделяют его убеждение и не хотят иметь на совести его смерть, поэтому освобождают его от обещания.

Являются ли эти колебания и опасения факира неопровержимым доказательством против него? Следует ли из этого, что все люди, которые ранее утверждали, что видели факты, на которых основана его слава, хотели произвести впечатление или были обмануты ловким обманом? Мы признаем, что, судя по количеству и характеру свидетелей, мы не можем сомневаться в том, что факир действительно часто погребался; но даже если допустить, что после погребения ему каждый раз удавалось связываться с внешним миром, все равно остается необъяснимым, как он мог оставаться без дыхания в течение всего времени, прошедшего между его погребением и моментом, когда его сообщники приходили ему на помощь. Г-н Осборн цитирует в примечании отрывок из «*Медицинской топографии Лодхианы*» доктора Макгрегора, английского врача, который присутствовал при одном из эксгумаций и, будучи свидетелем состояния летаргии факира и его постепенного возвращения к жизни, серьезно пытается это объяснить. Другой английский офицер, г-н

Буало, в книге, опубликованной несколько лет назад, рассказывает, что он был свидетелем другого эксперимента, в котором все события происходили точно так же. Те, кто хочет более подробно удовлетворить свое любопытство, те, кто видит в этом рассказе указание на любопытное физиологическое явление, могут с уверенностью обратиться к источникам, которые мы только что указали».

Существует еще большое количество протоколов об эксгумации вампиров. Тела были в замечательном состоянии сохранности, но из них сочилась кровь, волосы необычайно отросли и выглядели пучками из щелей гроба. Жизнь больше не существовала в органах, служащих для дыхания, а только в сердце, которое из животного, казалось, превратилось в растительное. Чтобы убить вампира, нужно было пронзить его грудь колом, и тогда ужасный крик возвещал, что лунатик из могилы пробуждался в настоящей смерти.

Чтобы сделать эту смерть окончательной, могилу вампира окружали мечами, воткнутыми в землю острием вверх, потому что призраки астрального света разлагаются под действием металлических острий, которые, притягивая этот свет к общему резервуару, разрушают его сгустки.

Добавим, чтобы успокоить боязливых людей, что случаи вампиризма, к счастью, очень редки, и что человек, здоровый духом и телом, не может стать жертвой вампира, если он не отдал ему при жизни свое тело и душу в результате соучастия в преступлении или безудержной страсти.

Вот история о вампире, рассказанная *Турнефором* в его «*Путешествии на Восток*»:

«Мы были свидетелями (говорит автор) на острове Микон очень странной сцены, связанной с одной из тех смертей, которые, как полагают, возвращаются после погребения. Народы Севера называют их *вампирами*, греки обозначают их словом «*бруколаки*». Герой этой истории был крестьянином с Микона, по натуре печальным и сварливым; это обстоятельство следует отметить в связи с подобными темами: он был убит в поле, неизвестно кем и как.

«Через два дня после того, как его похоронили в городской часовне, пошли слухи, что ночью его видели быстро шагающим: он приходил в дома, опрокидывал мебель, гасил лампы, обнимал людей сзади и проделывал тысячу мелких шалостей. Сначала все только смеялись над этим, но дело стало серьезным, когда самые честные люди начали жаловаться. Даже *папы* (греческие священники) согласились с этим фактом, и, несомненно, у них были на то свои причины. Не обошлось без месс, однако крестьянин продолжал вести прежнюю жизнь, не исправляясь. После нескольких собраний городских властей, священников и монахов было решено, что необходимо, я не знаю, по какому древнему обряду, дожидаться девяти дней после похорон.

«На десятый день в часовне, где находилось тело, отправлялась месса, чтобы изгнать демона, который, как полагали, заперся в нем. После мессы тело выкопали и извлекли из него сердце; труп так сильно вонял, что пришлось жечь ладан, но дым, смешавшись с неприятным запахом, только усилил его и начал раздражать этих бедных людей. Кто-то заметил, что из тела валит густой дым. Мы, которые были свидетелями, не осмеливались сказать, что это был дым от ладана.

«Многие из присутствующих уверяли, что кровь этого несчастного была ярко-красной; другие клялись, что тело было еще теплым; из чего делали вывод, что мертвец был очень виноват в том, что не умер как следует, или, лучше сказать, что позволил дьяволу оживить себя; именно в этом заключается их представление о бруколаке; и тогда это имя звучало

удивительно громко. Толпа людей, которая собралась вокруг, громко заявляла, что они хорошо заметили, что тело не окоченело, когда его принесли с поля в церковь для погребения, и что, следовательно, это был настоящий бруколак; это был рефрен.

«Когда нас спросили, что мы думаем об этом мертвецке, мы ответили, что считаем его мертвым; и что, что касается этой якобы алой крови, то легко было видеть, что это была лишь сильно вонючая грязь; наконец, мы сделали все, что могли, чтобы успокоить их потрясенное воображение, объяснив им, что это были так называемые испарения и тепло трупа.

«Несмотря на все наши рассуждения, было решено сжечь сердце мертвеца, которое после этой казни не стало более послушным, чем раньше, и стало шуметь еще сильнее. Его обвинили в том, что он избивал людей ночью, выбивал двери, разбивал окна, рвал одежду и опустошал кувшины и бутылки. Это был очень изменчивый мертвец. Я полагаю, что он пощадил только дом консула, у которого мы жили. Все были в полном смятении. Люди с самым здравым умом казались пораженными так же, как и все остальные. Это была настоящая болезнь мозга, столь же опасная, как мания и ярость. Целые семьи покидали свои дома и приносили свои постели с окраин города, чтобы провести там ночь. Каждый жаловался на какие-то новые оскорбления, а самые здравомыслящие уезжали в деревню.

«Граждане, наиболее ревностно заботившиеся о благе общества, считали, что была упущена самая важная часть церемонии; по их мнению, мессу следовало отправлять только после того, как у несчастного было бы вырезано сердце. Они утверждали, что, приняв эту меру предосторожности, можно было бы заставить дьявола врасплох, и он, несомненно, не осмелился бы вернуться; а так, начав с мессы, он имел достаточно времени, чтобы сбежать и вернуться, когда ему было удобно.

«После всех этих рассуждений оказались в том же затруднительном положении, что и в первый день. Мы собирались утром и вечером; три дня и три ночи проводили процессии; заставляли *отцов* поститься; их можно было видеть, как они бегали по домам с крестильницей в руках, окропляли святой водой и омывали ею двери; они даже наполняли ею рот этого бедного бродяги.

«В условиях столь общего предубеждения мы решили ничего не говорить. Нас не только сочли бы смешными, но и неверными. Как заставить весь народ вернуться? Каждое утро нам устраивали спектакль, рассказывая о новых безумствах этой ночной птицы; ее даже обвиняли в совершении самых отвратительных грехов.

Однако мы так часто повторяли городским властям, что в подобном случае в нашей стране обязательно устраивают ночные дежурства, чтобы наблюдать за происходящим, что в конце концов арестовали нескольких бродяг, которые, несомненно, были причастны ко всем этим беспорядкам: но их слишком рано отпустили; ибо через два дня, чтобы компенсировать пост, который они соблюдали в тюрьме, они снова начали опустошать кувшины с вином у тех, кто был достаточно глуп, чтобы покидать свои дома ночью. Поэтому пришлось вернуться к молитвам.

Однажды, когда произносили определенные молитвы, после того как вонзили неизвестное количество обнаженных мечей в яму с трупом, который выкапывали три или четыре раза в день, по прихоти первого встречного, один албанец, который находился там, решил сказать тоном ученого, что в таких случаях очень смешно пользоваться мечами христиан. «Неужели вы не видите, бедняги, — говорил он, — что рукоять этих мечей, образуя крест, мешает дьяволу выйти из этого тела? Почему бы вам не использовать сабли турок?»

Совет этого умного человека не помог; бруколак не стал более податливым, и никто не знал, к какому святому молиться, когда все как один, словно договорившись, начали кричать по всему городу, что нужно сжечь весь бруколак; что после этого они бросят вызов дьяволу, чтобы он не смел вернуться сюда; что лучше прибегнуть к этой крайней мере, чем позволить острову опустеть. Действительно, некоторые семьи уже собирали вещи, чтобы переселиться в другое место.

«По приказу администраторов бруколак был отнесен на оконечность острова Сен-Жорж, где был подготовлен большой костер с дегтем, чтобы дерево, каким бы сухим оно ни было, горело достаточно быстро. Останки несчастного трупа были брошены туда и вскоре сгорели. Это было в первый день января 1701 года. С тех пор жалобы на бруколака больше не поступали; люди просто говорили, что на этот раз дьявол был хорошо пойман, и сочинили несколько песен, чтобы высмеять его».

Обратим внимание на то, что в этом рассказе Турнефор признает реальность видений, которые наводили ужас на весь народ.

Он не оспаривает ни гибкость, ни теплоту трупа, но пытается их объяснить, и делает это, несомненно, с очень похвальным целью успокоить этих бедных людей.

Он не говорит о разложении трупа, а только о его зловонии, которое естественно для вампирских трупов, как и для ядовитых грибов.

Пусть он наконец подтвердит, что после сожжения трупа чудеса и видения прекратились.

Но мы далеко ушли от фантазеров-магов, вернемся к ним, чтобы забыть о вампирах, и скажем несколько слов о картотека *Эдмонде*.

Эдмон — любимый колдун дам из квартала Нотр-Дам-де-Лорет, он занимает небольшую, довольно уютную квартиру по адресу улица Фонтен-Сен-Жорж, 30, его приемная — всегда полна клиенток, а иногда и клиентов. Эдмон — высокий, немного полный мужчина, с бледным цветом лица, открытой физиономией и довольно приятной речью. Он, похоже, верит в свое искусство и сознательно продолжает практику и дело Этейи и маделин Леннорман. Мы расспросили его о его методах, и он ответил нам с откровенностью и большой вежливостью, что с детства увлекался оккультными науками и с раннего возраста практиковался в гадании; что он не знает философских тайн высших наук и не владеет ключами к каббале Соломона, но что он обладает высочайшей чувствительностью и что одно только присутствие его клиентов производит на него такое сильное впечатление, что он как бы чувствует их судьбу. Мне кажется, говорил он, что я слышу странные звуки, звуки цепей вокруг обреченных на каторгу, крики и стоны вокруг тех, кто умрет насильственной смертью, меня одолевают сверхъестественные запахи, которые душат меня. Однажды, в присутствии женщины в черном и с покрытым вуалем лицом, я вздрогнул, почувствовав запах соломы и крови... «Мадам, — крикнул я ей, — уходите отсюда, вас окружает атмосфера убийства и тюрьмы». «Да, — ответила тогда эта женщина, открыв свое бледное лицо, — я была обвинена в детоубийстве и только что вышла из тюрьмы. Раз вы видели прошлое, расскажите мне и о будущем».

Один из наших друзей и учеников каббалы, совершенно неизвестный Эдмону, однажды пошел к нему за консультацией, заплатил заранее и ждал оракулов, когда Эдмон, уважительно встав, попросил его забрать свои деньги. «Мне нечего вам сказать, — добавил он, — ваше предназначение закрыто для меня ключом оккультизма; все, что я мог бы вам сказать, вы знаете не хуже меня», — и он проводил его, многократно поклонившись.

Эдмон также занимается судебной астрологией, составляет по самым разумным ценам гороскопы и натальные карты; одним словом, он занимается всем, что касается его профессии. Кстати, его профессия печальна и утомительна: с каким количеством больных голов и нездоровых сердец ему приходится постоянно иметь дело! А еще глупые требования одних, несправедливые упреки других, неудобные откровения, просьбы о любовных зельях и заклинаниях, навязчивые идеи сумасшедших — все это, по правде говоря, заставляет его хорошо зарабатывать.

Эдмон, по сути, такой же сомнамбул, как Алексис, он сам себя гипнотизирует своими разноцветными картонными фигурками с изображением демонов, одевается в черное и проводит консультации в черном кабинете: он пророк тайны.

ГЛАВА V.

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ АВТОРА.

СОДЕРЖАНИЕ. Влияние иллюминатов и маньяков на исторические события. Мапа. Собрание и революция февраля 1848 года. Магнетическая сила некоторых людей. Статическая сомнамбула.

В 1839 году автор этой книги однажды утром получил визит Альфонса Эскироса.

— Пойдемте со мной посмотреть на мапа, — сказал тот.

— Что такое мапа?

— Это бог.

— Спасибо, я люблю только невидимых богов.

— Пойдемте, это самый красноречивый, самый сияющий и самый великолепный сумасшедший, которого я когда-либо видел.

— Друг мой, я боюсь сумасшедших, сумасшествие заразительно.

--Дорогой мой, я же пришел к вам!

--Это правда: и раз вы настаиваете, то пойдемте посмотрим на мапа.

В ужасной мансарде сидел бородатый мужчина с величественным и пророческим лицом, он обычно носил на себе старую женскую шубу, что придавало ему вид бедного дервиша, он был окружен несколькими бородатыми и экзотическими, как и он сам, мужчинами и женщиной с неподвижными чертами лица, похожей на спящую сомнамбулу.

Его манеры были резкими, но симпатичными, его красноречие было увлекательным, его глаза были в восторге; он говорил с пафосом, оживал, возбуждался, пока белесая пена не покрывала его губы. Кто-то определил аббата де Ламенне как «девяносто три года,

празднующие Пасху»; это определение больше подходит к мистицизму Мапа, о чем можно судить по этому фрагменту, вырвавшемуся из его лирического восторга:

«Человечество должно было потерпеть неудачу: так хотела его судьба, чтобы оно само стало инструментом своего восстановления и чтобы в величии и великолепии человеческого труда, проходящего через все свои фазы света и тьмы, явно проявились величие и великолепие Бога.

И первоначальное единство нарушено грехопадением; боль входит в мир в образе змея; и дерево жизни становится деревом смерти.

«И так как все обстоит таким образом, Бог говорит женщине: Ты будешь рожать в муках; затем он добавляет: Именно тобой будет раздавлена голова змея.

«И женщина стала первой рабыней; она поняла свою божественную миссию, и начались мучительные роды.

«Поэтому с момента грехопадения задача человечества была лишь задачей *посвящения*, великой и страшной задачей; поэтому все термины этого самого *посвящения*, альфой которого является наша общая мать *Ева*, а омегой — наша общая мать *Свобода*, одинаково святы и священны в глазах Бога.

«Я увидел огромный корабль с гигантской мачтой, заканчивающейся ульем, и одна из сторон корабля была обращена к Западу, а другая — к Востоку.

«И с западной стороны этот корабль опирался на облачные вершины трех гор, основание которых терялось в бушующем море;

И каждая из этих гор носила свое кровавое имя, прикрепленное к ее боковой стороне. Первая называлась Голгофа, вторая — гора Святого Иоанна, третья — Святая Елена.

«А в центре гигантского мачты, со стороны Запада, был закреплен пятиконечный крест, на котором умирала женщина.

Над головой этой женщины было написано:

Франция:

18 июня 1815 года;

Страстная пятница.

«И каждый из пяти концов креста, на котором она лежала, представлял одну из пяти частей света; ее голова покоилась на Европе, и облако окружало ее.

«А со стороны корабля, обращенного к Востоку, не было тьмы; и корпус корабля остановился у порога города Божьего на вершине триумфальной арки, которую освещали лучи солнца.

И та же самая женщина появилась снова, но преображенная и

сияющей. Она поднимала камень гробницы: на этом

камне было написано:

Воскресение, дни гробницы.

29 июля 1830 года;

Пасха».

Мапа, как видно, был последователем Екатерины Тео и дона Жерля, и, однако, странная симпатия безумств между ними, он однажды конфиденциально заявил нам, что он был Людовиком XVII, вернувшимся на землю для дела возрождения, и что эта женщина, которая жила с ним, была Марией-Антуанеттой Французской. Тогда он объяснял свои революционные теории до крайности, как последнее слово жестоких притязаний Каина, предназначенных вернуть через роковую реакцию триумф праведного Авеля. Эскирос и я пошли к мапаху, чтобы посмеяться над его безумием, но, наше воображение было потрясено его речами. Мы были двумя друзьями по колледжу, подобно Луи-Ламберту и Бальзаку, и часто вместе мечтали о невозможных самопожертвованиях и неизвестных подвигах. Услышав Ганно, так звали того, кто называл себя мапа, мы подумали, что было бы прекрасно сказать миру последнее слово революции и закрыть бездну анархии, бросившись в нее, как Куртий. Эта школьная гордость породила *Евангелие народа* и *Библию свободы*, безумства, за которые Эскирос и его несчастный друг заплатили слишком дорогой ценой.

В этом заключается опасность энтузиазма: он заразителен, и нельзя безнаказанно склоняться над бездной безумия; но есть нечто гораздо более страшное.

Среди учеников мапаху был нервный и слабонервный молодой человек по имени *Собриер*. Он полностью потерял голову и считал себя предопределенным спасти мир, вызвав высший кризис всемирной революции.

Наступают дни февраля 1848 года. Беспорядки привели к смене правительства, все закончилось, парижане были довольны, бульвары были освещены.

Вдруг на оживленных улицах квартала Сен-Мартен появляется молодой человек. Впереди него идут два мальчика, один с факелом, другой с барабаном, собирая толпу. Молодой человек забирается на столб и обращается к собравшимся. Его речь была бессвязной и подстрекательской, но - conclusion заключалась в том, что нужно идти на бульвар Капуцинов и донести до министерства волю народа.

На углу каждой улицы энергичный молодой человек повторяет ту же речь, идя во главе толпы с двумя пистолетами в руках, а впереди него, как и раньше, идут факел и барабанщик.

Толпа зевак, загромаждавшая бульвары, из любопытства присоединяется к процессии оратора. Вскоре это уже не собрание, а масса людей, катящаяся по бульвару Итальянцев.

Среди этой бури молодой человек и два мальчика исчезли, но перед отелем Капуцинов в сторону отряда раздался выстрел из пистолета.

Этот выстрел был революцией, и его произвел сумасшедший.

Всю ночь две телеги, груженные трупами, ездили по улицам при свете факелов; на следующий день весь Париж был на баррикадах, а без сознания Собрание было доставлено домой. Именно Собрание, не зная, что он делает, всколыхнул мир.

Ганно и Собрание умерли, и теперь можно без опасности для них раскрыть истории этот ужасный пример магнетизма энтузиастов и фатальных последствий, к которым могут привести нервные заболевания некоторых людей. Мы получаем информацию из надежных источников и считаем, что это раскрытие может принести облегчение совести Белизария поэзии, автора *«Истории жирондистов»*.

Магнетические явления, вызванные Ганно, продолжались даже после его смерти. Его вдова, необразованная женщина с довольно ограниченным умом, дочь честного оверньца,

осталась в состоянии статического сомнамбулизма, в которое погрузил ее муж. Подобно тем детям, которые подвергаются влиянию воображения своих матерей, она стала живым образом Марии-Антуанетты, заключенной в Консьержери. Ее манеры — манеры королевы, навсегда овдовевшей и опустошенной, лишь изредка она выдает несколько жалоб, восклицая, что ее сон утомляет ее, но она возмущается по отношению к тем, кто пытается разбудить ее; кроме того, она не дает никаких признаков психического расстройства; ее поведение снаружи разумно, ее жизнь совершенно почтенна и регулярна. Ничто, по нашему мнению, не трогает так, как эта упорная одержимость безумно любимым человеком, которая выживает в супружеской галлюцинации. Если Артемида существовала, то можно полагать, что Мавзол был также сильным магнетизером и что он привлек и навсегда закрепил любовь очень чувствительной женщины за пределами свободы воли и разума.

ГЛАВА VI.

ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ.

СОДЕРЖАНИЕ. Краткий обзор оккультных наук. Поиск абсолюта.

Секрет оккультных наук — это секрет самой природы, секрет зарождения ангелов и миров, секрет всемогущества Бога!

Вы будете как Элохимы, знающие добро и зло, сказал змей в Книге Бытия, и дерево познания стало деревом смерти.

На протяжении шести тысяч лет мученики науки трудятся и умирают у подножия этого дерева, чтобы оно вновь стало деревом жизни.

Абсолют, который ищут безумцы и находят мудрецы, — это *истина, реальность и причина* вселенского равновесия!

Равновесие — это гармония, которая является результатом аналогии противоположностей.

До сих пор человечество пыталось стоять на одной ноге, то на одной, то на другой.

Цивилизации возникали и гибли либо от анархического безумия деспотизма, либо от деспотической анархии восстаний.

То суеверный энтузиазм, то жалкие расчеты материалистического инстинкта сбивали с пути нации, и Бог наконец подталкивает мир к верующему разуму и разумным верованиям.

Нам хватило пророков без философии и философов без религии, слепые верующие и скептики похожи друг на друга и одинаково далеки от вечного спасения.

В хаосе всеобщего сомнения и конфликтов науки и веры великие люди и провидцы были лишь больными художниками, которые искали идеальную красоту, рискуя своим разумом и жизнью.

Посмотрите на них всех, этих возвышенных детей, они капризны и нервны, как женщины, их ранит любая мелочь, их оскорбляет разум, они несправедливы друг к другу, и они, которые

живут только для того, чтобы быть увенчанными, первыми в своих капризных настроениях делают то, что Пифагор так трогательно защищает в своих замечательных символах, они разрывают и топчут короны! Они одержимы славой, но Бог, чтобы они не стали опасными, сдерживает их цепями общественного мнения.

Трибунал посредственности судит гения без права апелляции, потому что гений, будучи светом мира, считается ничтожным и мертвым, как только он перестает светить.

Энтузиазм поэта контролируется хладнокровием прозаической толпы. Энтузиаст, которого не принимает общественное здравомыслие, не является гением, он сумасшедший.

Не говорите, что великие художники являются рабами невежественной толпы, потому что именно от нее их талант получает равновесие разума.

Свет — это равновесие тени и яркости.

Движение — это равновесие между инерцией и активностью.

Авторитет — это равновесие свободы и власти.

Мудрость — это равновесие в мыслях.

Добродетель — это равновесие в чувствах; красота — это равновесие в формах.

Красивые линии — это правильные линии, а великолепие природы — это алгебра грации и великолепия.

Все, что правильно, прекрасно: все, что прекрасно, должно быть правильным.

Небеса и ад — это равновесие нравственной жизни; добро и зло — это равновесие свободы.

Великое дело — это завоевание центральной точки, в которой находится уравнивающая сила. Везде же реакции уравновешенной силы сохраняют вселенскую жизнь посредством вечного движения рождения и смерти.

Именно поэтому герметические философы сравнивают свое золото с солнцем.

Именно поэтому это золото исцеляет все болезни души и дарует бессмертие. Люди, достигшие этой центральной точки, являются истинными адептами, чудотворцами науки и разума.

Они владеют всеми богатствами мира и миров, они являются доверенными лицами и друзьями князей небесных, природа повинуетя им, потому что они хотят того же, чего хочет закон, который заставляет природу действовать.

Вот что Спаситель мира называет *Царством Божьим*! Это *sanctum regnum* святой каббалы. Это корона и кольцо Соломона, это скипетр Иосифа, перед которым склоняются звезды небесные и урожай земной.

Мы обрели эту всемогущественность и не продаем ее, но если бы Бог поручил нам продать ее, мы не сочли бы достаточным всего состояния покупателей; мы потребовали бы от них не для себя, а для нее всю их душу и всю их жизнь!

ГЛАВА VII.

РЕЗЮМЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ. — Загадка Сфинкса. — Парадоксальные вопросы. — Значение открытий магической науки в религиозном, моральном и политическом порядке. — Цель и задача этой работы.

Теперь нам остается подвести итоги и сделать выводы.

Обобщить историю науки — значит обобщить саму науку. Поэтому мы подведем итоги основных принципов посвящения, сохранившихся и передаваемых на протяжении веков.

Магическая наука — это абсолютная наука о равновесии.

Эта наука по сути своей религиозна, она руководила формированием догм древнего мира и таким образом была кормилицей всех цивилизаций.

Скромная и загадочная мать, которая, кормя поэзией и вдохновением новые поколения, закрывала свое лицо и грудь!

Прежде всего, она учит нас верить в Бога и поклоняться ему, не пытаясь его определить, потому что часто для нашего несовершенного разума определенный Бог является в некотором роде конечным Богом! Но после Бога она показывает нам как высшие принципы вещей вечную математику и уравновешенные силы.

В Библии написано, что Бог все расположил по весу, числу и мере, вот текст:

Omnia in pondere et numero et mensurâ disposuit Deus.

Таким образом, вес, то есть равновесие, число или количество и мера, то есть пропорция, являются вечными или божественными основами науки о природе.

Формула равновесия такова:

«Гармония является результатом аналогии противоположностей».

Число — это шкала аналогий, пропорция которых является мерой.

Вся оккультная философия Зоара может быть названа *наукой о равновесии*.

Ключ к числам находится в Сефер Йезира. Появление чисел аналогично происхождению идей и созданию форм.

Так что в своем священном алфавите мудрецы-иерофанты каббалы объединили иероглифические знаки чисел, идей и форм.

Комбинации этого алфавита дают уравнения идей и, указывая на них, измеряют все возможные комбинации в естественных формах.

Бог, как говорится в Книге Бытия, сотворил человека по своему образу и подобию: поскольку человек является живым воплощением творения, из этого следует, что и творение сотворено по образу Бога.

Во вселенной есть три вещи: *дух, пластический посредник и материя*.

Древние давали духу в качестве непосредственного инструмента огненную жидкость, которую они называли общим именем «сера»; пластическому посреднику — имя *Меркурий* из-за символизма, представленного кадуцеем, а материи — *имя «соль»* из-за фиксированной соли, которая остается после сгорания и противостоит действию огня.

Они сравнивали серу с отцом из-за ее способности порождать огонь; ртуть — с матерью из-за ее силы притяжения и воспроизводства; а соль для них была ребенком или субстанцией, подверженной воздействию природы.

Существо, созданное для них, было единым, и они называли его светом.

Положительный или огненный свет — летучая сера; отрицательный свет или свет, видимый благодаря вибрациям огня, — эфирная жидкая ртуть; и нейтрализованный свет или тень — смесь, коагулированная или закрепленная в виде земли или соли.

Поэтому Гермес Трисмегист так выражается в своем символе, известном под названием «*Изумрудная скрижаль*»:

«То, что вверху, подобно тому, что внизу, и то, что внизу, подобно тому, что вверху, чтобы сформировать чудеса единого целого».

То есть вселенское движение порождается аналогиями между неподвижным и летучим, причем летучее стремится к закреплению, а неподвижное — к испарению, что приводит к постоянному обмену между формами единой субстанции и, благодаря этому обмену, к непрерывному обновлению комбинаций вселенских форм.

Огонь — это Осирис или солнце, свет — это Исида или луна, они являются отцом и матерью великого Телесма, то есть вселенской субстанции, не потому, что они являются ее создателями, но потому, что они представляют две ее порождающие силы, и их совместные усилия производят неподвижное или землю, что заставляет Гермеса сказать, что их сила достигла своего полного проявления, когда была образована земля.

Осирис, таким образом, не является Богом, даже для великих иерофантов египетского святилища. Осирис — лишь светящаяся или огненная тень интеллектуального принципа жизни, и именно поэтому во время последних посвящений в ухо адепта бросали это грозное откровение: *Осирис — черный бог*.

Беда тому, чей разум не поднялся верой над чисто физическими символами египетского откровения! Эти слова становились для него формулой атеизма, и его ум поражала слепота. Напротив, для верующего более высокого гения они были залогом самых возвышенных надежд. Ребенок, как будто говорил ему посвяtitель, ты принимаешь лампу за солнце, но твоя лампа — лишь звезда ночи; существует настоящее солнце; выйди из ночи и ищи день!

То, что древние называли *четырьмя стихиями*, для них не было простыми телами, а *четырьмя элементарными формами единой субстанции*. Эти четыре формы были изображены на сфинксе: воздух — крыльями, вода — женской грудью, земля — телом быка, огонь — когтями льва.

Единая субстанция, трижды тройная по своей сущности и *четырежды тройная по форме* своего существования, такова тайна трех треугольных пирамид, квадратных у основания и охраняемых сфинксом. Построив эти монументы, Египет хотел воздвигнуть Геркулесовы столбы вселенской науки.

Так поднялись пески, прошли века, и величественные пирамиды по-прежнему предлагают народам свою загадку, слово которой было утрачено. Что же касается сфинкса, то он, кажется, погрузился в пыль веков. Великие империи Даниила поочередно правили землей и погрузились со всем своим весом в могилу. Завоевания войны, основания труда, дела человеческих страстей — все поглотило символическое тело сфинкса; теперь только человеческая голова возвышается над песками пустыни, как будто ожидая всемирного господства мысли.

Угадай или умри! Таков был страшный выбор, который сфинкс ставил перед претендентами на царство в Фивах. Ведь секреты науки – это секреты жизни; речь идет о том, чтобы править или служить, быть или не быть. Силы природы сокрушат нас, если мы не используем их для завоевания мира. Царь или жертва, между этой бездной и этой вершиной нет середины, если только не погрузиться в массу тех, кто ничто, потому что они никогда не задаются вопросом, зачем они живут и кто они такие.

Формы сфинкса также представляют собой иероглифическую аналогию четырех свойств универсального магического агента, то есть астрального света: растворять, коагулировать, нагревать, охлаждать. Эти четыре свойства, управляемые волей человека, могут изменять все формы природы и, в зависимости от данного импульса, производить жизнь или смерть, здоровье или болезнь, любовь или ненависть, богатство или бедность. Они могут поставить на службу воображению все отражения света; они являются парадоксальным решением самых смелых вопросов, которые можно задать высшей магии.

Вот эти парадоксальные вопросы человеческого любопытства; мы зададим их и ответим на них:

1. Можно ли избежать смерти?
2. Существует ли философский камень и как его найти?
3. Можно ли заставить духов служить себе?
4. Что такое ключица, кольцо и печать Соломона?
5. Можно ли предсказать будущее с помощью точных вычислений?
6. Можно ли по своему желанию творить добро или зло с помощью магии?
7. Что нужно, чтобы стать настоящим волшебником?
8. В чем именно заключаются силы черной магии?

Мы называем парадоксальными те вопросы, которые находятся за пределами любой науки и которые, кажется, заранее отрицательно решены верой.

Эти вопросы являются опрометчивыми, если они задаются непрофессионалом, а их полное решение, данное адептом, было бы сродни кощунству.

Бог и природа закрыли интимное святилище высшей науки, так что за определенным пределом тот, кто знает, будет говорить бесполезно, он больше не будет понятен; поэтому раскрытие великой магической тайны, к счастью, невозможно.

Решения, которые мы дадим, будут последним выражением магического слова; мы сделаем их настолько ясными, насколько это возможно, но не берем на себя ответственность за то, чтобы они были понятны всем нашим читателям.

ВОПРОСЫ 1 и 2.

1. Можно ли избежать смерти?
2. Существует ли философский камень и как его найти?

ОТВЕТЫ.

Смерти можно избежать двумя способами: во времени и в вечности.

Во времени — исцеляя все болезни и избегая немощи старости;

А в вечности — путем увековечения личной идентичности в памяти в процессе преобразований существования.

Сначала сформулируем принципы:

1° Что жизнь, являющаяся результатом движения, может сохраняться только путем смены и совершенствования форм;

2° Что наука о вечном движении является наукой о жизни;

3° Что целью этой науки является правильное взвешивание сбалансированных влияний;

4° Что любое обновление происходит путем разрушения, и что, таким образом, любое рождение является смертью, а любая смерть — рождением.

Теперь давайте вместе с древними мудрецами установим, что универсальный принцип жизни — это существенное движение или вечно и по сути своей движущаяся и движимая субстанция, невидимая и неосязаемая, в летучем состоянии, которая материально проявляется, фиксируясь явлениями поляризации.

Эта субстанция непоколебима, нетленна и, следовательно, бессмертна.

Но ее проявления в форме вечно изменяются в результате непрерывного движения.

Таким образом, все умирает, потому что все живет, и если бы можно было увековечить форму, то мы остановили бы движение и создали бы единственную истинную смерть.

Навсегда заключить душу в мумифицированном человеческом теле — таково было бы ужасное решение магического парадокса мнимого бессмертия в том же теле и на той же земле.

Все регенерируется благодаря универсальному растворителю, который является первоначальной субстанцией.

Этот растворитель концентрирует свою силу в квинтэссенции, то есть в центре, уравнивающем двойную полярность.

Четыре элемента древних – это четыре полярные силы вселенского магнита, представленного крестом.

Этот крест бесконечно вращается вокруг своего центра, ставя таким образом загадку квадратуры круга.

Созидательное Слово раздается из центра креста и восклицает: «Все совершилось».

Именно в правильном соотношении четырех элементарных форм следует искать вселенское лекарство для тела, так же как лекарство для души представлено нам религией в том, кто вечно жертвует собой на кресте для спасения мира.

Питание и поляризация небесных тел являются результатом их сбалансированной гравитации вокруг солнц, которые являются общими резервуарами их электромагнетизма.

Вибрация квинтэссенции вокруг общих резервуаров проявляется в виде света, а свет раскрывает свою поляризацию через цвета.

Белый — это цвет квинтэссенции. К своему отрицательному полюсу этот цвет сгущается в синий и фиксируется в черный; но к своему положительному полюсу он сгущается в желтый и фиксируется в красный.

Таким образом, сияющая жизнь всегда идет от черного к красному, проходя через белый; а поглощенная жизнь спускается от красного к черному, проходя через ту же среду.

Четыре промежуточных или смешанных оттенка производят вместе с тремя цветами силлепса анализа и синтеза света то, что называется семью цветами призмы или солнечного спектра.

Эти семь цветов образуют семь атмосфер или семь световых зон вокруг каждого солнца, и доминирующая планета в каждой зоне притягивается аналогично цвету своей атмосферы.

Металлы в недрах земли образуются, как планеты в небе, благодаря особенностям латентного света, который распадается, проходя через различные среды.

Захватить предмет, в котором металлический свет находится в латентном состоянии, до того как он специализировался, и подтолкнуть его к крайнему положительному полюсу, то есть к яркому красному цвету, с помощью огня, заимствованного из самого света, — в этом заключается весь секрет великого дела.

Понятно, что этот положительный свет в своей крайней степени -конденсации является самой жизнью, ставшей неподвижной, и может служить универсальным растворителем и лекарством для всех царств природы.

Но чтобы извлечь из марказита, стибия, мышьяка философов его живую и андрогинную металлическую сущность, необходим первый растворитель, который представляет собой солевой минеральный менструальный раствор, а также необходимо участие магнетизма и электричества.

Остальное происходит само собой, в одном сосуде, в одном атаноре и под действием градуированного огня одной лампы; это, по словам адептов, работа для женщин и детей.

То, что современные химики и физики называют теплом, светом, электричеством, магнетизмом, для древних было лишь элементарными проявлениями единственной субстанции, называемой *аур*, од, тик и об евреями. *Од* — это имя активного начала, *об* — имя пассивного начала, а *аур*, из которого герметические философы сделали свое золото, — это имя смешанного, андрогинного и сбалансированного начала.

Обычное золото — это металлизированный *аур*, философское золото — это *аур* в состоянии растворимого драгоценного камня.

Теоретически, согласно трансцендентальной науке древних, философский камень, который лечит все болезни и осуществляет трансмутацию металлов, несомненно существует. Существует ли он и может ли он существовать на самом деле? Если мы утвердим это, нам не поверят, поэтому давайте примем это утверждение как парадоксальное решение парадоксов, выраженных в первых двух вопросах, и перейдем ко второй главе.

Примечание. Мы не отвечаем на дополнительный вопрос: *Как ее найти*, потому что сам г-н де Ла Палисс ответил бы за нас, что для того, чтобы найти, необходимо искать, если только не найдешь случайно. Мы сказали достаточно, чтобы направить и облегчить поиски.

ВОПРОСЫ 3 И 4.

3. Можно ли заставить духов служить себе?

4. Что такое ключица, печать и кольцо Соломона?

ОТВЕТЫ.

Когда Спаситель мира победил в пустыне три страсти, поработавшие человеческую душу: похоть аппетита, похоть амбиций и похоть алчности.

Написано, что ангелы приблизились к нему и служили ему.

Ибо духи служат верховному духу, а верховный дух — это тот, кто сдерживает беспорядочные буйства и несправедливые порывы плоти.

Однако заметим, что противоречит порядку Провидения нарушать естественную последовательность общения между существами.

Мы не видим, чтобы Спаситель и апостолы вызывали души умерших.

Бессмертие души, будучи одним из самых утешительных догматов религии, должно оставаться уделом веры и, следовательно, никогда не будет доказано фактами, доступными научной критике.

Поэтому потрясение или потеря разума является и всегда будет наказанием для тех, кто осмеливается смотреть на другую жизнь глазами этой жизни.

Поэтому в магических традициях вызванные мертвые всегда появляются с грустными и сердитыми лицами.

Они жалуются на то, что их потревожили в покое, и произносят только упреки и угрозы.

Ключи или ключицы Соломона — это религиозные и рациональные силы, выраженные знаками, которые служат не столько для вызова духов, сколько для защиты себя от любых заблуждений в экспериментах, связанных с оккультными науками.

Печать обобщает ключи, а кольцо указывает на их использование.

Кольцо Соломона одновременно круглое и квадратное, и таким образом олицетворяет тайну квадратуры круга.

Оно состоит из семи квадратов, расположенных так, что образуют круг. К нему прикрепляются два каменных вкладыша, один круглый, другой квадратный, один из золота, другой из серебра.

Кольцо должно быть изготовлено из филигрانی семи металлов.

В серебряную оправу вставляется белый камень, а в золотую — красный камень с такими надписями:

На белом камне — знак макрокосма;

На красном камне — знак микрокосма.

Когда кольцо надевают на палец, один из камней должен быть внутри ладони, а другой снаружи, в зависимости от того, хотите ли вы повелевать духами света или силами тьмы.

Объясним в нескольких словах всемогущество этого кольца.

Воля всемогуща, когда она вооружена живыми силами природы.

Мысль бездействует и мертва, пока не выражается словом или знаком, поэтому она не может ни возбуждать, ни направлять волю.

Знак, будучи необходимой формой мысли, является незаменимым инструментом воли.

Чем совершеннее знак, тем сильнее сформулирована мысль и, следовательно, тем сильнее направляется воля.

Слепая вера движет горы, что же будет с верой, просвещенной полной и неизменной наукой?

Если бы наша душа могла сосредоточить весь свой разум и всю свою энергию в произнесении одного слова, разве это слово не было бы для нее всемогущим?

Кольцо Соломона с его двойной печатью — это вся наука и вся вера магов, воплощенные в одном знаке.

Это символ всех сил неба и земли и святых законов, которые ими управляют, как в небесном макрокосме, так и в человеческом микрокосме.

Это талисман талисманов и пантакль пантаклей.

Кольцо Соломона всемогущественно, если оно является живым знаком, но оно бессильно, если оно является мертвым знаком; жизнь знаков — это разум и вера, разум природы, вера в ее вечный двигатель.

Углубленное изучение тайн природы может отдалить от Бога невнимательного наблюдателя, у которого усталость ума парализует порывы сердца.

Именно в этом оккультные науки могут быть опасны и даже фатальны для некоторых душ.

Математическая точность, абсолютная строгость законов природы, их целостность и простота дают многим представление о необходимом, вечном, неумолимом механизме, и Провидение исчезает для них за железными шестернями часового механизма, находящегося в постоянном движении.

Они не задумываются о страшном факте свободы и автократии разумных существ.

Человек по своему усмотрению распоряжается существованием организованных, как и он сам, существ; он может дотянуться до птиц в воздухе, рыб в воде, диких животных в лесах; он может вырубать или поджигать сами леса, подрывать и взрывать скалы и горы, изменять все формы вокруг себя, и, несмотря на восходящие аналогии природы, он не верит в существование разумных существ, подобных ему, которые могли бы по своему желанию перемещать, разрушать и поджигать миры, дуть на солнца, чтобы погасить их, или раздавить их, чтобы сделать из них звезды... существ, настолько великих, что они ускользают от его взора, как мы, несомненно, ускользаем от взора моли или клеща... И если такие существа существуют, не вызывая тысячекратных потрясений во вселенной, разве не следует признать, что все они подчиняются высшей воле, могущественной и мудрой силе, которая запрещает им перемещать миры, так же как она запрещает нам разрушать гнезда ласточек и коконы бабочек? Для мага, который чувствует эту силу в глубине своего сознания и видит в законах вселенной лишь инструменты вечной справедливости, печать Соломона, его ключицы и кольцо являются знаками верховной власти.

ВОПРОСЫ 5 И 6.

5. Можно ли предсказать будущее с помощью точных вычислений?

6. Можно ли творить добро или зло с помощью магического влияния?

ОТВЕТЫ.

Два шахматиста равной силы сидят за столом и начинают партию. Кто из них выиграет?

Тот, кто будет более внимателен к своей игре.

Если я знаю заботы одного и другого, я могу с уверенностью предсказать исход их партии.

В шахматах предвидеть — значит выиграть, то же самое и в игре под названием «жизнь».

В жизни ничего не происходит случайно, случайность — это непредвиденное, но непредвиденное для невежественного было предсказано мудрым.

Любое событие, как и любая форма, является результатом конфликта или равновесия сил, и эти силы могут быть представлены числами.

Таким образом, будущее может быть заранее определено с помощью вычислений.

Любое насильственное действие уравнивается равной реакцией, смех предвещает слезы, и именно поэтому Спаситель говорил: «Блаженны плачущие!».

Поэтому он также говорил: «Всякий возвышающийся будет унижен, а унижающийся будет возвышен».

Сегодня Навуходоносор делает себя Богом, завтра он будет превращен в зверя.

Сегодня Александр входит в Вавилон, и ему приносят ладан на всех алтарях, завтра он умрет в состоянии сильного опьянения.

Будущее — в прошлом, а прошлое — в будущем.

Когда гений предсказывает, он вспоминает.

Следующие за причинами следствия так неизбежно и точно следуют за ними, что затем сами становятся причинами новых следствий, столь же схожих с первыми по своему характеру, что один-единственный факт может раскрыть провидцу целую генеалогию тайн.

Когда пришел Христос, то, безусловно, придет и Антихрист: но приход Антихриста будет предшествовать триумфу Святого Духа.

Серебряный век, в котором мы живем, является предвестником самых обильных благотворительных акций и величайших добрых дел, которые когда-либо видел мир.

Но нужно знать, что воля человека изменяет роковые причины, и что один-единственный импульс, данный человеком, может изменить равновесие всего мира.

Если такова сила человека в мире, который является его владением, то какими же должны быть гении солнц!

Малейший из эгрегоров мог бы одним вздохом, внезапно расширив скрытую тепловую энергию нашей Земли, заставить ее взорваться и исчезнуть, как маленькое облако пепла.

Человек также может одним вздохом уничтожить все счастье одного из своих собратьев.

Люди притягиваются друг к другу, как миры, они излучают свой особый свет, как солнца.

Одни более впитывающие, другие более охотно излучают.

Никто в мире не изолирован, каждый человек — это судьба или провидение.

Август и Цинна встречаются: оба они горды и неумолимы, вот в чем заключается судьба.

Цинна хочет фатально и свободно убить Августа, Август фатально вынужден наказать его, он хочет простить его и свободно прощает. Здесь судьба превращается в провидение, и век Августа, начатый этой возвышенной добротой, становится достойным того, чтобы увидеть рождение того, кто скажет: «Прощайте своих врагов!». Август, помиловав Цинну, искупил все мести Октавиана.

Пока человек поработен требованиями судьбы, он является профанным, то есть человеком, которого нужно оттолкнуть от святилища науки.

Ведь наука в его руках стала бы страшным орудием разрушения.

Свободный человек, напротив, то есть тот, кто своим интеллектом господствует над слепыми инстинктами жизни, по сути своей является консерватором и восстановителем, ибо природа — это область его власти, храм его бессмертия.

Когда непосвященный хочет сделать добро, он делает зло.

Свободный посвященный не может хотеть делать зло; если он наносит удар, то только для того, чтобы наказать и исцелить.

Дыхание непосвященного смертельно, дыхание посвященного оживляет.

Непосвященный страдает, чтобы заставить страдать других, посвященный страдает, чтобы другие не страдали.

Непосвященный макает свои стрелы в собственную кровь и отравляет их; посвященный, не жалея капли своей крови, исцеляет самые жестокие раны.

ВОПРОСЫ 7 И 8.

7. Что нужно сделать, чтобы стать настоящим магом?

8. В чем именно заключаются силы черной магии?

ОТВЕТЫ.

Человек, который располагает оккультными силами природы, не подвергаясь риску быть ими сокрушенным, – тот и есть настоящий маг.

Его можно узнать по его делам и по его концу, который всегда является великой жертвой.

Заратустра создал догмы и первобытные цивилизации Востока и исчез, как Эдип, в буре.

Орфей дал Греции поэзию, а вместе с ней и красоту всех величий, и погиб в оргии, в которой он отказался участвовать.

Юлиан, несмотря на все свои добродетели, был лишь посвященным в черную магию. Он умер жертвой, а не мучеником; его смерть была разрушением и поражением, он не понимал свою эпоху.

Он знал догмы высшей магии, но плохо применял ее ритуалы.

Аполлоний Тианский и Синезий были лишь замечательными философами, они культивировали истинную науку, но не сделали ничего для потомков.

Маги Евангелия тогда правили в трех частях известного мира, а оракулы молчали, слушая плач маленького ребенка из Вифлеема.

Царь царей, волхв волхвов пришел в мир, и культы, законы, империи — все изменилось!

Между Иисусом Христом и Наполеоном чудесный мир остается пустым.

Наполеон, это Слово войны, этот вооруженный мессия, пришел, не зная того, чтобы завершить христианское учение. Христианское откровение учило нас только умирать, а наполеоновская цивилизация должна научить нас побеждать.

Из этих двух, казалось бы, противоположных Слов, преданность и победа, страдать, умирать, сражаться и побеждать, формируется великая тайна ЧЕСТИ!

Крест Спасителя, крест храброго, вы не полны друг без друга, потому что побеждать может только тот, кто умеет посвящать себя и умирать!

И как посвятить себя и умереть, если не верить в вечную жизнь?

Наполеон, который был мертв по внешнему виду, должен был вернуться в мир в лице человека, воплощающего его дух.

Соломон и Карл Великий также вернутся в одном монархе, и тогда святой Иоанн Богослов, который, согласно преданию, должен воскреснуть в конце времен, также воскреснет в лице верховного понтифика, который будет апостолом разума и милосердия.

И эти два принца, предсказанные всеми пророками, совершат чудо возрождения мира.

Тогда расцветет наука истинных магов: ведь до сих пор наши чудотворцы были в основном роковыми людьми и колдунами, то есть слепыми инструментами судьбы.

Мастера, которых судьба бросает в мир, вскоре повергаются ею же. Те, кто торжествуют благодаря страстям, станут жертвой страстей. Когда Прометей позавидовал Юпитеру и украл его молнию, он хотел создать себе бессмертного орла, но создал и увековечил лишь стервятника.

В мифе также рассказывается, что нечестивый царь Иксион хотел насиловать царицу неба, но обнял лишь обманчивое облако и был прикован огненными змеями к неумолимому колесу судьбы.

Эти глубокие аллегории угрожают ложным адептам, осквернителям науки, приверженцам черной магии.

Сила черной магии — это заразная головокружительность, эпидемия безумия.

Рок страстей подобен огненной змее, которая катится и извивается по миру, пожирая души.

Но мирный, улыбающийся и полный любви разум, олицетворяемый Богородицей, ставит ей ногу на голову.

Роковая судьба пожирает саму себя; это древний змей Кронос, вечно грызущий свой хвост.

Или, скорее, это две враждующие змеи, которые сражаются и разрывают друг друга укусами, пока гармония не очаровывает их и не заставляет мирно обниматься вокруг кадуцея Гермеса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Верить, что в существе не существует универсального и абсолютного разумного принципа, — это самое опрометчивое и абсурдное из всех верований.

Вера, потому что это отрицание неопределенного и неопределимого.

Безрассудное убеждение, потому что оно изолирует и опустошает; абсурдное убеждение, потому что оно предполагает полное небытие вместо полного совершенства.

В природе все сохраняется благодаря равновесию и обновляется благодаря движению.

Равновесие — это порядок, а движение — это прогресс.

Наука о равновесии и движении — это абсолютная наука о природе.

Благодаря этой науке человек может производить и направлять природные явления, всегда поднимаясь к более высокому и более совершенному разуму, чем его собственный.

Моральное равновесие — это союз науки и веры, различных по своим силам, но объединенных в своем действии, чтобы дать разуму и сердцу человека правило, которое является разумом.

Ведь наука, отрицающая веру, столь же неразумна, как и вера, отрицающая науку.

Объект веры не может быть ни определен, ни, тем более, отрицан наукой, но наука призвана сама установить рациональную основу гипотез веры.

Изолированное убеждение не составляет веру, потому что ему не хватает авторитета и, следовательно, моральной гарантии, оно может привести только к фанатизму или суеверию.

Вера — это доверие, которое дает религия, то есть общность убеждений.

Истинная религия формируется путем всеобщего голосования.

Поэтому она по сути своей всегда католическая, то есть универсальная. Это идеальная диктатура, всеобщее признаваемая в революционной сфере неизвестного.

Закон равновесия, когда он будет лучше понят, положит конец всем войнам и революциям старого мира. Существовал конфликт между властями, как и между моральными силами. В настоящее время пап обвиняют в том, что они цепляются за светскую власть, не думая о протестантской тенденции князей к узурпации духовной власти.

До тех пор, пока князья будут претендовать на роль пап, папа будет вынужден, по самому закону равновесия, претендовать на роль короля.

Весь мир по-прежнему мечтает о единстве власти и не понимает силы сбалансированного дуализма.

Перед королями, узурпировавшими духовную власть, если бы папа перестал быть королем, он перестал бы быть кем-либо. Папа в мирском порядке подвержен, как и все остальные, предрассудкам своего века. Поэтому он не может отречься от своей мирской власти, когда эта отречение стало бы скандалом для половины мира.

Когда всемирное мнение громко провозгласит, что светский принц не может быть папой, когда царь всей Руси и правитель Великобритании откажутся от своего смешного священства, папа поймет, что ему остается делать.

До тех пор он должен бороться и, если понадобится, умереть, чтобы защитить целостность наследия святого Петра.

Наука о моральном равновесии положит конец религиозным спорам и философским богохульствам. Все умные люди будут религиозны, когда будет признано, что религия не ущемляет свободу исследования, и все по-настоящему религиозные люди будут уважать науку, которая признает существование и необходимость всеобщей религии.

Эта наука однажды прольет новый свет на философию истории и даст синтетический план всех естественных наук. Закон уравновешенных сил и органических компенсаций откроет новую физику и химию; тогда, от открытия к открытию, мы вернемся к герметической философии и будем восхищаться этими чудесами простоты и ясности, забытыми так давно.

Философия тогда станет точной, как математика, потому что истинные идеи, то есть идеи, идентичные бытию, составляющие науку о реальности, вместе с разумом и справедливостью дают точные пропорции и строгие уравнения, как числа. Ошибка будет возможна только из-за невежества; истинное знание больше не будет ошибаться.

Эстетика перестанет подчиняться капризам вкуса, который меняется, как мода. Если прекрасное — это великолепие истинного, то следует подвергнуть безошибочным вычислениям сияние света, очаг которого будет бесспорно известен и определен с строгой точностью.

Поэзия больше не будет иметь безумных и подрывных тенденций. Поэты больше не будут теми опасными чародеями, которых Платон изгонял из своей республики, увенчивая их цветами; они будут музыкантами разума и изящными математиками гармонии.

Означает ли это, что земля станет Эльдорадо? Нет, потому что пока существует человечество, будут существовать дети, то есть слабые, маленькие, невежественные и бедные.

Но обществом будут управлять его истинные хозяева, и в человеческой жизни больше не будет зла, которому нет лекарства.

Люди признают, что божественные чудеса — это чудеса вечного порядка, и больше не будут поклоняться призракам воображения, веря в необъяснимые явления. Странность явлений доказывает лишь наше незнание законов природы. Когда Бог хочет открыться нам, он просвещает наш разум, а не пытается сбить его с толку или удивить.

Мы узнаем, до каких пределов простирается власть человека, созданного по образу и подобию Бога. Мы поймем, что он тоже является творцом в своей сфере и что его доброта, направляемая вечным разумом, является подчиненным провидением существ, помещенных природой под его влияние и господство; религия тогда не будет больше бояться прогресса и возьмет на себя его руководство.

Доктор, по праву почитаемый в учениях католицизма, блаженный Винсент из Лерина, прекрасно выражает это согласие прогресса и консервативной власти.

По его мнению, истинная вера достойна нашего доверия только благодаря той неизменной власти, которая делает ее догмы недоступными для капризов человеческого невежества. «И все же, — добавляет Винсент де Лерин, — эта неподвижность не является смертью; напротив, мы сохраняем для будущего зародыш жизни. То, во что мы верим сегодня, не понимая, будущее поймет и будет радоваться этому знанию. *Posteritas intellectum gratuletur, quod ante vetustas non intellectum venerabatur*. Итак, если нас спросят: исключен ли любой прогресс из религии Иисуса Христа? Нет, конечно, и мы надеемся на очень большой прогресс.

«Ведь какой человек был бы настолько завистлив к людям, настолько враждебен Богу, чтобы хотеть помешать прогрессу? Но это должен быть действительно прогресс, а не изменение вероисповедания. Прогресс — это рост и развитие всего в своем порядке и по своей природе. Беспорядок — это путаница и смешение вещей и их природы. Без сомнения, как для всех людей в целом, так и для каждого в частности, в соответствии с естественным ходом веков Церкви, должны существовать разные степени интеллекта, науки и мудрости, но таким образом, чтобы все сохранялось, а догмат всегда оставался в том же духе и с той же определением. Религия должна постепенно развивать души, как жизнь развивает тела, которые растут, но при этом остаются прежними.

«Какая разница между детским цветком раннего возраста и зрелостью старости! Старики, однако, остаются теми же людьми, какими они были в подростковом возрасте; изменились только внешность и облик. Члены ребенка в колыбели очень хрупкие, но у них те же самые зачаточные принципы и те же самые органы, что и у взрослых; они растут, но их количество не увеличивается, и у старика их не больше, чем было у ребенка. И так должно быть, иначе наступит уродство или смерть.

Так же обстоит дело с религией Иисуса Христа, и ее прогресс осуществляется при тех же условиях и по тем же законам. Годы делают ее сильнее и растут, но не добавляют ничего к тому, что составляет ее сущность. Она родилась полной и совершенной в своих пропорциях, которые могут расти и расширяться, не изменяясь. Наши отцы сеяли пшеницу, наши

племянники не должны пожинать сорняки. Промежуточные урожаи не меняют природы зерна; мы должны брать его и оставлять всегда таким же.

«Католицизм посадил розы, должны ли мы заменить их терниями? Нет, конечно, или горе нам! Бальзам и корица этого духовного рая не должны превращаться в наших руках в аконит и яд. Все, что в Церкви, этой прекрасной стране Божьей, было посеяно отцами, должно быть возделываемо и поддерживаемо сыновьями: это то, что всегда должно расти и цвести; но это может расти и должно развиваться. Бог действительно позволяет, чтобы догмы этой небесной философии с течением времени изучались, обрабатывались, в некотором роде оттачивались; но запрещено их изменять; преступлением является их урезание и искажение. Пусть они получают новый свет и более научные различия, но пусть они всегда сохраняют свою полноту, целостность, свойство».

Считаем же все достижения науки в прошлом приобретенными в пользу вселенской Церкви и обещаем ей, вместе с Винсентом из Лерина, полное наследие будущих достижений! Ей принадлежат все великие устремления Зороастра и все открытия Гермеса! Ей ключ от святого ковчега, ей кольцо Соломона, ибо она представляет святую и неизменную иерархию. Ее борьба сделала ее сильнее, ее кажущиеся падения сделают ее более устойчивой; она страдает, чтобы царствовать, она падает, чтобы расти, поднимаясь, она умирает, чтобы воскреснуть!

«Вы должны быть готовы, — говорит граф Жозеф де Местр, — к огромному событию в божественном порядке, к которому мы стремимся с ускоряющейся скоростью, которая должна поразить всех наблюдателей; грозные оракулы, кстати, предвещают, что время пришло. Многие пророчества, содержащиеся в Апокалипсисе, относятся к нашему времени. Один писатель зашел так далеко, что сказал, что событие уже началось и что французская нация должна стать великим инструментом величайшей из революций. Возможно, нет ни одного по-настоящему религиозного человека в Европе (я говорю об образованном классе), который в этот момент не ждал бы чего-то необычайного. Но разве этот всеобщий крик не предвещает великих событий? Вернитесь в прошлое, перенеситесь во времена рождения Спасителя; разве в то время из восточных стран не раздался громкий и таинственный голос, воскликнувший: «Восток вот-вот торжествует... Победитель выйдет из Иудеи... Нам дарован божественный ребенок; он появится; он спустится с высот небес; он вернет на землю золотой век». Эти идеи были широко распространены, и, поскольку они бесконечно подходили для поэзии, величайший латинский поэт воспользовался ими и облек их в самые яркие краски в своем *«Поллионе»*. Сегодня, как и во времена Вергилия, вселенная находится в ожидании. Как мы можем презирать это великое убеждение и каким правом мы можем осуждать людей, которые, предупрежденные этими божественными знамениями, предаются святым поискам?

«Хотите доказательства того, что готовится? Поищите его в науках; внимательно посмотрите на развитие химии, даже астрономии, и вы увидите, куда они нас ведут. Поверите ли вы, например, что Ньютон возвращает нас к Пифагору и что вскоре будет доказано, что «небесные тела движутся точно так же, как человеческое тело, благодаря связанным с ними интеллектам», хотя мы и не знаем, как именно: однако именно это и собирается подтвердиться, и вскоре это будет невозможно оспорить. Эта доктрина, несомненно, может показаться парадоксальной и даже смешной, потому что окружающее мнение внушает уважение; но подождите, пока естественное сходство религии и науки объединит их в голове одного гениального человека. Появление этого человека не за горами. Тогда мнения, которые сегодня кажутся нам странными или бессмысленными, станут аксиомами, в которых

нельзя будет сомневаться, и о нашей нынешней *глупости* будут говорить так же, как мы говорим о *средневековом* суеверии ²⁴ .

Примечание 24: (возврат) Жозеф де Местр, «Вечера в Санкт-Петербурге», 1821, стр. 308.

В *десятом* томе своих произведений, на стр. 697, святой Фома говорит эти прекрасные слова: «Все, что хочет Бог, справедливо, но *справедливое* не должно называться таковым только потому, что Бог этого хочет: *non ex hoc dicitur justum quod Deus illud vult*». В этом заключается вся моральная доктрина будущего ; и из этого плодотворного принципа можно сразу же вывести следующий: не только с точки зрения веры хорошо делать то, что повелевает Бог, но и с точки зрения разума хорошо и разумно повиноваться Ему. Таким образом, человек сможет сказать: я делаю добро не только потому, что *этого хочет Бог*, но и потому, что *этого хочу я*. Человеческая воля будет таким образом подчинена и свободна одновременно; ибо разум, неопровержимо доказывая мудрость предписаний веры, будет действовать по собственной воле, подчиняясь божественному закону, становясь, в некотором роде, его человеческим санкционированием. Тогда не будет больше ни суеверий, ни безбожия, что легко понять из того, что мы только что сказали: таким образом, в религии и практической философии, то есть в морали, будет существовать абсолютная власть, и только тогда моральные догмы смогут раскрыться и утвердиться.

До тех пор мы будем испытывать боль и ужас, видя, как каждый день ставят под сомнение самые простые и общие принципы права и долга между людьми. Безусловно, богохульников заставляют замолчать, но одно дело — заставить замолчать, другое — убедить и обратить в свою веру.

Пока высшая магия была осквернена злобой людей, Церковь была вынуждена ее запретить. Лжегностики сначала опорочили чистое имя гностицизма, а колдуны нанесли вред детям магов; но религия, друг традиции и хранительница сокровищ древности, не может больше отвергать учение, предшествующее Библии и так прекрасно согласующееся с традиционным уважением к прошлому, с самыми живыми надеждами на прогресс и будущее?

Народ познает собственность и науку через труд и веру. Народ будет существовать всегда, как и дети; но когда аристократия, ставшая ученым сословием, станет матерью для народа, пути эмансипации откроются для всех, эмансипации личной, последовательной, постепенной, благодаря которой все призванные смогут своими усилиями достичь ранга избранных. Именно эту тайну будущего скрывало древнее посвящение; именно для этих избранных будущего предназначены чудеса природы, подчиненные воле человека. Священнический посох должен быть жезлом чудес, им был во времена Моисея и Гермеса, и им будет и впредь. Скипетр мага снова станет скипетром короля или императора мира, и тот, кто по праву будет первым среди людей, кто на деле проявит себя самым сильным благодаря науке и добродетели.

Тогда магия перестанет быть оккультной наукой только для невежественных , но станет для всех неоспоримой наукой. Тогда всеобщее откровение соединит все звенья своей золотой цепи. Человеческая эпопея будет завершена, и даже усилия титанов послужат только для возвышения алтаря истинного Бога.

Тогда все формы, которые последовательно принимала божественная мысль, возродятся бессмертными и совершенными.

Все черты, набросанные искусством разных народов, соединятся и сформируют полный образ Бога.

Очищенный и выйдя из хаоса догмат естественным образом породит непогрешимую мораль, и на этой основе будет построено социальное устройство. Системы, которые сейчас сталкиваются, являются мечтами заката. Давайте пропустим их. Солнце светит, и земля продолжает свой путь; безумен тот, кто сомневается в дне!

Есть те, кто говорят: католицизм — это уже только сухой ствол, давайте принесем топор.

Безумцы! Разве вы не видите, что под высохшей корой постоянно обновляется живое дерево? Истина не имеет ни прошлого, ни будущего; она вечна. То, что заканчивается, — это не она, а наши мечты.

Молоток и топор, которые разрушают в глазах людей, в руках Бога являются лишь серпом садовника, и только мертвые ветви, то есть суеверия и ереси в религии, науке и политике, могут быть срезаны с дерева вечных верований и убеждений.

Наша *«История магии»* имела целью показать, что в принципе « » великие символы религии были одновременно и символами тогда еще скрытой науки.

Пусть же религия и наука, объединившись в будущем, помогают друг другу и любят друг друга, как две сестры, ведь у них одна колыбель!

КОНЕЦ